

ЕВДОКИЯ МОСКОВСКАЯ

Констатин
и Елена
Сурьская

ЖЕНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЕВДОКИЯ МОСКОВСКАЯ

ЖЕНЬ

Annotation

Имя великой княгини Евдокии Дмитриевны, жены Дмитрия Донского, выделяется особо среди имён других выдающихся русских женщин. В миру её называли Евдокией, но перед кончиной она приняла монашеский постриг, а вместе с ним и новое имя — Евфросиния, с которым и вошла в историю нашей страны. На рубеже XIV—XV веков княгиня основала в Московском Кремле Вознесенский монастырь, в котором потом нашли упокоение самые известные русские княгини и царицы допетровской эпохи. Её считают небесной покровительницей и заступницей Москвы и всей России. В наши дни учреждён орден и медаль Евфросинии Московской, которыми награждают женщин, внёсших особый вклад в дело укрепления духовно-нравственных традиций в обществе и развитие социального служения. Первое полное жизнеописание княгини, основанное на исторических источниках, подлинных фактах и документах, является завершением трилогии автора об устроителях Москвы и Московского государства, живших в XIV столетии. Предыдущими частями трилогии являются вышедшие в серии «ЖЗЛ» книги «Савва Сторожевский» и «Юрий Звенигородский».

- [Евдокия Московская](#)
 -
 - [От автора](#)
 -
 - [О возвращении истории](#)
 - [Летописи-помощницы](#)
 - [О живом «дыхании» истории](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Суздальская сказка. Родители](#)
 - [Некоторые именитые предки и предшественницы](#)
 - [Детство и юность](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Жених — внук Ивана Калиты](#)
 - [Кремлёвский обиход](#)
 - [Дети — первенцы](#)
 - [Рождение сына Юрия](#)
 - [Глава 3](#)

- [Москва в ордынские времена](#)
- [Проводы на битвы](#)
- [Бегство от хана Тохтамыша](#)
- [Глава 4](#)
 - [Блюстительница престола:](#)
 - [Храм-памятник мужу в Кремле](#)
 - [Наследник — Василий I](#)
 - [Литовская невестка Софья](#)
 - [Возможное участие в политике](#)
 - [Устроительство между сыновьями](#)
 - [Потомки Витовта в Москве](#)
 - [Моление при нашествии Тамерлана](#)
 - [Анастасия — невестка из Смоленска](#)
 - [Остальные потомки Евдокии](#)
- [Глава 5](#)
 - [Духовные наставники](#)
 - [Женское иночество на Руси](#)
 - [Основание обители в Кремле](#)
 - [Постриг и кончина, споры о дате преставления](#)
 - [Прославление благоверной княгини](#)
 - [Из истории Вознесенского монастыря](#)
 - [Судьба пантеона русских княгинь,](#)
- [Послесловие](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЯ](#)
 - [ОПЛАКИВАНИЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕЙ ЕВДОКИЕЙ СВОЕГО МУЖА. ИЗ «СЛОВА О ЖИТИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА»](#)
 - [КРАТКОЕ СКАЗАНИЕ О БЛАЖЕННОЙ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ ЕВДОКИИ, XVI ВЕКА \(ИЗ «КНИГИ СТЕПЕННОЙ ЦАРСКОГО РОДОСЛОВИЯ»\)](#)
 - [КАРИОН ИСТОМИН](#)
 - [МОЛИТВА ПРЕПОДОБНОЙ ЕВФРОСИНИИ, ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ МОСКОВСКОЙ ИЗ ВОЗНЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ, XIX в.](#)
 - [СТИХИ СЕСТЁР ВОЗНЕСЕНСКОЙ ОБИТЕЛИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ О ЕВФРОСИНИИ, НАЧАЛО XX ВЕКА](#)
- [ДНИ ПАМЯТИ ПРЕПОДОБНОЙ БЛАГОВЕРНОЙ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕВФРОСИНИИ МОСКОВСКОЙ \(В МИРУ —](#)

ЕВДОКИЯ)

- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
 - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
-

Евдокия Московская

Лауреат
Патриаршей литературной премии
святых Кирилла и Мефодия

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1950

(1750)

Константин Кобалев-Случевский

ЕВДОКИЯ МОСКОВСКАЯ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СВЯТОЙ ЕВФРОСИНИИ,
ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ, ЖЕНЫ И ВДОВЫ
ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2018

От автора **О СУДЬБЕ ЖЕНЩИНЫ —** **ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ РУСИ**

Преславнаго града Москвы покровительнице
и всея Российские страны...

Из Акафиста княгине Евдокии

Однажды, ещё студентом-историком, мне пришлось работать на реставрации Московского Кремля. То была середина 1970-х годов. Мы, в частности, местами разрушали старую кладку стен, чтобы заменить обветшавшие кирпичи на новые. Делали это с помощью отбойных молотков или штробили вручную. Именно эти труды по восстановлению московской святыни помогли мне тогда разгадать загадку, которая казалась для молодого историка непонятной.

А именно: куда подевался белокаменный Кремль нашей древней столицы, построенный великим князем Дмитрием Донским? Ведь он не мог исчезнуть бесследно! Такое большое количество белого камня просто так не спрячешь. Известно, что из него не построили множество церквей или домов, его не «закопали» в землю, не вывезли куда-то. Позднее на его месте построили другой — из кирпича.

Так что же стало с прежним?!

Ответ я нашёл... прямо в Кремлёвской стене. Оказывается, созданная позднее красная кирпичная стена местами включает в себя слои: то видна кладка из крупного кирпича (намного большего по размеру и по весу, чем обычный и привычный для нас), то порой заметны внутри заполнения из белого камня, оставшегося от прежней крепости. Такой умный и расчётливый инженерный замысел оказался как нельзя удачным, потому что многослойная фортеция стала мощным укреплением, которое даже пушки начала XX века, во времена революционных сражений, разрушить не смогли.

Вот так и в истории — чтобы докопаться до истины, до правды, порой приходится с помощью символического «отбойного молотка» отделять вымыслы от реалий, добираться до «скрытого слоя» происходивших

событий, чтобы, наконец, понять или реконструировать хотя бы судьбу одного, отдельно взятого человека из прошлого Отечества.

А когда речь заходит о таких выдающихся исторических личностях, каковой была великая княгиня Евдокия, обретшая в монашестве имя — Евфросиния, то эта работа приносит нечто большее, чем просто удовлетворение. Она рождает в душе настоящую радость. Потому что, как писал один русский автор XVIII века, «добродетельный человек есть в рассуждении своего Отечества, подобно как луна в рассуждении ночи: он, выводя его из тьмы, даёт ему сияние, коего б оно не имело без его заслуг».

Действительно, некоторые имена за последние десятилетия XX века почему-то и кем-то были как будто «забыты». Имя Евфросинии Московской однажды настолько заинтересовало меня, что по прошествии времени привело к созданию этой книги. В данном историческом повествовании читатель найдёт рассказ об эпохе устройства освобождающейся из-под ига Орды новой Московской Руси.

Эпоха конца XIV и начала XV столетия в русской истории уникальна по своей насыщенности событиями, свершениями, баталиями и спорами о будущем. Результат такой активизации и нового возрождения страны — свобода от завоевателей-монголов, воплощение давно зревших чаяний и устремлений о новой самобытности Руси. В повествовании развивается тема обустройства крепнущего государства на определённых принципах, которые оказываются и сегодня, на заре третьего тысячелетия от Рождества Христова, весьма полезными, в том числе и для нынешних правителей.

Впрочем, книга может вызвать некоторые споры. Почему? Постараюсь ответить и, по возможности, кратко.

О возвращении истории

Теперь уже многим известно, что в истории Руси была великая княгиня Евдокия, дочь суздальского князя Дмитрия. Но кто знает и помнит сегодня подробности её жития?! Да и вообще — мы почти ничего не знаем о жизни женщин в Средневековой Руси. В данной книге, шаг за шагом «озвучивая» застывшую тишину вековых тайн, мы постараемся постепенно и последовательно рассказать о Евдокии-Евфросинии, вывести из забвения её имя, показать настоящую историю жены и вдовы князя Дмитрия Донского, любимой своими родителями, мужем, детьми и многими именитыми современниками.

В конце концов, читатель убедится, что великая княгиня Евдокия, а затем — инокиня Евфросиния — одна из тех редких героинь русской истории, с которых неплохо было бы даже писать портрет настоящей правительницы страны, олицетворяющей собой лучшие примеры для потомства. Таких женщин в истории Москвы — верных жён, прекрасных матерей, образованных книжниц, покровительниц искусств и меценаток, мудрых законодательниц и блюстительниц трона, а также данного слова, способных в значительной степени быстрее и последовательнее улучшить жизнь в своём государстве, — отметим, положив руку на сердце, в истории России было не так уж и много. И это было так нужно именно той Руси, именно в те времена...

Летописи-помощницы

В текстах многочисленных житий, рассказывающих о духовных подвигах Евфросинии Московской, не всегда можно отыскать точные факты, даты или события, связанные с её биографией. И снова в реконструкции прошлого нам помогут оставшиеся и чудом сохранившиеся подлинные документы. Летописи — в первую очередь.

О том, какие летописи и как именно пришлось учитывать нам в повествовании о великой княгине Евдокии, более подробно речь пойдёт в данной книге. Но следует заметить, что наиболее раннее для Московской Руси летописание появилось лишь с конца XIV — начала XV столетия, то есть во времена недругов мужа Евдокии — Дмитрия Донского, тех, кто уже тогда интерпретировал события «в свою пользу».

Так называемый Летописный свод 1408 года (иногда его датируют также 1409 годом) появился сразу после кончины Евфросинии Московской и, возможно, её духовного наставника в то время, преподобного Саввы Сторожевского. А также после преставления митрополита Киприана, который, собственно, затеял вносить изменения в этот труд. По отношению к князю Дмитрию это летописание было не вполне дружественным. Предположительно княгине Евдокии принадлежит инициатива подготовки Троицкой летописи. Именно Евдокия Дмитриевна завещала отдать свой список на сохранение в Троицкий монастырь, где черновик рукописи был переписан на пергамен, а потом он почитался за реликвию. Ею, «харатейной» (пергаменной) рукописью, пользовались историки до 1812 года, включая Карамзина, пока она не сгорела (или была украдена) во время войны с Наполеоном. Сейчас исследователи используют её текст, реконструированный историком М. Д. Приселковым.

Богатейшие источники по истории Руси — летописи — именно по этой причине всегда нуждаются в уточнениях и дополнениях другими документами, причём из самых разных сфер жизни. Каждое отдельное свидетельство или новый факт может быть подтверждён или опровергнут, например, актами, грамотами — договорными или духовными, родословными, житиями святых или произведениями древнерусской литературы. Если к этому добавить данные археологии, сфрагистики, нумизматики, палеографии, геральдики и других вспомогательных исторических дисциплин, знакомых каждому студенту-историку, то картина

может проясниться в гораздо большей степени.

Но всё равно — история Руси начинается с летописей. Вокруг них строится всё, другие документы эпохи словно облепляют их, как кровь и сосуды, окружающие позвоночник в теле человека, а ведь на нём держится главный «вес», не разрушаясь и составляя единое целое.

В данной книге летописи стали основой для «вхождения в текст», а потому автор позволил себе некоторый повествовательный приём — использовать наиболее важные отрывки и цитаты из летописных источников (как, впрочем, и других документов или произведений) в начале каждой главки, что в значительной степени приближает читателя к реалиям того времени.

Вот как, например, Троицкая летопись рассказывает о рождении третьего сына княгини Евдокии — Юрия: «Тое же осени в Филипово говение месяца ноября в 26 день, на память святого отца Алимпия столпника и святого мученика Георгия, князю великому Дмитрию Ивановичю родися сынъ князь Юрьи в граде Переяславле, и крести его преподобный игумен Сергей, святой старец... И бяше съезд велик в Переяславли, отовсюду съехашася князи и бояре и бысть радость велика в граде Переяславле, и радовахуся о рожении отрочяти». Варианты сообщения о событии есть в кратком изложении в Воскресенской и Никоновской летописях, отчасти в Симеоновской, а также в Радзивилловском списке. Но благодаря Н. М. Карамзину мы можем прочитать именно это сообщение, которое было переписано им из погибшей затем летописи Троицкой, а потому, спасибо историку, и сохранилось.

Не все летописные сказания дошли до наших дней. Часто бывало, что враги, захватывавшие древнерусские города и монастыри, первым делом не грабили их, а разыскивали книжные хранилища и уничтожали все рукописи, до последнего документа. «Зачем?» — спросите вы. Ответ прост: во-первых, для мести, а во-вторых — для того, чтобы, например, нельзя было предъявить в дальнейшем юридических претензий на владение или наследование городов или земель. Как говорится, нет документа — нет и дела. Сохранившиеся крупницы исторического летописания помогут нам разобраться в самых сложных перипетиях эпохи передела Русской земли.

О живом «дыхании» истории

Уже только одно спасение от Тамерлана увековечило имя Евфросинии Московской в русской и (можно смело сказать) мировой истории. Именно эта самая история учит — в жизни каждого человека бывают события (редкие, иногда даже — одно-единственное), которые можно назвать «космическими», неординарными. В такие моменты может решаться судьба самого человека или даже судьбы народов и государств. От поступка субъекта в такое мгновение зависит многое, почти всё. Кто-то может не замечать ничего особенного в словах или действиях людей. Но внимательный взгляд этого не пропустит. Великая княгиня Евдокия, совершив много важных деяний, участвовала, вернее, сыграла главную роль в одном, благодаря которому, многоуважаемый читатель, мы вообще имеем возможность разговаривать на данную тему. То есть — если бы не она, то автор не смог бы написать, а заинтересованный человек — пролистать сию книгу.

О чём это мы? О спасении Руси от нашествия Тамерлана в 1395 году. Об одном из нападений на древнерусские княжества, которых и так было немало. Но на самом деле, в отличие, например, от захватившей Русь Орды, Железный Хромец Тимур-ленг не брал дани и не паразитировал как вампир на своих покорённых врагах. Он просто стирал с лица Земли отдельно взятые цивилизации, убивая подряд всех и вся, уничтожая города и сёла, сжигая всё на своём пути. Так он вывел из истории существовавшие столетиями великие и развитые государства (соседей Руси) — Волжскую Булгарию и Аланское царство. В тот, упомянутый нами год он с громадным войском находился в непосредственной близости к Великому княжеству Владимирскому (Московскому), только что напившись «крови» его соседей, включая саму Орду. Противостоять грозному правителю у Руси просто не было сил. Для Тамерлана же полное уничтожение русских могло стать простым развлечением. Но он не пошёл на Москву и на Русь. И в этих событиях прямое участие приняла Евфросиния Московская.

Исход, дорогой читатель, — наша с вами возможность беседовать и рассуждать о нашем бытии — прошлом и настоящем. В ином случае — ни нас, ни подобных разговоров могло и не быть. Только одно это следовало бы записать золотыми буквами в поминальной книге русской истории в связи с именем княгини Евдокии — вдовы Дмитрия Донского. Но мы лишь

кратко напоминаем читателю в предисловии о тех событиях, дабы развить эту увлекательную тему в последующем повествовании.

Жанр «исторического расследования», особенно в тех местах, где трудно найти доказательства или подтверждение с помощью документальных источников, избран автором не впервые. Встречаются события, которые по истечении веков не становятся прояснёнными, о реалиях приходится только догадываться как исследователям, так и читателям. Истина и правда, как в театре, приоткрывают свои завесы: мифы превращаются в реалии, история оживает. Важно лишь умение почувствовать это дыхание, не говоря уже о возможности дышать в такт истории... Это великое умение можно в себе развить. Для этого нужно только одно: внимание и любовь к своей Родине.

Умудрённому жизнью человеку ведомо, что время так же иллюзорно, как и понятие исторической правды. И то, и другое постоянно меняется в зависимости от столетий и правителей. Но остаются жития людей, внёсших значительный вклад в историю. Именно о такой истории и о такой запечатлённой в ней женщине, правительнице, духовной подвижнице, покровительнице Москвы и России, имя которой достойно истинного величия, пойдёт наш рассказ.

Глава 1

КНЯЖНА

Суздальская сказка. Родители

Люди величия державы их мужеска полу
и женска ретяхуся последователие быти...

*В мале сказание о блаженной великой княгине Евдокии,
XVI в.*

Великая княгиня Евдокия, по Житию, родилась в 1353 году, по некоторым утверждениям — «день в день» со своим будущим сыном Юрием, вошедшим в русскую историю в качестве правителя Москвы, — 26 ноября. О годе её рождения существует несколько версий. Он, этот год, может находиться в промежутке от 1352 до 1357-го.

Родители Евдокии были именитые — великий князь Суздальский и Нижегородский Дмитрий Константинович и великая княгиня Анна (Никоновская летопись называет её, однако, Василисой или Вассой, княжной Ростовской и Борисоглебской; историки иногда путаются, предполагая, что, возможно, Василиса была второй женой князя Дмитрия).

Небольшого роста (теперь известно, что была она не более 155 сантиметров), юная красавица, нареченная Евдокией (по-гречески «Благоволение»), была хорошо знакома со многими известными историческими деятелями своей эпохи. Так уж сложилась её жизнь. Таковы были её семья и окружение. Она всегда была в центре событий.

Многому обучена княжна была ещё с детства, и весьма изрядно. Князь Дмитрий Константинович Суздальский покровительствовал образованности и тщательно вёл летописание всех событий. Именно благодаря ему и его задумкам появилась и сохранилась для нас знаменитая Лаврентьевская летопись (от имени монаха Лаврентия, её переписавшего), помогающая ныне восстановить последовательность событий той эпохи.

Необходимо сказать несколько слов о родителях, братьях и сёстрах княжны Евдокии.

Отец будущей супруги Дмитрия Донского родился в 1322 году в Суздале. Как часто бывало в те времена, он получил имя Дмитрий (Димитрий), но при крещении наречен был Фомой. Существует и ещё одно имя князя, принятое им позднее в монашестве, перед кончиной, — Фёдор (Феодор).

Князем Суздальским он стал только в 1356 году, то есть после рождения Евдокии. А затем он принял Великое княжение Суздальское и Нижегородское — в 1365 году. Но в промежутке он был даже великим князем Владимирским (1360—1363).

Род князя Дмитрия был весьма знатным. Он приходился правнуком младшему брату Александра Невского, Суздальскому князю Андрею Ярославичу, тому самому, что претендовал на великое княжение. Соответственно, Дмитрий был внуком князя Василия Андреевича и сыном князя Константина Васильевича. После того как в середине XIV века суздальские князья вступили в борьбу с московскими потомками Ивана Калиты за владение Владимирским великим княжеством, власть переходила от Москвы к Суздалью и обратно. Когда после кончины Ивана II в Москве остались лишь несовершеннолетние князья (Дмитрию, будущему Донскому, едва исполнилось девять лет, а его братьям — и того меньше), Дмитрий Константинович сумел в 1360 году получить из Орды ярлык на Великое княжество Владимирское. Но удержаться долго ему не удалось. Начинались междоусобицы. В 1362 году ярлык на владимирский престол получил юный князь Дмитрий Иванович, и власть перешла вновь к Москве. На короткое время, правда, Дмитрий Константинович Суздальский и Нижегородский сумел её вернуть, но... лишь на неделю.

Так Владимирское великое княжение стало только и только уделом князей московских.

Ярлык пытался вернуть отцу сын Дмитрия Константиновича — Василий, но тщетно. После кончины брата Андрея (2 июня 1365 года) Суздальский и Нижегородский великокняжеский стол занял младший брат Дмитрия Константиновича — Борис, тем самым нарушив правило лестничного наследования, бытовавшего на Руси. Князь Городецкий должен был отдать правление Дмитрию. Тогда впервые Дмитрий Константинович пошёл на союз с Москвой. Он обратился за помощью к родственнику — Дмитрию Ивановичу, великому князю Московскому. Для примирения суздальских князей к ним ездил преподобный Сергей Радонежский. Москва дала войско, и в результате Дмитрий Константинович стал-таки великим князем Суздальско-Нижегородским. И теперь он уже не мог не отблагодарить своего спасителя.

Вот почему почти через год он отдаст в супруги Дмитрию Ивановичу — великому князю Московскому и Владимирскому свою дочь Евдокию.

Потом они уже воевали вместе — бок о бок, плечо к плечу.

С именем князя Дмитрия Суздальского связана история, случившаяся в 1374 году, когда он находился в гостях у Дмитрия (будущего Донского) на

крестинах. В этот момент к Нижнему Новгороду пришли полторы тысячи монголов, включая послов из Орды, и стали требовать дань. Недолго думая нижегородцы взяли за оружие и перебили всё монгольское посольство и нескольких послов, включая очень известного по имени Сарайка. Это событие развернуло весь ход русской истории. Ордынцы не забыли такого поведения подвластных им жителей княжества. Позднее они совершили ряд опустошительных карательных походов на Русь.

Но именно избиение посольства Сарайки побудило затем всех русских князей собраться на общий съезд в Переяславле, который был связан с важнейшим событием в биографии княгини Евдокии. Подробно о нём мы расскажем позднее.

Однако за несколько лет Нижегородскую область успели ограбить ордынцы Мамай. А в 1377 году в Нижний пришёл из Орды царевич Арапша и начал кровавую резню, опустошив город и его окрестности. Да и в 1378 году монголы приходили вновь, взяли с жителей откуп, но город сожгли и увели с собой большое количество пленных.

Именно Дмитрий Константинович в 1372 году заложил первый в Нижнем Новгороде каменный кремль с одной башней. Ему хотелось не отстать от своего зятя, окружившего Москву белокаменными стенами. Дмитриевская башня нижегородской крепости, существующая сегодня, названа в его честь.

Наиболее известные дети князя Дмитрия: сыновья — Василий Дмитриевич (Кирдяпа), Симеон Дмитриевич, Иван Дмитриевич, а также дочери — Мария Дмитриевна (стала женой московского боярина Н. В. Вельяминова) и наша героиня — Евдокия Дмитриевна.

Скончался великий князь Суздальский и Нижегородский Дмитрий Константинович в июле 1383 года в Нижнем Новгороде, где и был похоронен в Спасском храме. Лицевой летописный свод сообщал: «Тем же летом преставился в иноческом чину князь великий Дмитрий Константинович Суздальский и Новгорода Нижнего, внук Васильев, правнук Михайлов, праправнук Андреев; было же ему во святом крещении имя Фома, а иноческое — Феодор. И положен был в его отчине и дедине, в Новгороде».

О супруге его нам известно не очень много. Но вот некоторые из детей вошли в русскую историю, и в первую очередь — Евдокия.

Старшим сыном Дмитрия Константиновича был Василий по прозвищу Кирдяпа (ок. 1350—1403). Он, кстати, стал в дальнейшем основоположником и родоначальником старшей ветви будущих князей

Шуйских. Именно он боролся со своим дядей — князем Борисом, чтобы получить в Орде ярлык на Великое княжение Владимирское для своего отца. И добился успеха! И хотя отец отказался, но сумел вернуть себе княжество Суздальское и Нижегородское. А потому и посадил в Суздале своего старшего отпрыска.

Именно Василию Кирдяпе приписывают убийство в 1374 году в Нижнем Новгороде ордынского посла Сарайки и всего его небольшого посольского войска. Таким образом, брат Евдокии повлиял на события, связанные в дальнейшем с Куликовской битвой.

Ходил он в Булгарию на Казань. Однако в 1382 году вместе с братом Семёном воевал против Москвы за хана Тохтамышша. Они-то и уговорили некоторых защитников города на переговоры, гарантируя при этом им безопасность. Но лукавые ордынцы обещание нарушили и убили всех переговорщиков, а затем ворвались в город.

Москву тогда сожгли. Погибли более 24 тысяч жителей.

До 1386 года Василий находился в Орде в качестве заложника. Откуда бежал, но по дороге был пойман и вновь доставлен в Орду, где принял, по летописи, «истому велику».

Отпущенный Тохтамышем в 1387 году, он ещё долго вместе со своим братом Семёном (Симеоном) воевал с Москвой за власть. Именно за ними в 1395 году отправится в погоню сын Евдокии-Евфросинии Московской — Юрий, совершив самый дальний поход русских войск на восток и заняв 14 болгарских городов. Но и об этом позднее.

Скончался Василий, брат Евдокии, в Городце в 1403 году, многими забытый и так ничего и не добившийся. У него остались дети. Среди них: Иван Кирдяпин, князь Суздальский и Нижегородский (1390—1417, похоронен в Архангельском соборе Нижегородского Кремля), Юрий Кирдяпин, также князь Нижегородский и Суздальский (он владел частью города Шуя, потому его потомки стали зваться князьями Шуйскими), Фёдор Кирдяпин, а также князь Городецкий Даниил, погибший в 1412 году в битве под Лысковым.

Другой, уже упомянутый нами брат Евдокии и Василия — Семён Дмитриевич (Симеон) скончался чуть ранее старшего — в 1401 году. Это он взбаламутил Москву, захватив и разграбив Нижний Новгород в 1395 году, а потому за ним долго гнались московские полки. Ведь ещё в 1393 году великий князь Московский и Владимирский Василий Дмитриевич купил в Орде ярлык на Нижний Новгород — любимый и родовой город предков Симеона.

В 1401 году из Москвы — бить непокорного Семена — было отправлено войско. Князя упустили, но семью его взяли в плен. Семён сдался, вернулся на Русь, был прощён, получил во владение Вятку, где в том же году и скончался.

От него произошла младшая ветвь князей, носящих фамилию Шуйские. Сын его Василий «породил» князей Горбатых-Шуйских, а также Глазатых-Шуйских.

Ещё один брат Евдокии и сын Дмитрия Константиновича — Иван Дмитриевич — ничем особым не отличился, хотя принимал участие в разных баталиях вместе с отцом. В битве на реке Пьяне, когда русские полки были полностью разбиты ордынцами, он погиб, утонув в реке, как и многие его соратники по оружию.

Некоторые именные предки и предшественницы

Гром их пробудил её спящую славу и народу уничижённому
возвратил благородство духа.

Н. М. Карамзин

Как мы уже говорили, род княжны Евдокии был очень знатным. Стоит рассказать об этом подробнее.

Во-первых, она принадлежала к правящей на Руси династии Рюриковичей. Поразительно, но когда Евдокия вышла замуж за московского князя Дмитрия (будущего Донского), то прапрадеды сей семейной пары были братьями!

Во-вторых, среди её предков было немало выдающихся людей своего времени. О некоторых из них не только важно рассказать, но и не менее важно проследить связь времён и преемственность некоторых поступков и действий, которые совершила в будущем Евдокия, основываясь на опыте и духовном завещании своих предшественников.

Общим предком Дмитрия и Евдокии был великий князь Всеволод Большое Гнездо. А значит, и Юрий Долгорукий, и Владимир Мономах, и, естественно, Ярослав Мудрый, Владимир Святой, князья Святослав и Игорь, и великая женщина — правительница Руси — княгиня Ольга.

Стоит ли нам так глубоко заглядывать в историю? Когда мы говорим о четырнадцатом столетии, то зачем нам столетие десятое? Но ведь для нас важно то, что имена женщин Руси — каждое на вес золота, а их жизнеописания — большая редкость. Поэтому княгиня Ольга для нас остаётся образом исторической героини, о которой передавались сведения от поколения к поколению, от отцов к сыновьям, от матерей к дочерям. Образ правительницы-женщины необходим, чтобы понять, чем жила и как проявилась в будущем княжна Евдокия.

В конце первого тысячелетия от Рождества Христова Русь была на пороге открытий и перемен. Мало кто ведал тогда суть священного слова. Но появилась женщина, жена, мать, великая правительница, которая просветилась сама и просветила свой народ. Она первая из правителей Руси приняла христианство. Имя её — святая равноапостольная великая

княгиня Ольга. Вот что рассказала нам о ней «Повесть временных лет»: «Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед рассветом. Она ведь сияла, как луна в ночи; так и она светила среди язычников...».

Равноапостольная Ольга была из известного рода Гостомысла. Летопись Иоакимовская указывает, что она вышла из древнерусской династии князей Изборских. И хотя родилась она в языческой семье и муж её — великий князь Игорь — сам был тогда последовательным язычником, она сумела преодолеть духовные оковы древности и стала примером христианского подвижничества.

Великая княгиня Ольга осталась в памяти как женщина-государственница, она руководила страной много лет, и сам факт этот является по-своему исторически уникальным. Княгиня совершила паломничество в Константинополь, где в 955 году встретилась с императором Константином VII Багрянородным и патриархом Феофилактом. Эта встреча подвигла её к принятию крещения с именем Елена, в честь святой равноапостольной царицы Елены. Восприемником княгини Ольги стал византийский император Константин. Она возвратилась в Киев со святым крестом, иконами и важными богослужебными книгами. Так началось её апостольское служение на Руси.

Княгиня Ольга воспитывала своего маленького внука, будущего святого равноапостольного великого князя Владимира так, что он сумел повести государство и народ в сторону христианства. Недаром считалось, что воспитание детей — это важнейшее дело и святой подвиг.

Скончалась она в июле 969 года, с просьбами к противившемуся ей сыну-язычнику князю Святославу похоронить её не в кургане, а по христианскому обряду, без поминальной языческой тризны. Спустя некоторое время внук святой княгини великий князь Владимир возвёл в Киеве каменный храм в честь Пресвятой Богородицы (знаменитую Десятинную церковь). Сюда и были перенесены мощи святой равноапостольной Ольги, над гробницей было устроено оконце, как говорят, — оно само открывалось, когда кто-то приходил сюда с верой.

Похожи ли были судьбы двух женщин-правительниц Руси — Ольги и Евдокии? Пусть каждый сам ответит на этот вопрос после прочтения данной книги.

Нельзя не вспомнить здесь ещё об одной женщине в русской истории, о которой, к сожалению, мало кто знает до сих пор. Некоторые читатели, возможно, впервые узнают её имя. Давайте же откроем книгу истории и

прочитаем несколько строк о той, которая ещё в XII столетии стала примером для княжны Евдокии Дмитриевны, что засвидетельствовано летописями, не случайно сравнивавшими этих двух великих русских правительниц.

То была первая жена князя Всеволода Большое Гнездо. Полное её имя Мария Ясыня. Странное, не правда ли? Её считали интересным и необычным человеком, современники её ценили и уважали. Некоторые летописи восхваляли её без оглядки: например Лаврентьевская или Троицкая. В тех рассказах она предстаёт перед читателем как исключительная женщина, которая вела благочестивый образ жизни, спешила милосердствовать, покровительствовала церкви, была щедра на помощь другим. Летописи сравнивали её с великими женщинами истории и величали «российской Еленой, Феодорою, второй Ольгой», имея в виду мать императора Константина, воздвигшую Крест Господень, византийскую императрицу Феодору — великую правительницу государства, и русскую княгиню.

Ныне идут споры о происхождении Марии Ясыни. У неё было странное отчество — Шварновна (оно сохранилось на её гробнице). Кто-то считает (с подачи историка Н. М. Карамзина), что она была потомком чешских или богемских князей (Шварн напоминает имена Сваромир или Svatu, с чешского — красивый, пригожий; Шварн — является важным именем для рода Рюриковичей, в XII—XIII веках некоторые исторические деятели носили это имя), а другие выдвигают версию, что она была аланской принцессой, с Северного Кавказа (Ясыня — значит яска, осетинка), хотя имя отца — Шварн — здесь выглядит неясно. Мы не станем здесь обосновывать или принимать ту или другую версию. Пока для окончательного определения нет точных данных. Обе версии — заслуживают внимания. Не станем и поддаваться эмоциям, которые иногда перекрывают факты.

Как могла такая необычная женщина оказаться на Руси XII века? Тут надо сказать, что среди жён великих государственных деятелей Средневековой Руси и их родственников находились ещё более интересные люди, потому Мария Ясыня — это ещё не самая трудная загадка. Важно — кем она была, как жила и какую память оставила после себя. А вот тут она в числе авангарда, ибо вошла в число местночтимых святых.

Князь Юрий Долгорукий имел в Киеве воеводу Шварна. Они вместе сражались, в бою стояли бок о бок, особенно в междоусобных разборках или в походах на половецкие земли. Самое последнее известие о Шварне датировано 1168 годом, где рассказывается, что он был захвачен половцами

в плен и они потребовали за него большой выкуп. Был ли он заплачен, освободили ли его — неизвестно. Но не случайно младший сын Юрия Всеволод взял в жёны дочь Шварна Марию, слывшую красавицей. Карамзин писал о Всеволоде: «Первой его супругой была Мария, родом Ясыня, славная благочестием и мудростию».

Что поразительно — Мария Шварновна родила князю Всеволоду такое же количество детей, какое два столетия спустя подарила своему мужу — Дмитрию Донскому — его супруга Евдокия, — двенадцать! Но и этого мало: они обе родили по восемь мальчиков и по четыре девочки! Магическая цифра, выручавшая русское великокняжеское престолонаследие, создавая большое поле крепких семейных традиций и возможности вариативного развития института верховных правителей. По причине многочисленной семьи князь Всеволод и получил прозвище Большое Гнездо. А вот князя Дмитрия, победителя Куликовской битвы, так никто не величал. А могли бы!

Как повторялись биографии этих двух женщин — Марии и Евдокии! Обе вышли замуж в раннем возрасте, родили и воспитали много детей, некоторые из них стали правителями Руси, строили храмы, украшали монастыри и прикладывали усилия для обустройства государственной жизни. Обе основали каменные соборы и монастыри, куда потом пришли, чтобы принять монашеский постриг и затем упокоиться с миром. Так они и лежали столетиями: Мария Ясыня — в Успенском соборе Княгинина монастыря града Владимира, а Евдокия Дмитриевна — в Вознесенском соборе Московского Кремля. Обе связаны с чудесами, вокруг них происходившими, обе позднее вошли в число местночтимых святых.

Никоновская летопись повествует о предварительных действиях перед закладкой Марией храма во Владимире: «Боголюбивая великая княгиня Мария сотворила дело, достойное памяти: подражая праву праведного Авраама, она купила часть земли на строение церкви и монастыря во славу Богу и Пречистой Богородицы». Затем последовала закладка здесь каменного собора. По Лаврентьевской летописи дело затем происходило так: «Заложил благоверный князь великий Всеволод Гюргевич церковь камени во имя святое Богородицы Успенья в манастыри княгинине». Обитель «княгинина» обустроилась тогда очень быстро. Успенский собор мог быть уже построен в декабре 1201 года, так как есть сообщение, что там похоронили сестру княгини Марии. Монастырский собор стал усыпальницей женщин Владимирского великокняжеского дома, как позднее собор Вознесенский, основанный княгиней Евдокией, — дома Московского.

Карамзин в своей «Истории» поведал: «В последние семь лет жизни, страдая тяжким недугом, она изъясляла удивительное терпение, часто сравнивала себя с Иовом, и за 18 дней до кончины постриглась; готовясь умереть, призвала сыновей и заклинала их жить в любви, напомнив им мудрые слова Великого Ярослава, что междоусобие губит князей и отечество, возвеличенное трудами предков; советовала детям быть набожными, трезвыми, вообще приветливыми и в особенности уважать старцев».

Мария Ясыня приняла монашеский постриг с именем Марфа 2 марта 1206 года. Спустя 12 дней она скончалась. Гробница её была устроена у северной паперти заложенного ею в камне Успенского собора.

Для чего мы так подробно рассказываем о некоторых параллелях в жизни двух выдающихся женщин русской истории? Это неслучайно. Ибо спустя два столетия после кончины Марии Ясыни в одной из летописей её имя переплетётся с именем княгини Евдокии. По всей видимости, Евдокию Дмитриевну очень интересовали жизнь и деяния её предшественницы, родственницы, прямого предка. Можно даже говорить, что Мария Ясыня могла стать для неё образцом. Ведь сколько мы видим совпадений в их жизнеописаниях! Возможно также, что Евдокии с детства рассказывали о наследии великой княгини из Владимира.

Причиной нашего внимания к этому человеку является короткая запись в Московском летописном своде начала XV века, который создавался не без желания и влияния, а может быть, даже и под руководством княгини Евдокии. В нём деяния Марии Ясыни представлены как очень важные, душеполезные, она прославлена как особенная личность, выдающаяся женщина и правительница.

Известно, что перед пострижением в монастырь Мария обратилась к сыновьям с поучениями — как им жить далее, быть в любви друг к другу, дружить, почитать старшего и проявлять заботу о своём княжестве. Рассказ об этом поместили в Своде, повторяется он и в старых Житиях Марии: «Сыновья мои, хочу отойти от света сего. Имейте между собою любовь, Бога бойтесь всею душею своею, епископам, и иереям, и диаконам, и всякому чину священническому не стыдитесь подклонять главы, потому что они пастыри словесных овец и предстатели Тайной Трапезе Его. И в монастырях поусердствуйте взыскать дома святых и молитвы, и благословения от них принимайте. Особенно же всякого монаха не минуйте без поклона. Больных посещайте, алчущих и жаждущих накормите и напоите, нагих оденьте. Имейте чистоту в себе, пост и молитву любите, более же всего милостыню, ибо она поставит вас пред Богом. И

преклоняйте главу пред всяким старейшим среди вас, не давайте сильным обижать меньших, судите сироте и оправдайте вдовицу. Трезвость имейте, гордость возненавидьте, ибо она и ангелов с неба свела». Как это напоминает эпоху после кончины Дмитрия Донского, когда давались поучения и советы потомкам, когда бразды устроения престола взяла на себя его вдова — Евдокия (об этом мы расскажем позднее)!

Но для нас важно следующее. Московский свод, рассказывая о деяниях самой Евдокии Дмитриевны, вдруг представил её схожей с княгиней Марией Ясыней. Особенно, когда Евдокия стала строить храм Рождества Богородицы в Кремле, в память о своём супруге и его победе на поле Куликовом. В летописи так и отмечено, что сделала она это лучше других и не хуже «Марии, княгини Всеволода, внука Мономахова, иже во Владимире», припоминая, видимо, закладку Марией владимирского Успенского собора.

Редкое сравнение для женщин Средневековой Руси! Особенно, когда речь идёт о летописной переключке сквозь столетия, которая всерьёз возможна только со стороны умов проницательных и знатоков, понимающих смысл в истории.

Как известно, росла будущая Евфросиния Московская в Суздальском княжестве, славном своими традициями и святостью предков. И до неё в русских землях были известны четыре почитаемые Евфросинии. А именно.

1. Евфросиния Полоцкая (в миру — Предислава), княжна, игуменья (скончалась в 1173 г.). Почитание 23 мая и 12 июня.

2. Евфросиния Муромская (в миру — Феврония), княгиня (скончалась в 1228 г.). Почитание 25 июня и 4 сентября.

3. Евфросиния Суздальская (в миру — Феодулия), княгиня, преподобная (скончалась в 1250 г.). Почитание 18 и 25 сентября.

4. Евфросиния Кашинская (в миру — Анна), княгиня Тверская, схимонахиня (скончалась в 1338 г.). Почитание 12 июня, 21 июля и 2 октября.

Великая княгиня Евдокия — будущая святая преподобная Евфросиния Московская, — безусловно, встала в один ряд с именитыми предшественницами-подвижницами. И также, безусловно, по преданию она знала во всех подробностях и жизнь, и подвиги Евфросинии Полоцкой и Евфросинии Муромской. Но две другие тезоименитые святые стали для неё особенными. Евфросинию Суздальскую ей приводили в пример родители, суздальские правители, а о княгине Анне Кашинской — супруге святого благоверного великого князя Михаила Ярославича Тверского,

замученного в Орде в 1318 году, знали все современники Евдокии, ибо были ещё живы свидетели тех событий.

Родителями Феодулии были святой мученик князь Михаил Всеволодович Черниговский и дочь Романа Мстиславича Галицкого, имя которой нам неизвестно. По более позднему Житию мы узнаем, что княжна стала вымоленным ребёнком, ибо до этого у них не было детей. Отец Феодулии был замучен в Орде, матушка быстро скончалась. Но воспитание ей было дано на высоте, грамоте полностью она была обучена и в девять лет читала сложнейшие духовные книги.

В возрасте чуть более 12 лет (иногда считают, что ей было уже 15 лет) она отправилась к родственникам в Суздаль, где её предполагали выдать замуж за брата Александра Невского — тринадцатилетнего Фёдора Ярославича. Завидный брак, хотя по возрасту и «молодой», однако в то время такие династические браки были возможны. Но пока Феодулия ехала, юный князь неожиданно скончался (есть даже версии, что умер жених в день свадьбы).

После приезда в город княжна стала жить не при дворе, а в женском монастыре. Затем приняла постриге именем Евфросиния (в честь святой Евфросинии Александрийской). Девичий монастырь был новым, основанным недавно, в 1207 году. А за год до его основания в Суздале скончалась княгиня Мария Ясыня, которая, возможно, и вдохновила открытие обители, или же обитель даже была освящена в память о ней. Монастырь посвятили церковному празднику Ризоположения, связанному с чудесами Пресвятой Богородицы (иногда эту обитель путают с Покровским Суздальским женским монастырём, основанным позднее, в 1364 году при отце Евдокии Дмитриевны, будущей супруги Дмитрия Донского, — князе Дмитрие Константиновиче).

Есть предание, что во время набега войск хана Батыя, разоривших Суздаль, именно Ризоположенский монастырь остался в целости. И произошло это благодаря молитвам Евфросинии. Пройдёт время, и Евфросиния Суздальская (Феодулия) станет настоятельницей сей обители. А после кончины её мощи положат в соборной церкви Ризоположенского монастыря (с XVI века ставшей каменной).

Знала об этом великая княгиня Владимирская и Московская Евдокия Дмитриевна, как не знать. Всё детство она провела в Суздале. То есть в Ризоположенскую обитель приходила на молитву регулярно. Но ещё более важным событием, запечатлённым детской памятью Евдокии, была инициатива со стороны Евфросинии Суздальской, воплотившаяся позднее в реальность, — основать в Суздале ещё один монастырь, Троицкий, который

бы предназначался для вдов, готовых провести остаток дней жизни в молитве. Тогда попросту говорили — обитель для «мужатых жён», решивших принять монашеский постриг. Этим он отличался от «девичьего» — Ризоположенского.

Многое из этого потом воплотит Евдокия уже в стольном граде Москве.

Если перечислять всех многочисленных предков и предшественниц Евдокии, то придётся написать несколько томов. Мы привели некоторые примеры из жизни тех великих женщин, которые внесли в историю Руси неоценимый вклад, такой же по важности и объёму, какой привнесла собой и княгиня Евдокия Дмитриевна.

Такова была вкратце история семьи, в которой родилась и выросла будущая великая княгиня Московская Евдокия. Исторические источники дают нам здесь лишь скудную информацию, но теперь мы уже хорошо понимаем, что родной для неё великокняжеский Суздальский и Нижегородский дом был в те времена весьма известен и почитаем на Руси.

Детство и юность

России определено было высокое предназначение.
Её необозримые равнины поглотили силу монголов...

А. С. Пушкин

Юная княжна росла быстро. Как это было принято — участвовала во всех главных событиях, происходивших на Руси и в родном Суздальско-Нижегородском княжестве. Вместе с опытными наставницами была сведуща во всём, ведь нужно было набираться опыта не только для будущего умения быть женой и строить семью, но и управлять княжеством.

Увы, но не балуют нас история и летописные источники сведениями и подробностями из жизни княжны Евдокии, или Авдотьи (так её величают некоторые летописи). Каждое напоминание или намёк на неё в летописи — уже событие.

Самые величайшие победы своего будущего мужа — на реке Воже и на поле Куликовом — княжна застанет позднее. И собственными глазами увидит и радость вернувшихся после сражений русских ратников, и сияние на солнце дружинных доспехов и стягов, и плач по убиенным, и длительные поминальные службы во всех московских храмах в память о павших.

Жизнь даже в городских стенах была непроста, полна трудностей.

Глава о детстве княжны Евдокии могла быть весьма короткой. Когда пишутся жизнеописания, то, как правило, они начинаются с отрочества. Отступать от этого обычного распорядка и нам не имело смысла, однако беда в том, что тому могли бы помешать некоторые обстоятельства.

А именно: в настоящее время действительно мало известно что-либо, связанное с её жизнью до зрелого возраста.

Пока неизвестно. Пока — означает, что есть ещё надежда на возможные находки в архивах или старинных рукописях, пусть иллюзорная. День рождения даже у простого жителя того времени (а речь идёт о XIV столетии) не совпадал с днём крещения, а потому к нему не относились с большим вниманием и важностью.

Какова причина такого забвения в истории? Чтобы ответить на этот

вопрос (а их будет немало в этой книге), следует совершить небольшой экскурс в историю Средневековой Руси.

Как известно, родословные в то время велись только в великокняжеских и княжеских семьях, иногда также среди иерархов Православной церкви, в особенности среди митрополитов и в будущем — патриархов. Составление родословного древа и занесение его в книги и летописи были не только и не столько забавой, это имело важнейшее юридическое значение, позволяло проследить вопросы наследования, преемственности власти и собственности. Без точных записей имён, дат рождения и смерти невозможно было бы правильно определить — кто, чем и как должен владеть, кому, что и когда перешло в наследство или в отчину. Но самое главное — таким образом можно было предотвратить самозванство, явление не столь распространённое на Руси в XIV веке, но известное в будущей истории. Для остальных людей специально никто родословием не занимался. Для того чтобы хотя бы имя попало в летописи, нужно было по крайней мере совершить нечто из ряда вон выходящее. Например, подвиг в великом сражении.

В ещё большей степени отсутствие дат рождения и даже кончины касалось... женщин. Ведь они, как говорится, были «не в счёт». Наследование происходило по мужской линии. И каждый новорождённый мальчик был ценен. Он и попадал в родословные.

Если уж и писали о женщинах, то только потому, что они вступали в очень важный брак, занимали самые верхние строчки в иерархии того времени.

Но можем ли мы хотя бы предположить, как могла складываться юная жизнь княжны Евдокии? Самый лучший способ ощутить это — найти описания жития современников, которые бы прошли похожий жизненный путь, и при этом хотя бы кое-что о них было бы нам известно.

Порой составители житий придавали общие черты некоторым сведениям о детстве того или иного человека. В таких кратких (очень кратких) жизнеописаниях мы узнаем, что в христианских княжеских семьях главное значение придавалось в то время соответствующему воспитанию и образованию. Не приходится сомневаться, что будущие подвижники и подвижницы были весьма смыслёнными в детстве, их отличали не только усердие, но и развитость ума, стремление к достижению знаний. «Ещё ребёнком, — так описывалось детство современника Евдокии, — с малолетства отдан он был учиться грамоте, и скоро всю грамоту изучил так, что через год читал каноны и стал чтецом в соборной церкви. Он превосходил многих сверстников хорошей памятью,

остроумием и быстротой мысли, в учении преуспевал, рос отроком благоразумным, возрастая разумом душевным, телом и благодатью».

Духовное воспитание и образование predeterminedляли и дальнейший жизненный путь девочки. В период постоянных междоусобных войн, страшных набегов полчищ Золотой Орды с востока, угроз с запада от Литвы, ужасного разорения городов и сёл, непомерной дани, умаления ценности человеческой жизни юные княжны обучались быть будущими матерями, от которых зависело количество детей в семье.

А вот и ещё один штрих к картине воспитания в то время. Неординарную личность всегда отличает ещё нечто, связанное с глубокими знаниями и широким кругозором. Вполне вероятно, что девушка (следуя житию современника) могла бы получить и такую характеристику: «Желая большего разума, научилась любомудрию, то есть философии, и греческой грамоте и книги греческие изучила, и хорошо читала их и постоянно хранила у себя...»

Неслучайно мы находим такое выражение в «Стоглаве»: «Праздность злу начало есть и погубление».

При обучении женщин в то время использовались «еллинские» (греческие) книги. По ним, конечно же после церковнославянских книг, изучали грамоту, математику, азы философии, риторики, даже «врачебную хитрость» и календарь, пение и некоторые иностранные языки. В итоге мы знаем многие браки, когда русские княжны просто и без труда выходили замуж за иностранных правителей, включая византийских, а также европейских принцев и королей. Жили они там вполне успешно и слыли хорошими невестами. Современницы Евдокии как раз известны такими браками. Впрочем, её дочери в будущем испытали это на себе.

Однако некоторые девушки уходили в монастыри и не раздумывали о замужестве. Хотя для княжеских светских семей будущий брак был очень важен.

Представим себе молодую девушку эпохи середины XIV века, думающую о своём будущем. Каков был выбор? Небольшой. Какой бы родовитой она ни была, будущая жизнь была почти predeterminedлена. И главной дорогой становилась, конечно, судьба матери, жены — если не героя своего отечества, то, по крайней мере, главы собственного дома. Военное дело в той или иной форме не было уделом женщин. Мужчины — пахари и ремесленники, торговцы и бояре в определённый момент (и довольно часто) должны были сложить свои инструменты и взяться за мечи, копья, рогатины или дубинки, чтобы защитить своих близких и своё

добро. Большинство жизненных проблем решалось с позиции силы.

Но женщины не воевали. Они были хранительницами домашнего очага.

Однако был и ещё один путь, который на первый взгляд мог бы показаться уходом от бытовой реальности. Этот путь — духовный, связанный с жизнью православной церкви. Нельзя утверждать, что в те времена такой выбор жизненного пути был очень «удачным». Православие хоть и утвердилось на Руси, но ещё не стало религией абсолютного большинства. Язычество продолжало процветать во всей своей силе и в разных формах. Примером этого могут служить некоторые летописные рассказы или жития, где мы видим, что существовали целые народы, абсолютно далёкие от христианства и даже не слышавшие о нём. Просветительская и миссионерская деятельность продолжалась и развивалась.

Уйти в монастырь значило обречь себя на непонимание окружающими и на возможные лишения, вплоть до голода и всяческих поношений. Монастыри на Руси ещё только строились и развивались. Большинство из наиболее известных обителей ещё лишь закладывались и представляли собой порой маленькие деревянные посёлки из нескольких домишек, в которых проживало по одному или по несколько подвижников, иногда с утра до вечера труждающихся, неизвестно чем питающихся и непонятно откуда добывающих себе хлеб насущный. Только редкие крупные города могли похвастаться своими укреплениями, да и не всегда каменными (например, каменный Кремль в Москве был построен как раз во времена Евдокии — в 1367 году).

Женские же монастыри тогда на Руси были большой редкостью. Для женщины уход в монастырь означал отказ от мирской суеты, от семейной и уютной домашней жизни. Такой «уход» не поощрялся в светской среде. Девушка, не способная к деторождению или домашнему хозяйству, не желающая строить семью, в те времена могла стать предметом многочисленных упрёков и насмешек.

Но мы знаем, что Евдокия росла как обычная девушка, в миру. И, видимо, она была внешне весьма привлекательна. Неслучайно на неё обратил внимание её будущий муж, когда она была ещё в совсем малом возрасте.

Есть одна «зацепка», которая приоткрывает нам тайну о том, чему училась юная княжна Евдокия и как происходило её образование. Знакомство её и жизнь рядом со святителем Дионисием Суздальским (о

котором подробно мы расскажем позднее) привели некоторых исследователей к выводу, что возможным её учителем был старец Нижегородского Печерского монастыря, проповедник и духовный писатель Павел Высокий. Монастырь был основан Дионисием, который позднее станет епископом и будет претендовать на митрополичью кафедру в Москве. И в стенах обители тогда проявили себя несколько выдающихся его учеников. Одним из них и был инок Павел.

Известных из летописей людей, проживавших в Суздальско-Нижегородском княжестве в середине XIV века, едва ли наберётся более трёх десятков. А тех, кто сыграл важную роль в истории Руси — и того меньше. Невозможно утверждать, что они не знали друг друга. Тем более, что Печерский монастырь был средоточием духовности, образования и просвещения.

Как и чем мог повлиять на быстро познающую мир княжну Евдокию скрывающийся за стенами монастыря духовный мыслитель? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Когда Павел Высокий скончался, то в записи за тот, 1382 год (вариант даты — 1 января 1383 года), Симеоновская летопись и Рогожский летописец характеризовали его так: «Книжный вельми и философ велий и безмолвия имяше много; егда же беседы время бываше ему, многоразсуден и полезен зело, и слово его солию божественною растворено... пишаше же книги учительныя многи и по епископом посылаше...»

Редкие для того времени слова! И как подобраны, чтобы описать человека, обладающего, по всей видимости, особенными дарованиями и талантами!

Много было споров — что же считать наследием старца Павла. Ибо не сохранилось подписанных им рукописей. Но есть некоторое количество созданных в это же время произведений, которые в конце имеют запись: «Сочинитель инок». А то и заголовок: «Поучения отца духовного» или «Поучение некоего отца духовного». И всё это рукописи XIV века.

По стилю, характеру написания и тематике этих сочинений уже в XIX столетии известный исследователь, архиепископ Филарет (Гумилёвский) в своём труде «Обзор русской духовной литературы, 862—1720» отнёс их к авторству инока Павла Высокого. Данные труды, по мнению архиепископа, «по языку и содержанию современные учительному Павлу».

Что же это за труды? Историк церкви Филарет включил в их число такие произведения, рукописи которых были как XIV, так и в списках XV и XVI веков: «Поучение избрано от книг, како жити крестьяном», «Поучение ко всем православным Христианом», «Слово ко всему миру», «Поучение

отца духовного к детям», «Поучение некоего отца духовного к сыну, како творити милостыни», «Поучение о лихоимстве и пьянстве», «Поучение о праздновании духовном и пьянстве», «Слово о умерших», «Слово о хрестыянстве».

Если предположить, что эти труды расходились в списках, особенно среди образованных людей, принадлежавших к правящему дому Суздальско-Нижегородского княжества, а значит, попадали в руки княжны Евдокии, то мы можем себе представить уровень образованности нашей героини. Здесь содержались наставления на многие случаи жизни, особенно на бытовые темы, связанные с проблемами нравственного поведения, милосердия и братолюбия. И мы будем считать, что старец Павел Высокий — современник Евдокии, известный тогда человек, — естественно, был её учителем, прямым или косвенным. И будем так считать, пока кто-то не докажет обратное.

Итак, годы летели, Евдокия взрослела, наступала зрелость. А далее начиналась совсем другая жизнь...

Можно много рассуждать о том, что происходило в то время на Суздальской и Нижегородской земле. Однако мы всё равно не сможем сказать почти ничего в подробностях — как росла и чем «дышала» юная княжна. Как мы уже говорили, летописи почти ничего не рассказывают нам об этом.

Но вот, наконец, самое первое летописное упоминание о княжне Евдокии. И оно уже связано с заключением брака. Однако на самом деле речь шла о ещё юной девушке: ведь княжне в то время исполнилось всего лишь 13 лет. Правда, на Руси была практика вступления в брак даже в более раннем возрасте. Зрелость приходила очень рано. Да и браки многие совершались для устроительства великокняжеской жизни, укрепления власти и упрочения союзничества.

Другое дело — счастливый ли это мог быть брак? И тут некоторые скажут — как повезёт! А более мудрые заметят — как Бог даст!

В случае с княжной Евдокией всё устроилось так, как и предположить было не просто.

Глава 2

КНЯГИНЯ. ЗАМУЖЕСТВО

Жених — внук Ивана Калиты

Князь сей Дмитрий родился от именитых и высокочтимых родителей.

*Слово о житии и о преставлении великого князя
Дмитрия Ивановича,*

царя русского XIV—XV вв.

Действительно, русские летописи впервые упоминают княжну Евдокию, дочь суздальского и нижегородского князя Дмитрия Константиновича, только в 1366 году, в возрасте тринадцати лет. Возможно даже, что ей было ещё двенадцать, так как свадьба состоялась 18 января. И дело не в том, что летоисчисление на Руси было либо мартовским, либо сентябрьским. Просто мы не знаем точно её дня рождения.

Во всяком случае, жених — Дмитрий Иванович — сватался или приезжал к отцу невесты для переговоров о женитьбе ещё до того, как ей исполнилось 13 лет.

Летописи так и пишут — о свадьбе двух молодых людей. Собственно, самому Дмитрию тогда было лишь шестнадцать лет. Первых детей княгиня начнёт рожать только спустя несколько лет.

Два слова о возрасте, при котором невесты тогда вступали в брак. Был ли он ранним для княжеских семей? Например, в 1349 году дочь Симеона Гордого — Василиса — сыграла свадьбу в 14 лет, как и дочь великого князя Ивана Красного, выйдя замуж за литовского князя в 1356 году. Позднее возраст великокняжеских невест немного вырос. Анна — младшая дочь Дмитрия Донского — вышла замуж в 18 лет. Этот же возраст бракосочетания мы видим в XV столетии. Надо сказать, что жёны тогда, как правило, переживали своих мужей, хотя проблемы деторождения с точки зрения медицины были весьма серьёзными, и не раз во время родов женщины уходили из жизни...

Брак Дмитрия с Евдокией означал заключение союза между Московским и Нижегородско-Суздальским княжествами, правители которых до этого вели борьбу за владимирский великокняжеский стол, доставшийся в итоге, как мы помним, московскому князю Дмитрию.

Иногда историки пишут, что этот брак не был связан с каким-либо расчётом или взаимоотношениями между Москвой, Суздалем и Нижним Новгородом, что он произошёл только лишь по любви и велению души. Мы готовы согласиться с такой романтической трактовкой. Однако династические браки совершались, если можно так сказать, по всем поводам сразу! И то, что в данном случае расчёт совпал с искренними чувствами, что брак стал продолжительным, счастливым и многодетным — это только подтверждает. Объединение в одну семью стало возможно благодаря усилиям митрополита Алексия и преподобного Сергия Радонежского.

Неслучайно спустя четыре столетия Екатерина II, будучи правительницей России, так заинтересованно отмечала имя правительницы Руси XIV века — Евдокии. Императрица Екатерина Великая внимательно изучала русскую историю. Её перу принадлежат некоторые исторические труды. Имея под рукой источники, которые могли быть утеряны позднее, она приводила иногда очень интересные факты. Так ею была создана записка (вариант жития) «О преподобном Сергии Радонежском», где императрица повествует: «В 1366 году (по разным расчётам календаря это было на самом деле в 1365 году. — К. К.-С.) преподобный игумен Сергей, по просьбе князя великаго Дмитрия Ивановича, ездил послом в Нижний Новгород к князю Борису Константиновичу о мире, и мир и тишину паки восстави, и первыя слова о браке князя великаго Дмитрия Ивановича со дщерью князя Дмитрия Константиновича Суздальскаго были пособием преподобнаго игумена Сергия, чем пресеклись междоусобныя распри о великом княжении Владимирском на Клязьме».

Как писалось позднее в «Степенной книге царского родословия» (XVI век), в специальной главе под названием «Брак державного Димитрия»: «Великий сей Князь Димитрий Иванович помысли законному браку приобщитися, уже тогда ему сушу лет яко шти надесять, и по благословению чудотвориваго Христова Архиерея Алексия Митрополита всея Руси, и приведоша ему невесту от Суждальския земли дщерь Великаго Князя Димитрия Константиновича, благородную Великую Княжну Евдокию, ею же оженися во граде Коломне месяца Генваря 18 дня, и взрадовася вся земля о сововуплении брака его, по браце же целомудренно живяста со умилением, смотряста своего спасения в чистоте совести».

Более близкая по времени молодожёнам Троицкая летопись так описала это событие: «В лето 6874 (1366)... месяца генваря в осемнадцатый день, на память святых отец наших Афанасия и Кирила, в

неделю промежу говенеи, женился князь великий Дмитрий Иванович, у князя у Дмитрея у Костянтиновича у Суждальскаго, поял за ся дщерь его Овдотью, и бысть князю великому свадьба на Коломне».

На свадьбу «Овдотья» действительно приехала в город Коломну, а не в Москву. Там же венчалась и её старшая сестра Мария, вышедшая за Николая Васильевича Вельяминова, коломенского наместника, род которого сыграет в ближайшем будущем очень большую роль в истории Русского государства.

Можно было бы сыграть свадьбу и в Москве. Но только что там произошли пожар и большой мор — эпидемия. И как раз после этого князь Дмитрий Иванович затеял строительство нового белокаменного Кремля, которое осуществил только через год после венчания. Всё это, видимо, и предопределило выбор Коломны для столь важного и торжественного события. Правда, в одной из множества летописей — Львовской — сообщается, что свадьба произошла в Москве. Но на эти сведения никто уже не обращает внимания.

Предположительно, венчал новобрачных Коломенский епископ Филимон, что сохранило предание, но не подтверждено документами. Есть предположения, что венчание происходило не в кафедральном соборе, а в одном из приходских храмов Коломны, где служил тогда простой священник Михаил, ставший чуть позднее духовником самого князя Дмитрия, его печатником и очень близким другом, которого князь даже прочил на пост митрополита Московского (его летописи называют также Митяем).

Ныне на этом месте в Коломне, на территории древнего Кремля стоит храм Воскресения Словущего, приписанный к собору Успения. Но он относится к более позднему времени. Сохранились на этом месте археологические остатки древнейшего деревянного храма, относящегося как раз к XIV столетию. Видимо, в нём и венчались Дмитрий и Евдокия.

Когда-то храм имел ещё два алтаря. Один в честь Боголюбской иконы Божией Матери, а другой — во имя святых Космы и Дамиана. В каменной церкви Воскресения Словущего хранились древние иконы, такие как «Сошествие во ад», относящаяся к XIV веку, и «Троица», датируемая XV столетием. Теперь они находятся в Государственной Третьяковской галерее. А до закрытия храма в 1929 году (в 1990-х годах тут вновь был открыт приход) здесь хранили ещё одну уникальную реликвию — ковш для вина, который, по преданию, использовался при венчании князя Димитрия Донского и княгини Евдокии. Увы, ныне местонахождение его неизвестно.

Нам важно знать сегодня, что подыскал невесту жениху выдающийся человек своего времени — митрополит Алексей. То есть можно с точностью сказать, что Евдокия знала святителя, и он хорошо знал её. Потому что опекал московского правителя, а решение о браке, тем более — таким, было крайне важным делом в то время.

Однако в те времена на Руси существовал крепкий обычай: не могла младшая дочь в княжеской семье сыграть свадьбу до замужества своей старшей сестры. И перед бракосочетанием князя Дмитрия Ивановича возникла проблема — у Евдокии была старшая сестра Мария, и она была незамужней. Чтобы не нарушать традицию (а может быть, даже и по любви), Марию немедленно взял в жёны и сыграл свадьбу (по преданию, в один день с Дмитрием и Евдокией) Николай Васильевич Вельяминов (летописи величают его Микулой). Он был сыном московского тысяцкого — Василия Васильевича Вельяминова, а тот был воспитателем князя Дмитрия Ивановича. Так воспитатель решил проблему своего подопечного. А боярин-воевода Микула Вельяминов затем погибнет в Куликовской битве...

В конце XIX века один из москвоведов — И. К. Кондратьев — в своей книге «Седая старина Москвы» так описал замужество суздальской княжны: «Бракосочетание Евдокии с великим князем Дмитрием Ивановичем совершено было в 1366 году, января месяца в 18-й день, когда князю совершилось 18 лет (тогда так считали. — К. К.-С.) и когда он княжил шестой год. Брачное торжество праздновалось в Коломне со всем великолепием и пышными обрядами того времени. По словам летописца, это событие преисполнило невыразимой радостью сердца всех русских и тем более виновников торжества. Но недолго суждено было молодой княгине наслаждаться безмятежной жизнью счастливого супружества: по собственным словам её, «не много испытала она радостей в супружестве за Дмитрием». В самый год бракосочетания ужасная моровая язва поразила Москву. Затем следовали пожары Москвы, нашествия Ольгерда, поездка Дмитрия в Орду. Все эти бедствия, не относясь к Евдокии лично, само собой разумеется, подвергали опасности мужа, столицу, а затем уж и её саму как супругу великого князя московского. Но она с твёрдостью переносила эти бедствия, являясь, сколько было в её силах, помощницей своего супруга».

О женихе княжны Евдокии можно рассказывать много. Но в данной части книги мы ограничимся лишь некоторыми необходимыми сведениями.

Родился отрок Дмитрий, как предполагается, в 1350 году, октября в 12-

й день. Отец его — князь Московский Иван Иванович Красный — был второй раз женат на княгине Александре Ивановне. Дед — великий князь Иван Данилович Калита — известен был всей Руси.

До сих пор мы очень мало знаем о детстве Дмитрия. Даже известное произведение «Похвальное слово», где рассказывается о его житии, не проясняет того, в каких условиях рос отрок, проявлявший очень сильную тягу к участию в любых событиях своего времени. Известно, что, когда ему исполнилось три года, на Русь пришла эпидемия чумы. Тогда скончались митрополит Феогност, великий князь Московский Симеон Иванович (дядя Дмитрия) и два его маленьких сына. По этой причине княжеский престол Владимирский и Московский неожиданно перешёл к Ивану Ивановичу Красному.

Отец Дмитрия не успел показать все свои государственные таланты. Он удачно общался с соседями и с Ордой, укреплял своё княжество. Даже в период знаменитых ордынских дворцовых переворотов он умел отстаивать собственное право на власть.

Быть может, именно сильный характер спас князя Дмитрия Ивановича в трудные годы, когда он, будучи ещё совсем мальчиком, осиротел. По всей видимости, очередная эпидемия («моровое поветрие») в Москве 1359 года унесла с собой и его совсем ещё молодого отца. В девять лет управлять государством да ещё решать проблемы сложнейших взаимоотношений с другими княжествами, а в первую очередь, — с Ордой?! Непростое занятие.

Но Дмитрий мог с этим справляться исключительно потому, что рядом с ним находился его наставник и воспитатель — митрополит Алексей. Поставленный руководить церковными делами «всея Руси», он много помог в своё время и отцу князя. А теперь поддерживал мальчика в трудную минуту.

Можно предполагать, что вокруг отрока было много и других способствовавших ему людей, в частности бояр. Одно имя мы уже называли: то был тысяцкий Василий Вельяминов, много сделавший для князя добрых дел. Поразительно, что мы не имеем сведений ни о каких внутренних смутах или неопределённостях в Московском княжестве в период, когда Дмитрий был ещё столь молод. Духовный пастырь Алексей воспитывал юного князя, и, видимо, именно он вкладывал в его разум и сердце сокровенную мечту — об освобождении Руси от тяжёлого владычества Орды.

Благодаря такому покровительству князь Дмитрий с десятилетнего возраста начинает отстаивать свои права на великое княжение

Владимирское. На протяжении нескольких лет, как мы уже говорили, ему придётся сталкиваться на этой почве с Суздальским князем Дмитрием Константиновичем. Власть с переменным успехом переходила из рук в руки.

Орда первоначально благоволила Суздалю. Но юный Дмитрий с посольством отправился в самую Орду. Переговоры проводились долго, с не простыми и разными правителями. И ничего могло бы не получиться, если бы не упорство теперь уже мужающего юноши. В 1362 году в знаменитом граде Владимире, в Успенском соборе, 12-летний отрок будет венчан на великое княжение.

Дмитрию Ивановичу удалось не просто помириться с Дмитрием Константиновичем, но даже породниться с ним. И когда он решил жениться на его дочери, совсем юной княжне Евдокии, то уже знал, что таким образом прекратятся все споры и разногласия.

Итак, летописи отметили венчание и пышную свадьбу, которую сыграли в граде Коломне, в княжеском дворце.

Через год Дмитрий построил каменный Кремль в Москве. В Рогожском летописце читаем: «Тое же зимы (1367 года. — К. К.-С.) князь великий Димитрей Иванович, погадав с братом своим с князем с Володимером Андреевичем и с всеми бояры старейшими и сдумаша ставити город камен Москву, да еже умыслиша, то и сотвориша. Тое же зимы повезоша камение к городу».

Это была грандиозная работа. Многим не под силу. Но не амбициозному молодому князю Дмитрию. Каменья везли на судах по реке, а зимой и того проще — на санях всё по той же реке. Части стен оставались деревянными. Как писал историк И. Е. Забелин, промежутки между каменными зубцами забивались «заборолами» — толстыми досками, напоминающими забор. За ними скрывались от стрел наступающих врагов. Жители Москвы тогда ощущали себя в особенной безопасности, что подтверждает текст летописи: «твёрд град имуще, иже суть стены каменны и врата железны».

Князь Дмитрий благодаря новому Кремлю затем отразил два очень сильных нападения со стороны Литвы в 1368 и 1370 годах. А чуть позднее ему пришлось вступить в долгую борьбу с зятем Ольгерда — Михаилом Александровичем, великим князем Тверским.

К тому времени князь Дмитрий Иванович окончательно вырос, окреп и возмужал. Он превратился в настоящего правителя (17 лет — это был зрелый возраст для того времени). Современники отмечали его

самостоятельность в обсуждении важных проблем и решительность в практических действиях. Уже в 1373 году он взял под контроль берега реки Оки, поставив «засеченные» стражи на её бродах.

А к 1374 году, большому съезду всех русских князей, он уже был полон самых великих планов, осуществить которые возможно было только в общем единении. Время междоусобиц и князей-одиночек прошло. Разумные правители понимали, что великие дела могли решаться только великими силами.

Впереди у князя Дмитрия были славные победы на реке Воже и на поле Куликовом. До них оставалось лишь несколько лет...

Кремлёвский обиход

В камне стене саму Москву тако-же написавый, терем у князя великого незнаемою подписью и страннолепно подписаны.

Епифаний Премудрый — Кириллу Тверскому, начало XV в.

Где можно было бы лучше скрыться от реалий и опасностей бытия, чем не за стенами Московского Кремля! К этому времени это была уже весьма защищённая крепость и очень красивый город, наполненный светской и православной архитектурой, спланированный с тщательностью и разумом, обжитый и удобный для повседневной жизни.

Что видела вокруг себя великая княгиня Евдокия, находясь среди такой красоты? Попробуем это реконструировать, хотя, признаемся, сделать это не так-то и просто. По современным учебникам истории, богато иллюстрированным репродукциями картин или рисунков известных художников, работавших и работающих в историческом жанре, можно представить себе хотя бы общий вид Москвы второй половины XIV столетия. Но художники многое домысливали, не стеснялись применить своё воображение, порой не основанное на документах или археологических находках. Впрочем, воображение иногда приносит позитивные плоды. А мелкие огрехи или даже ошибки исправляются только одним способом — временем, то есть тем, что приносит новые открытия в науке, позволяющие с большей степенью приблизиться к правде.

Попробуем следовать документальным источникам и описать Москву, в которой прожила Евдокия большую и насыщенную жизнь.

Перво-наперво избавимся от стереотипов. Москва и Кремль были совсем другими, нежели сегодня. Не было ещё знаменитых «сорока сороково московских церковных куполов. Город мог бы показаться гораздо беднее, проще, неудобнее. Но тогда это было совсем не так. Умело управляясь с деревом и камнем, искусные строители добивались уникальных результатов. Жаль только, что лишь единичные примеры их труда дошли до наших дней. Дерево просто не дожило, погибло в огне или

от ветхости. А каменные постройки переделывались столько раз, что стали бы просто неузнаваемыми для тогдашних жителей (если бы они смогли на это посмотреть через века!).

Что ж, начнём с жилого дома правящей великокняжеской семьи — Дмитрия Ивановича и Евдокии Дмитриевны. По документам известно, что их могло быть два, и оба — внутри Кремля. Упоминается большой терем на холме, где-то в районе нынешнего Теремного дворца. А также имеются косвенные свидетельства о существовании ещё одного терема (двора) княгини у Фроловских (ныне Спасских) ворот.

Какой из них более старый? Историк архитектуры А. В. Можяев считает, что «ансамбль построек Кремлёвского дворца начал складываться между нынешними Боровицкими воротами и Соборной площадью, вероятно, с конца XIII века (согласно данным археологии, ранее княжеский двор находился у Фроловских ворот)». То есть более ранним можно считать тот терем великого князя, который располагался у нынешней Спасской башни, а следовательно, — у будущего Вознесенского монастыря, который будет спустя годы основан княгиней Евдокией.

Два двора, два терема. Более старый и новый.

Исследователь И. А. Масленникова считает, что когда появился «первый каменный памятник, отметивший женскую половину государева двора, — церковь Рождества Богородицы, построенная в 1393 г. княгиней Евдокией Донской на месте древней деревянной церкви во имя Воскрешения Лазаря и освящённая в 1394 г.», — то сама эта церковь уже «располагалась рядом с теремом великой княгини и, вероятно, служила для неё домовым храмом». И далее: «От постройки конца XIV в. до наших дней сохранилась лишь нижняя часть храма, верхняя неоднократно перестраивалась. Корпус из девяти каменных палат северной части древнего дворца западным торцом примыкает к церкви Рождества».

О каменном храме Рождества Богородицы мы расскажем позднее, его возведение будет связано с событиями уже после кончины великого князя Дмитрия Ивановича. Но нам важно ощутить, как жила их семья, что предпринял князь для укрепления домашнего быта, возведения дворца, особенно в то время, когда он отстроил новый белокаменный Кремль.

Сначала о самом Кремле.

Как известно, московский князь Иван Калита, получивший титул великого князя, значительно его расширил. Внутри крепости появилась Соборная площадь, образованная внутри периметра трёх каменных храмов: Успенского собора (1327 год), церкви Иоанна Лествичника с колокольней

(1329 год) и Архангельского собора (1333 год). При Иване Калите построили каменный храм Спаса на Бору — рядом с теремом князя.

В 1339 году возведены были кремлёвские стены и башни из дуба. Хотя вероятнее всего, что они и до этого были дубовыми. Просто Иван Калита их обновил. Однако стоять им пришлось не более четверти века. Как мы уже знаем, дубовые стены были заменены на белокаменные при великом князе Дмитрии Ивановиче (будущем Донском). Новая крепость имела пять или шесть проездных башен и три глухие круглые угловые башни. Именно в это время площадь Кремля стала увеличиваться и достигла почти современной величины.

В Кремле в XIV веке, когда там проживала княгиня Евдокия и до основания ею собственного, Вознесенского монастыря, было уже устроено несколько обителей. Они были основаны великими князьями или их родственниками, а одна — митрополитом Алексием.

Приведём их перечень.

1. Спасо-Преображенский монастырь на Бору, созданный в 1330 году, центром которого стала древняя московская церковь Спаса на Бору («собор Спаса-Преображения что на Бору», известный ещё деревянным с конца XIII века). В храме-монастыре хоронили тогда московских князей и княгинь (до построения Архангельского собора, церкви Рождества Богородицы и Вознесенской обители). Монастырь стал просто храмом при московском княжеском дворе после создания Новоспасского монастыря в конце XV века чуть поодаль от Москвы.

2. Чудов монастырь, основанный митрополитом Алексием в 1365 году. Он находился у нынешних Спасских ворот, то есть рядом со старым княжеским теремом. Его центром стала церковь Чуда Архангела Михаила в Хонех, здесь и похоронили самого митрополита Алексия. По преданию, на месте Чудова монастыря когда-то находился «царёв двор» (не путать с великокняжеским), то есть предназначенный для ордынского «царя» и его послов. Этот двор царица Тайдула передала митрополиту Алексию в награду за излечение её от глазной болезни.

3. Троице-Богоявленский монастырь, называемый также «Богоявленский монастырь на Троицком подворье». Это Троице-Сергиевское подворье располагалось у Троицких ворот Кремля со второй половины XIV века, когда, по свидетельству Кормовой книги Троице-Сергиева монастыря, Дмитрий Донской определил в Кремле преподобному Сергию Радонежскому место рядом со своими палатами на случай его приездов в Москву. Однако о служебных или жилых помещениях обители в то время почти ничего не известно.

4. Афанасиевско-Кирилловский монастырь, называемый также «Афанасьевский монастырь, что подворье Кириллова монастыря». Располагался у Фроловских (Спасских) ворот, у другого терема князя.

Троице-Богоявленская и Афанасиевско-Кирилловская обители могли на самом деле быть в то время просто храмами-подворьями, иногда в обиходе именовавшимися монастырями, и только позднее стали таковыми.

В этот список мы не вносим Вознесенский монастырь, основанный княгиней Евдокией. Ибо в тот период времени, о котором мы здесь пока повествуем, его ещё не было. Однако ниже мы подробно расскажем о его истории.

За пределами Кремля существовали и другие обители, включая женские, но о них речь чуть ниже.

Кроме монастырских построек в Московском Кремле тогда существовали уже и другие храмы. Например, церковь Введения Богородицы на подворье Симонова монастыря у Никольских ворот или церковь Богоявления на Троицком дворе. Москва гордилась своими каменными постройками, включая крепостные стены. Только Новгород и Псков могли похвастаться большим их количеством. Но ведь в реальности им намного меньше доставалось от ордынских нашествий. Каменные строения были редкостью. Но семья Дмитрия Донского многое сделала для того, чтобы украсить ими Кремль.

О некотором количестве церквей в Москве рассказывает летописное известие о пожаре, случившемся позднее в Кремле, в 1476 году, когда горели 10 каменных храмов, а 12 деревянных полностью сгорели.

Представим себе Московский Кремль времени почти сразу после свадьбы князя Дмитрия Ивановича и Евдокии Дмитриевны с высоты птичьего полёта. Что бы мы тогда увидели?

Во-первых, Кремль, обнесённый стеной с башнями, с многочисленными постройками, а вокруг него — Подол, Заруб, Посад или Замоскворечье.

Начнём с Кремля.

Большую часть его занимала территория великокняжеского двора. Того, что был не рядом с Фроловскими воротами, а вблизи храма Спаса Преображения на Бору. Рядом со двором князя — комплекс хозяйственных построек. Для обеспечения жизни правящей семьи нужны были кроме самого терема-дворца — житный двор, скотный двор и конюшни, амбары для хранения запасов, колодцы и резервуары для воды, а также сад и огород. Хранение продуктов и воды было крайне важно в период

многочисленных военных конфликтов. Сам терем князя, конечно же, был деревянным. Впрочем, как и большинство или даже все постройки тогдашней столицы.

Как выглядел терем князя и княгини? На этот вопрос историки ответить не смогут. А художники с помощью воображения неоднократно пытались сотворить что-то подобное исторической правде. Деревянные постройки больше ста-двухсот лет не «живут». На самом деле, в результате постоянных пожаров — вообще существуют очень недолго. А ведь терем князя был деревянным.

Есть изображения, относящиеся к эпохе Дмитрия Донского, но сделанные в XVI или XVII веке. Например, в Лицевом летописном своде или в «Сказании о Мамаевом побоище». Мы даже видим терем князя, стены Кремля, другие дома города. Но тогда уже не существовали подлинники этих строений. Всё это — плод воображения художников, основанный на их жизненном опыте, то есть на постройках их времени. Хотя можно сказать, что за два столетия деревянная архитектура не изменилась до неузнаваемости и, возможно, была почти идентичной.

Интерес представляют миниатюры с изображением великой княгини Евдокии, сидящей у окна княжеского терема. Варианты Лицевого летописного свода похожи один на другой. А вот вариант (копия) «Сказания о Мамаевом побоище», хранящийся в Лондоне, в Британской библиотеке, очень любопытен, так как здесь мы видим необычное изображение дворца вместе с Евдокией Дмитриевной и текстом: «великая княгиня Авдотья со снохой своей поёт сидяше в теремце златоверхом под стеклянным окном вслед глядяше великому князю» (эпизод проводов Дмитрия Ивановича на битву).

Как говорят источники, княгиня жила в «златоверхом» тереме. То есть верхняя его часть или крыша были украшены позолотой. Видимо, наподобие храмовых куполов. А значит — ярко блестели на солнце и были видны издалека. Окна его были «стеклянными». Буквально? Может быть, и так, ведь стекло уже давно изготавливалось на самой Руси, хотя, в первую очередь, здесь имеется в виду, что они были прозрачными! Терем назывался иногда «набережным», а это даёт возможность определить, что он был обращён фасадом в сторону берега Москвы-реки. В таком случае из окон дворца можно было лицезреть Замоскворечье и путь в сторону Орды, куда и направлялся по вышеприведённой цитате князь Дмитрий.

Есть в вариантах «Сказания о Мамаевом побоище» и иные детали, связанные с княжеским теремом. Например, что княгиня Евдокия сидела на «урундуце под стекольчаты окны». Это ещё одно указание на строение

терема. Рундук — это крыльцо. Если Евдокия сидела «под стекольчаты окны», то значит, терем был как минимум двухэтажным, а скорее всего, имел не менее трёх этажей, так как крыльцо-рундук бывало очень большим, с колоннами, поддерживающими балкон второго или третьего этажа. Это крыльцо выполняло функции парадного входа во дворец.

Частью княжеского терема были сени. Это неотопливаемое входное помещение. Слово «сени» закрепилось в названиях некоторых кремлёвских построек (храм Рождества Богородицы, «что вверху, на царицыных сенях»; церковь Святого Лазаря «на сенях»). «Набережная» палата с сенями были местом для приёмов, встреч с послами и торжественных случаев. Известно, что гораздо позднее княжеский терем был расписан фресками великим Феофаном Греком. Были ли подобные фрески при Евдокии? Мы не знаем.

Вокруг дворца-терема располагались, кроме церковных построек и монастырских подворий, многие дома жителей Кремля. В непосредственной близости селились родственники князя и княгини, члены великокняжеской семьи. Ведь некоторые из них, по праву наследования, могли претендовать на ярлык великого княжения. Бывало, что терема удельных князей не уступали по размерам дому великого князя. Поодаль стояли дома бояр, служивших князю верою и правдою. Одним из важных строений был двор митрополита Московского. На тот момент им был святитель Алексей.

Далее жили москвичи попроще. А за кремлёвской стеной — тем более. Сама новая белокаменная стена Кремля не была непрерывной. Оставались участки, не скрытые камнем, но плотно заделанные деревом. Территория самого Кремля разбивалась на несколько частей. Одна была на холме (нагорная, здесь стояли терема князя), а вторая — в низине, называемая, как нижняя часть одежды-платья — Подолом. На Подоле жили также и бояре. Сохранились сведения, что здесь находился «подольный садец» митрополита Алексея.

Место у края горы называли Зарубом. Как писал историк И. Е. Забелин, «заруб и взруб означали особое устройство береговой крутизны, посредством насыпной земли, ограждённой бревенчатою постройкою для увеличения пространства существовавшей нагорной площади». Верхняя часть холмов, переходящая к Красной площади, иногда называлась напольной.

Через весь Кремль — от Фроловских до Боровицких ворот — проходила знаменитая Большая улица. Были и другие улицы, носившие название по направлению движения. От Соборной площади к Никольским воротам — Никольская. По Подолу возле кремлёвских стен шла проезжая

улица. От церкви Иоанна Лествичника к Чудову монастырю складывалась ещё одна известная площадь Кремля — Ивановская. Был важным выезд из Кремля через Константино-Еленинские ворота, откуда из Подола можно было попасть на Посад. Именно правление Дмитрия Донского дало новый толчок для быстрого расширения московского Посада. Постепенно его территория становится больше, нежели площадь самого Кремля, который ширился в напольную сторону к Красной площади. Начало роста поздней территории Китай-города и затем Белого города было заложено в это время. Хотя в 1368 году во время нашествия князя Литовского Ольгерда на Москву, по Лицевому летописному своду XVI века, «князь же великий Дмитрий Иванович повелел сжечь под Москвою посад, а сам затворился в городе». Этот манёвр позволил ему отогнать войско Ольгерда от Москвы после нескольких дней осады.

Конечно же, большинство улиц Кремля были замощены в те времена деревом. Существовали в укреплённом граде и административно-служебные постройки, часть из них располагалась в башнях крепости, которые таким образом использовались «в мирных целях». Были в кремлёвском пространстве и приёмные покои, и тюрьмы, и рыночные сооружения для торговли.

В этом многолюдном и многоликом городе и жила княгиня Евдокия. В столице, которая могла бы конкурировать со многими европейскими, если бы её развитие не тормозило трудное бремя владычества Орды.

Новая счастливая семья не могла оставаться без потомства. И действительно, семейство стало пополняться детьми. Да какими! Мальчиков княгиня Евдокия рожала одного за другим. Как на подбор.

Дети — первенцы

Отгна от себе вся грехов злы пары, Оставлши славу, князи милы дети...

Карион Истомин. Стихотворное посвящение великой княгине святой Евдокии, в иночестве Евфросинии

Как мы уже говорили, когда брак с Московским князем Дмитрием Ивановичем состоялся, а случилось это в году 1366-м, невесте — Евдокии — было всего 13, а жениху — 16 лет. Жили они счастливо, и детей у них было много. Правда, не все они рождались крепкими и здоровыми. Но зато это были мальчики — наследники.

С первенцем, например, супругам не повезло. Появившийся на свет спустя три года после свадьбы Даниил (назван в честь князя Московского и, как предполагается, был крещён преподобным Сергием Радонежским) быстро скончался. Зато второй и третий сыновья — Василий и Юрий (Георгий) — составили славу русской истории.

Почти через год после свадьбы — в 1367-м — молодой муж, можно сказать, подарил жене новый каменный Кремль в сгоревшей дотла от неожиданного пожара Москве. Крепость была на славу. Благодаря ей москвичи смогли сдержать два последовавших набега со стороны литовцев. Такого рода укрепление давало защитникам больше надежды, а князю — уверенности в завтрашнем дне. Москва стала одним из образцов того, как надо было выстраивать государственные дела.

Как, впрочем, примером для тех, кого волновал вопрос — как скреплять семейные узы. «Любящего душа в теле любимого... Двое таких носят в двух телах единую душу и одна у обоих добродетельная жизнь. Так же и Димитрий имел жену, и жили они в целомудрии» — этими словами описывает современник брак, ставший образцовым для многих поколений княжеского рода.

Семьи в те времена бывали большими. Чем больше детей, тем вероятнее, что не прервётся род, останутся достойные наследники. Мы уже говорили о том, что в княжеских родословных, составленных сегодня исследователями, есть много белых пятен, пропусков и даже неточностей.

На самом деле, имена детей и внуков представляют большой интерес. Бывает и так, что по прошествии времени в трудах учёных появляются... новые родственники князей или даже меняются их имена.

Ещё труднее — с боярскими родословными, тут непечатый край работы. Требуется тщательная проработка документов, различных договоров или грамот, где могут упоминаться эти исторические лица, а затем — сверки с уже известными фактами, чтобы определить какую-то канву в каждой биографии или людские связи.

Относительно семьи великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского и Евдокии Дмитриевны Суздальской дело обстоит намного удачнее. Почти все наследники нам известны.

По дошедшим до нас письменным источникам, всего у них было 12 детей, включая девочек, которые с точки зрения наследства, как мы помним, не брались «в счёт». Некоторые из отпрысков быстро умирали. А на момент составления князем Дмитрием окончательного варианта завещания сыновей оставалось лишь пятеро.

Итак, составим список мальчиков, которых родила своему мужу великая княгиня Евдокия.

Первенец — Даниил (родился в 1369 или в 1370 году, прожил два года).

Второй сын, ставший затем старшим по праву наследования, — Василий (родился в 1371 году).

Затем — Юрий (1374 года, он был третьим сыном в семье Евдокии и Дмитрия, но на момент составления завещания стал вторым по праву наследования; его часто называли Георгием или Гюрги).

После него — Семён (скончался в 1379-м, будучи определён как «детя»).

За ним — Иван (1378—1393), принявший в монашестве имя Иоасаф.

Ещё один сын — Андрей (1382 года, прожил долгую жизнь до 1432 года, став удельным князем Можайским и основателем рода Можайских князей).

И затем — Пётр (1385—1428), будущий князь Дмитровский и затем Углицкий.

За четыре дня до кончины мужа (1389 год) Евдокия Дмитриевна родила ему ещё одного сына — Константина. Но отец не успел включить его в завещание, отметив лишь до этого: «А даст ми Бог сына, и княгини моя поделит его, взяв по части у болшие его братьи».

Константин дожил до 1433 года, став князем Углицким.

О некоторых сыновьях можно было бы написать отдельные книги. Мы

же ограничимся здесь лишь некоторыми дополнительными сведениями, которые могут нам в чём-то помочь для дальнейшего повествования о жизни их матушки.

Василий Дмитриевич рождён был зимой 1371 года. Летопись уточняет: «Тое же зимы по Рожестве Христове месяца декабря в 30 день, на память святого апостола Тимона, князю Дмитрею Ивановичю родися сын, и наречено бысть имя ему князь Василей». Современный читатель может подумать, что данное событие попало прямо на новогодние торжества, но это совсем не так. Ведь начало церковного (календарного) года в те далёкие времена не попадало на 1 января.

Тезоименитым покровителем отрока стал святой Василий Великий, память которого отмечается как раз 1 января (все даты даны по старому стилю). Есть летописи, которые вообще относят его рождение на 1 января, день в день (что, видимо, не так). В дальнейшем князь Василий поместил на свою печать лик святого Василия, под которым можно было прочесть подпись: «Васил».

Крестил новоявленного Василия преподобный Сергей Радонежский.

Детство его проходило под внимательным наблюдением матери, в Москве. Он был живым свидетелем всех основных событий 1370-х — начала 1380-х годов. И всё было бы хорошо, в особенности в связи с тем, что по старшинству он становился наследником великокняжеского престола, если бы не произошло ужасное для биографии отрока событие.

В 1383 году великокняжеские родители были вынуждены отправить своего сына в Орду — непосредственно к хану Тохтамышу в качестве заложника за обещание — выплатить положенную дань в восемь тысяч рублей серебром. Можно представить себе переживания и слёзы матери в связи с такими жизненными обстоятельствами.

Но ничего поделать было нельзя. Иначе это могло грозить даже смертью. Формально это было подано так, что необходима была тяжба о великом княжении.

Юный княжич, оторвавшись от материнского попечения, совершил путешествие через Владимир по течению рек Клязьмы и Волги.

Вернётся в Москву он уже зрелым юношей, через четыре года. И выпадет ему не только много опасностей, но и немало приключений, вплоть до путешествий в разные дальние края. Подобными поездками по миру никто из его ближайших родственников похвастать бы не смог.

Подробностей о том, как он выживал в Орде, фактически нет. Да и он не любил об этом вспоминать. Однако обходились с ним не худшим

образом. Хан ведь желал получить свой выкуп-дань.

Ордынская эпопея закончилась для Василия не выплатой долга, а... обыкновенным бегством. Вернее, не совсем обычным. Во всяком случае, в 1386 году ему удалось убежать из Сарая, что казалось совершенно невозможным и даже фантастичным.

С этим побегом связана и такая история. Предполагалось, что он пытался сделать это дважды. Первый раз якобы неудачно. Был пойман. По возвращении его пред очи Тохтамыша он получил наказание, как отмечено — «приат за то от царя истомление велие».

Во второй раз побег удался. Но внимательное чтение исторических текстов выявило удивительную вещь. Оказалось, что княжеских отроков Василиев Дмитриевичей, попавших в качестве заложников в Орду, было двое! Вторым — тёзкой — являлся один из сыновей другого русского князя, также заложник.

Таким образом, побег не совершался Василием дважды. Просто два Василия Дмитриевича бежали почти одновременно. Один был пойман и получил угрожающие предостережения и наказание — «истомление», граничащее с возможным физическим воздействием, вплоть до смерти. Другой — исчез из Орды.

Как ему это удалось?

Говорят, для того чтобы перехитрить погоню, Василий выбрал путь самый дальний. Побежал не в сторону Руси, а напрямик в Подольские земли, где властвовал молдавский воевода Пётр. Из Молдавского господарства он попадёт к немцам, в Пруссию, и во владения великого князя Литовского. Тогда им был Витовт. Окажется сын Дмитрия Донского даже среди рыцарей Тевтонского ордена. То есть повидает немало.

Есть предположение, что Литва фактически была конечным пунктом его путешествия. Так как сам побег был организован при помощи литовцев. Таким образом, выстраивалась новая политика. Витовт думал о будущем, мечтая расширять свои земли в сторону Руси. Да и с Ордой у него всё равно ничего не складывалось.

Находясь при литовском дворе, юный Василий (а ему уже почти исполнилось 15 лет, зрелый возраст для любовного придворного романа, коими славилась западная элита) познакомился с дочерью Витовта — Софьей. А может, его познакомили и даже заранее предупредили: плата за побег — будущая свадьба.

Поговаривают, что между ними случилась любовь. Отчего они были обручены. Немудрено, ведь Софья была девушкой шустрой, совершенно не похожей на ордынских или среднерусских девиц на выданье. Легко скакала

верхом на лошади, могла до упаду танцевать на весёлом пиру, наравне с мужчинами охотилась на лесного зверя.

Уже тогда было ясно, что такая женщина способна не просто быть женой, но и управлять в своём будущем доме. Витовту это было на руку. А Василий, давно сам себе не принадлежавший, попавший из заложников в женихи, мечтал только об одном — вернуться, наконец, к родителям, в безопасный отчий дом, в Москву. И был ради этого согласен на всё.

Князя ударили по рукам. Будущая супруга Василия Дмитриевича уже была назначена, выбрана и приготовлена. Оставалось только ждать благословения родителей — Дмитрия Ивановича и Евдокии Дмитриевны. А вот оно-то как раз оказалось камнем преткновения.

Не потому ли и свадьба Василия и Софьи состоялась только после кончины отца Василия — Дмитрия Ивановича?! Опытный политик и полководец, Дмитрий Донской как будто чувствовал, что влечёт за собой этот брак для выстроенной им Руси, и слегка придерживал развитие событий. Ведь великий князь Литовский уже тогда называл себя также и «великим князем всея Руси». И благодаря браку он затем с помощью Василия получит ещё и Смоленск со всеми землями этого княжества, оторвав его от общерусской — Московской — «пуповины».

Но мы забегаем вперёд повествования. Об этом подробнее — чуть позже.

Однако «литовские позывы» на династическое «породнение» с Русью в это время уже проявлялись и даже помимо Василия. Ещё в 1384 году предполагалась свадьба литовского князя Ягайло с одной из дочерей Дмитрия Донского и Евдокии («великому князю Дмитрию Ивановичу дочь свою за него дати, а ему, великому князю Ягайло, быти вь их воле и креститися в православную веру и христианство своё объявите во все люди», — гласит документ). Поразительно, но и тогда фигурировало имя Софьи, правда, другой — из московского семейства. Той самой Софьи, что выйдет потом замуж за одного из сыновей великого князя Рязанского, так как женитьба Ягайло на православной не состоялась.

В результате год спустя наметился брак Ягайло с польской королевой Ядвигой. В 1386 году, когда Василий Дмитриевич бежал из ордынского плена, был подписан акт — знаменитая польско-литовская уния. Ягайло стал королём, принял католическую веру и сыграл свадьбу с Ядвигой. Началась новая, совсем другая страница литовской истории. Восточная Европа и «всея Русь» окончательно раздвоились — на католиков и православных.

Именно в этот самый момент и появился здесь беглец из Орды —

Василий, и обручился с Софьей Витовтовной...

Только в 1387 году Дмитрий Донской направит в Полоцк депутацию из старейших бояр московских, чтобы организовать встречу возвращающегося на родину сына. Заложник и беглец, наследник и жених — он въезжал через кремлёвские ворота к себе домой уже зрелым мужем, политиком и совершенно погрязшим в обязательствах и интригах человеком.

До вступления его на великокняжеский престол оставалось всего два лета.

Вторым сыном, как мы уже говорили, был Юрий (Георгий). Он родился в 1374 году, волею судеб в любимом и дорогом Евдокии городе — Переяславле. Причём, в день её рождения.

Более подробно о его судьбе мы расскажем позднее, так как его жизнь окажется весьма важной для раскрытия перипетий дальнейшей биографии самой Евдокии.

Прямо перед отъездом старшего — Василия — в Орду родился его брат Андрей. Это означало, что, кроме княжича Юрия, появился ещё один потенциальный наследник, который может исполнить свой семейный долг при любых обстоятельствах. Крещён он был игуменом Фёдором Симоновским. В будущем Андрей Дмитриевич станет последовательным соратником старшего брата Василия.

Чтобы можно было понять, почему каждый вновь родившийся брат становился не только потенциальным наследником, но и возможным «противником» брата старшего, необходимо разобраться в том, какое наследственное право господствовало тогда на Руси.

То было так называемое «лествичное право». Ещё в Киевской Руси существовал принцип наследования княжеской власти, который позднее и назвали «лествичным». Очень удачно здесь использовалось старинное слово «лествица», означающее «лестница». Словно следуя по ступеням этой княжеской родословной лестницы, менялись правители государства.

Вот как эта лестница власти выглядела в последовательности наследия (речь идёт только об особах, как тогда говорили, «мужескаго» пола):

- по смерти отца правил старший сын;
- по его смерти — братья, причём от старшего — к младшему;
- при их кончине или их отсутствии к власти приходили дети старшего сына (старшего брата);
- при их отсутствии правили дети последующих братьев;

— далее властвовали внуки или правнуки, причём в той же очерёдности.

Частью данного правила было важное положение о том, что потомки, чьи отцы умирали, так и не получив княжеского престола, уже не участвовали в «лестнице», то есть окончательно теряли право наследования. Но они не исчезали в многоступенчатой системе государства, получали города и земли в виде уделов, хотя некоторые из таких потомков могли потерять даже свои невеликие владения.

Лествичное право действовало не только на общегосударственном уровне, но и в каждом отдельно взятом уделе. Это был многогранный и особенный закон обустройства жизни, который способствовал обновлению власти и её укреплению. При этом происходили частые переезды князей с их двором и войском из одного княжества в другое.

Немного изменилась традиция после распада Киевской Руси на княжества, особенно после того, как Русь попала в зависимость от Орды. Уже в XIII столетии появляется разновидность лествичного права — удельное княжение без изменения городов и места жительства княжеского двора. Для великого же княжения требовался ярлык от ордынского хана.

При лествичном праве существовала жёсткая система наследования власти, так как удельные князья были ближайшими родственниками великого князя, а это способствовало большему почитанию и уважению их со стороны бояр и простого люда.

Пока Василий был в плену, в семье великого князя Московского появился на свет очередной мальчик. Княгиня Евдокия родила Петра. Крестил его преподобный Сергей Радонежский. Пётр, к счастью, также выживет и сыграет свою роль в будущих княжеских междоусобицах.

Жив тогда ещё был затем рано ушедший из жизни Иван Дмитриевич, которого называли «странным», из-за чего можно предположить, что он, вероятно, родился не очень полноценным в умственном (психологическом) развитии. Возможно, он нуждался в постоянной опеке. Известно также, что он ушёл в монастырь, приняв иноческое имя Иоасаф, и скончался в духовной обители в 1393 году. (Изображение царевича Иоасафа на столбе у алтарной преграды в Успенском соборе на Городке в Звенигороде, созданное преподобным Андреем Рублёвым, видимо, связано с желанием устроителя храма — князя Юрия Дмитриевича — оставить память о брате и его небесном покровителе).

Четырёх дочерей Евдокии звали так: уже упомянутая нами София (с

1387 года — супруга князя Фёдора Ольговича Рязанского), Мария (в 1394 году вышла замуж за князя Семёна Ольгердовича), Анастасия (в 1397 году на ней женился князь Иван Всеволодович Холмский) и Анна (родилась в 1387 или 1388 году, стала позднее женой служившего при Москве литовского князя Юрия Патрикеевича из Гедиминовичей).

Как мы уже говорили, самого младшего сына — Константина — князь Дмитрий Донской увидит только в 1389 году в пелёнках, то есть он всё-таки узнает о его рождении, хотя уже не успеет внести никаких исправлений в своё завещание, связанных с его именем. Потому можно предположить, что последние дни или даже месяцы перед кончиной великий князь находился в некотором болезненном и даже недееспособном состоянии. Княгиня же при этом не только ухаживала за мужем, но и успела родить сына. Не по традиции крестили Константина не духовные лица, как прежних сыновей, а мирские — брат-князь Василий Дмитриевич и жена последнего тысяцкого Вельяминова — Мария. Другие же сыновья уже были приготовлены к тому, что произойдёт некоторое деление наследства и возможны изменения в жизни Русского государства.

Но об этих переменах — рассказ чуть позднее.

Рождение сына Юрия

И согнувшись, бесслѣзно молилась
Ей о слепеньком мальчике мать...

Анна Ахматова о Евфросинии Московской

Рассказ о детях великой княгини Московской (Владимирской) Евдокии был бы совершенно не полным, если бы мы не включили в него более подробное повествование о рождении её любимого сына — князя Юрия Дмитриевича.

Само рождение младенца было для неё чудесным, да и запомнилось на Руси на многие времена.

Появился на свет Юрий в 1374 году, как мы уже говорили, точно в день святого Георгия, который отмечается и по сей день, — 26 ноября (9 декабря по новому стилю). Ни одно летописное упоминание об этом событии не даёт никаких иных вариантов даты.

К счастью, и место рождения хорошо известно — город Переяславль (ныне — Переславль-Залесский). Почему не Москва, то есть не отчина мужа и не великокняжеские покои?

Да ведь Переяславль для княгини был более родным и близким городом, нежели столица. Здесь прошла её юность.

Появление младенца произошло в необычный год, оно было связано с уникальными обстоятельствами и важнейшими событиями; княгиня была окружена известнейшими людьми, выдающимися деятелями Руси того времени, которые сыграли ключевые роли в нашей истории.

Большинству читателей цифры «1374» ничего не говорят. Они показывают нам конкретный год и в настоящий момент могут быть интересны разве что некоторому количеству специалистов или знатоков.

Но имеет смысл выделить эту дату в русской истории и предложить читателю отнестись к ней более серьёзно и вынести её как одну из ключевых.

Не только потому, что именно в сей год княгиня Евдокия родила сына Юрия (Георгия). А потому, что произошла цепочка некоторых невероятных совпадений и обстоятельств, в результате чего история наша как раз и повернулась в последующее столетие в известном для нас сегодня

направлении.

Что же происходило в 1374 году на Руси (избежим рассказов о множестве мелких или малозначащих событий)?

Осенью произошёл (начал свою длительную многомесячную работу) важнейший общий съезд русских князей в граде Переяславле. Тогда были приняты общие решения, повернувшие политику Владимирской и Московской Руси, да и сам ход русской истории.

Митрополит Московский Алексей, покровитель Евдокии, предполагая свою ближайшую кончину, примет решение о передаче митрополичьей власти игумену Троицкого монастыря Сергию Радонежскому.

В этом году мы можем говорить о получении преподобным Сергием Радонежским особых подарков от византийского патриарха, а также совета-указания по переустройству монастырского жития на общежительский устав. Авторитет старца стал в этом году настолько заметен, что Сергей был специально приглашён на вышеупомянутый княжеский съезд в Переяславль, при этом избран князем Дмитрием Ивановичем и его женой Евдокией в качестве крестного отца для их новорождённого сына Юрия. Он же и крестил младенца. Предоставление такой высокой чести — неординарное событие.

Князь Дмитрий Иванович неожиданно для многих решает прекратить выплату дани Орде. Это смелое решение, и события вокруг него вошли в историю под названием «розмирие». Размолвка произошла с конкретным правителем — Мамаем, который потребовал от Москвы увеличения размеров самой дани. Из Орды на Русь, в княжество отца Евдокии — Нижегородское (в это время уже бывшее союзником Москвы), прибыл отряд под предводительством полководца Сарайки, дабы усмирить западные улусы. Нижегородцы ордынское войско разоружили, пленили, а потом и вовсе всех порубили, включая Сарайку.

С 1374 года русские князья стали действовать не разрозненно, а сообща. Они объединили свои силы вокруг Москвы, что позволило им затем, в 1380-м, разгромить самого Мамаю и его войско на поле Куликовом.

Итак, всё вышеперечисленное произошло или началось тогда, в 1374-м. Когда княгине Евдокии пришло время родить очередного младенца, своего третьего по счету сына.

В Троицкой летописи так и записали: «В Филипово говение месяца ноября в 26 день, на память святого отца Алимпия столпника и святого мученика Георгия, князю великому Дмитрию Ивановичю родися сынъ князь Юрьи в граде Переяславле, и крести его преподобный игумен

Сергий, святой старец... И бяше съезд велик в Переяславли, отовсюду съехашася князи и бояре и бысть радость велика в граде Переяславле, и радовахуся о рождении отрочяти».

А летописец Рогожский подтверждает: «Ноября в 26 день... родися сынъ князь Юрьи... И бяше съезд велик в Переяславли, отовсюду съехашася князи и бояре и бысть радость велика в граде Переяславле, и радовахуся о рождении отрочяти». Лицевой летописный свод отобразил крещение Юрия преподобным Сергием в миниатюре. Всё достоверно, даже два столетия спустя ничего в исполнении таинства не изменилось.

Княгиня Евдокия стала участницей княжеского съезда и пира. И если речь идёт о таких событиях, то неплохо бы знать, как они происходили. События такого рода бывали редко, хотя в представлении наших современников государственные деятели только и делали, что «веселились и пиروвали». Отчасти этому способствовали многочисленные былины, которые рассказывали, к примеру, о временах князя Владимира Красное Солнышко. Там что ни былина, так всё пир да пир. В таком праздновании принимали участие все, включая жён правителей.

Но княжеский съезд, в отличие от пира, был событием не столько незаурядным, сколько весьма выверенным по своей структуре и обычаям. Такие съезды собирались в периоды, когда требовалось принятие важнейших решений или даже когда решалась судьба отдельных уделов, а быть может, и всего государства. Они имели особые традиции и отличались от обычных переговоров или собраний. Вплоть до некоторого церемониала, повторяющегося столетиями.

О наиболее древних русских обычаях, связанных со съездами, повествуют, например, Лаврентьевская или Ипатьевская летописи. Они же показывают нам некоторую последовательность таких княжеских встреч.

Если не было назначено определённого города для общего собрания, то князья съезжались в каком-то месте, происходило нечто вроде «стояния на конях», предварительные переговоры. Затем, когда эти начальные процедуры с участием послов заканчивались, переходили к главному моменту встречи, к самому съезду.

Собственно, такая встреча ещё с киевских времён носила странное для наших современников название — «снем». Что это такое? По-старинному слово это писалось так — «съньмъ» или «сънемъ». А его синонимом или даже этимологическим прародителем является слово «сонм» (по-древнерусски — «соньмъ»).

Сонм означает собрание или скопление людей. Так же, как и снем.

Этим словом обозначается какой-то сбор, большой собор и даже просто — народ или община. А понятие «княжеский снем» было обычным в русском летописании. «Яже се вадить ны Святополк на снем», — рассказывает «Повесть временных лет». Или: «Учиниша снем у Дмитрова и взяша мир межю собою», — фиксируется в летописи Лаврентьевской.

Где происходили съезды-снемы? Оказывается, место имело самое главное значение. И символическое, и политическое.

Возможны были варианты встреч в поле, вне поселений. Тогда устанавливались большие шатры, где располагались хозяева и гости. Чаще же важные переговоры организовывали в сёлах или городах. А наиболее значимые — в столицах тех или иных княжеств. Мы знаем о некоторых съездах в Древней и Средневековой Руси — в Киеве, во Владимире, Чернигове, Ростове и в том же Переяславле.

Для большого съезда выбирался город «со смыслом». Представителям особо чтимых княжеских родов важно было, чтобы съезд проходил на их землях или в граде, связанном с их великими предками, дабы показать гостям всю мощь своих семейных связей и владений.

Переговоры происходили часто не за столом, а «на ковре». То была не просто дань какой-то восточной или иной традиции. Ковёр выступал символом единства и братства, мирного ведения беседы. Такую «формулу» встреч определил как-то князь Владимир Мономах (что зафиксировали летописи), когда предлагал во время одного из съездов гостям «сесть с братьями на едином ковре». Единый ковёр становился единым сакральным пространством, он уничтожал преграды и временно роднил или даже уравнивал тех, кто пришёл на снем. Отказаться сесть или возлечь на общем ковре означало несогласие или недоброжелательность.

Чем обычно завершались переговоры? Как правило, составлением какого-то документа, возможно, даже определённой грамоты — докончальной или иной другой. Этот документ скреплялся подписями, иногда печатями, при этом действе присутствовали «послы» или «послухи», то есть — свидетели (как правило, очень именитые и приближенные к князьям люди, скорее всего, — бояре).

А в самом завершении, в знак более серьёзного подтверждения правды происходящего, — целовали крест. Личное целование креста каждым князем после удачных переговоров было важнее, нежели подписание договора. «А на том крест целовали» — формула сия никак не могла быть нарушена. Хоть и сказано в Писании — «не клянитесь», но именно целование креста становилось заменой бывшей языческой клятвы, включая известные когда-то клятвы на крови, вроде ритуальных

жертвоприношений.

Нарушение письменных договоров было делом частым и, можно сказать, вполне понятным (менялись ситуация или время — менялись и условия договорённостей). Но поступить против крестного целования означало совершить настоящее предательство. И оно — крестное целование — было гораздо серьезнее любых бумаг, пергаменов или печатей, становилось поводом долгих распрей и даже войн, вплоть до уничтожения (подчинения) княжеств.

Известно, что договор можно было просто прервать или даже физически уничтожить, например порвать (что довольно редко, но происходило), но для того чтобы «снять крестное целование», иногда приходилось прибегать к вмешательству главного церковного иерарха — митрополита, который подписывал в связи с этим специальные грамоты. Яркий пример этому (один из многих) — более поздняя, начала XV века, «грамота Псковичам о снятии с них крестного целования и об отмене уставной грамоты князя Константина Дмитриевича» (одного из младших сыновей Дмитрия и Евдокии), подписанная митрополитом Фотием.

После всех вышеприведённых процедур завершалась официальная часть княжеского снema. И наступала другая его «половина», едва ли не самая известная в истории.

Пир.

Важный и только что подписанный договор, а также крестное целование надо было как-то отметить. Вот откуда появились те самые былинные рассказы, которые сформировали у наших современников представление о княжеских собраниях как о больших торжествах, где столы ломились от снeди, а вино и мёд текли рекой, в основном «по усам, в рот не попадая».

На самом деле это недалеко от исторической правды. Если уж пиры «закатывались», то весьма внушительные. Иногда они длились днями, даже неделями. Вручались взаимные подарки (вплоть до лучших коней и оружия), произносились здравицы, бояре или известные ратники соревновались в количестве съеденного или выпитого. Качество праздника должно было соответствовать важности съезда.

В том самом 1374 году княжеский снем продолжался не одну неделю. Он собирался, с небольшим перерывом, дважды. Незаметно съезд-пир «перешёл» в 1375 год, где весной повторился. И, что довольно редко случалось, в числе гостей на переговорах были также главные представители Русской православной церкви.

В 1374 году великий князь Московский Дмитрий Иванович пригласил

в столь любимый Евдокией Переяславль в гости лишь некоторых русских князей. Почему «некоторых»? Просто потому, что среди них были не только друзья и соратники, но и последовательные и непримиримые враги, которых приглашать было столь же непросто, сколь и почти невозможно.

Многие потом посчитают, что поводом для большого съезда послужило рождение Евдокией очередного сына, Юрия. Однако рождение это произошло во время самого съезда, когда все уже собрались в Переяславле, а не до того. Следовательно, на первый взгляд, произошло совпадение, которое можно причислить к разряду символических и даже промыслительных.

И действительно, рождение княгиней младенца стало событием. Приглашённые именитые гости даже не подозревали, что празднование крещения нового наследника окажется довольно длительным событием (продлившимся на месяцы, и с повторами), постепенно превратится в большое собрание, на котором будут приняты важнейшие для Руси решения.

Кто же приехал на этот съезд? Сведений об этом немного. «С детьми, с бояре и с слугами» прибыл отец Евдокии князь Дмитрий Суздальский и Нижегородский. С ним также подъехали его родственники и супруга-княгиня. Это сообщение показывает нам, что с самого начала съезд в Переяславле готовился не просто как «переговорный» в обычном кругу князей-воевод. То было большое собрание княжеских семейств, включая ближайшую родню, а самое главное — княгинь, то есть жён властителей княжеств.

Налицо стремление князя Дмитрия Ивановича не просто принять какие-то важные решения, но и сблизиться посемейному, с ещё большим проникновением в совместные проблемы или нужды каждого союзного княжеского рода.

Известно, что на съезд точно не приехал великий князь Тверской Михаил Александрович. Ведь уже тогда он успел снова (после мира в начале 1374 года) перессориться с Москвой в борьбе за великокняжеский престол.

Мы уже знаем, что в снеме приняли участие митрополит Алексей и преподобный Сергей Радонежский. Но был ли там будущий митрополит Киприан, посланный в наши края из Византии? Увы, мы даже не ведаем, где он пребывал именно в это время. И вообще — находился ли он на самой Руси в дни съезда или был в Киеве, а может, и в другом месте. Однако уже тогда крестный отец младенца Юрия — игумен Сергей Радонежский, скорее всего, поддерживал идеи Киприана, который

проводил твёрдую политику влияния на Русь из Константинополя.

Исходя из решений съезда и последовавших за этим исторических событий, исследователи данного периода становления Московского княжества предполагают, что к Переяславльскому собранию могли (вероятно) иметь какое-то отношение князь Киевский Владимир Ольгердович, князь Чернигово-Северский Дмитрий Ольгердович (в 1374-м, возможно, носивший также титул князя Брянского), затем новый князь Брянский Роман Михайлович, а также верховские правители княжеств Новосильского, Тарусского и Оболенского (их дружины примут участие в составе союзнических войск во время похода Москвы на Тверь). Все они были крайне заинтересованы в преодолении зависимости от Орды, освобождении от её влияния.

То, что град Переяславль у озера связан был с именем князя Александра Невского, также имело большое символическое значение.

Кстати, старинный град находился неподалёку от Троицкого монастыря, что по дороге на север от Москвы. Настоятелю Троицы — игумену Сергию Радонежскому — не составило большого труда прибыть на общую встречу.

Крестив рождённого Евдокией младенца, как мы помним, нареченного в честь дня святого Георгия Победоносца, он совершил не совсем обычное действие. Связывание себя с мирскими обязательствами, скорее, было исключением из правил (крёстный отец, тем более для будущего князя, — обязанность для игумена немалая). Но данный факт засвидетельствован в исторических документах.

Не исключено, что рядом с Сергием и Евдокией в Переяславле мог находиться подвизавшийся в этот момент в Троицкой обители инок Савва — будущий преподобный Савва Сторожевский, Звенигородский чудотворец. Неслучайно же впоследствии его жизнь будет так крепко связана с судьбой Юрия Дмитриевича, когда тот станет удельным князем Звенигородским.

Для великой княгини Евдокии, подарившей мужу чудного младенца, град Переяславль был почти родным. Она провела здесь многие годы своего детства, когда жила ещё у своих родителей — князей Суздальских. Можно сказать, что это был для неё второй дом, где ей было тепло и уютно, легко и приятно.

Возможно, она специально выбрала Переяславль для рождения сына, а затем её муж — Дмитрий Иванович — решил одновременно провести в городе княжеский съезд. В этом случае княгиня сыграла своим выбором поистине великую роль в истории Русского государства.

Вот почему, находясь в положении роженицы, Евдокия отправилась в северный город, нисколько не задумываясь о каких-либо проблемах. Кстати, известно, что и позднее, в 1380-х годах, она будет покровительствовать Переяславлю и много здесь строить.

Но возвратимся к итогам съезда князей 1374 года.

В процессе переговоров и празднования в Переяславле князья сошлись на том, что пора объединить свои силы против Золотой Орды. Мысли такие и раньше приходили многим из них в голову. Но это были всего лишь идеи, желания и не более. Теперь, когда в Орде властвовала смута, а правители менялись ежегодно и даже чаще, было самое время собраться с силами и попробовать впервые за сто с лишним лет показать собственную отвагу.

Именно с 1374 года, с этого символического праздника рождения Евдокией и крещения Юрия Дмитриевича в Переяславле, можно говорить о первых крепких нитях, связавших несколько русских княжеств воедино для борьбы с вековым ордынским игом. Была принята программа совместных действий по возможному прекращению выплаты дани Орде, а также по собиранию военных сил для совершения военного упреждающего удара по ордынскому войску, которое могло появиться в русских землях в связи с убиением посольства Сарайки в Нижнем Новгороде и представлять опасность для отца Евдокии.

То была важнейшая веха в политической и военной истории Северо-Восточной Руси. Впервые в таком союзе приняла участие и Литва, заинтересованная в защите от Мамаевской части Орды, хотя и помышлявшая всегда о присоединении к себе московских земель. В прямой зависимости от этого съезда и его идей, как мы уже говорили, был и произошедший военный поход 1374 года в Орду литовцев, отмеченный в летописях. Правда, почти в самый период работы съезда главного героя похода князя Юрия Кориатовича «окормили» (то есть отравили) его же соратники. Но это имело отношение не к переяславльским задумкам, а к политике Литвы.

После съезда уже не страшны были перемены и в настроениях жаждавшего великокняжеского ярлыка Михаила Тверского. В Орде, в пику князю Дмитрию, решено было выдать его сопернику ярлык на Великое княжество Владимирское. То есть по решению хана-царя Москва должна была подчиниться Твери. Ради получения такой грамоты князь Михаил Александрович отправил в Орду в марте 1375 года большое посольство. Сам же помчался к литовцам, дабы получить важного союзника против тех, кто собрался на съезде в Переяславле уже вторично, после ноября 1374 года.

Новая коалиция князя Дмитрия действовала быстро и согласованно. Поход и действия против Михаила Тверского были тщательно разработаны и спланированы на вновь собранном снеме. Летом 1375 года, июля 13-го дня, князь Михаил сумел получить вождеденный ярлык на великое княжение, резко порвал отношения с Москвой и начал войну.

Но он даже не мог предположить, насколько Москва была к ней уже готова.

В кругу князя Дмитрия собралось столь небывалое количество союзников, что вряд ли кто мог тогда даже помыслить о соперничестве с ним. Предполагается, что среди них были князья ростовские и ярославские, а также суздальско-нижегородский, серпуховской, Городецкий, белозерский, кашинский, стародубский, тарусский, новосильский, Оболенский, смоленский, брянский. Включились даже новгородцы, у которых с Михаилом были свои давние счёты.

И полутора месяцев не прошло, как Тверь вообще перестала выдвигать какие-либо притязания на верховное правление. Мамай был ещё слаб, а великий князь Литовский Ольгерд не готов выступить против такой силы. Войны не состоялось. Москва выиграла «битву» политическими методами и психологическим давлением, хотя и совершила поход в сторону неприятеля. Съезд 1374—1375 годов оказался на редкость удачным. Объединённые силы, которые возглавил князь Дмитрий Донской, представляли для князя Михаила столь великую мощь, что он был вынужден почти сразу же подчиниться Москве. И даже ярлык, выданный ему ордынским ханом, не помог. Он просто стал ему не нужен.

По договору и крестному целованию от 1 сентября 1375 года великий князь Тверской Михаил Александрович признал себя «младшим братом» (то есть подчинённым) великого князя Московского Дмитрия Ивановича. А главное, расписывался в том, что больше не будет претендовать ни на Великое княжество Владимирское, ни на Москву, а вступит в коалицию с участниками съезда — против Орды и Литвы. Многолетним историческим притязаниям Тверского княжества на верховодство всей Русской землёй наступил конец.

А год 1375-й завершился, на первый взгляд, незаметным событием — болгарин Киприан стал по решению патриарха Константинопольского митрополитом Киевским и даже с правом принять на себя в дальнейшем полномочия митрополита «всей Руси», каковым был на тот момент митрополит Алексей. Поэтому своё право Киприан мог осуществить лишь после кончины здравствующего пока митрополита. Таким образом, Литва потенциально всё-таки выиграла спор с Москвой за митрополию, что

повлияет в ближайшем будущем на ход русской истории.

Таким был тот памятный съезд русских князей. И он с самого начала был связан с именем Евдокии и рождённым ею в те дни Юрием...

Современными археологами было обнаружено каменное изваяние воина-змееборца, которое находилось в алтарной преграде появившегося как раз в то время Спасского собора Спасо-Андроникова монастыря в Москве. Оно было установлено, по мнению некоторых исследователей, ещё при игумене Андронике в честь появления на свет в 1374 году великокняжеского младенца Георгия. На нём изображалась «борьба со змеем», со злом, что символически станет смыслом будущей жизни князя Юрия. Так действительность иногда напрямую бывает связана с некоторыми «предвидениями», появляющимися намного ранее.

Рождение княгиней Евдокией младенца Юрия в Переяславле действительно стало своеобразным символом появления новых идей и новых перспектив. Ведь именно в эти дни были приняты самые главные решения по неподчинению Орде и борьбе с ней, например — решение о будущем походе в Булгарию, на земли хана-царя!

Такого ещё год назад никто не мог даже предположить всерьёз!

Поход этот был в реальности осуществлён чуть позднее, три года спустя. Ходила дружина князя Дмитрия Ивановича на Волжскую Булгарию. И что удивительно — спустя почти двадцать лет нынешний новорождённый Юрий повторит всё это почти буквально: пойдёт в Орду, на тех же болгар.

И продвинется он много дальше всех своих предшественников, предположительно добравшись до самых восточных городов Булгарии, то есть туда, куда не доходили ни прежние русские дружины, ни даже новгородские ушкуйники, бывавшие в камско-волжских землях с набегами не один раз.

Приведём ещё один необычный исторический факт. На листе 74-м Троицкого списка Новгородской Первой летописи (один из ранних документов, рассказывающий о той эпохе) мы находим запись о родословии русских князей. Прочтём самый её конец.

Из Троицкого списка Новгородской Первой летописи:

«Роды русских [к]нязеи...

А Иван роди Ивана.

А Иван роди Дмитрея князя, той бо

Дмитрии съсвещася самодържцем.

А Дмитрей роди Юрья».

Всё. На этом родословие заканчивается!

Упоминаются здесь князья Иван I Данилович Калита, Иван II Иванович Красный, Дмитрий Иванович Донской и его сын Юрий Дмитриевич, будущий князь Звенигородский и Галичский, а затем великий князь Московский (Владимирский).

И никто более.

Мы видим, что в текст включены только прямые наследники и преемники верховной власти на Москве. Но остаётся только догадываться, почему автор текста не упомянул другого сына Евдокии — старшего брата Василия, ставшего в реальности великим князем после Дмитрия Донского, а поместил здесь имя Юрия. Кроме того, почему он вообще закончил список на Юрии, не продолжив его каким-либо следующим преемником? Похоже, что автор никого вообще более не принимал за реального преемника. Так ли это?

Во всяком случае можно предположить лишь особую значимость имени князя Юрия для того, кто составлял важнейший документ русской истории, коим испокон веку считалась летопись. Ведь просто так на столь странную запись, изменяющую цепь родовой истории русских великих князей, никто бы не решился.

Таким образом, в ноябрьские дни 1374 года появившийся благодаря Евдокии на свет мальчик, наследник, младенец буквально оказался «золотым», его рождение пришлось как никогда к месту.

Во-первых, к общему княжескому съезду. Наследника сразу же с гордостью показали не только матери и отцу, но и всем русским князьям. И они запомнили его имя.

Во-вторых, дата 26 ноября оказалась непростой, ребёнок впервые подал свой глас на этом свете в день рождения своей матери, великой княгини Евдокии (она, как мы помним, предположительно родилась также 26 ноября).

В-третьих, нарекли его именем Георгий (по дню рождения), а потому он всегда будет символически связан со своим тезоименитым небесным покровителем святым великомучеником Георгием Победоносцем (князь Юрий не будет знать ни одного поражения в битвах), ставшим позднее символом Москвы. Для некоторого «позитивного» восприятия его как личности со стороны современников такое имя было очень важным

символом.

И, наконец, в-четвёртых, сын Евдокии был крещён самим преподобным Сергием Радонежским.

Что ещё можно добавить к такому перечислению фактов и имён, да и такому стечению обстоятельств?! Подобного рождения и крещения Русь, наверное, и не видывала. Мальчик казался и в самом деле — драгоценным и богоугодным.

Будущей надеждой великокняжеской семьи и Московского престола!

Почему и для чего великий князь Дмитрий Иванович и его жена Евдокия Дмитриевна выбрали крестным отцом своему любимому сыну Юрию игумена из недалёкого от Переяславля монастыря? Ведь к тому времени сам великий князь ещё, видимо, не был столь близок к преподобному Сергию, да и не знал его уж слишком хорошо. Можно лишь предположить, что рекомендации для этого он получил не только от митрополита Алексия, но и, возможно, от будущего митрополита Киприана, который уже незаметно покровительствовал Сергию. Не говоря уже о духовнике князя и княгини, родственнике Сергия — Феодоре из Симонова монастыря на востоке от Москвы.

Жизненный путь основателя Троицкой обители неподалёку от города Радонежа к тому времени был мало кому известен, хотя слава о духовных подвигах его уже разнеслась по Московской земле.

Епифаний Премудрый в Житии преподобного Сергия Радонежского (XV век) писал: «Отрок внезапно постиг всю грамоту и чудесным образом изменился: какую бы книгу он ни раскрыл — он хорошо читал и понимал её. Этот благодатный отрок, от самых пелёнок познавший и возлюбивший Бога и Богом спасённый, был достоин духовных дарований».

Да, начиналось всё так. Некоторое время назад отрок Варфоломей (будущий Сергей Радонежский) решил оставить родительский дом и найти себе пустынное место для проживания. Вместе с братом Стефаном он построил первоначально из дерева всего лишь маленький домик, именуемый кельей, с таким же миниатюрным храмом неподалёку — во имя Троицы, «чтобы постоянным взиранием на него побеждать страх перед ненавистной раздельностью мира». Вокруг стоял вековой лес. Так основывались обычно монастыри на Руси. Варфоломей ещё даже не был монахом, он принял постриг позднее от игумена Митрофана и только тогда получил имя Сергей (это произошло в день памяти мучеников Сергия и Вакха).

Тогда будущему настоятелю большой обители было 23 года. Прошли

один за другим 1330-е, 1340-е. Брат оставил его, уехав в Москву. Он станет затем духовником князя Дмитрия Донского и его жены, княгини Евдокии.

Можно представить себе, сколь непроста и даже опасна была жизнь в одиночестве, в лесу, в окружении диких зверей, в годы, когда битвы, моры и пожары просто сметали большую часть окружающего населения. Выживание становилось настоящей наукой, в том числе и духовной.

Однако в жизни всё так и происходит. Если слух пошёл — то его уже никак не остановишь. Окрестные жители прознали о поселившемся в лесу подвижнике. Сюда стали изредка приходить люди, знакомиться, разговаривать. Некоторые решили селиться неподалёку. Стали строить такие же кельи из дерева. Так поселение разрасталось.

В итоге получился новый монастырь, в котором братия уговорила Сергия принять настоятельство над ними. Он был рукоположен в священники, и епископ Афанасий из Переяславля назначил его игуменом. То были уже 1353—1354 годы.

В монастыре Сергия было принято решение, что иноков будет только двенадцать (видимо, по числу апостолов, хотя теперь предполагают даже некое ирландское влияние, где в обителях определялось наличие только такого количества монахов). И включить в число братии кого-то нового можно было только при условии, что их станет меньше двенадцати по той или иной причине.

Первое время жизнь монастыря была устроена по очень строгому уставу. Сергей постановил, что получать всё необходимое для существования монахи могли только в результате собственного труда (в первую очередь — физического). Не возбранялось также приятие добровольно принесённых кем-то даяний. Однако прошение милостыни в любой форме пресекалось на корню.

Постепенно Сергей стал принимать в монастырь всех желающих, правда, только после определённых испытаний. Среди таких новых обитателей могли оказаться и малоизвестные люди, но также и состоятельные вельможи, включая бояр, воевод и даже князей.

Слава и почитание Сергия росли. Однако в это время он предпринял свою знаменитую реформу монастырской жизни, которая чуть не повлекла для него потерю игуменства в основанной им обители.

К этому времени слух о подвижнике Сергии дошёл до Константинополя. Патриарх Филофей, активный сторонник распространения «общежительного» устава в жизни православных монастырей, как мы уже говорили, предложил игумену Троицы ввести новый порядок у себя в обители. Для подтверждения своего участия и

внимания к преподобному патриарх прислал ему крест с мощами, а также письмо-грамоту, в котором благословил его на введение новшества. «Совет добрый даю вам, — так писал первосвятитель Вселенской церкви Сергию, — чтобы вы устроили общежительство». Неожиданно было и то, что патриарх не отправил такой же совет в уже известные и давно существующие монастыри на Руси. Он обратил внимание на нового игумена и его братию, предполагая, что они смогут стать проводниками нового византийского влияния на Москву. И, как мы увидим далее, патриарх не ошибся.

Что значило введение общежития для тех, кто, собственно, жил в монастыре? Формула была проста: «Ничто же особь стяжевати кому, ни своим что звати, но вся обща имети». По сути — происходила полная перемена в жизни каждого инока. Если до этого он имел какое-то собственное личное имущество (пусть даже и минимальное), какое-то собственное жильё (те самые домики-кеleyки вокруг деревянного храма Троицы), то теперь он должен был отказаться от всего. Имущество монастыря и каждого в отдельности становилось общим, как и становились общими — трапеза, ведение хозяйства и многое другое.

Митрополит Алексей, как мы уже знаем, предполагал передать Московскую кафедру Сергию, не видя иного преемника на важнейшем для того времени посту. Известно, что Троицкий игумен отказался и от перемены чёрных монашеских одеяний на богато украшенные митрополичьи, и от подаренного ему Алексием золотого креста, объявив: «Я от юности не носил золота, а в старости тем более подобает мне пребывать в нищете».

В наступившем к тому времени 1374 году произошла очередная важнейшая для преподобного Сергия и князя Дмитрия Донского с женой Евдокией встреча на съезде в Переяславле. Можно быть уверенным в том, что участие Троицкого игумена и позднее митрополита Алексея не ограничивалось только церковными проблемами (в первую очередь — вопросом преемственности в митрополии), а также крещением младенца Юрия. Конечно, они участвовали в главных переговорах по стратегическим вопросам единения русских княжеств перед лицом новых угроз, в частности возможного карательного похода на Русь темника Мамайя после убийства его посольства в Нижнем Новгороде — городе отца Евдокии.

Одних прагматических выводов явно не хватало. Необходимы были воодушевление, духовное обновление, чтобы понять важность предстоящих преобразований. Хотя вполне вероятно, что преподобный Сергий в это время исполнял просьбу отсутствовавшего Киприана — не

забывать о важности влияния на светские решения церковных иерархов, включая ещё не ослабший тогда Константинопольский патриархат.

Рождённый Евдокией сын Юрий много ещё сделает для Руси. И более подробный рассказ об этих деяниях — в следующих главах книги.

Глава 3

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ

Москва в ордынские времена

От навождения диаволя вздвижеса князь от восточная страны...

Из Сказания о Мамаевом побоище, XV в.

Эпоха, в которую Евдокия из обычной княжны, коих на тогдашней Руси было немало, превратилась после замужества в великую княгиню, то есть в правительницу крупного и важнейшего Великого княжества Владимирского, в которое составной частью входило и Великое княжество Московское, была непростой для Русского государства.

Достаточно почитать летописи или произведения древнерусской литературы той поры, чтобы понять — в каком постоянном ожидании напастей и возможной негаданной кончины жили тогда люди. Набеги, войны, разрушения, возможность попасть в плен и рабство к иноплеменникам, близкое соседство с мощными и развитыми мусульманскими странами — всё это окружало Русь или происходило постоянно и ежедневно.

Добавим к этому междоусобные княжеские столкновения, переделы земли, борьбу за уделы и за само великое княжение. То есть жизнь человека фактически была, как говорили, — «под Богом». Ложась спать, житель даже укреплённого стенами города не мог быть уверенным, что завтра проснётся живым и здоровым.

Вот типичный рассказ из летописи того времени: «Горестно было видеть, и слёз многих достойно, как один татарин до сорока христиан вёл, грубо связав их, многое же множество посечено было, иные же от холода умерли, другие от голода и нужды... И была тогда во всей Русской земле среди всех христиан туга великая и плач безутешный, и рыдание, и стоны, ибо вся земля пленена была...»

А вот и другое повествование, почти повторяющее предыдущий рассказ об ордынском нашествии: «Сколько сотворили убытков своими набегами, сколько городов захватили, сколько золота и серебра и всякого имущества захватили и ценностей всяких, сколько волостей и сёл разорили, сколько огнём пожгли, скольких мечами посекали, скольких в плен увели!»

Русь находилась под властью Орды, фактически являлась её частью,

или, как тогда говорили, — «улусом». Приходилось регулярно платить ханам Орды немалую дань, а она ведь собиралась со всего мира.

Если русские князья имели ярлык на великое княжение, то только с согласия выдававшего его ордынского правителя. Летописи подтверждают нам, что был тогда тот, кого называли на Руси «царём». Нет, это не великий князь Владимирский, Московский или какой иной. Царём называли хана Золотой Орды. И без его соизволений вообще ничего всерьёз предпринимать было нельзя. Его власть была полной, он в конечном итоге решал — кого казнить, а кого миловать. Ему платили дань все улусы, а значит, каждый отдельно взятый человек русского Средневековья.

Однако почти полтора столетия ордынского благополучия во власти и окормления её с помощью обложенного данью населения вдруг привели к сбоям в уже налаженном механизме. И на то были свои причины.

Новые времена приносили новые веяния. Предчувствовалось во всём — что-то должно было произойти в этом мире. В кругу женщин, окружавших великую княгиню Евдокию, помогавших в хозяйстве или в воспитании детей, обсуждали всяческие слухи или донесения, в особенности, приходящие с востока. Ибо судьба страшной Орды влияла и на жизнь Руси. Проблемы за Волгой становились и проблемами всех русских княжеств.

А было от чего беспокоиться.

Довольно долгое для тех времён 15-летнее правление хана Джанибека в Орде закончилось в 1357 году. Начались бесконечные дворцовые перевороты и династические распри, которые положили начало ослаблению могущественного государства.

Но эта агония не означала улучшений для Руси. Иногда в истории происходит наоборот. Не случайно говорится, что раненый зверь может быть ещё более опасен, нежели здоровый.

Известно, что Чингисхан оставил множество потомков, которые успешно расплодились по всей Евразии. И большинство из них мечтали занять ханский престол. Гигантская Орда была лакомым кусочком для каждого из них.

За последующее после кончины Джанибека пятнадцатилетие, вплоть до 1372 года, властью в Орде успели насытиться 15 ханов. Правили они и по полгода, и максимум — по два, а один — вообще только четыре дня!

Казалось бы, ослабление и неустойчивое положение такого сильного хозяина для Руси могло бы стать хорошим предзнаменованием. Но оно отражалось на жизни крепнувшего Московского государства весьма отрицательно. Довольно трудный, многодневный путь в Орду русских

князей или их посольств иногда заканчивался ничем, так как за время путешествия менялся ордынский правитель, а с ним — и возможные решения о власти или порядке.

В 1370—1380-е годы гигантское государственное образование, основанное монголами, улус Джучи, фактически распалось на две части, каждая из которых также была на грани распада на более мелкие части. Появлялись лидеры, которые пытались восстановить былое единство и могущество Орды. В одной её части правил темник Мамай, который считал свои права весьма вескими, так как был женат на дочери Джанибека. А в другой части — в Синей Орде — появился не менее грозный его соперник — Тохтамыш.

История распорядится так, что и Русь, и Тохтамыш, и Мамай столкнутся между собой, причём неоднократно. Мамай и Тохтамыш были намного сильнее Руси. Однако (парадокс истории!) во времени выживет только одна из трёх сил. Этой выстоявшей в плавильне истории стороной будет поднимающееся из-под ордынского ига молодое Московское княжество.

Неожиданно в феврале 1378 года, «в заутреннюю годину», скончался святитель Алексей, митрополит Московский. Для княгини Евдокии преставление Алексея стало тяжёлой утратой. Митрополит помогал своими наставническими советами. Он мудро опекал великокняжескую семью.

Для её мужа, великого князя Дмитрия Ивановича, ратовавшего за своего попечителя, а также отстаивавшего интересы своего княжества в некоторых сложных отношениях с Константинополем, кончина сия была ещё более печальной. Перед преставлением митрополит заповедал великокняжеской семье не погребать себя в храме, а сделать это вне его, за алтарём собора основанного им мужского Чудова монастыря в Кремле. Но всё же князь Дмитрий распорядился опять по-своему, таков уж был характер. Митрополита положили в самом храме у алтаря.

Почти вся столица собралась на похороны святителя. В собор на отпевание пришли «епископы и архимандриты, игумены и священники, дьяконы и черноризцы, а также множество народа». Пролистывая известное древнерусское сказание «О Алексие митрополите», мы можем заметить очередное, редкое упоминание о семье Евдокии, её муже и старших детях (увы, но здесь, по традиции, перечислены только мужские имена): «Князь же великий Дмитрий Иванович сам стояще... князь же Василий, сын... а князю Юрию Дмитриевичу, брату его, три лет сушу».

Проводы на битвы

Дмитрий предпочитает безопасность народную своей собственной, и любовь общая к нему удвоилась в сердцах благодарных.

Н. М. Карамзин

Судьба женщин того времени была связана в первую очередь ещё и с постоянными ожиданиями. Вернутся ли их отцы, братья, мужья и сыновья с очередных битв и сражений.

Для Евдокии такая доля выпала сполна. И трудно найти более сложную судьбу великокняжеской жены того времени, чем у неё.

Сами времена возможного освобождения от ига Орды заставляли принимать быстрые решения. А они влекли за собой дальние и долгие походы.

Женщине надо было иметь большое мужество, чтобы уметь ждать и верить в то, что она увидит своих близких живыми по возвращении.

Именно в те времена великому князю Дмитрию Ивановичу пришлось впервые с 1252 года, то есть со времён правления князя Андрея Ярославича, брата Александра Невского, всерьёз принять решение о выступлении против Орды. Слабость и междоусобицы среди наследников Чингизидов отразились на состоянии отношений с Русью, которая смогла себе позволить приподнять голову против самого хана-царя.

И ордынский темник Мамай это хорошо знал, как и понимал возможные последствия. Что он должен был предпринять для предупреждения возможных неприятностей? Обычное для Орды и вполне действенное средство — напасть, разорить, усмирить и заставить покориться неумённого правителя подчинённого «улуса». Что и произошло.

Симеоновская летопись повествует: в 1377 году ордынское войско, объединив почти все западные от Волги улусы против Руси, вторглось на территорию Суздальско-Нижегородского княжества и, разбив на реке Пьяне объединённое русское войско, частью которого стали московские ратники, разорило здешние земли. То поражение стало для русичей памятным. Но оставшиеся в живых вернулись домой не только залатывать прорехи в доспехах и залечивать раны. Они с ещё большим упорством

стали готовиться к новым сражениям. Ведь следующим шагом для жаждущей наказания ослушников Орды должна была стать, конечно же, сама Москва.

Так оно и случилось. Год 1378-й стал во многом решающим для развития Русского государства. То был год первой победы русских в полевой битве с татарами, которой, можно сказать, ждали более века. Мурза Бегич повёл ордынское войско непосредственно на Москву. Ему навстречу, дабы упредить приближение к столице, выступили дружины князя Дмитрия Ивановича.

Встреча ратей произошла на Рязанской земле в августе. Не один день воины обоих войск стояли на разных берегах реки Вожи (приток Оки). Первыми решились на переправу татары. Они были уверены в своём превосходстве. Но не тут-то было. В завязавшемся сражении русские показали, что у них есть подготовленный план.

Они ударили с нескольких сторон, для чего князь Дмитрий разделил войско на несколько полков. Такой стратегии татары совершенно не ожидали, привыкнув к тому, что победы над русскими доставались им достаточно легко и быстро. Ордынцы не выдержали натиска и побежали. Они несли очень большие потери. Спасаясь, воины мурзы прыгали в реку, и большинство просто в ней утонули.

Победа русских дружин оказалась полной, противник был разбит наголову.

Так был окончательно изжит страх перед страшной Ордой, развеялась легенда о непобедимости завоевателей Руси. Наступил окончательный поворот в отношениях двух старых противников.

Исполненные счастья возвращались домой оставшиеся в живых московские воины. Во главе жён и сестёр, матерей и дочерей вышла встречать мужа и великая княгиня Евдокия. Но радость была недолгой.

Мамай не хотел так просто «отпустить» русских, но и предпринять что-то существенное после таких потерь — не мог. Удовлетворился он только внезапным набегом пару месяцев спустя после поражения Бегича, осенью 1378 года. Вторгся на земли Рязани, участвовавшей в сражении на реке Воже, разорил её основательно, сжёг дотла княжескую столицу, град Переяславль-Рязанский (не путать с Переяславлем Залесским) и безо всякого сопротивления и потерь вернулся восвояси.

Если бы всё закончилось только этим! Однако у Мамаю была совсем другая проблема, которая никак не разрешалась разграблением рязанских земель. Ему нужно было добраться до самого сердца Москвы, чтобы заставить её вновь полно и покорно выплачивать Орде положенную ханом-

царём дань. Он сможет вернуться к решению этой задачи только два года спустя. А теперь ему нужны были победы в дипломатии.

И они ему отчасти удались. Мамай заставил выйти из русской коалиции во главе с князем Дмитрием Ивановичем княжества Нижегородское и Рязанское, а также умело сошёлся с Литвой.

Однако Москва также времени не теряла. Зимой, на рубеже 1379/80 года московские дружины совершили неожиданный глубокий рейд по землям Великого княжества Литовского. Кампания прошла удачно и практически без потерь. Летописи отметили события следующим образом: «Князь великий Дмитрий Иванович, собрав вой многы и посла с ними брата своего князя Володимера Андреевича да князя Андрея Ольгердовича Полотьского да князя Дмитрея Михайловича Вольньского и иныя воеводы и велможи и бояре многы... отпусти их ратию на Литовьския города и волости воевати. Они же шведыпеса взяша город Трубческы и Стародуб и ины многы страны и волости и сёла тяжко плениша, и вси наши вой, русстии полци, цели быша, приидоша в домы своя со многыми гостьми».

Князю Дмитрию удалось даже заполучить ещё одного союзника. По летописному рассказу, «князь Трубческый Дмитрий Олгердович не стал на бои, ни поднял руки противу князя великаго и не бияся, но выиде из града с княгинею своею и з детми и с бояры своими и приеха на Москву в ряд к князю великому Дмитрею Ивановичю, бив челом и рядися у него».

Весточки стали приходиться в Москву тревожные. Спустя два года после поражения на Воже сам Мамай решил отомстить за нелепое, по его мнению, поражение. И хотя ему основательно мешал очень сильный внутренний враг — хан Тохтамыш, он всё равно решился двинуть своё войско на Москву, дабы наказать ослушавшихся русичей.

Год 1380-й стал хрестоматийным для всякого, кто хотя бы коротко знаком с историей Руси. Куликовская битва описана и разобрана в многочисленных трудах и публикациях. А потому нет смысла рассказывать подробно о том, как собранная почти со всех русских земель объединённая рать выступила навстречу Мамаю. Как сошлись они у речки Непрядвы, как сразились воин-монах Пересвет (предполагается, что он был без доспехов) и мощный ордынец Челубей, как наскочили татары и смяли русские ряды, как выступил в нужный момент засадный полк, как нашли самого князя Дмитрия едва живого и, наконец, как потом всем миром хоронили павших в сражении сородичей.

На то сражение с Мамаем и его Ордой собрались дружины многих русских земель — Московской, Владимирской, Суздальской, Нижегородской, Ростовской, Белозерской, Муромской. Появились в рядах

защитников Руси даже не очень покорные Москве псковичи и новгородцы. Такое ещё не было видано в обозримой для русских истории, сам факт такого объединения оказался, быть может, морально важнее самой будущей победы.

В это самое время, то есть и до битвы, и в течение всего сражения, в Троицкой обители молились о победе русского воинства (это отражено в лицевых сводах позднего времени). Преподобный Сергей Радонежский благословил князя Дмитрия на битву, а затем — отправил ему ещё одно благословение письменно, которое князь получил уже по пути на Куликовское поле: «Иди, господин, иди вперёд, Бог и святая Троица поможет тебе!» Это послание ему передал старец монастыря, которого звали Нектарий-вестник, прославленный затем в числе Радонежских святых.

Нас в данном случае интересуют другие факты — не менее важные, связанные с битвами на реке Божьей и на поле Куликовом. А именно то, что князь Дмитрий Иванович отправлялся на эти сражения, предварительно испросив благословение у Сергия Радонежского, ставшего к тому времени одним из главных духовных лидеров страны. Прекрасные слова о Сергии принадлежат историку В. О. Ключевскому: «Таких людей была капля в море православного русского населения. Но ведь и в тесто немного нужно вещества, вызывающего в нём живительное брожение. Нравственное влияние действует не механически, а органически... Украдкой западая в массы, это влияние вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души русского человека XIV века... Пятьдесят лет делал своё тихое дело преподобный Сергей в Радонежской пустыне; целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из его источника черпали в его пустыне утешение и ободрение и, воротясь в свой круг, по каплям делились им с другими».

А ведь и вправду, почти полтора столетия на Руси воспринимали ордынское иго и татарские набеги как «кару Божию», которую как будто бы приходилось нести за накопившиеся грехи отцов и за свои собственные. Юридически (и по праву силы) хан Орды был кем-то вроде главного правителя для всякого русского. Трудно было «перестроиться» и заставить себя поверить в то, что это может быть не так. Вот почему мы можем говорить о великом духовном и нравственном подвиге Сергия Радонежского и его сподвижников, сумевших вдохновить и великокняжескую власть, и простых людей на битву с захватчиками. Надо было в буквальном смысле — словно пробудить страну от затянувшегося

сна, чтобы осознать, что Орда является не отчиной, а чужеземным образованием, и её правители — не «кара», а настоящий враг. И борьба с таким врагом — не «грех против воли Божией», а дело во многом святое, праведное и даже богоугодное.

Две победы — на реке Божее и на Куликовом поле — произошли в символические дни, ставшие важными датами в русской истории. Они состоялись в великие праздники Успения и Рождества Пресвятой Богородицы. Отныне эти дни станут определяющими для многих событий. Но главное, что утвердилось внутренняя мысль в душе почти каждого русского: Бог помиловал Русь! А доказательство тому — дарованные Им победы над захватчиками.

А где же находилась наша героиня — всё ещё юная, но уже великая княгиня Евдокия Дмитриевна? Мало свидетельств, дабы с большой точностью рассказать — чем она занималась и как проводила своё время. Но во время Куликовской битвы она, скорее всего, была неотлучно с детьми в стольном граде Москве.

Вот как описывает эти события автор выпущенной в 1893 году книги «Седая старина Москвы» И. К. Кондратьев:

«Узнав о Мамаевом нашествии, Дмитрий Иванович по благочестивому обычаю своих предков, прежде всего, поспешил в Успенский собор с молитвой о подании небесной помощи против врагов и потом уже разослал гонцов для собрания воинства. Тогда вдруг всё пришло в движение: каждый горел желанием принять участие в предстоящей борьбе. Кто не мог служить отечеству оружием, тот ревновал служить ему молитвами и делами христианского благочестия. В этом последнем деле Евдокия подавала первый лучший пример. Забывая о предстоящей опасности для своего супруга, она полностью посвятила себя делам благочестия. По словам летописцев, она непрестанно ходила в церковь и раздавала бедным богатые милостыни. Великий князь между тем, устроив полки, отправился в Троицкий монастырь, чтобы принять благословение преподобного Сергия и просить его молитв. Возвратившись в Москву, великий князь велел выходить войскам, а сам пошёл в Архангельский собор. Укрепившись там молитвой и поклонившись праху своих предков, Дмитрий Иванович вышел из церкви. Тут встретила его Евдокия, окружённая жёнами князей и воевод и множеством народа, собравшегося провожать великого князя. Последовало трогательное прощание Дмитрия со своей супругой. Великий князь подошёл к плачущей Евдокии и стал утешать её.

«Оставь слёзы, — сказал он, — Бог нам будет заступником, и мы не убоимся врагов». Затем он обнял в последний раз супругу и отправился в путь. Княгиня вошла с воеводскими жёнами в терем, села под южными окнами к набережной и грустно смотрела вслед удалявшемуся супругу. Она горько и тихо плакала и, глубоко вздохнув, воскликнула: «Господи Боже великий! Презри на меня, смиренную, удостой меня ещё увидеть славного между людьми великого князя Дмитрия Иоанновича! Крепкою рукою твоею дай ему 'победу на супостатов! Да не постигнет христиан та же участь, какая постигла их на реке Калке! Не дай погибнуть остатку христиан, да славят они святое имя твоё! Уныла земля Русская, только на тебя уповаем, Око Всевидящее! У меня осталось три сына, но все они ещё в детских летах... Кто защитит их от ветра буйного и от зноя палящего? Возврати им отца и не дай им осиротеть!» Скоро получено было известие, что великий князь со всем войском переправился через Оку в Рязанскую землю и пошёл на бой против татар. И начали все скорбеть за князя и за землю Русскую. Не в одной Москве, но и во всех других городах, по словам летописца, раздавались сильные стоны, плач и рыдания. Всех безутешней были женщины. Если такова была всеобщая скорбь русских, то княгиня Евдокия имела гораздо более причин скорбеть о сомнительных следствиях похода».

Имеет мы также несколько важных упоминаний о великой княгине Евдокии в «Сказании о Мамаевом побоище», а также её изображений — в иллюстрированном списке произведения, хранящемся в наши дни в Отделе рукописей Британской библиотеки в Лондоне (таких списков много, но иллюстрации разные, один из главных списков «Сказания» находится в Москве, в Государственном историческом музее). Здесь повествуется о походах Евдокии и других воеводских жён своих мужей в дальний поход. Не без трепета читаем мы строки о том, как «великая княгиня Авдотья» и другие женщины «подают конечное целование» своим любимым. Подают целование! А на современном языке — целуют своих мужей при расставании, которое в высшей степени вероятности могло быть последним. Изображена в центре композиции на миниатюре и сама Евдокия, как правительница — с короной на голове. Скупыми красками и нехитрыми линиями художник передаёт глубокие чувства тех, кто переживал события тогда не в воображении, а наяву.

Читаем в российском списке «Сказания»: «Княгиня же великая Евдокия, и Владимира княгиня Мария, и других православных князей княгини, и многие жёны воевод, и боярыни московские, и жёны слуг тут

стояли, провожая, от слёз и кликов сердечных не могли и слова сказать, свершая прощальное целование. И остальные княгини, и боярыни, и жёны слуг так же совершили со своими мужьями прощальное целование и вернулись вместе с великой княгиней. Князь же великий, еле удерживаясь от слёз, не стал плакать при народе, в сердце же своём сильно прослезился, утешая свою княгиню, и сказал: «Жена, если Бог за нас, то кто против нас!»

А вот и ещё одна миниатюра из Лондона, с упоминанием в тексте великой княгини, теперь уже названной Овдотьей. Текст гласит: «Великая княгиня Овдотья со снохою сядяше в тереме». Мы видим символическое изображение Кремля, высокие палаты, маленькое оконце, у которого сидят великая княгиня и её родственница — в ожидании возвращения своих мужей и братьев после Куликовского сражения.

Именно этот терем описывается в «Сказании» удивительными по поэтичности словами: «Княгиня же великая Евдокия со своею невесткою, княгинею Владимира Марией, и с воеводскими жёнами, и с боярынями взошла в златоверхий свой терем в набережный и села на рундуке под стекольчатыми окнами. Как будто в последний раз видит великого князя, слёзы проливая, как речной поток. С великою печалью, приложив руки свои к груди, говорит: «Господи Боже мой, всевышний Творец, взгляни на моё смирение, удостой меня, Господи, увидеть вновь моего государя, славнейшего среди людей великого князя Дмитрия Ивановича. Помогите же ему, Господи, своей твёрдой рукой победить вышедших на него поганых половцев. И не допусти, Господи, того, что за много лет прежде сего было, когда страшная битва была у русских князей на Калке с погаными половцами, с агарянами; и теперь избавь, Господи, от подобной беды, и спаси, и помилуй! Не дай же, Господи, погибнуть сохранившемуся христианству, и пусть славится имя Твоё святое в Русской земле! Со времени той калкской беды и страшного побоища татарского и ныне уныла Русская земля, и нет уже у неё надежды ни на кого, но только на Тебя, всемилостивого Бога, ибо Ты можешь оживить и умертвить. Я же, грешная, имею теперь две отрасли малых, князя Василия и князя Юрия: если встанет ясное солнце с юга или ветер повеет к западу — ни того, ни другого не смогут ещё вынести. Что же тогда я, грешная, поделаю? Так возврати им, Господи, отца их, великого князя, здоровым, тогда и земля их спасётся и они всегда будут царствовать».

Автор «Сказания о Мамаевом побоище» не преминул сделать доброе дело для своих читателей. Среди редких миниатюр о Евдокии в Лондонском списке он поместил ещё одну, приносящую радость и надежду. По тексту мы видим, что женщины дождались благой вести с поля

битвы. В Москву прибыл гонец к «великой княгине Авдотье с вестью», что её муж и многие его ратники — здоровы и невредимы.

А ведь могло бы произойти по-другому. На сей случай, у семьи правителей Москвы всё было заранее предусмотрено...

Когда дружины Дмитрия Ивановича отправлялись в сторону Куликова поля, возник вопрос государственного значения. Кого оставить на правлении в столице княжества? Ведь этот временный преемник мог оказаться тем, кто будет исполнять великокняжеские обязанности до перехода власти к наследнику. Ибо при таких сражениях надо было иметь в виду и то, что его участников, включая великого князя, могла ждать гибель.

Отметим, что на тот момент продолжало действовать завещание, написанное Дмитрием Ивановичем ещё в 1375 году, перед походом на Тверь. По тому завещанию наследство, и владимирский, и московский престолы оставались старшему сыну — Василию Дмитриевичу. К 1380 году ему было уже девять лет. Возраст не вполне зрелый. Следующим наследником по старшинству становился князь Юрий, а ему ещё не исполнилось и шести.

И уже тогда в дошедшем до нас экземпляре той духовной грамоты встречается упоминание о княгине Евдокии (правда, без имени и без подробностей, как это будет позже в другом варианте завещания). Видимо, молодость княгини и юность детей ещё не привели князя Дмитрия к решению выделить её в завещании особо; это решение возникнет лишь через 14 лет.

Вот почему в Москве тогда оставалась не только великая княгиня Евдокия, но и мудрый человек, способный в критической ситуации решать важные государственные дела, — боярин Фёдор Андреевич Свибло. Он должен был и столицу блюсти, и о будущем позаботиться.

К счастью, как мы уже знаем, в Куликовской битве победили русские, правитель московский вернулся обратно. И с тех пор в народе он стал носить имя — не только великий князь Дмитрий Иванович, но ещё и Донской.

Есть ещё одно упоминание о великой княгине Евдокии — в Новгородском хронографе, повествующем о возвращении русских дружин в Москву после Куликовской битвы. Войско тогда построилось вдоль реки Яузы, и 1 октября 1380 года произошёл крестный ход в Андрониковом монастыре.

Потом все пошли в сторону Кремля. Здесь у Фроловских ворот их и встречали великая княгиня Евдокия с сыновьями — Василием и Юрием, а

также другие родственники и многочисленные «воеводские и воинские» жёны.

Семья вместе с Дмитрием Ивановичем направилась в Архангельский собор, дабы поклониться мощам своих предков, а затем — в Успенский собор на моление.

Однако семье князя Дмитрия пришлось пережить и более ужасные времена. Мальчики-наследники, которых воспитывала Евдокия, были столь малы, что оберегать их приходилось как зеницу ока. Из Орды доносились различные грозные вести о том, что хан Тохтамыш, настоящий правитель Орды, крайне недоволен невыплатой Москвой дани, а также поражением ордынцев.

Угроза нового нашествия монголов на Русь становилась всё более реальной и предсказуемой...

Бегство от хана Тохтамыша

Хан Тохтамыш не отбросил свой кинжал, а только обмазал его мёдом.

Из Послания Тамерлана, 1391 г.

Около года прошло после Куликовской битвы, и Тохтамыш отправляет в Москву своего посла — Ак-ходжу. С ним пошли на Русь несколько сотен воинов. У Нижнего Новгорода Ак-ходжа решил посоветоваться с местными князьями о том, грозит ли ему опасность при появлении в Москве. Тогда ещё памятовали об избиении посольства Сарайки (прошло только шесть лет). Услышав о том, что поездка небезопасна, посол решил вернуться обратно в Орду, но при этом доложил, будто Москва решила выступить против хана Тохтамыша, для чего пошла на союз с Великим княжеством Литовским.

Тохтамыш решает летом 1382 года напасть на Москву. У него уже был план другой войны — с великим Тимуром, угрожавшим ему с востока. Но сейчас надо было навести порядок «в доме», на берегах Москвы-реки.

Повесть XIV столетия «О приходе Тохтамыша-царя, и о пленении им, и о взятии Москвы» рассказывала: «Было некое предвестие на протяжении многих ночей — являлось знамение на небе на востоке перед раннею зарею: звезда некая, как бы хвостатая и как бы подобная копью, иногда в вечерней заре, иногда же в утренней; и так много раз бывало. Это знамение предвещало злое пришествие Тохтамыша на Русскую землю и горестное нашествие поганых татар на христиан, как и случилось то по гневу Божию за умножение грехов наших».

Однако была и ещё одна, на первый взгляд, не столь значительная причина похода Тохтамыша на Москву. Она имеет в своём основании финансовые, «денежные» причины, которые, как известно, лежат в основе многих событий в истории.

Нумизматам, историкам и некоторым любителям древностей хорошо известны русские монеты конца XIV — начала XV столетия. Выпуск денег был одной из главных составляющих жизни государства и его политики. Потому автор данной книги склонен считать важнейшей причиной (не отрицая, конечно же, и других причин) похода хана Тохтамыша на Москву

в 1382 году ту, что имела финансовые свойства.

Ведь в те времена князь Дмитрий Донской стал впервые выпускать в Москве свои монеты (ему было дано такое разрешение из Орды). Первоначально — анонимные, с надписью «печать князя великого», с изображением воина. А затем — не с именем хана-царя (которому они, собственно, в виде дани и предназначались), а только со своим именем — «Дмитрий». Если исходить из того, что «деньги правят миром», то столь дерзкое покушение на финансовые устои средневековой Орды могло быть решающим для последующего наказания.

Деньги в виде дани получал тот, чьё имя было указано на монетах. Он был хозяином. Для него они и печатались. Вариантов быть не могло. Правила были очень строги, вплоть до того, что московские монеты должны были выпускаться более лёгкими по отношению к деньгам Орды, в сочетании три русские к двум ордынским. И ведь на самом деле, после сожжения Москвы в 1382-м, князь Дмитрий Донской выпускал монеты только с именем Тохтамыша и с изображением петуха, а не воина...

Имя хана и арабские надписи на монетах являлись знаком лояльности к Орде (вариант арабского текста на русской монете: «Султан То(хтамьш) хан, да продлится его жизнь»). И даже удельные князья выполняли правила строго. Пример: серпуховской князь Владимир Андреевич Храбрый, в битве с Мамаем сыгравший важнейшую роль, долго печатал на своих монетах имя Тохтамыша (как и своё). Так в Орде могли идентифицировать тех, кто платит дань. Обозначено на монете — такой-то князь, значит, — заплатил и лоялен. А пытающихся уклониться от дани можно было быстро вычислить. Потому и Владимир Храбрый почти до самой своей кончины чеканил ордынскую «легенду» на своих монетах.

Во всяком случае Тохтамыш принял решение наказать Москву. И двинулся на запад.

Этого набега на Руси не ожидали. К нему даже всерьёз не готовились. Узнали о появлении ордынцев, когда те уже входили на территорию Московского княжества. Хан «идяше безвестно, внезапно, с умением». Ясно было, что собрать большое войско для отпора за несколько дней было просто невозможно, а тем более такое, как при битве с Мамаем. Что же делать? Просто отдавать ордынскому правителю города, включая столицу?

И надо ли было срочно спасать великокняжескую семью?

Когда стало ясно, что переговоры ни к чему не приведут, князь Дмитрий быстро уехал в Переяславль, а затем в Кострому, чтобы попытаться организовать войско для сопротивления. Он призвал к помощи князя Владимира Серпуховского, который независимо также подбирал

воинство.

В этот момент семья великого князя — жена Евдокия и дети — осталась в Москве. С ними находился митрополит Киприан. Однако по приближении Тохтамыша становилось ясно — число его войска таково, что обороняться столица не сможет, даже невзирая на мощную белокаменную крепость — Кремль, который помог совсем недавно отстоять город при нашествии литовцев. По этой причине вся семья, сопровождаемая митрополитом, уехала из города.

И вовремя. Рассказывали даже, что Евдокия с детьми едва успела выехать за пределы Кремля. Промедление ещё на несколько минут могло бы закончиться трагедией. Ордынцы, ворвавшись в город, чуть опоздали и даже не поняли, что могли захватить семью Дмитрия Донского в полон.

Именно тогда и был послан Тохтамышем отряд в погоню за Евдокией.

Поразительно, но на стороне Тохтамыша воевали против Москвы родные братья Евдокии — князья Суздальские. Вот как рассказывает о тех событиях уже цитированная нами «Повесть о нашествии Тохтамыша» XIV века:

«После того как простоял царь три дня, на четвёртый, наутро, в полуденный час, по повелению царя приехали знатные татары, великие князья ордынские и вельможи его, с ними же и два князя суздальских, Василий и Семён, сыновья князя Дмитрия Суздальского. И, подойдя к городу и приблизившись с осторожностью к городским стенам, обратились они к народу, бывшему в городе: «Царь вам, своим людям, хочет оказать милость, потому что неповинны вы и не заслуживаете смерти, ибо не на вас он войной пришёл, но на Дмитрия, враждуя, ополчился. Вы же достойны помилования. Ничего иного от вас царь не требует, только выйдите к нему навстречу с почестями и дарами, вместе со своим князем, так как хочет он увидеть город этот, и в него войти, и в нём побывать, а вам дарует мир и любовь свою, а вы ему ворота городские отворите». Также и князья Нижнего Новгорода говорили: «Верьте нам, мы ваши князья христианские, вам в том клянёмся». Люди городские, поверив словам их, согласились и тем дали себя обмануть, ибо ослепило их зло татарское и помрачило разум их коварство бесерменское; позабыли и не вспомнили сказавшего: «Не всякому духу веруйте». И отворили ворота городские, и вышли со своим князем и с дарами многими к царю, также и архимандриты, игумены и попы с крестами, и за ними бояре и лучшие мужи, и потом народ и чёрные люди.

И тотчас начали татары сечь их всех подряд».

Почему семья не выехала сразу же вместе с князем и подверглась

опасности? Ответом тому может стать следующий факт. За двенадцать дней до взятия Тохтамышем Москвы великая княгиня Евдокия родила ещё одного сына — Андрея. Семья получила очередного наследника. И хотя сыновей было много (по крайней мере, не один), но московские князья уже знали горечь потерь маленьких детей.

Таким образом, княгиня просто не имела возможности быстро передвигаться, находясь в трудном физическом состоянии роженицы. Только разродившись, она могла вместе с семьёй, включая юного Юрия, уйти как можно дальше от опасностей, которые поджидали всех оставшихся в столице.

Затем Евдокия с детьми быстро отправилась по стопам мужа напрямик в Переяславль (возможно, через Тверь). В город, как мы уже помним, ей близкий и почти родной. Где она провела годы своего детства. Где ей могли помочь и крепостные стены, и придорожные камни, и озёрные воды.

Так на самом деле и произошло.

Бежать на север было во всех смыслах удобнее. В те края добираться надо было долго, даже быстрым на перемещения ордынцам. Великое княжество Московское (Владимирское) раскинулось в разных направлениях от новой его столицы, приютившейся на берегу Москвы-реки. К северу с подмосковными землями как раз соседствовал край Переяславский. Притоки Волги и Клязьмы, словно артерии и вены, испещряли живописные окрестности. Но главным природным центром края стало знаменитое озеро, похожее на море, именуемое также Переяславским, или, как принято было величать его в другие времена, — Плещеевым.

Название появившегося здесь города — Переяславля, ставшего затем на некоторое время столицей отдельного княжества, — пришло с юга, когда некоторые города Киевской Руси вдруг получили одноимённых двойников на Севере, в Залесье. В таком одинаковом наименовании старых городов был некий сакральный смысл. Так возникало ощущение, что Древняя Русь словно бы «переехала» из киевских земель, сохранилась, ожила вновь, но уже в других местах. Собственно поэтому город у озера величали двойным именем — Переяславль-Залесский, то есть — находящийся «за лесами» (чтобы не путать с южным «оригиналом»), а позднее буква «я» просто исчезла, в результате чего мы теперь знаем его как Переславль-Залесский.

Город у Плещеева озера был славен своей историей. Имя его также связано было с князем Александром Невским — победителем тевтонских рыцарей, что всегда придавало месту особую значимость.

На Руси этот край был известен ещё и тем, что, во-первых, здесь

добывали соль (а она была очень важным и отнюдь не дешёвым продуктом потребления), а во-вторых, тем, что тут водилась знаменитая рыба, так называемая переяславская сельдь, которую вылавливали в большом количестве из озера.

Обряд-ритуал с «участием» местной рыбки был также связан и с торжествами восшествия на великокняжеский престол (а позже, вплоть до Петра I, — и на царский) в Москве. Традиция была настолько сильна, что спустя полтора столетия после описываемых нами событий обряд подробно описал Сигизмунд Герберштейн — германский императорский посол (знавший, видимо, толк в упомянутой им «немецкой» селёдке). По окончании коронации, как замечал он, «подаётся последнее блюдо из особенной рыбы, которая ловится в озере, находящемся при городе Переяславле. Эта рыба похожа на немецкую сельдь и имеет приятный и сладкий вкус... Причина, почему подают и едят её после всего, должно быть, та, что все города в России имели своих собственных князей и государей, иногда отлагались от Москвы и были в ссоре с москвичами. А Переяславль никогда не имел своих собственных князей, никогда не отлагался от Москвы и всегда был покорен князьям и в союзе с нею. Оттого-то на празднестве и едят они последнее кушанье из Переяславля, чтобы дать понять, что, когда все города отлагались от великого князя Московского, Переяславль стоял твёрдой и незыблемой стеной за него, никогда и не отложится от него, если только не принудит его к тому самая крайняя нужда и опасность».

Переяславль подарил русской истории известнейшие имена родовитых князей, таких как Плещеевы (от них, собственно, и название местного озера), Кошкины, Патрикеевы, Всеволож-Заболоцкие, Замытские. Некоторые из них потом вошли в список избранных людей при дворе Московском. Известен этот край был и появившимся здесь ещё в начале XIV столетия Горицким монастырём.

Исторически Переяславль удачно расположился на перекрёстке важнейших дорог — с юга на север. Отсюда легко и быстро можно было проехать в главные центры тогдашней Руси: Владимир, Ярославль, Нижний Новгород и Кострому, в Углич, Белоозеро и даже в Галич Мерьский.

Именно сюда поспешила княгиня Евдокия. Но и тут её почти настиг авангард войска Тохтамыша, посланный им в погоню.

Именно в эти дни произошло событие, которое в дальнейшем будет интерпретировано как чудесное.

Помогла великокняжеской семье северная русская погода. В тот день,

когда Евдокию и детей почти догнали ордынские всадники и казалось, что спасения уже не будет, они воспользовались последней возможностью для укрытия. Сама княгиня, её семья, приближенные и многие жители Переяславля, узнав о приближении неприятеля, сели на лодки и отплыли от берега в сторону центра Плесцеева озера.

Озеро Переяславское, как известно, — большое. Почти море. Но оно просматривается на версты с любого, и особенно крутого берега. Однако в то самое время, когда спасавшиеся люди отплыли, вдруг на землю и воду опустился густой туман, который скрыл всю панораму окрестностей.

Ордынцы в недоумении искали своих жертв на берегу. А беглецы тем временем в полном безмолвии и тишине, дабы враг не услышал и не заподозрил чего-либо, дрейфовали на судёнышках по озёрной глади. И если бы не туман — они были бы замечены с берега...

Враги не догадались что случилось. И, подумав, будто уже не догонят беглецов, отступили от города.

Именно это чудесное спасение Евдокии и детей Дмитрия Донского станет позднее настоящей легендой, которую и по сей день рассказывают местные экскурсоводы.

А по преданию, Евдокия затем основала в Переяславле Успенский Горицкий монастырь и многие церкви, среди которых храм Иоанна Предтечи. Ещё раз оговоримся — речь идёт о предании, с которым было у переяславцев связаны воспоминания о благодарении спасённой Московской подвижницы.

Но в те грозные дни в Переяславле не было самого Дмитрия Донского. Он, как мы знаем, собирал войско. И, отступая, защищал собственную семью. Если он сначала, как замечено в «Повести о нашествии Тохтамыша», отдельно «поеха в град свои Переяславль, и оттуду мимо Ростов, и паки... на Кострому», то уже через короткое время, к счастью всех, «князь же великий с кня[ги]нею и с детьми пребысть».

То есть семья встретилась, воссоединилась.

Разъехались тогда из Москвы также и важные боярские семьи. Тохтамыш с основными силами подходил к городу, фактически оставленному русскими.

Это странное обстоятельство до сих пор вызывает разноречивые мнения у исследователей. Происходило нечто, на первый взгляд, малопонятное. Ведь только что русские дружины дважды разгромили ордынские войска — на реке Воже и на поле Куликовом. Это были воодушевляющие победы. Их широко отмечали. И тут... почти бегство.

Даже боярин Фёдор Свиблов, охранявший княжескую семью в столице при битве у Дона, вослед за князем отправился в Переяславль.

Некоторые историки отвечают на этот вопрос так: несколько лет сплошных войн привели к тому, что русские дружинники просто разошлись по уделам, городам и сёлам. И тем летом занимались не менее важным делом, без которого существовать далее даже сильное государство не могло, — земледелием! Да и «разведка» о замыслах Тохтамыша не докладывала.

Добавим к этому следующее. После нескольких удачных военных кампаний коалиция, составленная на памятном съезде-снеме русских князей в Переяславле в 1374—1375 годах, временно «разошлась». Предполагалась некоторая передышка, возможное послабление в военных потугах, перемирие. И это стало настоящей ошибкой. Не хватило московским правителям провидения или предвидения. И такого человека, который мог бы проанализировать ситуацию, подсказать — митрополита Алексия, — уже не было в живых...

Потому и отмечали потом источники, что «оскуде бо отнюд вся земля Русская воеводами и слугами, и всеми воинствы».

Но есть и другие точки зрения.

Мы помним (и повторяемся не случайно), что царём тогда на Руси называли ордынского хана. Таковым для Москвы был на тот момент Тохтамыш (а вовсе не Мамай). Выступить против царя означало — нарушить уже сложившийся вековой уклад, то есть полностью взорвать привычную ситуацию, выступить напрямую против Орды. Для этого у Руси ещё не было ни сил, ни возможностей. Умный политик и стратег, Дмитрий Донской вряд ли бы сделал глупости или что-то в ущерб себе, семье и государству.

Когда объединённые после съезда 1374 года русские дружины выступили против Мамаю, они никак не воевали против царя. Исследователи уже отмечали этот важный факт. Москва в лице Мамаю имела странного врага: он совершал набег, он угрожал, но выполнял ли он в полной мере указание самого верховного правителя, то есть — царя? Ведь Мамай и сам был врагом Тохтамыша, который добил остатки его войска сразу после Куликова поля.

Конечно, хан-царь решил наказать также и русских ослушников. Но они, эти русские, хорошо понимали — что к чему. Одно дело выступить на Куликовом поле против темника, а другое — воевать против верховного правителя Орды, считавшего Москву, да и почти всю Северо-Восточную

Русь своим улусом.

Уход князя Дмитрия из Москвы означал открытое нежелание выступать против хана-царя. Что было тактически правильным.

Самые ранние источники, восходящие к киприановскому своду 1408—1409 годов (о нём речь пойдёт в одной из последующих глав книги), к Троицкой летописи, и частично помещённые в летописи Симеоновской и Рогожском летописце, это подтверждают. Мы читаем, что князь Дмитрий Донской, «слышав, что сам царь идёт на него с всею силою своею, не ста на бои противу его, не подня руки противу царя».

Самое интересное, что Тохтамыш это знал и хорошо понимал. Хотя одновременно и Дмитрия побаивался. Это также отмечают летописи: хан «слышав, что князь великий на Костроме... чая на себе наезда, того ради не много дней стоявшее у Москвы, но, взем Москву, вскоре отиде».

Дмитрию Донскому в том самом 1382 году никак нельзя было «бороться с чингизидом, законным ханом, которому русские князья приносили вассальную присягу и которую они и по правовым, и по моральным нормам тех времён обязаны были соблюдать», — пишет историк В. А. Кучкин. Эта формулировка одного из современных исследователей очень точно передаёт мысль, которую мы также поддерживаем. В этом и состояла суть происходящего.

Другой вариант интерпретации событий и быстрого отъезда князя Дмитрия из Москвы связывается с неожиданно произошедшей размолвкой русских князей. Они тогда не пришли к единому мнению — что делать: воевать ли с царём, нет ли. Произошло, как своеобразно и поэтично сообщают источники, «неединачество по неимоверству». Это разномыслие вдруг случилось среди бояр старейших, воевод «з думцами», в тот самый момент, когда надо было «думу думати» всерьёз.

Было ли так на самом деле? Мы можем сегодня только предполагать.

И наконец, рассматривается вариант, по которому будто бы князь Дмитрий Донской испугался и даже струсил. А потому и город оставил, и войско бросил. И по этой причине на Москве поднялся большой бунт.

Данную версию можно почерпнуть в более поздней по времени «Повести о нашествии Тохтамышша», созданной сразу после кончины митрополита Киприана, но до кончины князя Юрия Дмитриевича — уже в начале XV столетия.

Сильно же надо было не любить князя Дмитрия, чтобы развить это предположение, да так эмоционально, как это было сделано в упомянутом нами произведении. Начинают припоминаться некоторые серьёзные разногласия между митрополитом Киприаном и князем Дмитрием, которые

длились вплоть до кончины последнего. Не было ли появление позднейшего повествования неким желанием запустить в историческое предание не весьма лестный образ великого князя, не подчиняющегося никому и действующего только по собственной воле?

Негативный рассказ о поведении Дмитрия Донского написан человеком, который жил уже в другое время, десятилетия спустя после Куликовской битвы и похода Тохтамыша. Князь-герой в его повествовании стал правителем греховным и малодушным, бросившим свою столицу на разграбление Орде.

Во всяком случае текст этого сочинения будет хорошо известен ещё при жизни и вдове великого князя — Евдокии. Как она могла реагировать на это?

Для ответа на данный вопрос вновь вспомним о русском летописании.

Древнерусские летописи имели странное свойство. Они писались и одновременно... переписывались. Существовала официальная точка зрения на те или иные события, но сквозь сами тексты или с помощью летописей из других мест пробивались совершенно другие сведения о людях, датах, событиях или фактах.

Одна из книг известного историка Я. С. Лурье носит примечательное название, как будто бы прямо отвечающее на поставленный нами вопрос: «Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства». Оказывается, точность и правдивость зависят не только от официального влияния, но и... от обычного времени. Причём в весьма странном соотношении. Иногда чем раньше сделана запись летописцем, тем она точнее и правдивее. Но бывает наоборот: только спустя десятилетия проясняются реалии произошедшего.

Даже самые, на первый взгляд, известные события истории Руси, такие как, например, Куликовская битва, по прошествии времени обрастали легендами, дополнительными рассказами, новыми персонажами или действующими лицами, трактовками, объяснениями и интерпретациями. Так появлялись некоторые мифы, которые через века становились прочными утверждениями или «неоспоримыми» историческими аксиомами.

Очевидно, что в период жизни княгини Евдокии и сразу после её кончины активно происходили два параллельных процесса, которые мы назовём так: летописание и летопереписывание. И правителям Москвы пришлось окупаться в это со всей серьёзностью. Хотя бы потому, что

князьям уже тогда приходилось доказывать свою правоту в вопросе о власти с помощью древних документов.

Современные исследователи давно заметили, как заботливо великие князья Владимирские контролировали и вели записи о своём правлении, а также покровительствовали составлению очередных редакций и вариантов известного «Летописца великого русского». Особенно после кончины очередного великого князя. Историк М. Д. Присёлков удачно отметил, что многие переделки текстов «совпадают по времени с той борьбой за великое княжение и за великокняжеский титул, которая разгорелась особенно сильно и длительно тянулась в XIV в. Это даёт право предполагать, что летописание теперь служит историческим доказательством при спорах князей перед ханом о великом княжении и что летописцы сопутствуют князьям в их поездках в Орду». Он же писал: «Несмотря на значительное число летописных центров древности, одна Москва лишь теперь предстоит перед нами в своём официальном летописании, а все прочие местные летописцы сохранились до нас или в составе московских сводов, или в частных списках, причём только в исключительных случаях не прошедших московской обработки».

Действительно, завершающее десятилетие XIV века стало важной вехой в становлении московского летописания. Особенно после 1392 года, когда появились летописные своды, в каждом из которых мы можем заметить не просто изложение событий, а их интерпретацию сообразно тем или иным политическим обстоятельствам. Теперь у исторических фактов довольно отчётливо проявилась определённая «окраска».

Конечно, это было связано уже с началом правления Василия Дмитриевича и активностью митрополита Киприана. И удивительно, как это совпало с кончиной преподобного Сергия.

Итак, появившийся Старший московский свод 1392 года мы можем воспроизвести на основе самого старого варианта московской летописи, того самого Троицкого списка, о котором мы уже говорили. Он был, увы, утрачен, но сохранилось столь много выписок из него благодаря трудам Н. М. Карамзина, что можно говорить о его доступности. «Зарисовывают» пробелы более поздние списки Симеоновской, Воскресенской летописей и Рогожского летописца. Троицкая летопись завершает своё повествование в 1409 году — рассказом о нашествии Едигея. Однако, по мнению исследователя В. Л. Комаровича, «летопись в заключительной своей части изобиловала собственно московскими и современными летописцу известиями, а, кроме того, содержала ряд прямых и косвенных указаний на другой московский свод, более старший, лёгший в её основу». В документе

предлагалось прочитать некий «Летописец великий Русьский» (запись 1393 года). Отчего историк делает вывод: «Есть поэтому все основания подразумевать и под «Летописцем великим Русьским» прямой источник Троицкой, оканчивавшийся где-то раньше 1393 г. Сличение Троицкой летописи с близким к ней текстом Симеоновской и Рогожской обнаруживает, что этот источник, т. е. предшествующий Московский свод, заканчивался 1392 г., а вся совокупность входивших в этот свод статей показывает его зависимость от редакторской инициативы митрополита Киприана.

У этого свода есть одна разительная особенность. Будучи бесспорно московским по месту написания и преобладающему в нём материалу, он не только содержит ряд известий тверских, суздальско-нижегородских, литовских, но сплошь и рядом даже и точки зрения придерживается не московской, а скорее тверской или даже литовской».

Последнее утверждение о «точке зрения литовской» приближает нас к самому главному. Именно с этого времени начинается великий передел русского летописания. То, что мы и называем летопереписыванием.

Напомним ещё раз, что древние источники использовались как доказательство в решении споров о правлении в Москве. Это раньше всех понял современник княгини Евдокии — митрополит Киприан, который прошёл хорошую «текстологическую» школу ещё в Византии, где столетиями накапливалась традиция летописного «словоплетения». Неслучайно понятие «плетение словес» — как символ умения расставлять слова в нужной форме и в нужном смысле — в виде нового термина появилось на Руси именно в это время, в интерпретации замечательного агиографа Елифания Премудрого.

Благодаря такой школе митрополит Киприан сумел воздействовать на своих современников, когда он пытался изменить их представление о значимости роли и фигуры мужа Евдокии — князя Дмитрия Донского, с которым у него отношения были напряжёнными. Вот как пишет об этом историк Р. Г. Скрынников: «Киприан оставил заметный след в истории русского летописания. Составленный при его дворе «свод 1408 г.» явился, по существу, первым московским летописным сводом общерусского значения. Характерной чертой свода, законченного уже после смерти Киприана, было критическое отношение к Дмитрию Донскому. Назначив своего любимца Митяя митрополитом, князь положил начало долгой церковной смуте. «Повесть о Митяе», включённая в свод, изображала деятельность претендента в сатирическом свете... Киприан будто бы предал анафеме князя Дмитрия накануне его похода против Мамаю. О

Мамаевом побоище грек узнал в Киеве по слухам. Знаменитая битва была в глазах митрополита-изгнанника маловажным событием. В своде 1408 г. ход битвы описан кратко и тусклым штампом («бысть... брань крепка зело и сеча зла»). Летописец не упоминает имени героя битвы Владимира Андреевича. Лишь рассказ о погибших в битве воеводах носит конкретный характер: сводчик включил в текст источник церковного происхождения — синодик побивших на поле Куликовом. Значительно подробнее, чем Куликовскую битву, летописец описал злополучное нападение на Москву Тохтамыша в 1382 г... Его (летописца. — К. К.-С.) слова ставили под сомнение доблесть князя Дмитрия Донского...

О Дмитрие лишь замечает, что тот оставался в Костроме, ничего не предпринимая. В момент татарского нападения Москву покинул не только Дмитрий Иванович, но и Киприан. Сведения об этом в летописи не фигурировали. Киприан укрылся в Твери, что дало Дмитрию Донскому повод ко вторичному изгнанию Киприана за рубеж.

По традиции летописцы сопровождали известие о «преставлении» государя панегириком в его честь. В московском своде 1408 г. кончине Дмитрия Ивановича уделено совсем немного строк, нет указания на его воинские заслуги, победу на поле Куликовом, отсутствует перечень его добродетелей».

Если подобное мнение с помощью «текстологии» могло быть составлено о великом князе Дмитрии Донском, которого, вопреки тексту данной летописи, очень сильно почитали на Руси (а в дальнейшем вообще прославили как одного из главных героев русской истории), то что можно говорить о его жене, а затем вдове, сведения о которой можно было в те времена также просто утаить. По этой причине их крайне мало в современных ей летописях и сводах более поздних!

Не очень лестное мнение о муже неким «пятном» переходило и на его вдову. Однако в этом случае летописцы не смогли достичь цели. Княгиня Евдокия всё равно была в сознании людей очень почитаемой женщиной. Она всегда, по источникам, оставалась уважаемой правительницей, хорошей матерью и благоверной женой.

Но в тот 1382 год внезапное появление татарского войска оказалось крайне опасным. И действительно, — жестоким. Тохтамыш захватил Москву и полностью сжёг город.

Словно покрасил чёрной сажей новые белокаменные стены столицы. Как будто перечеркнул все чаяния и надежды на возможную свободу от дани. Даже применяемое русскими впервые огнестрельное оружие —

«тюфяки» (прообраз пушек) — не помогло.

При набеге этом погибли многие. Летописи рассказывают: «От огня бежачи, мечем помроша, а друзии, от меча бежачи, огнём згореша; и бысть им четверообразна пагуба: первое — от меча, второе — от огня, третье — от воды, четвёртое — в полон быша».

Великокняжеская семья решила оказать помощь и поддержку москвичам. Как писал историк XIX века С. М. Соловьёв, после уничтожения в огне Москвы войсками Тохтамыша хоронили 24 тысячи погибших жителей столицы и пригородов. Такого не помнили даже старики. Довольно большая цифра убиенных вызвала сомнения у некоторых современных исследователей. Однако в Московском летописном своде конца XV века мы видим рассказ, как в общих братских могилах погребали жертвы нападения ордынских войск. Тогда князь Дмитрий Донской «повелеша телеса мёртвых хоронити и даваста от семидесяти мертвецов по рублю хоронящим мертвыа. И того всего выиде от погребения мёртвых 300 рублёв».

Несложный математический расчёт покажет: 80 (убиенных) \times 300 (рублей) = $24\ 000$. Однако к этой цифре, видимо, следует ещё добавить тех, кого хоронили родственники самостоятельно, то есть без княжеской денежной поддержки. Значит, итоговая цифра может быть несколько выше.

После Москвы (и одновременно с её взятием) ордынцы разорили другие города Руси. Пали великий Владимир, давно не знавшие огня Звенигород и Можайск, почти родной Евдокии Переяславль, а также Юрьев, Боровск, Руза и Дмитров. Удар пришёлся по всему Московскому княжеству, жестокий, основательный и, на первый взгляд, почти непоправимый. Московский «бунтарь» был наказан за «своенравие», совершенное на Куликовом поле.

Именно с этих дней имя хана Тохтамыша запомнится в семье Дмитрия Донского на долгое время. Дети Евдокии росли, слушая рассказы о жестокостях ордынца на родной Москве, и они могли только предполагать — как и каким образом воздать грабителю по заслугам. Но будущее ещё предоставит некоторым из сыновей Евдокии осуществить такую возможность.

И они ею воспользуются сполна.

Отомстить за унижение отца и града Москвы будет делом чести будущего воина, второго сына Евдокии — Юрия. Этому он посвятит свою молодость и свои первые походы. И великие победы ещё будут ждать его. Если поражения, бывало, настигали его отца, то он, Юрий, не проиграет в своей жизни ни одной битвы...

В итоге событий 1382 года и нашествия Тохтамыша князю Дмитрию Донскому пришлось вновь платить Орде дань, включая «недоданную» ранее. Для гарантий хан приказал вместе с данью отправить в Орду заложника — старшего сына великого князя Московского — Василия. Вместе с ним туда отправились ещё трое сыновей других русских князей. То была особая тактика действий против своего вассала — Руси. Брать дань с помощью высоких заложников. И она оказалась весьма действенной.

Тохтамышу казалось, будто он получил всё, что хотел. Русь усмирил, заложников в Орду для гарантии взял, выплату ежегодной дани восстановил. Дабы не мудрить особо, он решил оставить все те же порядки и правила, которые на Руси были до этого. И хотя многие князья, включая князя Тверского Михаила с его очередными претензиями на великое княжение, бросились к нему в Орду, чтобы извлечь какую-то для себя выгоду, хан вновь признал великокняжеский престол Владимирский за князьями Московскими. Он уже был удовлетворён наказанием западного улуса. Однако потребовал ещё восемь тысяч рублей серебром в виде разовой выплаты, отправив для этого в Москву посла, которого сопровождал уже известный нам Ак-ходжа.

В 1383 году Евдокия отправляла своего двенадцатилетнего сына Василия в столицу Орды. Заплатить за него сразу князь Дмитрий не мог. Поэтому родственники и матушка не знали тогда — вернётся ли отрок живым и невредимым от Тохтамыша. В памяти самого юного Василия это событие оставило настолько сильный след, что он, этот след, затем, когда Василий станет великим князем, повлияет на течение всей русской истории.

Мальчика отрывали от матери и материнского сердца. Родителей лишали главного наследника престола.

Совсем ещё юного, не привыкшего к такого рода испытаниям...

Но об этом подробнее читатель узнает в следующих главах.

Глава 4
ВДОВА

Блестительница престола: завещание Дмитрия Донского

Ироду своему честь добудешь, и себе доброе имя.

Из «Наставления отца к сыну», XIV в.

Можно с грустью заметить, что во всякой, даже в самой счастливой семье происходят порой не очень радостные события. Так и великой княгине Евдокии пришлось пережить своего мужа.

Трудные обстоятельства, способные переменить ход истории, иногда возникают внезапно. Таким событием стала кончина великого князя Московского — Дмитрия Ивановича Донского. Это произошло в мае 1389 года. Князь не дожил до сорока лет. Этот возраст по тем непростым временам считался солидным.

На миниатюре из Лицевого летописного свода XVI века изображены родственники князя у его одра. Мы видим редкое изображение лика княгини Евдокии, теперь уже вдовы. Все те, кто попал на миниатюру, разбиты большим горем, они эмоционально переживают случившееся.

Как писалось в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича»: «Сий убо великий князь... огради всю землю Русьскую. От востока до запада хвално бысть имя его, от моря и до моря, от рек и до конец вселенныя превознесся честь его... окаанный же Мамай от лица его побеже... и бысть тишина в Русьской земли».

Произошло это в тот момент, когда главные проблемы существования крепнущего Владимирского (Московского) княжества были в основном решены. Самые сильные внутренние враги были уже повержены. Разногласия с Ордой почти преодолены. Не было на Руси тогда глобальных войн. Руководители государства занимались всеобщим устройством. Ещё здравствовали духовный покровитель Московии — преподобный Сергей Радонежский и его первый ученик — преподобный Савва Сторожевский.

Вот как описывал те события автор книги о московских святынях Кремля И. К. Кондратьев: «Наконец, ещё более жестокий удар поразил

великую княгиню: не имея ещё и сорока лет, 22 мая 1389 года умер муж её Дмитрий Иванович. «Увидев супруга своего мёртвым, на одре лежащим, — передаёт жизнеописатель Дмитрия Ивановича, — великая княгиня начала плакать, ударяя руками в грудь свою; огненные слёзы лились из очей... Зачем, — воскликнула она, — умер ты, дорогой мой, жизнь моя, зачем оставил меня одну вдовою? Зачем я не умерла прежде тебя? Куда зашёл свет очей моих? Куда скрылось сокровище жизни моей? Почто не отвечаешь мне, супруге твоей? Цвет мой прекрасный, зачем так рано увял ты? Господин мой, что же не смотришь на меня, не отвечаешь мне? Ужели ты забыл меня? Вот мы, я, жена твоя, и дети твои! Что же не даёшь нам никакого ответа? На кого ты оставляешь меня и детей своих? Рано заходишь, солнце моё, рано скрываешься, прекрасный месяц мой, рано идёшь к западу, звезда моя восточная! Где честь твоя, где слава и власть твоя? Был государем всей русской земли, а ныне мёртв и ничего не имеешь в своём владении! Много примирил стран, много одержал побед, а ныне сам побеждён смертью! Изменилась слава твоя, и на лице твоём видна печать тления! Жизнь моя, я уже не могу более находить в тебе источник веселия! Вместо многоценной багряницы ты облёкся в сии бедные ризы, вместо венца покрыл главу свою простым платом, из светлых чертогов переселился в тесный и мрачный гроб! Зачем помрачился свет мой ясный? Если Бог услышит молитву твою, помолись обо мне, княгине твоей, чтобы мне умереть вместе с тобою, как мы неразлучены были в жизни! Юность ещё не оставила нас, ещё старость не постигла нас! Зачем оставил меня и детей своих? Немного было радостей в моей жизни с тобою, вместо веселия плач и слёзы были моею долею; вместо утехи и радости — скорбь и сетование!.. Зачем я не умерла прежде тебя? Тогда я не была бы горькою свидетельницею твоей кончины и не чувствовала бы своего несчастья! Ужели ты не слышишь жалобных речей моих? Ужели не трогают тебя горькая слёзы мои?.. Крепко уснул царь мой... не могу разбудить тебя!.. С какой войны пришёл ты, отчего так утомился?.. Звери земные идут на ложе своё, птицы небесные к гнёздам своим, а ты, господин мой, навеки отходишь от дому своего!.. Кому уподоблю и как назову себя? Вдовою ли? Но я не знаю сего имени! Женою ли? Но царь — супруг мой — оставил меня!.. Вдовы старья, утешьте меня! Юные вдовы, плачьте со мною! Что может быть горестнее несчастья вдовы? Как оплакать и как выразить мне своё горе?.. Боже Великий, Царю царей, будь моим заступником! Пресвятая Богородица! Не оставь меня и не забудь меня во время печали моей!»

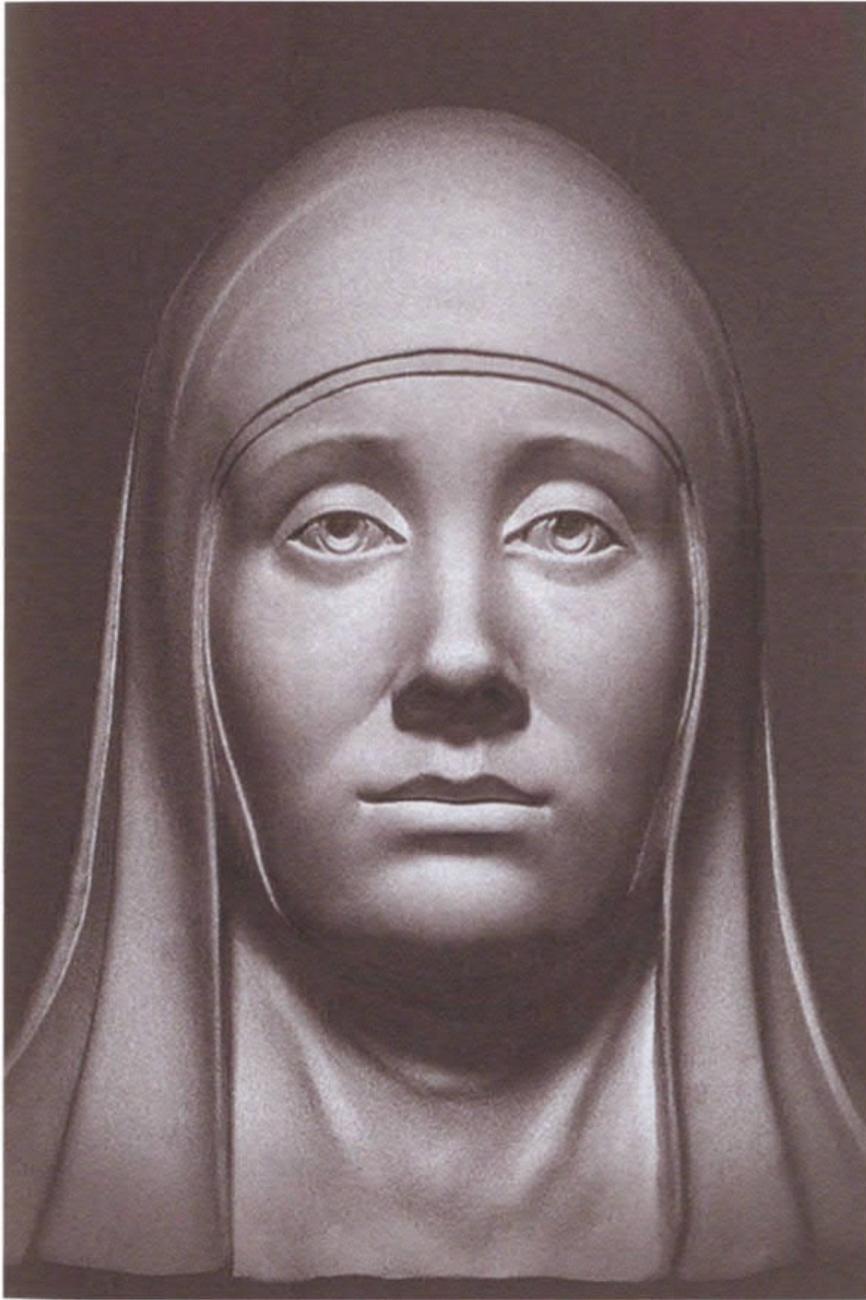
Этой жалобой оканчивается плач Евдокии над гробом её супруга, а потеря супруга была для Евдокии несчастьем, ничем не вознаградимым,

была последним испытанием, разорвавшим все связи её с этим миром».

В этой цитате из книги XIX столетия мы в очередной раз (если следовать истории древнерусской литературы) встречаемся с текстом знаменитого «Оплакивания великой княгиней Евдокией своего мужа», которое вошло составной частью в так называемое «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича, русского царя».

Данное, чудом дошедшее и сохранившееся до наших дней Житие (вернее, Слово о житии) великого князя Дмитрия Донского было создано, по-видимому, в самом конце XIV столетия (или в первые годы XV века), то есть ещё при жизни княгини Евдокии — тогда уже вдовы. Мы можем смело утверждать, что это уникальный образец древнерусской литературы, агиографического жанра. Неповторимое похвальное слово благочестивому и истинно мудрому правителю, который сумел победить захватчиков Руси — монголов.

«Князь сей Дмитрий, — читаем мы в Житии, — родился от именитых и высокочтимых родителей: был он сыном князя Ивана Ивановича, а мать его — великая княгиня Александра. Внук же он православного князя Ивана Даниловича, собирателя Русской земли, корня святого и Богом насаждённого сада, благоплодная ветвь и цветок прекрасный царя Владимира, нового Константина, крестившего землю Русскую и сородич от новых чудотворцев Бориса и Глеба. Воспитан же был он в благочестии и в славе, с наставлениями душеполезными, и с младенческих лет возлюбил Бога. Когда же отец его, великий князь Иван, покинул сей мир и удостоился небесной обители, он остался девятилетним ребёнком с любимым своим братом Иваном. Потом же и тот умер, также и мать его Александра преставилась, и остался он на великом княжении.

Великая княгиня Евдокия (в монашестве Евфросиния), супруга
Дмитрия Донского. *Антропологическая реконструкция С. А. Никитина
(по методике М. М. Герасимова)*

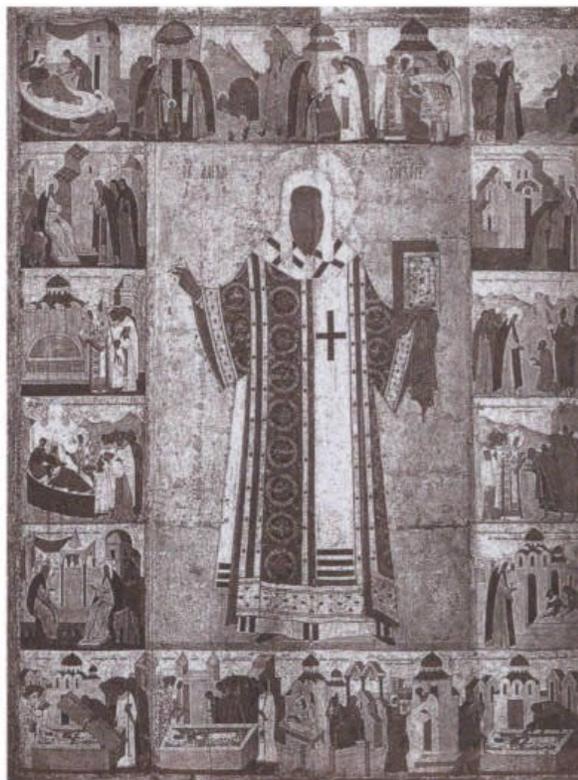

Великий князь Дмитрий Константинович Суздальский. *Фрагмент гравюры из книги Виллиама Тука «История России от основания монархии Рюриком до царствования Екатерины II». Лондон, 1800 г.*

Рождение девочки в великокняжеской семье (на примере одной из дочерей Евдокии и Дмитрия). *Фрагмент миниатюры Лицевого летописного свода. XVI в.*

Митрополит
Алексий с житием.
Икона. 1480-е гг.
Государственная
Третьяковская
галерея

Отец Евдокии
князь Дмитрий
Константинович
на престоле
великого княжества
Владимирского.
Миниатюра Лицевого
летописного свода

Великий князь
Дмитрий Донской.
Портрет
из «Титулярника»
1672 г.

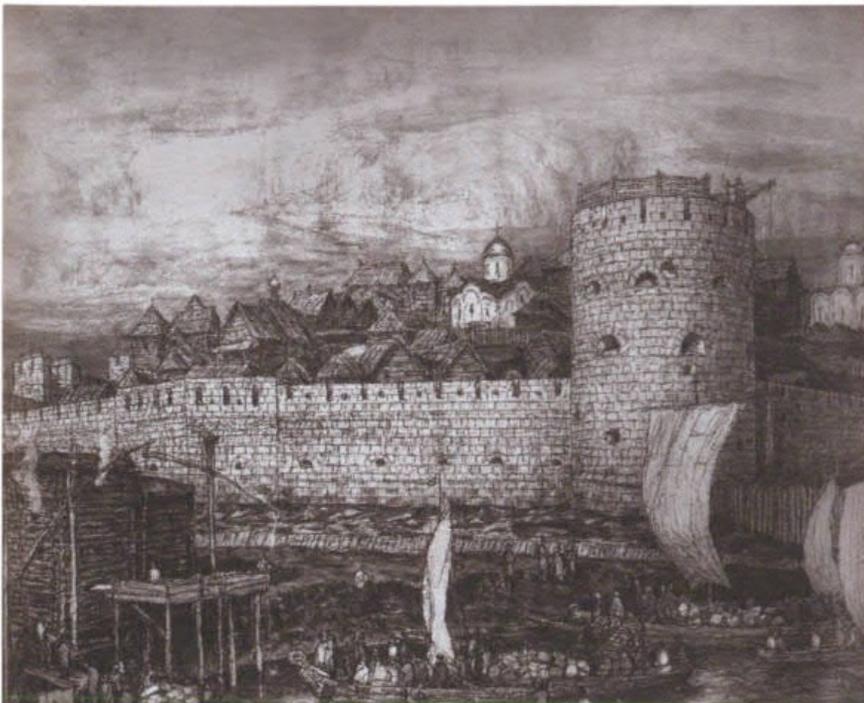
Свадьба княжны
Евдокии Дмитриевны
и князя Дмитрия
Ивановича
в 1366 году
в Коломне.
Фрагмент миниатюры
Лицевого летописного
свода

Перевозка белого камня для строительства нового Кремля в Москве.
Фрагмент миниатюры Лицевого летописного свода

Московский Кремль при Дмитрии Донском. *А. М. Васнецов.*
1922 г. Музей истории Москвы

Преподобный
Сергий Радонежский.
Фрагмент покрывала.
1420-е гг.

Переяславль
(Переяславль-Залесский).
Спасо-Преображенский
собор и Кремль
в древности.
Реконструкция
Г. В. Борисевича

Преподобный Сергий Радонежский крестит сына Евдокии и Дмитрия, Юрия, во время княжеского съезда в Переяславле в 1374 году.
Фрагмент миниатюры Лицевого летописного свода

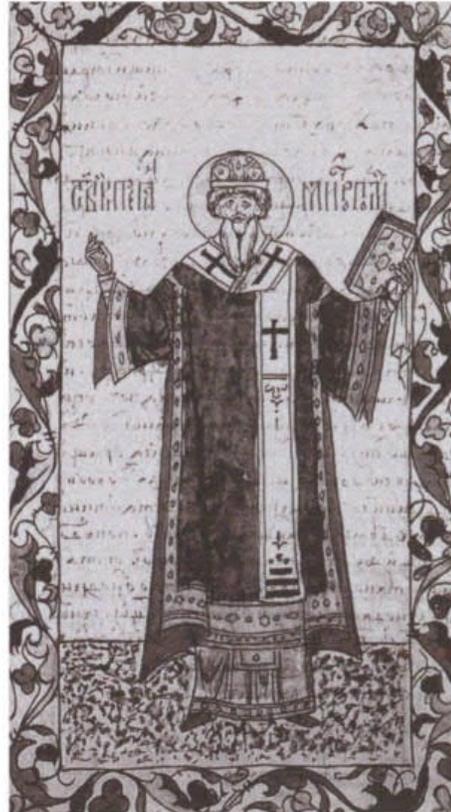

Евдокия после рождения сына Юрия присутствует на съезде князей в Переяславле (изображена в окне терема)

Фрагмент первоначальной духовной грамоты (завещания) князя Дмитрия Донского

Митрополит Киприан.
Изображение XV в.

Кончина некоторых детей
княгини Евдокии в разное
время — символическое
изображение из Лицевого
летописного свода

Сергий Радонежский благословляет воинов на Куликовскую битву. «Сказание о Мамаевом побоище». Рукопись XVII в. Государственный исторический музей

Великая княгиня «Авдотья со снохою своею и с воеводскими женами подают конечное целование» уходящим на войну мужьям. Фрагмент миниатюры из «Сказания о Мамаевом побоище». Список XVII в. Лондон, Британская библиотека

Раненый князь
Дмитрий Иванович
найден под
обрубленной
березой на поле
Куликовом.
«Сказание
о Мамаевом побоище».
Рукопись
Государственного
исторического музея

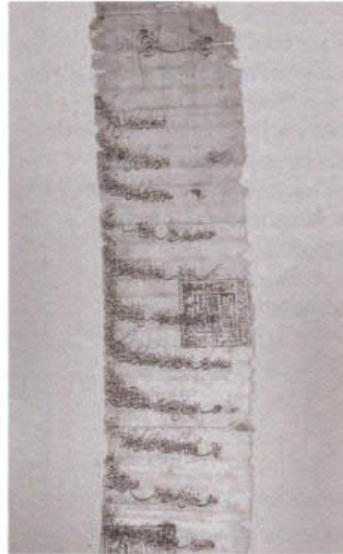

«Князь Владимир
послал гонца
великой княгине
Авдотье с вестью,
что муж ее здрав».
Фрагмент миниатюры
из «Сказания
о Мамаевом побоище».
Список Британской
библиотеки

Оборона Москвы от Тохтамыша.
Фрагмент миниатюры
из Лицевого летописного свода

Ярлык хана Тохтамыша

Дмитрий Донской при смерти. Прощание с родственниками, составление завешания. «И это подтвердил грамотой, опечатанной золотом. И поцеловав княгиню свою и детей, также попрощался с боярами и благословил их». *Фрагмент миниатюры Лицевого летописного свода*

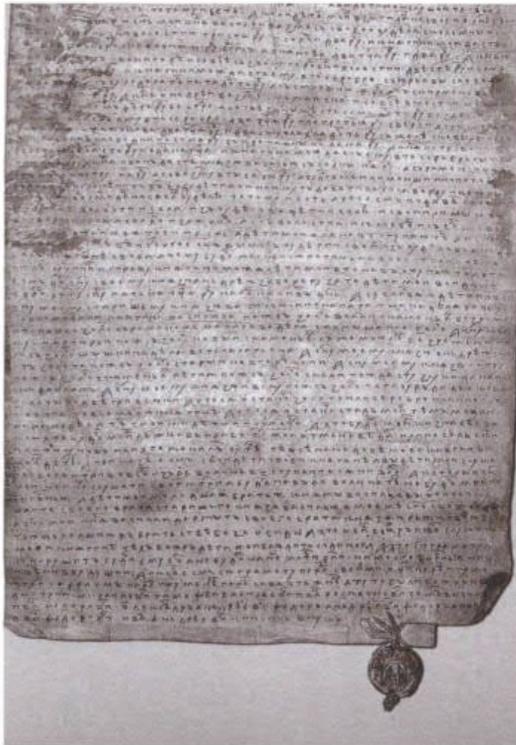

«Тем же летом месяца июня в 29-й день (1385 года) родился у великого князя Дмитрия Ивановича сын Петр, и крестил его преподобный игумен Сергей». «Той же зимой, в месяце январе (1387 года), родилась у великого князя Дмитрия Ивановича дочь Анна». *Фрагменты миниатюр Лицевого летописного свода*

Евдокия показывает своего сына Константина Дмитрию на смертном одре. *Фрагмент миниатюры Лицевого летописного свода*

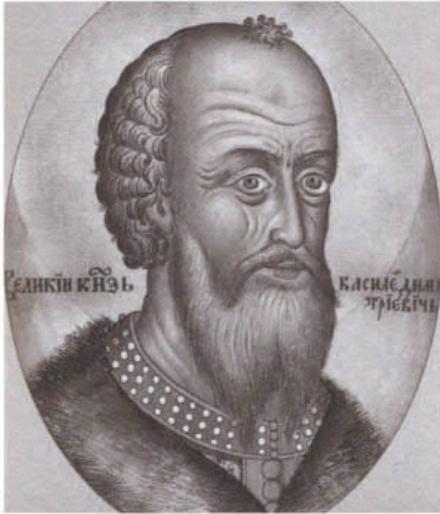

Духовная грамота великого князя Дмитрия Донского. 1389 г.

Василий I и Софья Витовтовна. *Фрагмент саккоса митрополита Фотия. 1414—1417 гг.*

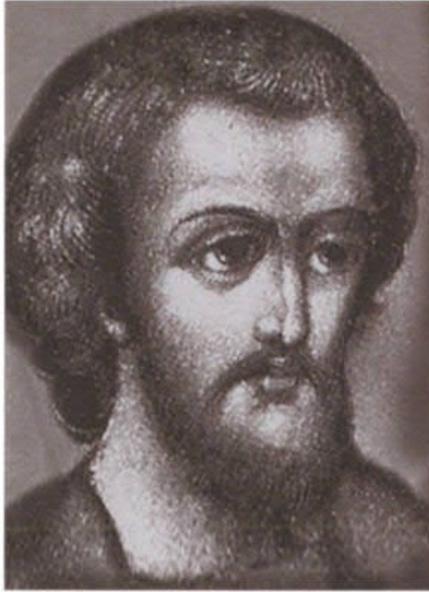
Великий князь Василий I Дмитриевич. Портрет из «Титулярника» 1672 г.

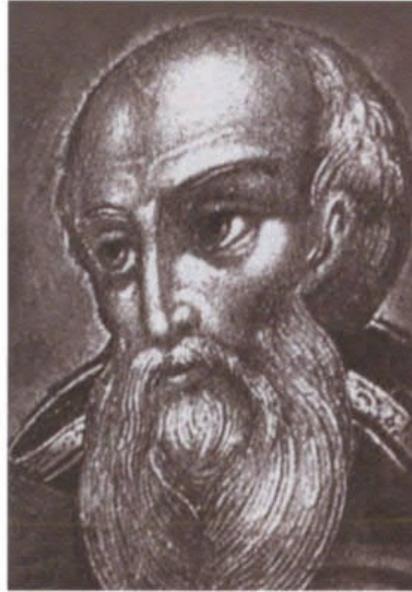
Витовт, великий князь Литовский. Портрет из Брестского августинского монастыря. Неизвестный автор. Вторая половина XVII в.

Великая княгиня Евдокия «ставит» каменную церковь Рождества Богородицы в Кремле (1392—1393 годы). Фрагмент миниатюры Лицевого летописного свода

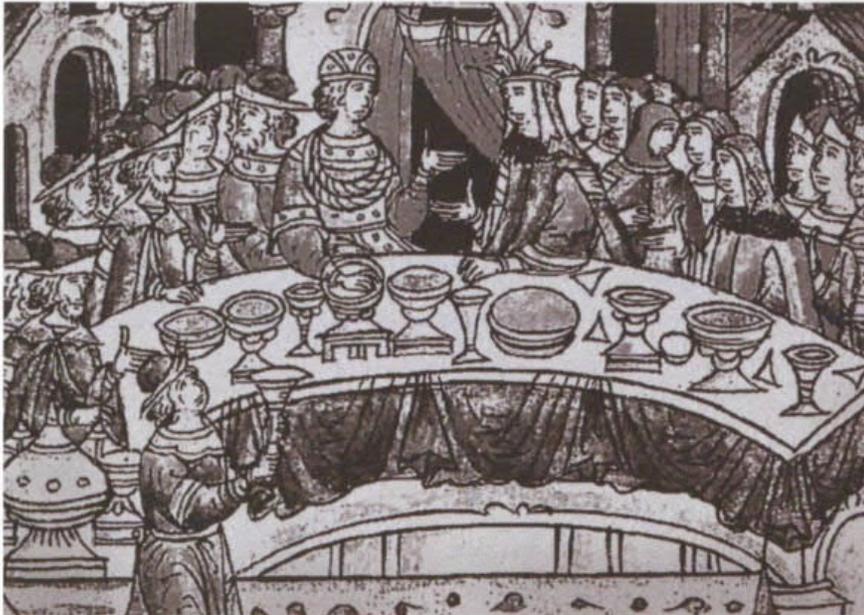

Князь Юрий Дмитриевич,
сын Евдокии. С фрески
Рождественского собора
Саввино-Сторожевского
монастыря в Звенигороде

Преподобный
Савва Сторожевский. Фреска
собора Рождества Богородицы
в монастыре Звенигорода

Свадьба дочери Евдокии, Марии, и князя литовского Лугведа Ольгердовича
в 1394 году. Фрагмент миниатюры Лицевого летописного свода

И когда воспринял он скипетр державы земли Русской, престол земного царства, отчину свою — великое княжение, по дарованной ему от Бога благодати, почести и славу, ещё юн был он годами, но духовным предавался делам, праздных бесед не вёл, и непристойных слов не любил, и злонравных людей избегал, а с добродетельными всегда беседовал. И Священное Писание всегда с умилением он слушал, о церквах Божьих усердно заботился. И на страже земли Русской мужественно стоял, беззлобием отроку уподобляясь, а умом — зрелому мужу. Неприятелю же всегда был страшен он в бранях и многих врагов, на него поднимавшихся, победил. И славный град Москву стенами он на диво всем оградил. И в этом мире прославился — словно кедр в Ливане вознёсся и словно финиковая пальма расцвёл».

Мы находим в этом рассказе удивительную риторику, особенный язык, напоминающий тот, что был присущ Епифанию Премудрому, написавшему Житие преподобного Сергия Радонежского и создавшего уникальную школу-традицию так называемого «плетения словес». Его особенная, торжественная манера письма стала новым веянием в писаниях той эпохи, в особенности агиографических. Подобная традиция продолжилась затем вплоть до XVII столетия.

Поэтично и описание брака князя Дмитрия и княжны Евдокии: «Когда же исполнилось ему шестнадцать лет, привели ему в невесты княгиню Авдотью из земли Суздальской, дочь великого князя Дмитрия Константиновича и великой княгини Анны. И обрадовалась вся земля свершению их брака. И после брака жили они целомудренно, словно златогрудый голубь и сладкоголосая ласточка, с благочестием пеклись о спасении своём, с чистой душой и ясным умом держа земное царство и готовя себя к небесному, и плоти своей не угождали».

Современники впервые встречаются здесь с реальными человеческими описаниями жизни и деятельности князя Дмитрия. В данном Житии больше исторических фактов, нежели житийных рассуждений. Перед нами действительно уникальный источник, ознакомиться с которым имеет смысл каждому любителю русского Средневековья.

«С юных лет Бога он возлюбил, — пишет автор «Слова о житии», — и усердствовал в духовных делах; хотя и не изошрён был в книжной премудрости, но духовные книги в сердце своём держал. И ещё одно поведанье о жизни его: тело своё в чистоте сберёг до женитьбы, церковь свою сохранил Святому Духу неосквернённой. Очи всегда опускал к земле, из которой и взят был, душу же и ум обращал к небу, где и подобает ему пребывать. И после бракосочетания также тело в чистоте соблюдал, к греху

непричастным. Сбылись на нём слова божественного апостола Павла, который сказал: «Вы — храм Бога Живого, говорившего: «Вселюсь в них и в них пребуду». Царским саном облечённый, жил он по-ангельски, постился и все ночи простаивал на молитве, сну лишь ненадолго предаваясь, вскоре снова вставал на молитву и в такой благодати всегда пребывал. Тленное тело имея, жил он жизнью бесплотных. Землёю Русскою управляя и на престоле сидя, он в душе об отшельничестве помышлял, царскую багряницу и царский венец носил, а в монашеские ризы всякий день облечься желал».

Тот же автор книги «Седая старина Москвы» И. К. Кондратьев ещё в 1893 году писал: «Нет надобности объяснять, что в плаче Евдокии над гробом супруга много поэтического, вымышленного, и его нельзя считать буквально подлинным. Но с другой стороны, взяв во внимание современность сказания о житии Дмитрия Ивановича, общеупотребительность в Древней Руси выражения душевной скорби в плаче, то есть в разных причитаниях над умершим, нельзя не признать в нём если не всего, то, по крайней мере, много исторически достоверного. Сочинитель жития Дмитрия Ивановича мог быть свидетелем его кончины, мог слышать плач его супруги и потом, конечно с некоторыми изменениями, внести его в составленное им жизнеописание Дмитрия Донского. Если же мы и отвергли бы вполне подлинность плача, то он всё-таки будет для нас иметь важность как изображение душевного состояния Евдокии при гробе её супруга в том виде, как представлялось это состояние современникам».

Плач Евдокии (в тексте она также зовётся Авдотьей) вошёл составной частью в данное Житие. А рассказ о совместной жизни в браке Дмитрия со своей женой, включающий наставления детям, интересен и для современного читателя.

«И прожил он со своей княгиней Авдотьей двадцать два года в целомудрии, и имел с ней сыновей и дочерей, и воспитал их в благочестии. А княжение великое держал, отчину свою, двадцать девять лет и шесть месяцев, и многие славные деяния свершил, и победы одержал как никто другой, а всех лет жизни его было тридцать восемь и пять месяцев. А потом разболелся он и мучился сильно. Но после полегчало ему, и возрадовалась великая княгиня радостью великою, и сыновья его, и вельможи царства его. И снова впал он в ещё больший недуг, и стоны вошли в сердце его, так что разрывалось нутро его, и уже приблизилась к смерти душа его.

В то же время родился у него сын Константин. И призвал князь к себе

княгиню свою, и других сыновей своих, и бояр своих, и сказал: «Послушайте меня все. Вот и отхожу я к Господу моему. Ты же, дорогая моя княгиня, будь детям своим за отца и мать, укрепляя дух их и наставляя всё делать по заповедям Господним: послушными и покорными быть, Бога бояться и родителей своих почитать, и страх перед ними хранить, в сердце своём во все дни жизни своей». И сказал сыновьям своим: «Вы же, сыны мои, плод мой, Бога бойтесь, помните сказанное в Писании: «Чти отца и мать, и благо тебе будет». Мир и любовь между собой храните. Я же вручаю вас Богу и матери вашей, и в страхе перед нею пребудете всегда. Пояжите заветы мои на шею себе и вложите слова мои в сердце ваше. Если же не слушаете родителей своих, то вспомните потом написанное: «Проклятие отца дом детей его разрушит, а вздохи матери до конца искоренят». Если же слушаете — будете долго жить на земле, и в благоденствии пребудет душа ваша, и умножится слава дома вашего, враги ваши падут под ногами вашими и иноплеменники побегут пред лицом вашим, избавится от невзгод земля ваша, и будут нивы ваши изобильны. Бояр своих любите, честь им воздавайте по достоинству и по службе их, без согласия их ничего не делайте. Приветливы будьте ко всем и во всём поступайте по воле родителя своего».

Мы встречаем здесь также подробное описание завещания князя Дмитрия Донского, фактически — цитирование его духовной грамоты. Это было важное указание на соблюдение права престолонаследия, которое соблюдала вдова князя Евдокия и которое было нарушено уже после её кончины.

«И, призвав сначала сына своего старшего, князя Василия, на старейший путь, — подробно пишет автор «Слова», — передал в руки его великое княжение — стол отца его, и деда, и прадеда, со всеми пошлинами, и передал ему отчину свою — Русскую землю. И раздавал каждому из своих сыновей: передал им часть своих городов в отчину, и каждому долю в княжении их, где кому из них княжить и жить, и каждому из них дал по праву его землю. Второму сыну своему, князю Юрию, дал Звенигород со всеми волостями и со всеми пошлинами, а также и Галич, который когда-то был Галицким княжеством, со всеми волостями и со всеми пошлинами. Третьему же сыну своему, князю Андрею, дал город Можайск, да другой городок — Белоозеро, со всеми волостями и со всеми пошлинами; это княжение было когда-то Белозерским. Четвёртому же сыну своему, князю Петру, дал город Дмитров со всеми волостями и со всеми пошлинами.

И так утвердил он всё это златопечатной грамотой, и, поцеловав княгиню, и детей своих, и бояр своих прощальным целованием,

благословил их, и, сложив руки на груди, предал святую свою и непорочную душу в руки истинного Бога девятнадцатого мая, в день памяти святого мученика Патрикия, на пятой неделе после Пасхи в среду, в два часа ночи. Тело его честное осталось на земле, душа же его святая в небесную обитель вселилась.

Когда же преставился благоверный и христоробивый, благородный князь всея Руси Дмитрий Иванович, озарилось лицо его ангельским светом. Княгиня же, увидев его, мёртвым на постели лежащего, зарыдала во весь голос, горячие слёзы из глаз испуская, нутром распаяясь, била себя руками в грудь. Словно труба, на бой созывающая, как ласточка на заре щебечущая, словно свирель сладкоголосая, причитала...».

Находим мы тут и сведения о семье князя, о детях Евдокии, что помогает нам узнать некоторые подробности из их жизни.

«Пятый же сын его, Иван, умер, а шестой сын его, Константин, самый маленький, ещё младенец, ибо остался он тогда после отца четырёхдневным, седьмой же сын его старший — Данило... (некоторая путаница в сложном списке сыновей князя была присуща многим авторам. — К. К-С.).

Ещё и мудрый сказал, что любящего душа в теле любимого. И я не стыжусь говорить, что двое таких носят в двух телах единую душу и одна у обоих добродетельная жизнь, на будущую славу взирают, возводя очи к небу. Так же и Дмитрий имел жену, и жили они в целомудрии. Как и железо в огне раскаляется и водой закаляется, чтобы было острым, так они огнём Божественного духа распаялись и слезами покаяния очищались. Есть ли кто столь сед разумом ещё до старости?».

Дмитрий Донской успел обзавестись, как мы уже знаем, большой семьёй. Перед кончиной он знал — есть кому оставить наследство.

И в первую очередь — своей супруге Евдокии, которую он видел в качестве настоящей местоблюстительницы московского (владимирского) престола. Она должна была помочь своим детям, в особенности — сыновьям, разобраться в престолонаследии. Забота о княгине была уже традицией в московской великокняжеской семье. Ещё Иван Калита писал в своей духовной грамоте: «А завещаю тебе, сыну моему... братьев твоих младших и княгиню мою с меньшими детьми: после Бога ты будешь о них заботиться».

Как же это тогда происходило, как разбирались между собой с помощью мудрой матушки Евдокии наследники великого дела — объединения всех русских земель и завершения процесса определения их в

самостоятельное государство, не зависящее от воли хана-царя, не выплачивающее дань и не ожидающее кары за свои ослушания?

Великий князь Дмитрий Донской, собирая многие годы воедино русские земли, был вынужден незадолго до своей кончины вновь делить их в своём завещании между сыновьями и своей супругой.

Видимо, уже предполагая такой исход, Дмитрий Иванович продиктовал духовную грамоту, где определил — что, кому и сколько достанется из наследников.

Духовные грамоты — завещания — писались в важнейшие и непростые моменты, когда что-то могло угрожать жизни того или иного князя. Причин было много: состояние здоровья, возраст или предстоящие походы и войны. В таких случаях всегда было необходимо позаботиться о наследстве.

В результате данные документы стали важным источником по русской средневековой истории. Они, в частности, показывают, чем владели князья, иногда — как они приобрели те или иные свои владения. По ним мы можем проследить процесс становления, собирания и объединения или раздробления земель различных княжеств.

Когда завещания подписывались, то присутствовали свидетели — «послухи», список которых затем мог включаться в текст. Среди них могли быть весьма уважаемые и пользующиеся авторитетом бояре или княжеские слуги. Так благодаря документам мы можем себе представить и состав княжеского двора того времени.

Великокняжеские духовные грамоты хранились достаточно бережно — как ценные и актуальные документы, ведь по ним определялось конкретное наследственное землевладение, и потому дошли они до нас относительно хорошо. Мы можем, например, прочитать комплекс духовных грамот великих князей Московских, начиная с Дмитрия Донского.

Само завещание великого князя Дмитрия Ивановича породило в будущем все наиболее значительные события первой половины XV века. Борьба за наследство имела прямое отношение к духовной грамоте великого князя.

Две духовные Дмитрия Донского сильно отличаются одна от другой. И это понятно — они написаны в разное время, в них отражены разные обстоятельства. Содержание завещания великого князя изменилось за годы.

Именно завещание отца (кроме прочих летописных источников) спустя четыре десятилетия привозил с собой его сын князь Юрий Дмитриевич в Орду для доказательства своих наследственных прав на московский

престол (то есть, судя по всему, он показывал ордынскому хану подлинник этого ценного документа). Именно этот источник и по сей день интерпретируется историками по-разному.

Вернёмся к событиям, связанным с составлением духовных грамот князя Дмитрия. Первую свою духовную грамоту князь Дмитрий составил перед событиями 1375 года и перед походом на Тверь, когда впервые русские подняли меч против Орды. Текст её частично сохранился.

Двое его сыновей, как мы уже знаем, тогда были ещё в малолетстве. Василию исполнилось четыре года, а Юрий только появился на свет в Переяславле. Но почему великий князь не написал духовной раньше, ведь сын-наследник у него уже был?

Факт, что Дмитрий Иванович определит наследство только после рождения Юрия. И неслучайно.

Один из сыновей великокняжеской семьи, как известно, скончался в малолетстве (как мы уже говорили, Юрий был третьим сыном). Значит, подобное могло произойти и в дальнейшем.

О том, что когда-то в будущем у Евдокии появятся и другие мальчики, — никто не мог ведать.

Князь Дмитрий поступал мудро и делал всё вовремя. Он диктует текст, по которому главные отчины уже тогда отдаёт старшему — четырёхлетнему Василию. «А что буде прикупил сёл, или примыслил, или починков, или которая будутъ сёла отца моего великом княженъе купля, или моя сёла купленая, или брата моего сёла, княжи Ивановы, те сёла и починки сыну моему, князю Василью, и моей княгини, и моим детём».

Формула «сыну моему, князю Василью, и моей княгини, и моим детем» — повторяется в грамоте неоднократно. Тогда князь ещё не определился окончательно — отдавать ли всё только старшему сыну или же оставить на усмотрение всех детей — под руководством великой княгини, которая могла бы мудро рассудить любые возникающие споры. Упоминание Василия первым ещё не означало конкретно, что он получит всю полноту власти и основную собственность. Оставалась некоторая неопределённость в дележе всего наследства между детьми. Но какими «детьми»?

Под фразой «моим детём» можно понимать, например, дочерей. Но обычно так не делалось. Указывались мальчики. Множественное число предполагало, конечно, возможное появление и других сыновей — пока грамота не будет переписана. Но известных нам младших братьев Василия и Юрия тогда не было ещё и «в проекте».

При диктовке завещания присутствовал митрополит Алексей,

повесивший на грамоту свою печать. Также и свидетели, о которых написано: «А послуши на сию грамоту: Тимофей околничий... Иван Родивонович, Иван Фёдорович, Фёдор Ондреевич. А грамоту писал дьяк Нестер».

Новый — второй — текст завещания, составленный в присутствии «игумена Сергия» (Радонежского), был более подробен и детализирован (возможно, были и другие варианты завещаний, но нам они неизвестны).

Исходя из содержания, подписание документа датируют временем между 13 апреля и 16 мая 1389 года. Так как именно 13 апреля из Москвы уехал митрополит Пимен (он, как мы видим, не участвует в составлении документа, а должен был бы — как митрополит). И, судя по тексту, в тот момент ещё не появился на свет последний сын князя Дмитрия — Константин («а даст ми Бог сына...» — читаем мы в завещании). Родился же он 16 мая, за несколько дней до кончины Дмитрия.

Старший сын Василий получал «отчину великое княжение». Неожиданно для многих такой фразой князь Дмитрий впервые за время ордынского ига самостоятельно провозгласил передачу великокняжеской власти, добавив к этому и ещё более серьёзные определения: «А переменит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду». Вот так правитель Москвы начал традицию постепенного отвержения монополии Золотой Орды на определение власти и дани на Руси.

Василию также отходила Коломна с волостями и половиной городских пошлин. «А дети мои, молодшая братья княжи Васильевы, — особо выделил князь Дмитрий, — чтите и слушайте своего брата старшего в моё место своего отца.

А сын мой, князь Василий, держит своего брата, князя Юрья, и свою братью молодшую в братстве, без обиды».

Князя Юрия в своём завещании Дмитрий Донской выделил неслучайно. Тот в эти годы явно подавал большие надежды на будущее — и образованием (что известно по источникам), и стремлением к воинскому поприщу, и необычным врождённым чувством справедливости, умением ещё с детства улаживать отношения в семье. В отличие от старшего Василия, который был наделён чертами слабых характерного и весьма тщеславного человека. И если другие сыновья получили свою долю: Андрей — Можайск и Белоозеро, Пётр — Дмитров и Углич, Иван — «не от мира сего» — несколько волостей, а народившийся Константин потом от братьев получит в дар Углич, то наследство, причитавшееся Юрию, будет оговорено с отдельными подробностями.

И вот — самое интересное! Свою супругу князь Дмитрий в завещании выделил особо! Князь отдал Евдокии частично разные владения из наследования каждого из сыновей. Но главное, она оставалась старшей в вопросах разрешения различных внутрисемейных споров.

Это немаловажное заключение-заповедь в духовной грамоте подсказывает, что вопрос о престолонаследии возник как важный уже тогда. А через десяток с небольшим лет он станет камнем преткновения в отношениях между старшими сыновьями Дмитрия.

Например, было отмечено: «А по грехом, которого сына моего Бог отымет, и княгини моя поделит того уделом сынов моих. Которому что даст, то тому и есть, а дети мои из её воли не вымутся».

То есть воля великой княгини становилась не менее важной, нежели воля будущего преемника Дмитрия на престоле. Поразительный факт для завещаний того времени. И поразительное доверие великого князя своей жене, женщине, что шло вразрез со многими традициями Средневековья.

И вот что было главным: вопрос о дальнейшей перемене власти. По этому поводу великий князь Дмитрий Иванович Донской написал: «А по грехом, отымет Бог сына моего, князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел, а того уделом поделит их моя княгини. А вы, дети мои, слушайте свое матери, что кому даст, то тому и есть».

Ещё два важнейших утверждения, таким образом, находим мы в грамоте. Первое — князь Дмитрий подтверждает престолонаследие (сложившееся аж со времён Ярослава Мудрого) от старшего брата к следующему по возрасту. Второе — вдова великого князя Евдокия становилась на время судьёй в возможных разногласиях и спорах наследников. С точки зрения юридической, формула «слушайте свое матери» с добавлением почти приказа «что кому даст, то тому и есть» явилась во многом новшеством в истории властных взаимоотношений конца XIV столетия на Руси.

Заключительные слова Дмитрия Донского — «А хто сю грамоту мою порушит, судит ему Бог, а не будет на нём милости Божий, ни моего благословенья ни в сии век, ни в будущий», — по сути, являются его предсмертным приговором тому, кто начнёт не только менять суть завещания, но и положит основание известной междоусобице и братоубийству. Речь идёт о длительной распре между князьями Московского властвующего дома, которая по-настоящему начнётся через несколько десятилетий после кончины Дмитрия Донского и войдёт в историю как период междоусобными войн. А как мы знаем, начал эту

распрю именно старший брат Василий, нарушив завещание, хотя поздняя история утверждала, будто во всём виноват князь Юрий.

Неслучайно в одной из фраз завещания князя Дмитрия его сын Юрий выделен после Василия как бы отдельно, особо: «А сын мой, князь Василий, держит своего брата, князя Юрья, и свою братью молодшую в братстве, без обиды». Этот сын был любимчиком, особенно княгини Евдокии. Умиравший князь будто предчувствовал будущую несправедливость.

Можно предположить, что от более серьёзных наследственных указаний по отношению к Юрию князя Дмитрия могла отвлечь странная болезнь, которая чуть не унесла жизнь Юрия в 1388 году. Отец вдруг понял, что и этот сын может неожиданно умереть. И он побоялся недуга юноши. И хотя «Бог миловал его», завещание было уже составлено. Ничего более, кроме особого выделения Юрия (в виде явного наставления-указания именно Василию) как брата, которого нельзя оставлять «в обиде», — в грамоте нет. Кстати, указание это намекает на уже тогда, видимо, непростые отношения между братьями. И, похоже, негатив исходил от старшего, что подтвердит время.

Известно, что в год кончины Дмитрия Донского ни один из сыновей его и Евдокии ещё не был женат и не имел потомства. Вот почему было так важно детально расписать в завещании и порядок передачи власти. Многие дети князя умирали в разном возрасте. Кто на самом деле выживет и сможет управлять таким большим и неустойчивым государством, как Московская Русь, — вряд ли кто-нибудь взялся бы тогда прогнозировать.

Князь Дмитрий Иванович соблюдал законы предков, причём точно. Окружение поддерживало его. Власть принимал старший сын Василий, а следующий — Юрий — придёт в своё время, когда положено. И если мы верим тем словам в завещании, где великокняжеская власть передаётся от Дмитрия к Василию, то мы должны так же точно верить и тем словам, где заповедано Василию — передать затем власть Юрию (или, в случае смерти Юрия, другому брату, кто за ним будет старшим). Таков был порядок, установленный тогда.

Этим словам верила и следовала до самой своей кончины великая княгиня Евдокия, вдова Дмитрия Донского. Увы, но жизненных дней ей отпущено было не так уж и много, хотя пережила она мужа почти на 18 лет. И за это время никаких серьёзных споров или стычек между сыновьями не произошло.

Это характеризует Евдокию как женщину мудрую, волевою, решительную и последовательную в своих решениях и поступках. Что и

вызывало со стороны окружающих большое и искреннее к ней уважение, вылившееся в дальнейшем в настоящее почитание.

Храм-памятник мужу в Кремле

Руки строителей словно вылепили их... в единении с природой.

Д. С. Лихачёв

После кончины мужа у Евдокии возникает множество хлопот. Первым делом нужно было позаботиться об устройстве жизни старшего сына, заступившего в Москве на властный престол. В его возрасте другие князья уже давно бы сыграли свадьбу. Но Василий ждал свою невесту, которой ещё ранее дал обещание о браке.

В 1390 году Василий Дмитриевич женится на дочери великого князя Литовского Витовта — Софье (подробнее мы расскажем об этом позднее). Теперь все стали ждать от молодых продолжения рода Дмитрия Донского. И оказалось, что ожидание такое может продлиться довольно долго...

Спустя два года, в 1392-м, скончался преподобный Сергей Радонежский, крестный отец нескольких детей великой княгини Евдокии. То была большая потеря для великокняжеской семьи. Особенно для самой великой княгини и её сына Юрия, который был крестным сыном Троицкого старца.

Одно радовало, что первый ученик Сергия, а также его духовник, будущий духовный наставник княгини Евдокии — преподобный Савва (позже названный Сторожевским) станет следующим игуменом Троицкого монастыря.

А ещё за несколько месяцев до преставления Сергия, у Вологды, в основанном им Спасском монастыре скончался ещё один вероятный духовный наставник княгини Евдокии и, как предполагается, восприемник некоторых её детей — преподобный Дмитрий Прилуцкий.

Именно в это время Евдокия задумала большое строительство в Московском Кремле. Уже осуществляя идею основания в столице женского монастыря, она стала независимо от этого строить новый каменный храм на самом главном, историческом месте большого кремлёвского холма.

В 1393—1394 годах великая княгиня возводит из камня храм Рождества Богородицы, который позднее будут называть так: «что вверху, на царицыных сенях». Идея строительства будет непростой. Храм

закладывался как памятник её мужу, как напоминание о победе на Куликовом поле, которая произошла как раз в дни празднования Рождества Богородицы — 8 сентября 1380 года.

Княгиня не осталась одинока в своём начинании. Сын Евдокии — князь Юрий Дмитриевич — тут же осуществит аналогичное строительство (в честь отца и Куликовской победы) деревянного храма Рождества Богородицы в своих владениях — на горе Сторожи рядом с удельным Звенигородом.

Мирные времена, казалось, продлятся вечно, ведь именно в те годы сыновья Евдокии Василий и Юрий подписали «братский договор» о том, чтобы «быти заодно... до живота».

Если мы в наши дни попытаемся найти возведённый Евдокией храм среди древних построек Московского Кремля, то нам вряд ли удастся это сделать. Во-первых, купола его почти не видны из тех мест, куда может подойти ныне простой посетитель Кремля. А во-вторых, они уже в достаточной степени перестроены, чтобы напоминать о реальной церкви конца XIV столетия.

Первоначально, ещё во времена Евдокии, на этом месте стоял деревянный храм в честь Воскрешения Лазаря, который был особо почитаем при московском дворе. В XIX столетии строительство и этой церкви приписывалось вдове Дмитрия Донского («Воскресения Св. Лазаря... находится под церковью Рождества Богородицы и построена также Св. Евдокией»).

У храма Воскрешения Лазаря была своя, весьма значительная история, подробностей которой мы не знаем. Она связана с тем, что он выполнял функции, которые потом станут важными для будущей Вознесенской женской кремлёвской обители, основанной Евдокией в те же времена.

Вновь обратимся к исследователю XIX века И. К. Кондратьеву и его книге «Седая старина Москвы»: «Замечательно, что церковь эта... памятник русского зодчества XIV века — была не только упразднена, но и застроена со всех сторон каменными стенами так, что даже все забыли о ней. Неизвестно, почему и когда именно это случилось: летописи молчат о церкви в продолжение 200 лет».

Автор приводит и факты того, как в разные времена пытались восстановить постройку: «В 1842 году, при исправлении нижнего этажа терема, отвалена была одна стена, за которой, к удивлению, нашли древние мрачные своды, поддерживаемые двумя толстыми столпами, отделение алтаря с тремя узкими окнами в полукружии горнего места, с престолом и жертвенником, сделанными из тяжеловесного кирпича. По повелению

государя императора Николая Павловича храм был восстановлен в том самом виде, в каком он был сооружён 450 лет назад. В церкви на стене арки находится древнее изображение ангела Божьего с надписью: «Ангел Господень трубит на землю». В одном из столпов этой церкви есть углубление в виде ниши для княжеского места».

Но для нас наиболее интересен другой факт. Оказалось, что «при постройке Императорского дворца под церковью, в земле, открыты были человеческие кости, что доказывает, что эта церковь до построения Вознесенского монастыря была усыпальницей княгинь и княжон, к теремам коих она примыкала».

Таким образом, великая княгиня Евдокия, основав в Кремле Вознесенский монастырь, фактически отвела от «царицыных сеней» храм-усыпальницу, создав новый, более значимый пантеон в столице Русского государства.

Вряд ли Евдокии принадлежит инициатива построения старинного деревянного храма Воскрешения Лазаря. Хотя бы потому, что не было смысла возводить эту церковь, чтобы потом почти сразу прямо над ней же, сверху надстраивать каменный храм Рождества Богородицы.

По-видимому, церковь Святого Лазаря существовала уже давно и была настолько почитаема, что Евдокия не стала её полностью уничтожать или сносить, а напротив, бережно устроила вокруг неё новый храм. При этом алтарь Воскрешения Лазаря сохранялся (в том числе, частично и до наших дней).

Как говорят летописи — удар молнии в 1405 году попал прямо в церковь Воскрешения праведного Лазаря в Теремном дворце. Потом были ещё пожары и стихийные бедствия, в 1480 году обвалилась церковь Рождества. Поэтому в 1514-м итальянский зодчий Алевиз отстроил новый храм, который назвали Рождества Богородицы на Сенях. Архитектор сохранил древнюю часть в качестве подклета. Нижнюю же церковь, в память о старом деревянном храме, освятили вновь в память Воскрешения Лазаря. Однако уже в 1681—1684 годах этот Лазаревский придел перестал существовать, а в XVIII столетии подклет использовался как склад.

В одном путеводителе сообщалось, что церковь «преподобного Лазаря с XVII века была замуравлена и вновь открыта лишь случайно при постройке Большого дворца». Тогда строили лестницу дворца и после пролома стены обнаружили белокаменные своды со столпами и алтарь с тремя узкими окнами, престолом и жертвенником. При императоре Николае I решили восстановить храм, чем занялись архитекторы П. А. Герасимов и художник Ф. Г. Солнцев. Белокаменная церковь, можно

сказать, — самое древнее из сохранившихся сооружений Кремля. В настоящее время доступ в неё невозможен.

Новая каменная церковь Рождества Пресвятой Богородицы долгое время являлась частью женской половины великокняжеского дворца и служила домовым храмом для великих княгинь и будущих цариц.

Если бы нам удалось сегодня попасть внутрь, то мы бы увидели лишь голые белые стены. Увы, но не сохранились росписи, да и многие иконы были утрачены. Вся верхушка — также не соответствует XIV веку. Подлинными являются лишь нижние части стен, некоторые низкие окна и главный портал.

Храм изначально был построен как четырёхстолпный, с тремя апсидами. Белого камня на него не жалели. Мощные столбы несли на себе верхнее перекрытие в виде сводов. На хоры вела удивительная по красоте вмонтированная в стену лестница, которая сохранилась.

Надо сказать, что строительство кремлёвского храма Рождества Богородицы княгиней Евдокией в эти годы предопределило многие архитектурные начинания того времени, повлияло на развитие так называемого раннемосковского стиля, образцами которого потом стали звенигородские соборы, построенные её сыном Юрием, а также каменный Троицкий храм в монастыре, основанном преподобным Сергием.

Это означало, что Евдокия обладала большими знаниями в сфере зодчества, изящным вкусом и передовыми взглядами на понимание законов архитектуры и ландшафта. При этом в линиях церкви можно заметить некоторые следы более древней, владими́ро-суздальской архитектуры, которая была близка Евдокии по духу с самого детства, ибо выросла она в окружении белокаменных красот, которые окружали её в доме-отчине отца.

Для росписи храма в Московском Кремле выбрали самых достойных для того времени иконописцев. Уже в 1395 году упоминаются те, кто выполнил эту работу: Феофан Грек и Даниил Чёрный с учениками (в некоторых работах почему-то указывается, что это был не Даниил, а Симеон Чёрный). Феофан был признанным мастером фрески, и тогда ему действительно не было равных на Руси.

Некоторыми исследователями высказывается предположение, что именно княгиня Евдокия пригласила Феофана Грека в 1399 году расписывать Архангельский собор Московского Кремля. Так как по её инициативе происходила реконструкция и перестройка каменных стен храма, которые затем и были украшены фресками.

Дальнейшая судьба храма Рождества Богородицы в Кремле,

построенного княгиней Евдокией в память о своём муже, была такова. Как писали в XIX столетии, церковь «находилась тогда не во втором этаже теремов, как потом, но внизу. В 1473 году она сгорела, а в 1480 году её своды, как мы уже говорили — обрушились. Когда при Иване III теремные здания были перестроены и подняты этажом выше, то в 1514 году великий князь Василий III повелел Алевизу Фрязину соорудить церковь Рождества Богородицы уже вверху. В характере внутренних украшений этой церкви заметен вкус XVII века, которого строго придерживались и при последовавших возобновлениях: она тускло освещается готическими окнами, которые затейливо украшены древними орнаментами, а стены — фресками в старинном стиле».

Увы, сегодня и это почти не сохранилось. Лишь старинные карты, такие как, например, знаменитый «Кремленаград», датируемый началом XVII века, могут помочь нам представить, как могла выглядеть тогда вся эта красота.

Позднее даже здание Алевиза Нового было сильно изменено. Это случилось уже 1681—1684 годах, когда царствовал Фёдор Алексеевич. Тогда вместо Алевизова изящества появился храм с одной главой, трапезной и почти прямоугольным алтарём. Именно в то время перестал существовать древнейший придел, а по сути — храм Воскрешения Лазаря.

Но во время строительства Большого Кремлёвского дворца умные люди восстановили придел Святого Лазаря. Произошло это в 1838 году. Тогда реставраторы попытались даже восстановить облик храма Рождества Богородицы XVII века.

По рассказу очевидца, посетившего храм Рождества Богородицы в XIX столетии, мы можем узнать о некоторых святынях, которые там хранились. «Между образами, — читаем мы, — замечателен список с образа Феодоровской Богоматери, бывший в особенном уважении дома Романовых. Оригинал, как известно, находится в костромском Ипатьевском монастыре (принесена в Москву матерью царя Михаила Фёдоровича Марфой). На иконостасе храма местные иконы вышиты самими царицами и царевнами золотом и унизаны жемчугом и драгоценными камнями. В притворе храма сквозь окно в церковь слушали Божественную службу царицы во время шестинедельного срока после родов».

Известно, что в Московском Кремле многое пострадало после событий 1918 года и позднее. Однако даже во время больших потерь и разрушений именно храм Рождества Богородицы, возведённый великой княгиней Евдокией, частично был приведён в некоторый порядок. Первоначально это было сделано во время ремонта зданий Кремля в 1923—1928 годах. А затем,

в 1949—1952 годах, уже более профессионально провели настоящую реставрацию подклета, фактически сохранившейся нижней части церкви, включая храм Святого Лазаря.

И по сей день церковь Рождества Пресвятой Богородицы на Сенях в Кремле — это один из наиболее старых, ценных и важных для истории Москвы памятников церковной архитектуры.

А для нас — ещё одно упоминание о великих деяниях княгини Евдокии Дмитриевны.

Но и после того, как возведением нового кремлёвского храма вдова Дмитрия Донского отметила память своего покойного мужа, у неё оставалось главное дело — забота о своих детях и потомках. И первым среди них был старший на тот момент сын, великий князь Московский (Владимирский) Василий Дмитриевич.

Теперь его судьба была судьбой Руси. И наоборот. А потому мы должны более подробно рассказать о человеке, с которым Евдокия будет править страной фактически до самой своей кончины, а для этого вернуться на несколько лет назад.

Наследник — Василий I

Василий, осторожный, рассматрительный, имел отважность, но только в случае необходимости.

Н. М. Карамзин

После 1382 года Евдокия Дмитриевна в знак благодарности за своё чудесное спасение от Тохтамыша основывает монастырь и закладывает церкви в городе своей юности — Переяславле.

Напомним, что 5 июля 1383 года, почти одновременно с тем, как Василий отправился на горе матери в Орду, в Нижнем Новгороде скончался, приняв монашество и схиму, именитый отец Евдокии, великий князь Суздальский и Нижегородский Дмитрий Константинович. Вот уж поистине был год плача. Князь был похоронен в нижегородском Спасском храме.

Ещё одно событие в жизни семьи Дмитрия Донского и Евдокии можно назвать важным и промыслительным. В 1384 году предполагалась удивительная по своей значимости свадьба. Великий князь Литовский Ягайло решил жениться на дочери московской княгини Евдокии — Софии Дмитриевне.

Этот брак мог бы повернуть ход русской истории. Редкий случай, чтобы на таком уровне породнились бы два часто враждующих между собой соседа. Да и в скором времени Ягайло получит титул короля. София — королева Литвы и затем Польши! Поразительные могли быть перемены!

Однако по разным причинам свадьба не состоялась. В сути разногласий лежали различные, в том числе и религиозные, конфессиональные основания. Позднее Софью отдадут замуж за сына великого князя Рязанского — Фёдора Ольговича. То есть за своего, православного. Произойдёт это уже в 1387 году.

Евдокия оставалась как хорошей женой, так и настоящей матерью. С каждым годом семья пополнялась детьми.

В период возвращения старшего сына Василия из Орды жена Дмитрия Донского родила ещё одного мальчика, которого окрестили Петром. Прошло около года, и на свет Божий появилась очередная девочка, которую родители из первопрестольной Москвы называли Анной.

Может быть, эти обстоятельства (связанные с частыми родами) привели к некоему недугу княгини. В летописях мелькнёт важное упоминание о том, что в 1388 году, сразу после праздника Пасхи, сын Евдокии Юрий очень сильно заболел. Недуг был тяжким — видимо, настолько, что даже писцы не преминули об этом оставить заметку. Что это была за болезнь? Последствия очередного мора? А может, ещё что-то, сильно напугавшее родственников?

К счастью, летопись поведала: «Бог милова его».

Как и миловал саму великую княгиню, расхворавшуюся всерьёз в это же самое время. Можно также предположить, что эти заболевания в семье Евдокии были связаны с каким-то мором, случившимся в Москве.

Год 1388-й отмечен другим важным событием для семейства великого князя Дмитрия Донского. Он подписал тогда договорную грамоту с князем Владимиром Андреевичем Храбрым, героем многих битв тех времён.

В грамоте указывалось, что сын князя Дмитрия и княгини Евдокии — Юрий Дмитриевич, которому на тот момент ещё не исполнилось и 14 лет, признается «равным братом» своему двоюродному дяде, значительно более старшему по возрасту. Стать «братом» князю Владимиру Храброму было великой честью. Заодно это решало некоторые проблемы и разногласия внутри правящей семьи.

Видимо, предчувствуя свою близкую кончину, Дмитрий Донской, посоветовавшись с женой, принимал решения, которые могли бы определить будущую политику государства на ближайшие годы...

Эти времена мирных обустройств были подарены Руси самим ханом Тохтамышем, который уверился в том, что «зачистил» свой улус и наказал Русь основательно и надолго. А потому он уже начинал подготовку к решению ещё более важной для него политической проблемы — урегулированию отношений с Тамерланом, который становился для него настоящим кошмаром. Каким, впрочем, станет в ближайшем будущем и для Руси.

После кончины Дмитрия Донского Москва продолжила обустраиваться. Больших войн не предвиделось. Под мудрым попечительством Евдокии и её сына Василия начиналась новая страница истории государства.

Василий правил тогда Русью, а Евдокия неотлучно была при Московском дворе.

Мы помним, что Евдокия в 1383 году отправляла своего 12-летнего сына в столицу Орды к хану Тохтамышу в качестве заложника, потому что

никто не мог заплатить за него дань — сразу восемь тысяч рублей серебром. Формально это было подано так, что необходима была тяжба о великом княжении. Княжич совершил путешествие.

В кругах правящей русской элиты возникало некоторое твёрдое предположение, что если старший сын князя Дмитрия не выживет в Орде (что легко можно было представить, исходя из коварства Тохтамышша, обещавшего, например, не убивать в 1382 году жителей Москвы, но тут же поступившего наоборот), то тогда наследником — по старшинству в роде — станет Юрий. Так было принято по традиции, так это будет затем отмечено и в завещании Дмитрия Донского.

Вольно или невольно, но следующий по возрасту, девятилетний князь попал в центр внимания со стороны княжеского двора и боярства. Евдокия ему также благоволила.

Молодой, но очень разумный, весьма начитанный, уже показывающий свою энергию и смекалку, Юрий не только оставался «возможным наследником», но и в реальности был хорошим для этого кандидатом и даже образцом.

Что мог думать об этом ежедневно и ежесекундно переживающий угрозу смерти Василий в ордынском плену? Даже самая сильная любовь к брату не могла не зарождать у него подозрений в том, что он уже, вольно или невольно, но «проявился» как его конкурент на власть. Обида? Это ещё мягко сказано.

Естественно, что вернётся к матери в Москву князь уже зрелым юношей. И выпадет ему не только много опасностей, но и немало приключений, вплоть до путешествий в разные дальние края. И вот по прошествии времени Дмитрия Донского не стало. Вдова и дети уже оплакали его. Первые же годы правления Василия Дмитриевича ознаменовались расширением границ княжества и присоединением к нему соседних земель. Уже в 1392 году он получил из Орды ярлык на важнейшие города — Нижний Новгород, Городец, Мещеру и Тарусу. И тогда же фактически присоединил к Москве княжество Суздальско-Нижегородское. Считается, что он его купил у ордынского хана.

Но в этом расширении ему реально и даже самоотверженно помог брат — Юрий Дмитриевич. Он, следуя «докончальному» договору, вместе с «равным братом» Владимиром Храбрым предпримет необходимые Василию военные походы, подчинит Москве также город Торжок, рискуя жизнью, — прогонит врагов, подчинит несогласных, усмирит бунтующих. Сделает это быстро, эффективно и профессионально.

Каждое действие князя Юрия будет повышать его авторитет в

воинской среде. Князь Владимир признает в нём настоящий полководческий талант. Не забудем, что в эти времена Юрию Дмитриевичу было всего 16—18 лет! И только потом, когда ему будет чуть за 20, он пойдёт дальним победным походом по землям великой Волжской Булгарии.

Однако уже в те времена будет расти и число его врагов. Не только тех, кто был недоволен его возвышением, не только представителей «литовской партии», но и врагов буквальных. Например, из других удельных князей. Ведь бежавший в Орду Нижегородский князь Семён — брат Евдокии — будет затем бороться с Василием и Юрием почти всю свою жизнь. А для правителя Звенигородского и Галичского это будет связано с самыми серьёзными сражениями в его жизни, из которых он выйдет и с победой, и с честью.

Летописи будут освещать окончательное присоединение к Москве родного Евдокии Суздальско-Нижегородского княжества по-разному. Естественно — они писались в разных местах Руси. Кто-то поддерживал князя Семена, а кто-то, наоборот, — осуждал. Рогожский летописец поведал потомкам, что Василий добился этих земель «златом и серебром, а не правдою». То есть охарактеризовал нам некоторые новые черты великого князя, о которых мы ещё до этого не знали. Среди них, например, его алчность. Именно по этой причине, по мнению летописца, на Руси может затем произойти «конец вселенной».

Известно также, что нижегородские бояре «сдали» тогда своего князя Семена, заявив о поддержке Москвы. Это было не очень честно, по мнению составителя летописи. И также «не хорошо» было обращение Василия в Орду для получения ярлыка на княжение. Что-то вроде «запрещённого приёма». И для потомков осталась головоломка — что считать главным и первым в его действиях: завоевание княжества или получение ярлыка. В ранних (возможно, более правдивых) летописях мы видим такую последовательность: сначала — ярлык от хана, а потом — поход на Нижний Новгород (не совсем «честные» действия). А в поздних — всё меняется местами.

Во всяком случае Василий Дмитриевич уже тогда понял — действовать можно и нужно любыми способами. Цель укрепления единой власти оправдывает средства.

Его матушка — Евдокия — помешать ему в начинаниях никак уже не могла. Сын выходил на собственную дорогу полной самостоятельности.

Само Суздальско-Нижегородское княжество окрепло с 1330—1340-х годов. Его земли были просторными: от Унжи на севере — до Суры и Алатыря. Их отчасти занимала мордва. Плодородные поля, удачное

торговое положение у слияния Волги и Оки. В Нижнем Новгороде даже начали строить каменный Кремль, наподобие московского. Имелась своя Суздальская епископская кафедра.

Во времена Дмитрия Донского князь Борис Константинович — дядя Евдокии — захватил город. Тогда в Нижний даже отправился преподобный Сергей Радонежский, чтобы решить ситуацию мирным путём. Уговоры не подействовали, и преподобный Сергей взял да и закрыл там все городские храмы.

Как мы помним, Евдокия — вдова Дмитрия Донского — была дочерью князя Суздальского и Нижегородского — Дмитрия Константиновича. И теперь она жила уже в те времена, когда данное княжество прекращало своё существование и полностью подчинялось Москве.

Выяснения отношений между князьями, которые возникли при Василии Дмитриевиче, продолжались долго. Но та самая купля им ярлыка на княжество у ордынского хана стала началом удивительных событий, о которых мы расскажем чуть позднее.

И как раз в это время на Руси появляется ещё одно действующее лицо, от которого будет зависеть внутренняя и внешняя политика государства. То была невестка княгини Евдокии, жена Василия, из Литвы.

Литовская невестка Софья

У меня была дочь, девушка, и над ней
я не имел никакой власти.

Великий князь Литовский Витовт о Софье, XIV в.

Невестка Евдокии великая княгиня Софья Витовтовна, правительница Москвы (конец XIV — начало XV века), была дочерью Витовта и княгини Смоленской Анны. Литовцы благодаря этому браку тогда не просто породнились с князьями Смоленскими. Желание прибрать к рукам огромное и важное по стратегическому положению княжество было у них всегда.

С детьми семье не повезло. История двух будто бы отравленных крестоносцами сыновей до сих пор неясна и загадочна. А оставшаяся дочь — увы! — не могла в те времена стать правителем вместо наследников-мальчиков. Однако её брак с Василием, как мы уже знаем, явился решением сразу нескольких проблем.

Год их рождения с будущим мужем совпал — 1371-й. Воспитана Софья была в лучших традициях литовского двора. Умела не только вышивать, но и рисовать, и даже играть на музыкальных инструментах. Благородная девица на выданье, как только подросла, могла составить партию любому отпрыску лучших княжеских или королевских домов Европы.

Но тут появился вызволенный из ордынского плена молодой Василий. Им обоим ещё не исполнилось шестнадцати. По тем временам — самое время для сватовства и женитьбы.

Обручившись, молодые почти пять лет ждали своей свадьбы. В приближении к двадцатилетию невеста тогда считалась уже весьма немолодой. Но к Софье это не имело никакого отношения. Она была юной, когда встретила Василия. А затем прождала все эти годы и могла, видимо, делать это и ещё дольше.

Отличаясь «современными» и более раскованными (по сравнению с тогдашней Русью) взглядами на жизнь, она, естественно, производила на русского мужа, на его окружение и, конечно же, на его мать, княгиню Евдокию особенное впечатление.

Православная вера её ничуть не изменила. Резкость и неординарность поступков молодой великой княгини потом отразятся и на некоторых важных исторических событиях. Незаметные пока в её характере элементы самоуправства и эмоциональности в ближайшем будущем дадут о себе знать.

Возможно, в этом сказалось непростое детство княжны. Многие её родственники скончались не своей смертью. Дед и бабка, например, были жестоко убиты. Та же участь ждала и отца. Семья фактически находилась в бегах. Страх перед возможной смертью — прямо сейчас, в любую минуту — будет преследовать её всю жизнь. И, может быть, это повлияет затем на отношения между её мужем Василием и его братом князем Юрием. Ведь, по мнению искушённой в борьбе за власть женщины, любой наследник только и думает о том, когда же, в конце концов, умрёт нынешний властитель. Так жили её родичи. Так поступал её отец, изменивший даже вере своих предков ради борьбы за власть.

Кошмар постоянных смертей родственников, между прочим, в Москве для Софьи закончился. Здесь хоть и было не совсем спокойно, но не до такой степени, как в её родных землях. Да и свекровь производила впечатление заботливой и мудрой женщины.

Её дед по матери — великий князь Смоленский Святослав Иванович — был убит во время сражения как раз в год её обручения с Василием. Это значительное совпадение обычно никак исследователями не рассматривается. Но оно становится дополнительным подтверждением заключений, что само обручение имело во многом именно политические мотивы, а не только любовную подоплёку. Однако уже во время появления её в Москве и пышно сыгранной свадьбы Смоленском правил её дядя Глеб Святославич, что придавало новой правительнице большего авторитета.

А в 1392 году в Литве к власти пришёл отец Софьи. Выиграли все — и Витовт, и Василий. Первый закрепил свои позиции на востоке. Второй — «угадал» с женой. Теперь её влияние на Москву «удесятерилось». А положение её свекрови, Евдокии, немного умалилось. Хотя сыновья почитали и уважали её по завету отца.

И пока Витовт будет править Великим княжеством Литовским, у его сторонников при московском дворе будет большая сила. Это продлится до 1430 года, то есть до кончины Витовта. Софья и тогда ещё будет «в силах», но уже не в таких, чтобы тут же наступить своим недоброжелателям «на горло». И хоть великое княжество её отца в тот момент достигнет апогея своей силы, она уже не сможет определять всё, что она считала нужным или необходимым.

То был период, когда, по словам профессора С. Ф. Платонова, написавшего ещё в царской России свой знаменитый «Курс русской истории», «Василий Дмитриевич вверил Витовту попечительство над своим сыном. Это была минута наибольшего превосходства Литовского княжества над Московской Русью».

Возможное участие в политике

И во всем усердно подобствова богоугодному исправлению...

В мале сказание о блаженной великой княгине Евдокии, XVI в.

Нам трудно судить о том, какую роль могла играть при Московском дворе великая княгиня Евдокия, тем более после кончины супруга. Но то, что она не стояла в стороне от происходящего, — очевидно. Даже краткие упоминания о её решениях (например, о молении всей Москвы на Кучковом поле, о чём будет рассказано позднее) говорят, что она обладала твёрдым характером и имела своё мнение. Повторимся — если муж, Дмитрий Донской, решил оставить на неё заботу и попечение о наследовании престола — то чего уж тут думать, что она была вдалеке от реальной политики!

А ситуация в Московском княжестве была тогда весьма непростая. Когда в 1389 году старший сын Евдокии Василий Дмитриевич вступил на Московский престол, то ему во многом везло. Проблем у властвующей над Русью Орды было настолько много, что ближайшие годы позволили ему без особого труда не только расширять границы княжества Московского, но и поправить свои финансовые дела.

Однако он продолжал быть заложником уже известных нам обстоятельств. Спасение его жизни и любовь к литовской княжне Софье (существует мнение, что она была искренней и взаимной, хотя прямых доказательств тому нет) заставляли князя совершать такие действия, которые можно назвать выплатой обещанного долга. Таким образом, юго-западный сосед — Литва — получил мощный инструмент управления Московской Русью в лице её властителя. При дворе появилось, говоря современным языком, «пролитовское лобби», и всё, что связано с этим, можно условно назвать «литовской партией».

Название это потому условное, что к современному политическому понятию «партия» никакого отношения не имеет. Некоторые историки даже могут возмутиться: о чём это тут речь?! Но употребляется это понятие только для того, чтобы было проще осознать — какие влияния оказывались

на внутреннюю и внешнюю политику Московской Руси конца XIII — начала XV века.

Главными действующими лицами «литовской партии» стали сама великая княгиня Софья Витовтовна, её ближайшее окружение в лице приехавших с ней литовцев и примкнувших к ним московских бояр, а также давнишний друг Витовта — митрополит Киприан.

Не стоит забывать о том, что в те самые времена существовали два больших и мощных государства: Орда и Великое княжество Литовское. Русь Владимирская (Московская) зависела от Орды, хотя частью Орды себя не называла, употребляя словосочетание «ушёл в Орду» по отношению к тем, кто отправлялся из её пределов и пересекал условную границу к востоку от Рязани или переправлялся в том же направлении через Каму и Волгу.

Но если Дмитрий Донской и его сын Василий Дмитриевич носили титул (по ярлыку, выдаваемому ханом-царём) великих князей Владимирских (Московских), то Витовт будет величать себя великим князем Литовским и всея Руси! Для того чтобы в действительности обладать «всею Русью», ему не будет хватать только малого — подчинить себе, пусть даже не физически, но политически и экономически — Новгород и Москву. За это он готов был сражаться даже с Ордой.

Таковы были давние и дальние планы литовских правителей, которые теперь были как никогда близки к осуществлению. Ведь Софья стала соправительницей Московской Руси — земли, образно напоминающей кусок вкусного и жирного пирога.

Лишь существование её свекрови, вдовы Дмитрия Донского великой княгини Евдокии, которая поклялась мужу на его смертном одре блюсти законы государства так, как он завещал, мешало развернуться княгине из Литвы в полную силу (что она с успехом сделает позднее, после кончины Евдокии Дмитриевны).

Для митрополита Киприана, которого Литва поддерживала в самые трудные его времена (включая и те, когда он находился в ссоре с Дмитрием Донским), не составило особого труда объяснить Василию выгодность дружбы с Западом, при этом сохраняя за Москвой право на византийское устройство православной митрополии.

Да и вообще Киприан получил когда-то Киевскую митрополию при поддержке литовца Ольгерда, хотя тот слыл настоящим язычником. Мнение святителя о литовском правителе отразилось позднее в составленном им первом Московском летописном своде, где мы читаем об Ольгерде очень лестные слова. Будто он «превызде властью и саном, но не пива и мёду не

пиаше, ни вина, ни кваса кисла, и великоумство и воздержание приобрете себе... не токма силою, елико уменьем воеваше». По всему видно, что уж больно хороший был человек, по убеждению митрополита, в отличие от Дмитрия Донского, о котором говорится сдержанно и сухо, с некоторым «забыванием» подробностей его героических достижений, включая победу на Куликовом поле.

Митрополит Киприан дружил со всеми литовскими правителями. Даже когда они приняли католичество. После Ольгерда — и Ягайло, и Витовт были его покровителями.

И теперь, находясь рядом с Софьей при Московском дворе, он, даже невзирая на мнение княгини Евдокии и пользуясь своим положением, связями и саном, мог решить для Литвы многое.

Появление Софьи в столичном Кремле стало важным событием. Однако тогда этого ещё никто всерьёз оценить не мог. Только будущее покажет — как и на что способна была эта незаурядная женщина, пережившая затем почти всех современников и сумевшая активно и последовательно влиять на всё происходящее в Москве в течение более чем полувека.

Таким образом, упомянутая нами «литовская партия» на Руси существовала несколько десятилетий. А это огромный период для истории Русского государства. Кто-то оценивает её роль как прогрессивную, другие считают, что развитие Руси без такого влияния могло бы пойти по-другому, в более выигрышном направлении. Во всяком случае роль Софьи Витовтовны ещё по-настоящему не оценена и не определена.

Но в противовес «литовской партии» на Руси некоторое время существовала и другая сила. Мы назовём её также условно — «смоленская партия». Представители и той, и другой стороны фактически решали будущее возрождающегося единого государства — каким путём оно пойдёт, с кем будет союзничать и какими землями обладать.

Как мы помним, «литовцы» стремились к сближению с Литвой, вплоть до объединения с ней в единое государство. Это был стратегический план великого князя Литовского Витовта (хотя и ранее он уже активно осуществлялся его предшественниками). И теперь князь имел все возможности для его исполнения. Его дочь сидела на московском троне, церковь в Москве возглавлял его союзник — митрополит Киприан, а великий князь Василий был ему обязан свободой, да и жизнью.

Между Литвой и Москвой простирались земли Великого княжества Смоленского. Для получения желаемого Витовту нужно было сделать всего лишь два шага. Первый — присоединить к Литве Смоленск, второй —

подчинить затем Москву. Два шага, но каких непростых!

«Смоленцы» думали по-другому. Во-первых, многие из них предполагали сохранение Великого княжества Смоленского независимым. Во-вторых, они думали о независимом и сильном будущем Москвы. Но были и другие планы. При активном давлении Литвы, если независимость Смоленска могла быть под угрозой, — возможен был вариант присоединения его к Москве. В этом случае мы получали бы ключ от двери в Европу в свои руки, а также исторически удобные земли в самом центре «всея Руси».

К «смолянам» относились некоторые московские и другие церковнослужители, отчасти даже князь Дмитрий Донской, а значит, и его жена — Евдокия Дмитриевна, затем — остававшиеся в живых потомки великих князей Смоленских, их родственники, а по нашему мнению, ещё и князь Юрий Дмитриевич. Его женитьба на дочери великого князя Смоленского Юрия Святославича — Анастасии — это косвенно подтверждает.

Необходимо ещё раз напомнить, что под «партиями» мы имеем в виду не специальные группы людей, не какие-нибудь активно действующие объединения, а совокупность мнений и те исторические реалии, которые можно заметить в летописных или иных текстовых источниках той эпохи.

Не всем нравилось появление дочери Витовта Софьи в Москве. Литовцы, как известно, в 1395 году захватили Смоленск, Василий его отдал легко и без споров. А из тех противодействий, альтернатив, оппозиционных настроений, которые существовали тогда в связи с этим и с правлением Софьи в Москве, «смоленская партия» была одна из наиболее значимых.

За этим стоял вариант развития Руси.

Поэтому стоит рассмотреть всё, что связано со «смолянами», подробнее и даже забежать немного вперёд во времени.

Это прибавит некоторые не замеченные ранее и не совсем обычные штрихи к портрету и жизнеописанию великой княгини Евдокии.

Итак, в 1392 году скончался преподобный Сергей Радонежский. Он хоть и был соратником митрополита Киприана, но как-то сдерживал влияние при Москве «литовской партии» и благоприствал Евдокии.

В момент кончины сам Киприан в столице отсутствовал, он был в Литве. С уходом игумена Сергия начался период более напряжённых отношений между родственниками Московского правящего дома. Именно в эти годы появляются новые веяния — составляются договоры между

братьями и удельными князьями, которые могли бы хоть как-то упорядочить любые возможные в будущем споры или недоразумения.

Гарантом спокойствия в Московском доме была как раз княгиня-мать — Евдокия.

Ещё одна женитьба в Москве — на Анастасии, дочери великого князя Смоленского Юрия Святославича, осуществлённая в 1400 году, хоть и не напрямую, но хотя бы косвенно давала возможность сыну Евдокии Юрию и его потомкам стать потенциальными претендентами на великокняжеский престол Смоленска. А то, что этот город и само княжество тогда уже быстро «прихватили» литовцы, делало отношения Юрия со своим старшим братом ещё более сложными. Ведь Смоленск всегда играл для Литвы роль отмычки, с помощью которой можно было отпереть широкие ворота прямо в Восточную Русь. Василий, как мы помним, был зятем великого князя Литовского, а Юрий теперь — великого князя Смоленского. Кому был более важен и выгоден захват Витовтом Смоленска? Явно не Юрию.

Другое дело — стал ли младший брат делать что-нибудь в то время против старшего? И делал ли? Скорее всего — активно нет, так как он чтит договор с ним и завещание своего отца — Дмитрия Донского («А дети мои молодшая, братья княжы Васильевы, чтите и слушайте своего брата старишего, князя Василья, в моё место, своего отца»).

Как и чтит он мнение своей матери Евдокии. Известно, что Юрий выполнит свои обещания перед отцом до конца, вплоть до кончины вдовы Донского. Перед её лицом он никак не мог нарушить клятвы, данной отцу на его смертном одре. Но... обещания эти мог легко нарушить старший сын Василий, не оказывая необходимого сопротивления Витовту, находясь в некотором роде «под каблуком» у своей жены Софьи. Её своенравный и твёрдый характер ещё проявится позднее, после смерти Василия, во время выяснений — кому править на Руси.

Однако корни «смоленской проблемы» надо искать в более отдалённых исторических реалиях.

Как писал в своей «Истории России с древнейших времён» С. М. Соловьёв (XIX век), «происшествия не давали князьям литовским возможности думать о наступательных движениях на Северо-Восточную Русь, но они со славою и выгодною успели уничтожить попытку смоленских князей к наступательному движению на Литву. В 1386 году смоленский князь Святослав Иванович с сыновьями Глебом и Юрием и племянником Иваном Васильевичем собрал большое войско и пошёл к Мстиславлю, который прежде принадлежал смоленским князьям и потом был у них

отнят литовцами. Идучи Литовскою землёю, смоляне воевали её... Десять дней стояли смоляне под Мстиславлем и ничего не могли сделать ему, как в одиннадцатый день поутру показался в поле стяг литовский: то шёл великий князь Скиргайло (Скиригайло) Олгердович... Наконец, показалась и рать Витовтова. Литовские полки быстро приближались; смоляне смутились, увидавши их, начали скорее одеваться в брони, выступили на бой и сошлись с литовцами на реке Вехре под Мстиславлем, жители которого смотрели на битву, стоя на городских забралах. Битва была продолжительна, наконец Олгердовичи одолели; сам князь Святослав Иванович был убит одним поляком в дубраве; племянник его Иван был также убит, а двое сыновей попались в плен. Литовские князья вслед за бегущими пошли к Смоленску, взяли с него окуп и посадили князем из своей руки Юрия Святославича, а брата его Глеба повели в Литовскую землю».

Это краткий рассказ о событиях, которые стали началом конца Великого княжества Смоленского. Ещё не так давно оно было грозной силой для Литвы. А теперь — превратилось в ничто. Главное — погиб великий князь Святослав Иванович — дед будущей жены Юрия, невестки Евдокии Анастасии.

В те трудные для смолян дни литовское войско преследовало их до самого Смоленска. Князь Скиригайло вёз с собой тело Святослава Ивановича, чтобы родственники великого князя Смоленского могли выкупить его и похоронить с почестями. Что и было сделано.

Одного из сыновей Святослава — Юрия — Скиригайло затем сделал правителем Смоленска. Хотя наследником великого княжения номинально оставался его старший брат — Глеб.

Смоленцы не случайно пошли воевать на Литву. За два месяца до этого тогдашний великий князь Литовский Ягайло принял в Кракове католичество, после чего принял имя — Владислав и, тут же венчавшись с польской королевой Ядвигой, совершил неожиданное превращение — в польского короля!

Для православной части Литвы это стало настоящей угрозой. С целью помочь собратям и выступал тогда князь Смоленский Святослав Иванович. Его союзником неожиданно стал Тевтонский орден, страшно боявшийся усиления нового короля Польши. Вот почему потом в Ордене будут радушно принимать многих смоленских отпрысков, включая брата невестки Евдокии, Анастасии, — Фёдора Юрьевича.

В 1390 году Скиригайло будет разбит объединённым войском Тевтонского ордена и князя Витовта, который сменит правителя Смоленска.

Вместо Юрия Святославича он поставит его брата Глеба. Важнее оказались не политические взгляды, а родственные связи, ибо Витовт приходился Глебу Святославичу шурином.

Однако Витовту очень хотелось править в Смоленске самому, а Великое княжество превратить в часть Литовского. В сентябре 1395 года он обманом взял город и сместил потомка Святослава Ивановича.

В тот трудный момент великий князь Московский Василий совсем не помог смолянам.

В 1396 году, не привлекая к этому свою матушку — великую княгиню Евдокию, Василий Дмитриевич поехал в Смоленск и встретился с Витовтом. При этом присутствовал митрополит Киприан. Пушки салютовали москвичам долгое время. Так они отметили праздник Пасхи. В уже литовском Смоленске.

К счастью, брата смещённого Глеба — Юрия Святославича — в это время в Смоленске не было. Теперь он один остался свободным в своём желании вернуть себе отчину своих прадедов.

В этом ему помогал тесть — рязанский князь Олег Иванович. Во многом благодаря ему Юрий Святославич вернёт себе смоленский престол в 1401 году и будет владеть им почти три года. Но это будут последние три года исторического Великого княжества Смоленского. Потом Витовт его заберёт обратно — на долгие десятилетия — во владения Литвы.

Летописи отмечали, что смоленский князь Юрий Святославич «давался московскому князю со всем княжением своим». То есть он фактически предлагал Москве забрать себе Смоленск со всеми землями! Однако, как известно, Василий его тогда даже не принял. Почему? И на это летописи отвечают достаточно ясно: «не хотя изменить Витовту».

В 1402 году скончается князь Рязанский — Олег. Юрию Святославичу помощь стало некому...

В 1404 году, за три года до кончины княгини Евдокии, Смоленск уйдёт к Витовту. А затем — после кончины Юрия Святославича в 1407 году, — собственно, прервётся род великих князей Смоленских. Ведь его супруга и их малолетние дети умерли в заточении у князя Витовта. Если только не считать возможными продолжателями смоленского рода, пусть даже косвенно, сыновей Юрия, женатого на дочери последнего Смоленского князя — Анастасии. Она-то осталась в живых.

Что же касается братьев самого Юрия Святославича Смоленского, то они неожиданно ушли из жизни буквально один за другим. Странная «неожиданность»! Глеб Святославич погиб в битве у Ворсклы в 1399 году, Иван скончался в 1403-м, а Владимир — в 1404-м. Как «по заказу». Так и

хочется добавить — «литовскому».

Итак, подчиняясь своей супруге Софье, Василий «сдаёт» Смоленск литовцам.

Первый шаг плана Витовта был осуществлён. Оставалось сделать второй — прибрать к рукам саму Москву.

Повествование о «смоленских событиях» и «смоленской партии» следует продолжить, изложив некоторые другие примечательные факты.

Одним из наиболее интересных может стать версия о происхождении духовного наставника княгини Евдокии — преподобного Саввы Сторожевского. В свете этих предположений проясняются некоторые подробности, связанные с данной темой.

Возможно, что Савва был из боярского рода Великого княжества Смоленского. На это указывают косвенные данные. И если собрать их все воедино, то возникает вполне отчётливая картина, гипотеза, которая имеет шансы на подтверждение.

Приведём некоторый ряд замеченных фактов. Всё дальнейшее — предмет дополнительного изучения исследователями.

В 1383 году в Москве появился епископ Смоленский (будущий владыка Звенигородский) Даниил. Литовские притязания на Смоленск и постоянный «нажим» со стороны западных католиков настолько затрудняли исполнение им своих обязанностей, что он попросил разрешения остаться в Москве.

Неслучайно его имя связано со Звенигородом. Похоже, что Даниил был знаком и даже близок с преподобным Саввой, и уже давно. Именно этим можно объяснить и их постоянное сотрудничество на протяжении всего времени, пока Савва находился в Троицком монастыре, и то, что до самой кончины Даниила Савва не покидал обители Сергия Радонежского и не переселялся в Звенигород, где его уже давно ждали.

Известно также, что преподобный Савва пришёл на гору Сторожи «с иконой Смоленской Божией Матери», что было особой традицией у многих современных ему основателей новых монастырей, но в данном случае имело особый смысл. То была, возможно, икона с его родины. С ней он привносил в Звенигород частицу своей земли.

Поразительно, но в те же самые времена жена Василия I и дочь литовского князя Витовта Софья по наказу отца, пытающегося «задобрить Русь», уже фактически «отдавшую» ему Смоленск, привозит оттуда в Москву древнюю Смоленскую икону Богородицы — «Одигитрию», защитницу западных русских границ. Икона попала на Русь из Византии

ещё в XI веке, и её, по преданию, написал сам евангелист Лука. «Одигитрию» Софья специально помещает на видном месте в Благовещенском соборе Московского Кремля. Но это «послание» от Витовта, направленное русским, чуть ли не прямо означало — «Смоленск уже не ваш», западные границы Руси, которые икона охраняла, уже немного подвинулись на восток, а потому святыню свою — заберите, в ближайшее время обратного хода ей уже не будет. Скорее, наоборот — я сам приду за ней прямо в Москву, но уже как великий князь.

Со Смоленской иконой (так это символически описывается в житиях и летописях) основывали свои монастыри и Сергей Радонежский, и Кирилл Белозерский. Она считалась заступницей Русской земли: ведь когда-то, хоть и на время, она, по преданию, спасла Смоленск от полчищ хана Батыея.

Епископ Смоленский и затем Звенигородский Даниил проводил в Москве «смоленскую» политику, не очень угодную Литве и митрополиту Киприану, но отчасти (и мы это подтвердим в дальнейшем) крайне важную для брата Василия I — Юрия Звенигородского.

Ещё в год кончины Дмитрия Донского — 1389-й — Даниил сопровождал в части пути в Царьград (Константинополь) митрополита Пимена, пытавшегося сохранить за собой митрополичий престол в Москве. Пимена поддерживали именно «смоляне», среди которых первоначально были епископ Смоленский Михаил и автор известного «Хожения» Игнатий «Смольнянин».

Однако «смоленская партия», антилитовская по своей сути, уже тогда стала проигрывать: в Москву, как мы помним, в 1390 году с триумфом вернулся Киприан, вступив в права митрополита. Возможно, по этой причине он попытается в ближайшие годы отстранить Даниила, бывшего епископа Смоленского, со Звенигородской кафедры. Но по этой же причине в этих краях появится ещё более сильный духовный авторитет — «смолянин» Савва, продолжавший некоторое время дело своего учителя Сергия Радонежского в Троицком монастыре, одновременно влияя на своего земляка — Даниила и на своего духовного сына — князя Юрия в Звенигороде.

А если отнести Савву Сторожевского к «смолянам», то и его на тот момент духовную дочь — княгиню Евдокию — следует отнести, как минимум, хотя бы к сочувствующим «смолянам».

Когда Витовт в 1395 году подчинит себе Смоленск, то дружба его с Московским князем только укрепится. Мы уже знаем, как в 1396 году Василий приедет в захваченный Смоленск, чтобы отметить там Пасху! Здесь же родственники утвердят границы новых владений, разделят сферы

влияния между Москвой и Литвой, а подтвердит договорённости присутствовавший при этом митрополит Киприан. Смоленск ушёл к Литве. А вместо епископа Михаила (пытавшегося «дружить» с Киприаном при возвращении из Константинополя, но скончавшегося позднее пленником в Москве) здесь появится новый.

После кончины бывшего епископа Смоленского, а затем Звенигородского — Даниила, то есть после 1397 года, преподобный Савва Сторожевский решает окончательно покинуть Троицкий монастырь и поселиться в Звенигороде. Основанная им здесь новая обитель возросла почти прямо на древней Смоленской дороге и заняла самое удобное положение в непосредственной близости от Москвы. Теперь Савва будет до конца жизни помогать своему духовному сыну — князю Юрию и его матери Евдокии.

Князь Юрий после своей женитьбы стал родственником князя Витовта (как и его старший брат Василий), ведь тётя его жены была замужем за великим князем Литовским. Это предопределяло ещё один негласный «спор» между сыновьями Евдокии и Дмитрия Донского — Василием и Юрием, спор о том, кто мог быть ближе к Литве. У Василия жена — дочь Витовта, а у Юрия жена — племянница жены Витовта.

Однако в этом «споре» были и другие скрытые мотивы. Юрий, как известно, не претендовал на дружбу с Литвой, скорее — наоборот. Но он и его потомки получили потенциальные права на Великое княжество Смоленское, а Василий такого права уже никак иметь не мог.

Смолянка Анастасия не могла «любить» Литву и вряд ли могла простить смерть деда, князя Святослава Ивановича, убитого литовцами в битве на реке Вехре (в наши дни реку называют Вихря). Теперь, после такого брака, только захват Литвой Смоленска мог предотвратить быстрое и многократное возвышение Юрия. Литва успела совершить этот «быстрый захват» — при молчаливом согласии Московского князя Василия.

Смоленская политика была разыграна в пользу Литвы. Так Василий «убил двух зайцев»: вернул должок Витовту, приютившему его после побега из ордынского плена, и заодно осадил младшего братца, не дав ему возвыситься выше положенного.

Вмешаться в такое развитие событий стареющая княгиня Евдокия уже не могла...

Как мы уже говорили, «породнение» сына Евдокии князя Юрия со Смоленском было не в угоду его брату — Василию I. Связанный узами договора, по которому он не мог совершать никаких военных действий без согласия старшего брата, Юрий Дмитриевич, по крайней мере, внешне,

почти не вмешивался в проблемные дела Смоленска. Помощь от него не могла поступать открыто и постоянно, так как он не мог и не хотел идти поперёк данному брату Василию слова.

А в 1403 году Юрий был вынужден подписать ещё один «братский» договор — с рязанским князем Фёдором Ольговичем, в то время уже мужем его сестры и дочери Евдокии — Софьи (договор был подтверждён грамотой Василия I), что окончательно связывало ему руки. Ведь князь Фёдор, в отличие от своего отца, стал благоволить Литве, а не Смоленску, сводя на нет все усилия по сохранению Смоленска за Русью.

Упомянутая и весьма условная «смоленская партия» к моменту окончательного захвата Смоленска литовцами в 1404 году совсем исчезла. Некому было её поддержать. Даже «смолянин», духовный старец Савва Сторожевский уже был в очень преклонном возрасте, чтобы влиять на такие события. В это время он практически уходит в скитское житьё, отдаляется от мира в своей келье-пещерке рядом с горой Сторожи, у основанного им Звенигородского монастыря.

Тем более не имела уже большого влияния на политику государства княгиня Евдокия. Дело её мужа по защите от Литвы было под угрозой.

Сильное влияние митрополита Киприана прекратилось лишь только, когда в 1406 году он скончался.

Таковы парадоксы русской истории. На этом и мы можем закончить рассказ о «смоленской партии», о падении родного Евдокии Великого княжества Суздальского и Нижегородского, а также Великого княжества Смоленского. Политические пристрастия великой княгини ещё требуют исследования и своей оценки. Мы лишь попытались сделать шаг к реконструкции событий.

Устроительство между сыновьями

Тобе брату моему младшему мне служити без ослушанья...

Из грамоты Дмитрия Донского

Нам ныне не много, но известно о том, как великая княгиня Евдокия принимала участие во внутренней политике Московской Руси после кончины мужа, как она устраивала жизнь, отношения между сыновьями — кровными братьями. Документы упоминают её участие в договорных отношениях, указывается её имя «Овдотья» в качестве переговорщика и арбитра, есть её подписи под документами. Такое участие женщины в сугубо «мужских» делах говорит о многом!

Документы поражают своими откровенными текстами, показывают непростую жизнь родственников, которые пытались в своих спорах расписать все юридические нюансы своих взаимоотношений. Почему же вдруг в это время так возросли в важности договорные грамоты между братьями? Поговорим подробнее.

Кажется странным, что князь Василий с самого начала своего великого княжения побаивался возможных притязаний со стороны младшего брата Юрия. Завещание отца — Дмитрия Донского — ставило их обоих в неудобное положение. Один брат мог наследовать власть за другим в любой момент. Но ведь и раньше в духовных грамотах других московских князей похожие формулировки «от брата к брату» уже существовали! Что же так «выделяло» эту грамоту покойного Дмитрия?!

Удивительно и то, что князь Юрий Звенигородский изначально не находился в какой-то борьбе или оппозиции к Василию. Наоборот, он всегда помогал ему в трудные минуты. Но это не значило, что Василий поступал или думал так же, как Юрий. Он стремился как-то обезопасить себя от возможных притязаний брата. Тем более что тот стал выказывать чудеса храбрости и настоящий воинский полководческий талант.

Одних гарантий со стороны матушки — Евдокии — Василию не хватало.

По этой причине Василий уговорил брата ещё в начале 1390-х годов подписать уникальный документ — специальный «родственный» договор.

Эта «Грамота великого князя Василя Дмитриевича з братом с Юрием» чудом сохранилась в списке XV века и стала объектом пристального внимания исследователей.

Традиция заключения договоров и подписания договорных грамот между княжескими родственниками после Ивана Калиты была крепкой. Такие документы составлялись и подписывались его братьями, сыновьями, внуками и правнуками. Однако не так много дошло их до наших дней. Исследователи среди них отмечают следующие, которые напрямую имеют отношение к XIV столетию в истории Руси.

Во-первых, известный договор князя Симеона с братьями Иваном и Андреем, который имеет отношение к 1348 году. Позднее великий князь Дмитрий Иванович заключит свой первый договор с двоюродным братом Владимиром Серпуховским (Храбрым). Сколько затем их ещё будет, пока этот активный в своих претензиях родственник окончательно не успокоится, а семья его не потеряет в эпидемию чумы почти всех своих наследников! Но это случится намного позже 1364—1365 годов, когда они подписывали свои обязательства о взаимоотношениях. Однако им пришлось переделывать соглашение несколько раз: в 1372 и 1389 годах. Но мы уже помним, что князь Владимир Серпуховской на этом не остановится, не успокоится и начнёт готовить уже с Василием Дмитриевичем новый договор, который и будет подписан в 1390-м.

Среди прочих договорённостей князей история также сохранит для нас важный документ, напрямую связанный с именем князя Юрия Дмитриевича. Он позволяет нам рассмотреть подробнее небольшой период в его биографии. Этот договор великого князя Василя Дмитриевича с родным братом был составлен и подписан, по мнению специалистов, в промежутке времени от 30 декабря 1392 года до 23 февраля 1393 года.

Такие договоры содержали множество пунктов. Князьям необходимо было определиться по любым мелочам, дабы потом не возникали разные толкования или поводы для непонимания. Все такие грамоты являются неожиданными и интересными источниками для понимания процессов, происходивших в удельной средневековой Руси.

В договорах признавалась верховная власть сюзерена — великого князя. Но определялась и степень власти князя удельного. Для верховного правителя была необходима формула поведения его вассалов: «быти ны заодинь». Призыв к единству закреплялся юридически: подписью и целованием креста. Это способствовало взаимопониманию и, главное, успокаивало внутреннюю ситуацию на Руси.

Удельные князья письменно подтверждали «старейшинство» и

«отцовство» великого князя. Хотя для князя Юрия «отцовство» почему-то перешло в «братство». В рассматриваемом нами договоре Василий признан им «братом старейшим», причём великий князь, видимо, не возражал ничего по этому поводу и подписал документ. А возможно, и сам предложил внести такую формулировку в грамоту. Дабы удружить брату. Дабы не сделать из него врага сейчас, когда он ещё не окреп, не пользуется беспрекословным авторитетом, не имеет ни военной силы, ни денежных средств.

Власть производить внешнеполитические действия по договору становилась также приоритетом только великого князя. Но обе стороны почти всегда договаривались о том, что не будут заключать ни с кем никаких сепаратных соглашений, не будут подписывать никаких грамот за спиной или без ведома другого. Это предполагало, что они не будут «канчивати ни с кем», то есть не составят «докончальных грамот» (договорных грамот о единстве «до конца жизни») с другими князьями или родственниками в ущерб данным договорённостям.

Поразительно, ведь в самом начале текста «Грамоты великого князя Василя Дмитриевича з братом с Юрием», столь важной для нашего повествования, князь Василий титуловал сам себя следующим образом: «Я, князь великий всея Руси» (а не просто — Владимирский или Московский)! Похожим образом, как мы помним, подписывался в это время и великий князь Литовский, который тоже считал себя властителем «всея Руси». А ведь не прошло ещё и трёх лет, как Василий занял московский престол!

Братья Василий и Юрий подписывались и «целовали крест» по нескольким пунктам. Они договаривались до смерти «быти заодно», друзья одного признавались друзьями другого, запрещались любые сепаратные соглашения без ведома другого брата, подтверждалась роль матери князей — Евдокии — в качестве блюстителя престолонаследия.

Затем Юрий подтверждал, что будет чтить старшего брата, а Василий — что будет держать младшего «без обиды». Оба были не против помогать своим младшим братьям. Боярам друг друга князь давали «вольным волю», то есть во внутренние дела считали лучше не вмешиваться. Но главными пунктами стали «военные обязательства», которые сильно повлияли затем на исторические события.

Юрий подписался и под такими словами: «А где ты, господин, сядешь на коня или ты меня пошлешь, и мне также сесть без ослушания». То есть он обязался выполнять любые военные поручения Василия — без ропота и беспрекословно. А ещё великий князь внедрил в текст положение о личных

обязанностях бояр и слуг, где бы они ни проживали, служить своему князю. Естественно, что даже в Звенигородских землях жило больше слуг Василия, нежели Юрия. А значит, младший брат не мог призвать их в свои ряды при необходимости без ведома старшего.

Именно по этому договору молодой князь Юрий отправится по поручению Василия на войну с новгородцами (1392 год), а затем устремится в погоню за предателями и начнёт воевать с волжскими булгарами. Звенигородский удельный князь, как это будет ясно в дальнейшем, выполнял условия договора до конца жизни Василия, то есть буквально следовал тексту соглашения: «до живота». Он делал это и позднее, даже зная ещё при жизни брата, что тот решит передать наследство и великокняжеский титул не ему (как было положено по закону и по завещанию Дмитрия Донского), а собственному малолетнему сыну.

Такое последовательное поведение Юрия на самом деле сыграет положительную роль. Оно не возбудит возможные смуты, поспособствует укреплению Московского государства, но сыграет в некотором роде роковую роль в судьбе самого Звенигородского правителя. Ибо «человеческая» история (и Софья Витовтовна, например, это хорошо знала) подсказывала простую формулу поведения для борющегося за власть наследника: бери то, что положено, сразу, не раздумывая и не обращая внимания на жертвы. Если для этого нужно убить даже своего родственника, пусть и брата, — то сделай это. Опаздывающий не только проигрывает, но и сам может стать жертвой.

Такая формула жизни не была близка ни князю Юрию, ни его матушке Евдокии.

Мы теперь, по прошествии веков, уже знаем, что князь Василий пользовался военными услугами брата Юрия недолго. Полководческие успехи последнего, его победы, его умение управлять войсками настолько пугали великого князя, что он быстро отказался от участия звенигородцев в некоторых баталиях. Слишком много славы и богатства досталось этому везунчику Юрию! И почему-то он не очень любил столь близкую для Василия Литву, к союзу с которой призывал митрополит Киприан.

А тут ещё и очень авторитетный и сильный духовный наставник появился в Звенигороде, где уже не стало епископа Даниила. Пришёл игумен из Троицы, Савва, и основал свой новый монастырь, да прямо почти у стен Москвы, на важнейшем западном направлении, у старой Смоленской дороги. Рядом появилась новая крепость, возведённая Юрием. В Галиче строится ещё одна, да какая! Относительно же Саввы — никто из сыновей Дмитрия Донского не мог тогда «похвастать» таким духовным

советчиком. Сергия Радонежского уже не было в живых, а многие ученики его разошлись по разным местам, основывая свои монастыри. Некоторые из них общались духовно с именитыми князьями, но на расстоянии, часто лишь с помощью переписки. Здесь же, в Звенигороде, под самым боком Москвы, складывалось мощное содружество двух сильных духом людей. Что можно было от этого ожидать?

Князь Василий не преминет подготовить, на всякий случай, подобные же грамоты и с другими своими братьями — Андреем и Петром Дмитриевичами. Они содержат похожие положения, но в «облегчённой» форме. Аналогичная его грамота того времени с самым младшим братом — Константином — не сохранилась.

До нашего времени дошла ещё одна «новая» (значит, не первая) грамота, которая была подписана, видимо, около 1401—1402 годов. То есть после женитьбы Юрия Дмитриевича, когда стало ясно, что звенигородский князь может также занять своих наследников — потенциальных наследников и всего великого княжества (да у него уже родился сын Иван). Вот почему для Василия нужны были дополнительные союзники.

Этот документ можно прочитать в сохранившемся списке XV века, в котором также находится договор-докончание Василия Дмитриевича с великим князем Рязанским Фёдором Ольговичем. Грамота с ним подписана 25 ноября 1402 года, и её составление было связано с тем, что возникала необходимость подтверждения отношений Рязани и Москвы после кончины князя Олега. Того самого, который защищал Смоленск и являлся по жене близким родственником князя Юрия Дмитриевича. В те же времена была подписана и ещё одна грамота Василия с известным уже нам князем Владимиром Андреевичем. Споры всё ещё продолжались.

Мы знаем этот документ под названием «Грамота докончальная великого князя Василья Дмитриевича с меншею братьею, со князем Ондреем Дмитриевичем, новая». Она даёт нам краткое и точное представление о том, как формулировались основные положения подчинения удельных князей своему сюзерену, великому князю. Именно по этой причине — краткости и точности формулировок — мы приведём почти полностью текст договора, отдельные положения которого, можно сказать, стали даже расхожими поговорками.

Подписание благословляли ещё здравствующие митрополит Киприан и «матерь наша» — великая княгиня «Овдотья», вдова Дмитрия Донского. Братья «целовали крест между себя по любви, без хитрости» о следующем (мы разбиваем текст на некоторые «блоки» для удобства восприятия

основных положений):

«Быти нам заодин, и до живота.

Хто будет друг тебе, князю великому, то, господине, и нам друг. А хто будет, господине, тебе недруг, то и нам недруг.

А тебе, господине, князь великы, не канчивати без нас ни с кем. А нам, господине, без тебе не канчивати ни с кем, ни ссылатися».

Данные положения для читателя уже понятны. Речь идёт о дружбе и обещании ни с кем более не вступать в подобные отношения.

Продолжим чтение.

«А тебе, господине, нам, князь великы, держати во отца нашего место, великого князя.

А тебе, господине, князь великы, так же нас держати в братстве и в чести, без обиды. А нас ти, господине, жаловати и печаловатися нами и нашими вочинами...»

Здесь мы видим обычное подтверждение братьев в том, что они признают Василия своим сюзереном — великим князем.

Но вот затем мы замечаем прелюбопытную вещь:

«А в Москве жити, господине, по душевной грамоте отца нашего, великого князя».

Братья, вполне понятно, ссылаются на завещание Дмитрия Донского как на главный первоисточник их прав и прав Василия. Но далее они вдруг словно «оговариваются».

«А чем ты благословил отец наш, князь великыи, — написано в грамоте, — в Москве, и с Коломною с волостями, и всем великим княженьем, или что еси себе примыслил, и того нам всего под тобою блюсти, а не обидити, *и под твоими детми, так же нашим детем* (выделено мной. — К. К.-С.)».

Мы видим, что удельные князья и братья Василия (можайский князь Андрей Дмитриевич и дмитровский Пётр Дмитриевич) признают возможность продолжения великого княжения не только самим Василием, но и его детьми, которые уже заранее, по данному договору, будут над их детьми. Вот, видимо, для чего и нужна была, в первую очередь, данная грамота князю Василию.

В подтверждение данной формулировки мы читаем продолжение текста:

«А по грехом, господине, Бог отведёт по нашим тебя, а нам, господине, того всего так же под твоею княгинею и под твоими детми блюсти, а не обидети. А быти с нами за один».

Мы видим, что уже рассматривается вариант возможной кончины

Василия Дмитриевича. И пусть это вполне обычный раздел подобного рода грамот, но и он наводит на мысль, что по какой-то причине великий князь уже думал о возможном исходе. Что могло стать причиной для этого? Болезнь? Ордынские проблемы, закончившиеся затем нашествием Едигея? Или странные взаимоотношения и обязательства перед литовскими родственниками и «литовской партией»?

Известно то, что с этих времён Василий начнёт составлять также свои завещания — духовные грамоты, которых было несколько. Он всё время словно бы готовился к смерти. И всё время менял тексты для своих преемников. Но главное — он в каждой такой грамоте словно бы забывал имя своего брата — Юрия Дмитриевича, который не попадал в число его наследников.

Историк С. М. Соловьёв писал в своём труде «История России с древнейших времён»: «До нас дошли также договорные грамоты Василия Дмитриевича с родными его братьями. В них нет отмен против прежних подобного же рода грамот. Для объяснения последующих событий нужно заметить, что князья Андрей и Пётр Дмитриевичи обязываются в случае смерти Василия блюсти великое княжение и под сыном его, тогда как в договорной грамоте Юрия этого условия не находится».

Но об этом подробнее — в следующих главах. А сейчас братья Андрей и Пётр расписывались и под другими, обычными нормами взаимоотношений того времени.

Военное союзничество: «И где ты, господине, всести будет на конь, или ты будет куды нас послати, и нам поити без ослушанья».

Отношения с боярами (текст звучит как хрестоматийный): «А бояром и слугам меж нас вольным воля».

И наконец, деление бояр меж князьями: «А хто, господине, имет жити наших бояр в твоей вочине, блюсти их, как и своих. А хто, господине, учнёт жити твоих бояр и слуг в нашей вочине, и нам блюсти, как и своих. А хто которому князю служит, где бы ни был, полести ему с тем князем, которому служит».

Принципы сформулированы. Они позволяли не только потребовать их исполнения, но и предъявить претензии. Благодаря некоторой упорядоченности Московское княжество стало потихоньку подниматься и строиться.

Однако на поверку выяснилось, что и документы можно трактовать по-своему или даже вообще — не принимать во внимание.

Так произойдёт в дальнейшем с завещанием князя Дмитрия Донского.

Потомки Витовта в Москве

А приказываю сына своего и свою княгиню и свои дети
своему брату и тестю великому князю Витовту.

Из завещания Василия I, 1424 г.

В эти годы жизненный путь княгини Евдокии, как мы видим, не был усыпан розами и имел в некотором роде непростую основу. Потенциальная воля, обаяние, мудрость, разум, умение усмирять семейную жизнь, энергия и дар устроительства — все эти качества, которые были присущи вдове Дмитрия Донского, конечно же, вызывали зависть, а потому сыграли для неё не очень положительную роль. О том, как княгиня была оклеветана своим окружением, мы расскажем позднее.

Она созидала, а некоторые говорили, что напрасно. Она создавала новые храмы и монастырь, обустроивала свои владения, претворяя в жизнь заветы своего мужа, приглашала лучших духовников Руси в Москву, а иные утверждали: хочет возвыситься, мечтает прославиться, ведёт не образцовый образ жизни.

Да, бывало и такое.

Сильное боярское окружение, которое фактически держало власть в Москве и влияло на большинство решений и поступков Василия Дмитриевича, не приветствовало другого сына Евдокии — Юрия и старалось умалить все его главные заслуги. Авторитет князя вырастал в глазах всей Руси и становился слишком сильным. Вот почему уже в это время в кругах, близких Василию I, стала зарождаться идея — не отдавать великокняжеский престол Юрию. Приближённые усердно вкладывали её в сознание старшего сына Дмитрия Донского. Не говоря уже о жене — Софье.

Единственным сдерживающим фактором продолжало оставаться мнение великой княгини Евдокии — вдовы Дмитрия Ивановича. Она никогда бы не позволила нарушить завещание мужа, а потому и оставалась гарантом того, что государственное устройство должно было соблюдаться так, как повелось исстари, как хотел её покойный супруг. То есть — власть должна передаваться от старшего брата к следующему брату, и никак иначе. Именно так было записано в завещании её мужа, а она была

объявлена блюстителем такой передачи власти.

В этом случае преемником Василия становился Юрий. При жизни Евдокии никаких изменений в этой последовательности просто не могло бы произойти. Её авторитета было бы достаточно, чтобы пресечь любые поползновения или разговоры на данную тему. Но жизнь Евдокии к тому времени уже подходила к закату, она была стара, отошла от дел мирских, а в последние дни постриглась в монахини, приняв имя Евфросиния. Её влияние уменьшалось.

Однако идея передать престол сыну Василия, а не его брату Юрию, всё настойчивее утверждалась окружением великого князя.

Впервые великий князь Московский Василий Дмитриевич отметил письменно возможность передачи власти в Москве одному из своих наследников в 1406 году, за год до кончины своей матери. В первом же из дошедших до нас вариантов своей духовной грамоты.

Почему он сделал это именно тогда? Ведь его жизни, кажется, ничего пока не угрожало. Мы знаем, что на момент данной записи митрополита Киприана уже не было в живых. Возможно, чуть ранее, по его совету, дабы святитель мог приложить к духовной грамоте и свою подпись, и свою митрополичью печать, князь решился продиктовать такой текст. Но митрополит только что скончался, и его подписи на грамоте не было.

Попытка озвучить идею передачи власти сыну Василия в духовной предпринималась, — правда, не в категоричной форме и с весьма расплывчатой формулировкой: «а даст Бог».

К тому же тогда её осуществление было призрачным. По причине исключительно «материальной», физической, можно даже сказать — физиологической.

Дело в том, что в семье Василия Дмитриевича рождались здоровые девочки, а мальчики, если и появлялись на свет, то по стечению обстоятельств были слабы и болезненны.

Нельзя здесь не рассказать о внуках Евдокии Дмитриевны по линии её старшего сына.

Несколько сыновей Василия I умерли ещё в детском возрасте: Юрий, Даниил и Семён.

Надежду свою великий князь возложил на сына Ивана, родившегося в 1396 году; собственно, о нём думал он, когда писал первую духовную грамоту. Но и тот в 1417 году неожиданно для всех отдаст Богу душу, всего лишь спустя полгода после своей свадьбы!

Ещё один сын, Василий, родился у великого князя позднее, уже после

кончины княгини-матери Евдокии, — 10 марта 1415 года. Последняя надежда, ведь родившей его Софье исполнилось уже 44 года! Он-то и станет будущим наследником и великим князем Василием Васильевичем.

Те роды были крайне тяжёлыми. Софья Витовтовна лежала при смерти. Василий Дмитриевич даже вспомнил о преподобном Иакове Железоборовском, который как раз в это время пришёл в Москву. Он просил старца молиться о здравии жены. В итоге всё прошло хорошо.

Ещё у великокняжеской четы будут четыре дочери. В 1393-м родилась Анна. Её удачно и с большими надеждами на будущее выдали в 1407 году замуж за византийского наследника — цесаревича Иоанна Палеолога (того, который потом станет императором Византии и получит титул Иоанна VIII). Может быть, по этой причине — желая породниться с великими православными монархами — Василий вместе с матушкой Евдокией ранее так стремился помочь Византии с обозом серебра, привезённого Юрием из Волжской Булгарии?!

Вполне вероятно, что идея Третьего Рима уже витала при Московском дворе. Но Анна «подвела». Скончалась в 1415 году ещё до того, как Иоанн возглавил империю.

Другая дочь — Анастасия — стала женой князя Слуцкого Александра Владимировича, Олелько, — увы, не императора из Царьграда. Зато она прожила долгую жизнь (скончалась в 1470-м). Остальные дочери, Мария и Василиса, вышли замуж за князей.

В это время многие говорили, что великим князем Владимирским и Московским (после кончины Василия) может и должен стать Юрий Дмитриевич как более умелый, энергичный и целеустремлённый правитель. К тому же он создал крепкую семью, венчавшись с княгиней Смоленской Анастасией, и она уже родила ему двух здоровых сыновей, а в будущем подарит ещё и третьего, и четвёртого. Ну кто «стерпит» такое?!

После кончины вдовы Дмитрия Донского — Евдокии никто уже не мог играть роль арбитра между сыновьями в вопросах престолонаследия. Князь Юрий самим фактом своего существования становился крайне опасен для Москвы, её властителя и окружавших его бояр.

Да, в 1407 году, когда москвичи похоронили великую княгиню Евдокию, всё поменялось существенно. Неожиданно для всех довольно протяжённая по тем меркам мирная жизнь Москвы и окрестных земель, длившаяся почти десятилетие, закончилась. В 1408 году на Русь из Орды пришёл Едигей с большим войском и страшно разорил московские земли.

Он держал столицу в тяжёлой голодной осаде, полностью сжёг все её

предместья, не пощадил близлежащих городов, а также разграбил и привёл в запустение Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Нижний Новгород и Городец.

Такого опустошительного похода со стороны Орды Русь уже давно не знала. Как будто вовсе и не было Куликовской битвы, а недавнее пришествие Тохтамыша в 1382 году, в результате которого Москва была сожжена, уже не казалось таким ужасным.

Москва не погибла окончательно, откупившись тремя тысячами рублей. Это была малая часть компенсации за почти 12-летний молчаливый и демонстративный отказ платить дань.

Едигей предупреждал о «наказании» неоднократно. И своё обещание выполнил. Он добился уплаты ордынского выхода и пусть даже частично, но всё же восстановил сюзеренитет ордынского хана над великим княжеством на Московской Руси.

Известно, что современники событий и ближайшие потомки воспринимали нашествие Едигея в 1408 году как реальное наказание свыше за новые грехи новых правителей. Ведь до этого довольно долгое время Москва была ограждена от подобных набегов. Даже Тимур повернул в другую сторону от Руси (о чём у нас ещё пойдёт речь). А тут...

Появились различные варианты «Повести о Едигеевом нашествии» (такие, как в Сводах 1412 и 1479 годов, а также в Тверском сборнике), в которых читаем, что в предшествующий набегу Едигея период княжения Василия I вся «земля Русская» сначала вполне благоденствовала и хранилась от вторжений «ограждением Пречистыя Богоматери». Так, как это случилось в 1395 году, при выносе Владимирской иконы и спасении Москвы от Тамерлана. Но что-то случилось, по мнению авторов «Повести», и великий князь вдруг стал пренебрегать советами «старцев» и, возможно, своей матери Евдокии, что, собственно, и привело к стенам столицы Едигея.

Вот что читаем в «Повести о Едигеевом нашествии» (начало XV века): «Юнии старцевъ да почитают и сами едини без искуснейших старцевъ всякого земельскаго правления да не самочиннують, ибо красота граду есть старечество, понеже и Богомъ почтено есть старечество».

В год кончины княгини Евдокии — 1407-й, то есть буквально накануне своего похода на Русь, Едигей собрал ордынское войско и отправился с набегом на... Волжскую Булгарию. Ту самую Булгарию, которую с десятилетие назад разорил Тимур и обошёл с дружиной сын княгини Юрий и которая вряд ли успела оправиться после таких бед...

В тот год, когда княгиня Софья Витовтовна родила наследника, вдруг

«погоре град Москва». Тогда же, в 1415-м, летом, июня седьмого дня жители столицы лицезрели пугавшее их явление: «изгибе солнце и скры луча свои от земля в 4 час дни... и звёзды явишася яко в нощи». Почти полное солнечное затмение. А тут, как на грех, случились настоящие беды — мор по всей Русской земле.

В 1417 году вымирали крупнейшие города — Тверь, Новгород, Псков, подмосковный Дмитров да и сама столица. Именно тогда скончались сразу три сына-наследника князя Владимира Храброго. Это стало для семьи, постоянно претендовавшей на свою долю от большого московского пирога, настоящей и уже совершенно непреодолимой трагедией.

Скончался в тот же год от мора и сын Василия I — Иван, «зело превозжеланный ему». Настоящая трагедия для великокняжеской семьи, где наследники не выживали. Не по этим ли причинам Василий Дмитриевич создаёт новый текст своего завещания?! Матушка Евдокия скончалась. Да и главного фигуранта старой духовной грамоты не стало. Надо было отметить это юридически, записав очередной передел всех удельных земель. Он диктует вторую из известных нам духовную грамоту, где опять совершенно не упоминается князь Юрий (как будто его не существует). И уже гораздо смелее называет своего только что родившегося сына — Василия Васильевича — наследником великокняжеского престола. Подпись великого князя заверил по-гречески митрополит Фотий.

Как уже упоминалось, в своей «Истории России с древнейших времён» С. М. Соловьёв указывал на сохранившиеся договорные грамоты великого князя Василия I, в первую очередь с его родными братьями. Уже в них говорилось о том, что братья (кроме Юрия) должны будут соблюдать после кончины отца великое княжение в порядке, но «под сыном его», то есть под сыном Василия. Так формировалось общественное мнение о переменах в наследовании престола.

Василий предпринимал различные попытки уговорить братьев на поддержку изменения сути завещания Дмитрия Донского. Более слабые по положению, они были на его стороне. Но не Юрий, который продолжал стоять на своём.

Князя Юрия неожиданно поддержал самый младший брат — Константин. Тот самый, которого Евдокия родила за несколько дней до кончины Дмитрия Донского и который не был наделён имуществом и уделами в тексте его духовной грамоты.

В первом своём завещании Василий Дмитриевич не мог не отдать кое-что и ему (после, конечно же, своего сына): «А брата своего и сына, князя Константина, благословляю, даю ему в удел Тошню да Устюжну по

душевной грамоте отца нашего, великого князя». Но затем, при составлении второго варианта завещания (в 1419 году), Василий заставляет братьев принять старейшинство их юного племянника (которому на тот момент было четыре года).

И тут вдруг Константин выразил свой протест, поддержав Юрия Дмитриевича.

В отместку Василий отнимет у него удел (вновь нарушив завещание Дмитрия Донского), и Константину придётся бежать в Новгород. Но ненадолго. Властолюбивый князь Московский умел убеждать. Деваться было некуда, и младший брат временно согласится с мнением старшего.

В 1422 году князь Юрий похоронит свою супругу — Анастасию. А на Руси начнётся такой страшный голод, что в городах будут употреблять в пищу собак, кошек и павших лошадей. Летописи коротко отметили: «и люди людей ядоша».

Что-то не совсем ладилось у Василия Дмитриевича.

Старший сын Евдокии великий князь Московский скончался 27 февраля 1425 года. Возможно, от эпидемии оспы, которая разгорелась в Москве. Погребение состоялось в Архангельском соборе, у южной стены храма, рядом с отцом — Дмитрием Донским. Ныне на его надгробии мы можем прочитать: «В лето 6933 февраля 27 преставис(я) благоверный князь великий Василей Дмитриевич».

Он ушёл из жизни, успев составить ещё один, третий вариант завещания. Предположительное время написания документа — март 1423 года. Внизу грамоты также есть подпись митрополита Фотия на греческом языке.

К грамоте подвешена печать из жёлтого воска — Василия Дмитриевича. Датировка произведена была по списку XV века, где на обороте листа сохранились две важные надписи: первая — «список з грамоты, что поймал Олексеи з собою в Литву, коли с митрополитом поехал с Фотеем на середохрестье», и вторая — «список с тое грамоты, что пошла к великому князю к Витовту с Олексеем в лето 30 первое, з середохрестья». Средокрестьем назывался день середины Великого поста (среда четвёртой, Крестопоклонной недели поста). Но даже это обстоятельство не замедлило решительных действий митрополита.

В грамоте всё было сформулировано чётко. Великокняжеская власть переходила к сыну — Василию. Он был ещё в возрасте десяти лет, а потому требовался опекун-покровитель. Им могла бы стать мать — Софья Витовтовна. Но для Руси нужен был авторитет посерьёзнее.

Выбор Василия пал на всё ещё могущественного великого князя Литовского Витовта. Да и кто мог предполагать иное?! Даже невзирая на то, что он фактически уже не имел никакого отношения к православию.

Прочтём отрывок из последней духовной грамоты Василия I (начало XV века):

«А приказываю сына своего, князя Василья, и свою княгиню, и свои дети своему брату и тестю, великому князю Витовту, как ми рекл, на Бозе и на нём, как ся имет печаловата, и своей братье младшей, князю Ондрею Дмитриевичю, и князю Петру Дмитриевичю, и князю Семёну Володимеровичю, и князю Ярославу Володимеровичю, и их братье, по их докончанью, как миркли».

О родном брате князе Юрии Дмитриевиче — ни слова!

И снова зададим всё тот же вопрос: почему Василий не хотел передать престол Юрию, последовав завещанию своего отца?

Попробуем в очередной раз кратко на него ответить.

Во-первых, из-за влияния Литвы, которая была против Юрия («литовская» и «смоленская» партии). Из этого вытекали многие другие причины.

Во-вторых, из-за ревности к брату, возникшей ещё со времён ордынского плена, и особого выделения Юрия в роду Донского.

В-третьих, из-за влияния на него, ещё в прошлом, митрополита Киприана.

И в-четвёртых, из-за влияния супруги — Софьи Витовтовны, которая, кроме имевшихся у неё «политических» убеждений, была просто-напросто ещё и очень самовластной женщиной.

Но русская история не была бы таковой, если бы не сохранилась ещё одна версия событий, связанная с завещанием Василия I. По этой версии он как будто всё-таки оставил великое княжение... брату — Юрию Дмитриевичу!

И будто бы вдова — Софья Витовтовна — успела эту духовную грамоту (связанную с именем Юрия) уничтожить, а старую — приберечь и потом всем показать.

Эту странную легенду, собственно, породил пребывавший век спустя в России австрийский посол Сигизмунд Герберштейн. Вот что он отметил в своих «Записках о Московии»: «Василий Дмитриевич не любил своего единственного сына Василия, так как подозревал в прелюбодеянии свою жену, от которой тот родился, поэтому, умирая, оставил великое княжение Московское не сыну, а брату своему Юрию, но большинство бояр примкнуло всё же к сыну».

Естественно, что подтверждение этим словам найти трудно, если вообще возможно. Хотя с лёгкой руки Герберштейна мы становимся свидетелями ещё более серьёзных намерений и действий так называемой «литовской партии», которая ради достижения своих целей, как видим, не постояла бы ни перед чем.

Впрочем, пусть данное утверждение остаётся на совести иностранца, исправно умевшего собирать всевозможные слухи; некоторые из этих слухов, правда, почему-то оказывались вовсе и не слухами.

Итак, на Московском престоле, на великом княжении появился юный Василий Васильевич.

Дело князя Дмитрия Донского и соблюдавшей его завещание жены Евдокии закончилось нарушением заповедей отца и деда, а также умалением уважения к матери и бабушке.

Русь пошла иным путём...

Моление при нашествии Тамерлана

Пречистыя Богоматери, ея же страшным явлением
злочестивый

Темир Аксак устращися, и побеже, и исчезе.

*В мале сказание о блаженной великой княгине Евдокии,
XVI в.*

Но мы вернёмся в конец XIV столетия, ибо там происходили события, которые всё так же повествуют о выдающейся роли великой княгини Евдокии в русской истории.

В середине 1390-х годов произошло событие, которое напрямую связывается с её именем. Когда определялась судьба всей страны, её роль оказалась необычной, даже в некотором роде главной. Именно ей удалось принять, возможно, единственно правильное решение, после которого Москва была спасена.

И событие это было связано с наиболее известными именами в мировой истории заката XIV столетия.

Ещё в начале 1390-х годов появился с востока в поле зрения Руси грозный властитель и воин — Тамерлан. При Московском дворе к этим новостям относились с особой серьёзностью. Тогда уже знали о силе, могуществе и неординарной жестокости этого человека. Уже доносились вести о том, что бывший его союзник и подчинённый ему полностью ордынский хан Тохтамыш фактически предал своего хозяина, начал собственную политику по отношению к соседям и к нему самому. Всё это разгневало Железного Хромца — Тимура.

Больше всего Тамерлана раздражало именно предательство Тохтамыша, которого он не раз спасал и к которому благоволил. Привычная ордынская хитрость в данном случае сыграла для Тохтамыша роковую роль. Он получил страшного врага, умеющего доводить свои планы до конца.

Тимуру приписывается послание, которое он направил непосредственно Тохтамышу. Оно датируется 1391 годом. Вот строки из письма возмущённого Тимура хану Тохтамышу: «Великий хан Тохтамыш в

своём письме много говорит о моей мудрости, а сам считает меня глупцом, если думает, что я поверю его обещаниям. Ты давал их мне уже не раз и всегда после этого нарушал. У плохого дровосека всегда виноват топор, а у хана Тохтамыша всегда виноваты дурные советники! Я принял тебя как сына, дал тебе много больше того, на что ты мог рассчитывать. А чем ты мне заплатил?.. Я не верю этим словам! Хан Тохтамыш не отбросил свой кинжал, а только обмазал его мёдом. Не думай, что я стану этот кинжал облизывать!»

Собрав громадное по тем временам войско (некоторые источники утверждают, что у него было около 200 тысяч ратников), Железный Хромец двинулся к Волге. Здесь, на левом берегу могучей реки, встретились две армии.

Ордынское войско под командованием хана Тохтамыша было прекрасно подготовлено. Он, как и его предшественники, традиционно с помощью силы умел держать в узде своих врагов. Но перед организованными полками Тамерлана, уже закалёнными в боях по всей Азии, они оказались совершенно бессильными.

Поражение Тохтамыша в битве было ощутимым. Великая Орда давненько не испытывала подобного «унижения».

Именно эта ситуация, как мы уже рассказывали, как раз и сыграла важную роль в присоединении к Москве Нижегородского княжества (ранее принадлежавшего отцу Евдокии — князю Дмитрию Константиновичу).

Хан отдал сыну Евдокии Василию Дмитриевичу ярлык на княжение быстро. У него не было ни времени, ни сил, чтобы после поражения от Тимура разбираться с «какой-то там» Русью. Ему требовалось оправиться от ран и собирать новые силы. Потому что все знали — пока Тамерлан не возьмёт своё, не отомстит, не добьёт врага — он не остановится. Новые нашествия были легко предсказуемы.

Кстати, тогда же и Витовт, «под шумок», прихватил себе столицу — Вильно и ряд литовских земель, включая западнорусские. Ослабление Востока было ему на пользу. Замыслы литовца и его дочери — московской великой княгини Софьи — начинали неожиданно быстро осуществляться.

Пока Тамерлан готовился к новому походу на Тохтамыша, произошли следующие события.

В 1394 году скончался в неволе последний нижегородский князь — Борис Константинович, дядя княгини Евдокии, вдовы Дмитрия Донского. Это произошло в Суздале. Теперь из тех, кто мог реально претендовать на власть в уже присоединённом к Москве Суздальско-Нижегородском княжестве, оставались в живых лишь братья Евдокии — князья Василий и

Семён Дмитриевичи. Естественно, что вдова Дмитрия Донского не могла быть с ними заодно.

Испуганные, что их могут физически устранить, не покорившиеся Москве князя спешно отправляются в Орду. Уже позднее их будет преследовать дружина сына Евдокии князя Юрия Дмитриевича, исполнявшего свой воинский долг по договору с братом Василием.

Именно в таком соотношении сил и наступил знаменитый 1395 год. Год, когда, можно сказать, решилась судьба Руси.

Именно тогда правительница Москвы совершила действия, которые многие сегодня называют чудом. В тот год Русь спаслась от Тамерлана. А сын Евдокии — Юрий Дмитриевич — покрыл себя неувядаемой славой великого полководца, при этом его духовный наставник преподобный Савва Сторожевский — великого прозорливца.

Ещё осенью 1394 года произошли новые столкновения ратей Тохтамыша и Тимура. Серьёзного большого сражения не состоялось. Но вскоре, в апреле 1395 года, две большие армии сошлись у берегов реки Терек. Битва была выиграна Железным Хромцом. Тохтамыш исчез с поля боя. Только позднее выяснилось, что он находится в Крыму, куда бежал почти сразу же. Но и там его могла достать «рука» мстительного Тимур-ленга. И, будучи обременён «обозом» — всей своей многочисленной семьёй (несколько жён и два сына), он был вынужден бежать ещё далее на запад, в Литву.

Сват княгини Евдокии — литовский князь Витовт уже знал о произошедшем и принял проигравшего Тохтамыша. Для него Тамерлан был такой же опасностью, как и для ордынского хана. Теперь наступали времена, когда приходилось совместно думать о том, как противостоять столь большой и почти непобедимой силе. Да ведь грозный правитель фактически уже стал угрожать восточным литовско-русским землям и понемногу прибирать их к своим рукам.

Тимур двинулся на север. Часть его войска пошла к Волжской Булгарии. Не забыл Тамерлан и о Приднепровье. Тут досталось и литовскому князю. Донские земли также попали под его разорение. Наконец, после взятия Ельца (а это была ещё территория, которую в то время на Руси называли Ордой) его основные силы оказались в непосредственной близости от Москвы.

Персидские источники приводят слова Тамерлана, которые за ним постоянно фиксировал сопровождавший его летописец. Они имеют прямое отношение к описываемым нами событиям. Речь идёт о том, как Тимур в борьбе с Тохтамышем «дошёл до земель, раскинувшихся на дальнем

севере». Вот что отметил Тамерлан, говоря о походе в сторону Руси: «Улус Джучи, вставший на путь вражды... разрушил до основания, подчинил вилайеты, улусы и крепости пятого и шестого климатических поясов и возвратился, осенённый победой и славой».

Под улусом Джучи подразумевалась Орда, а в пятый и шестой климатические пояса входила, по тогдашним представлениям на Востоке, и Владимирская (Московская) Русь.

Вот мы и подошли вплотную к рассказу о том, какое отношение имели к происходившим событиям великая княгиня Евдокия, а также её сын князь Юрий Дмитриевич.

Чудо на Кучковом поле хорошо известно тем, кто хотя бы немного изучал историю Москвы. Оно довольно подробно описано в Житии княгини Евдокии — в монастыре Евфросинии Московской.

Вот что мы в нём читаем:

«С именем великой княгини Евдокии связано одно из самых значительных событий духовной истории России. Совершилось оно во время нашествия Тамерлана в 1395 г. Весть о том, что полчища грозного полководца подошли к границам Руси, привела в ужас весь народ. Великий князь Василий, благодаря влиянию матери, проявил твёрдость духа, собрал войско и вышел навстречу врагу. Но что могла сделать эта малая дружина перед полчищами непобедимого завоевателя, утверждавшего, что вся вселенная недостойна иметь двух правителей?

Народ, подкрепляемый верой в заступничество Божие, вместе со своей княгиней молился Богу. Евдокия совершала сугубые молитвы об избавлении Руси от гибели. Молитва праведницы была услышана Богом. По совету матери Василий Дмитриевич повелел принести чудотворную Владимирскую икону Божией Матери из Владимира в Москву. 26 августа 1395 г. великая княгиня Евдокия с сыновьями, митрополитом, духовенством, боярами, с множеством собравшихся жителей Москвы встретили икону Богоматери на Кучковом поле.

В тот самый день и час Тамерлан в сонном видении увидел «Светозарную Жену», окружённую сиянием и множеством «молниеносных воинов», грозно устремившихся вперёд. По совету своих наставников Тамерлан отдал приказ войскам повернуть от границ Руси».

Известно, что на месте моления москвичей и княгини Евдокии был затем основан известный Сретенский монастырь, который существует и по сей день.

В некоторых вариантах история с молением на Кучковом поле основывается на рассказах о чудесах. Например, рассказ о видении

Тамерлану, после которого он и принял решение о том, что не пойдёт на Москву.

«На Кучковом поле ждала Великая Княгиня Спасительный Образ. Вместе с ней, преклонив колена, стояла вся Москва. Рядом с княгиней стоял митрополит, стояло духовенство, стояли князья и бояре, стояли простолюдины, женщины, старики, дети.

И молитвы княгини-матери были услышаны Богородицей. В тот самый миг, когда Спасительный Образ Богородицы торжественно вступал в Москву, Тамерлану было сонное видение. Он увидел высокую гору. С вершины этой горы шли к нему многие святители с золотыми жезлами, а над ними, в лучезарном сиянии, стояла Жена благолепия и величия неопisanного. Жена повелела ему оставить пределы русской земли. Тьмы молниеносных воинов, окружавших Жену, грозно устремились на Тамерлана.

Грозный хан затрепетал от ужаса, проснулся и немедленно приказал своим войскам отступить. Дойдя до Ельца, грозный воитель так и не осмелился войти в Москву... Молитвами слабой, исстрадавшейся женщины, Великой Московской Княгини, которая не имела права ни на страх, ни на слабость, в сердце которой Господь вложил мужскую доблесть и отвагу, истинную Веру и Любовь, Москва была спасена...

Великий Князь Василий вернулся в Москву победителем Тамерлана. А на том месте, где москвичи встречали икону, княгиня-мать и её сын повелели построить Сретенский монастырь. 26 августа, когда произошла эта встреча, положено было считать церковным праздником. И с тех пор каждый год в этот день из Успенского собора Кремля бывает Крестный ход в Сретенский монастырь. Так из дня глубокой скорби и унижения этот день стал днём торжества и духовной победы русского народа!»

Московский великокняжеский летописный свод 1479 года заключал историю 1395 года с иконой Владимирской Божией Матери так: «и оттоле уставися таковой праздник праздновати месяца августа въ 26 день».

«Степенная книга царского родословия» XVI века в повести о великой княгине Евдокии Дмитриевне, в главе «Принесение на Москву иконы Владимирския», также рассказывает об этом удивительном событии:

«В четвёртое же лето вдовства ея безбожный Царь Темир Аксак, попленив многия земли победы и многия Орды, и многия царства победы, и покори под ся. Тако же хотя пленити и Рускую землю, и уже близь прииде. Святая же и блаженная Великая Княгиня Евдокия сугубыя молитвы к Богу простираше о избавлении подлежащая скорби. И тогда молитвами ея, паче же благоволением Божиим и Пречистыя Богородица, советом же и

повелением сына ея самодержавнаго Василия и первосвятителя Киприяна, из града Владимира принесён бысть многочудесныя образ, егоже богогласный Лука написа. Пречистыя Богоматери, ея же страшным явлением злочестивый Темир Аксак устрашися, и побеже, и исчезе. И тако заступлением Пречистыя Богородица, Руская земля всегда хранима бысть».

Известен отзыв преподобного Кирилла Белозерского на письмо сына Дмитрия Донского, князя Андрея Дмитриевича, в котором он также радостно оценивает события 1395 года: «Нам ныне, видевшее Пречистыя Госпожа Богородицы преславная Ея и великая чюдеса, и о том Ея, господине, радоватися сердцем и душою устрашитися на всяк час, что сподобил нас Бог Пречистою Своею Материю, в последний сей род, таковыми знамении и чюдеси избавити крестьянский род от нашествия иноплеменных враг».

История появления чудотворного образа Богоматери Владимирской на Руси довольно сложная. Вкратце её можно передать так. Создана она была в Константинополе, в первой трети XII века. Она имеет две стороны. Престол Уготованный с орудиями Страстей Христовых написан на обороте. Привезли икону из Константинополя на Русь ранее середины XII века (точнее сказать трудно); она находилась в храме женского монастыря в Вышгороде (недалеко от Киева). Когда стала усиливаться Владимиро-Суздальская Русь, то князь Андрей Боголюбский в 1155 году перевёз её во Владимир и поместил в новый Успенский собор. Так икона стала заступницей первопрестольного града. Именно в 1395 году Богоматерь Владимирская впервые была привезена в Москву. Икона ещё не раз возвращалась во Владимир, а потом вновь отправлялась в Москву, где и осталась насовсем в 1480 году в Успенском соборе Кремля. Уже в советское время она была оттуда изъята, отправлена сначала в Государственный исторический музей, а в дальнейшем попала в Третьяковскую галерею как «ценное произведение искусства». Доступ к иконе ныне возможен в церкви Святителя Николая в Толмачах, где она находится на хранении под твёрдым стеклом.

Но именно тогда, в 1395 году, в Москве икона «Богоматерь Владимирская» стала спасительницей Руси, словно икона «Одигитрия» в Константинополе — Влахернская спасительница, культ которой процветал в Византии. Обе иконы были связаны с жизнью и именем великой княгини Евдокии — преподобной Евфросинии Московской. Византийскую копию «Одигитрии», получив от епископа Дионисия Суздальского, она сделала святыней основанного ею Вознесенского монастыря, а «Богоматерь

Владимирскую» прославила столь чудесным избавлением. И обе иконы сохранились до наших дней. Но об этом ещё позднее...

Однако, кроме этих достаточно общеизвестных событий на Кучковом поле, в том самом 1395 году произошли ещё некоторые события, которые можно соединить с отказом Тамерлана пойти на Москву. И события эти связаны с сыном Евдокии — князем Юрием Дмитриевичем, с жизнью великокняжеской семьи.

Речь о том, как сын московской великой княгини, вдовы Дмитрия Донского, одновременно с её, Евдокии, чудесным решением принести икону Владимирской Божией Матери из Владимира в Москву, совершил поход на болгарскую Орду, тем самым также повлияв на решение Тамерлана о повороте от Москвы на юг.

В те годы с карты мира исчезло древнее и в своё время могущественное государство. Оно располагалось в бассейне рек Волги и Камы, было соседом Руси. Именно князь Юрий стал — вольно или невольно — одним из главных участников этих событий. И, видимо, не без участия своей матушки Евдокии.

Государство это называлось Волжской Булгарией, жили в нём болгары (или болгары). В результате произошедшего оно перестанет играть какую-либо серьёзную историческую роль, окончательно «растворится» в Золотой Орде и потеряет даже своё исконное название. Руководимые сыном Дмитрия Донского князем Юрием полки совершили много такого, что пока ещё не оценено по достоинству и не исследовано историками во всей полноте.

Взятие русскими дружинами четырнадцати крупнейших городов Булгарии, среди которых были столица — Великий Булгар, крепости Кременчуг, Джуке-Тау и Казань, показало военную мощь и открыло полководческий талант князя. Оказалось также, что эти события были описаны как бы с «обеих сторон», известие о них есть и в русских летописях, и в известном татарском эпосе XV века «Идиге».

В результате похода у князя Юрия появилась возможность осуществить свой план, «вдохновлённый» его духовным наставником — преподобным Саввой Сторожевским, когда были построены дошедшие до нас первые и неповторимые образцы раннемосковской архитектуры — новые белокаменные соборы Звенигорода и Сторожевского монастыря, а также созданы для них преподобным Андреем Рублёвым иконы и фрески.

Но и к возможному нашествию Тамерлана поход имел некоторое отношение.

В конце XIV столетия, во времена Дмитрия Донского, отношения Московской Руси с волжским соседом становились в достаточной степени напряжёнными. Волжская Булгария ещё была большим и крепким государством. И ко времени появления там князя Юрия представляла немалую силу.

Одним из доказательств наличия у преподобного Саввы Сторожевского дара предвидения считается благословение, данное им князю перед его военным походом на восток, в государство волжских болгар.

В Житии старца, написанном Маркеллом Хутынским, отмечены слова самого Саввы, которые князь от него услышал: «Врагов своих одолеешь и... здрав возвратишься в своё отечество». Похожим образом преподобный Сергей, как считается, благословлял Дмитрия Донского на Куликовскую битву (или, по мнению некоторых исследователей, — благословил на битву на реке Воже за два года до этого). Похожим. Но не совсем.

Предсказание Саввы Сторожевского, в особенности связанное со «здравым» возвращением князя «в своё отечество», также сбылось. И речь в нём шла не просто о битве, а о дальнем походе за пределы отечества, откуда надо было «возвращаться», — а этого мы никак не можем найти в словах Сергия Радонежского, адресованных великому князю Московскому.

Старец Савва благословлял не саму битву, не захватнический поход и не дружину сына Евдокии — князя Юрия Дмитриевича, а только лишь его самого, предохраняя его лично от возможных напастей. В Библии сказано так: «...Будут ратовать против тебя, но не превозмогут тебя, ибо Я с тобою... чтобы избавлять тебя» (Иер. 1, 19). И нет ничего более важного для христианина, как «душу положить за други своя». Не было, вернее, не готовилось никакого «завоевательного похода» в Булгарию, его никто тогда даже не планировал.

В тексте благословения старца Саввы, записанном Маркеллом Безбородым (а это главный и единственный письменный источник данного благословения), читаем: «Иди, благоверный князь, Господь да будет с тобою, помогая тебе, и врагов своих одолеешь, и благодатью Христовой здрав возвратишься в своё отечество». А теперь сопоставим эти слова с благословением Сергия Радонежского, данным им великому князю Дмитрию Ивановичу (будущему Донскому) перед Куликовской битвой (как это указано в Житии, написанном Епифанием Премудрым): «Господин мой, тебе следует заботиться о вручённом тебе Богом христоименитом народе. Иди против безбожных, и с Божией помощью ты победишь и вернёшься в своё отечество невредимым с великими почестями». А также подключим к

этому послание от Сергия, которое передал Дмитрию скороход непосредственно перед сражением: «Господин мой, смело вступай в бой со свирепым врагом, не сомневаясь и не страшась его, помощь Божия будет во всём с тобою».

Для духовного наставника важна была личная безопасность князя Юрия. Он ценит его «благоверие», он говорит о княжеских «врагах», не уточняя — кто они, и даже не упоминая болгар! Но старец печётся о «здравии» князя, а главное — о его возвращении «в своё отечество». Преподобный Савва предохраняет Юрия, но не восхищается походом. Ни слова не произносит он о «великих почестях» от победы! То есть, по сути, — игумен не давал никакого специального благословения на большую войну или на смертоубийство. И нет в его словах никакого намёка на возможную добычу или богатство. А может быть, тогда никто вовсе и не помышлял ни о каком получении или захвате богатства? И вообще, не было ли на самом деле так — планировалось и предполагалось одно, а вышло — совсем другое?

Эти рассуждения наталкивают на неожиданную догадку, которая может помочь в поисках ответа на главный вопрос: так на что же, собственно, и в какой момент благословил старец Савва Сторожевский князя Юрия Звенигородского?

Итак, посмотрим на развитие событий в 1395—1396 годах. В это время Савва Сторожевский, скорее всего, был игуменом Троицкой обители (после кончины Сергия Радонежского). Если принять во внимание предположение или версию (о ней и сказ) о союзничестве (пусть и весьма условном) русских с Тамерланом против сторонников Тохтамыша, то — как не благословить предводителя войска на столь важное для Руси дело!

И даже более — такое благословение фактически способствовало затем спасению Великого княжества Московского от гибели или тотального разорения. И вот почему. Не по причине ли пусть даже и временного (или условного) союзничества войска сына Евдокии князя Юрия с Тимуром этот Железный Хромец пойдёт после Булгарии не на Москву, а в рязанские земли, к Ельцу? И потом — вовсе уйдёт на Кавказ.

Есть предположение, что город Елец, называвшийся, согласно источникам, в то время также и Карасу, был не совсем рязанским городом; в нём проживало много тюркоязычного населения. То есть повернув на Елец-Карасу, Тимур фактически шёл не на Русь, а опять же на земли своего главного тогда врага — Орды. Похоже, что воевать с Русью он вообще не собирался.

До наших дней дошло изречение Тимура: «Все пространство

населённой части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей». Он считал себя единственным царём, второго не должно было быть. И если учесть, что на Руси тогда не было собственного царя (царём, как мы помним, считался хан Орды), то даже для удовлетворения своих амбиций Русь была Тамерлану не нужна.

Небольшой и ещё не возродившийся от разорений улус ему не был интересен. Орда и предатель Тохтамыш (царь) — первый враг. И Тимур воевал с царём, с его государством, а не с его подчинёнными и не с его улусом. Булгария — пусть даже и улус, но гораздо более известный тогда, в особенности в мире восточной культуры, откуда Тимур, собственно, пришёл и произошёл, — стала врагом следующим. Кстати, и властитель данного улуса называл в то время себя «князем Болгарским», пытаясь выцедиться в самостоятельного правителя.

В таком случае поход князя Юрия и благословение преподобного Саввы Сторожевского помогли спасению не только Московской, но и всей Северо-Восточной Руси, всей русской цивилизации от полного уничтожения и исчезновения с карты истории, как это случилось с Волжской Булгарией. И как это совпало с появлением в Москве Владимирской иконы Божией Матери, перенесённой сюда по просьбе княгини Евдокии!

До сих пор происходят споры — когда же состоялся этот поход. До сих пор множится, и особенно с помощью Интернета, мнение, что это могло произойти в 1399 году. Русские летописи освещают событие различно. Именно они внесли раздоры в изучение данной темы. Именно в них мы видим две разные даты.

Единственно, в чём они сходятся, — почему, собственно, дружина Юрия Дмитриевича оказалась так далеко от родной земли. А объяснение этого — и есть часть ответа на вопросы.

Как мы помним, в 1389 году скончался великий князь Дмитрий Донской, оплаканный своей вдовой Евдокией. Великим князем становится их старший сын — Василий Дмитриевич (Василий I). В 1391 году войско Тимура (Тамерлана) разбивает основные силы ордынского хана Тохтамыша, тем самым влияние Золотой Орды было в значительной степени ослаблено. В 1391—1393 годах сыновья Евдокии и Дмитрия Донского — Василий и его брат Юрий — заключают между собой договор, по которому Юрий Дмитриевич обязуется участвовать со своим войском во всех важнейших военных баталиях, ежели старший брат его об этом попросит. Сам факт такого договора показал уже появившиеся сложности

во взаимоотношениях между братьями. Василий Дмитриевич почему-то опасался, что брат, в случае его внезапной смерти, окажется на московском престоле. В 1392 году, следуя, видимо, братскому договору, Юрий идёт на Нижний Новгород, присоединив земли суздальско-нижегородского князя Семена Дмитриевича, своего дяди, к Москве, то есть к владениям Василия I. В год 1395-й Тимур (Тамерлан) с большим войском в трёхдневном сражении наголову разбил на реке Терек армию ордынского хана Тохтамыша. В 1395—1396 годах Золотая Орда распадается на почти независимые и воюющие друг с другом четыре орды: хана Кюрчака вблизи Сарая, хана Тимур-Кутлука в регионе Астрахани, хана Тохтамыша в Крыму и наиболее мощный Мангитский Юрт — Едигея.

И вот тут самое интересное. По некоторым летописям, в 1395—1396 годах происходит поход Юрия Дмитриевича на Волжскую Булгарию. Началось всё так. Бывший суздальско-нижегородский князь Семён Дмитриевич (тот самый брат Евдокии) и ордынский царевич Ентяк пришли на земли Нижнего Новгорода и ограбили их (Семён Дмитриевич продолжал считать эти земли своими). Дружина князя Юрия, племянника Семена, отправилась по просьбе Василия Дмитриевича защитить новый нижегородский удел Москвы. Грабители убежали «в Орду» («татарове пограбиша весь Новъград Нижний, и возвратишася въ свою землю, въ Казань»), а фактически — к булгарам. Мобильное войско Юрия стало преследовать князя Семена Дмитриевича с целью захватить его в плен и таким образом оказалось на территории Волжской Булгарии. То есть поход на Орду (Волжская Булгария была частью Золотой Орды) не был спланирован русскими заранее.

И хотя Юрий спешил захватить князя Семена, но, по словам летописи, за ним так и «не угнаша». Суздальский князь и его семья были разысканы в Золотой Орде только к 1401 году.

Напомним, что с 1395 года в течение почти двенадцати лет Москва и уделы других сыновей Дмитрия Донского практически перестают платить дань Золотой Орде (за что поплатятся в 1408 году нашествием ордынца Едигея).

Подругой версии русских летописей, годы похода князя Юрия Дмитриевича на Волжскую Булгарию были такие: 1398—1399.

Почему же мы имеем две даты похода князя Юрия и какая из них верная? Посмотрим, что говорят об этом сами летописи.

Из Новгородской Четвёртой летописи мы узнаем и раннюю дату похода — 1395 год, и то, что это был, быть может, самый дальний поход русских дружин на восток, в направлении Волжской Булгарии: «В лето

6903 (1395)... князь великий Василей, събрав ратей много, и с ними отпусти брата своего Юрья, а с ним воевод и бояр старших и силу многу. Они же, шедши ратью, плениша землю Татарскую, и взяша град Болгары и Жукотин и Казань, Кременчюк, и пребыша три месяцы, воююще, и никто же не помнит, толь далеча воева Русь Татарскую землю, и възвратишася с многою користию».

Ещё более подробно под 1395 годом нам рассказывает об этих событиях Московский летописный свод конца XV века: «А князь великий слышавъ се и събра рати многы, посла брата своего князя Юрья Дмитриевича, а с ним воевод и старейших боярь и силу многу. Онъ же шед взя город Болгары Великие и град Жукотинъ и град Казань и град Керменчюкъ и всю землю их повоева и много бесермень и татаръ побиша, а землю Татарскую плениша. И воевавъ три месяци възвратися с великою победою и съ многою корыстью в землю Русскую».

Мы поддерживаем версию, что поход Юрия состоялся в 1395—1396 годах. Доказательства тому следующие. Во-первых, сами тексты летописей, где указаны эти даты. Во-вторых, логично, что нападение князя Семена с татарами на Нижний Новгород совпало затем с его преследованием войском князя Юрия. А нападение было именно в эти годы, позднее такой поход на Русь с востока просто не укладывается во времени и других текущих событиях. Кроме того, в-третьих, само время для похода было крайне удачным, именно в 1395—1396 годах Золотая Орда была настолько ослаблена нашествием Тимура, а Волжская Булгария — почти полностью им разорена, что, преследуя противника, дружина Юрия смогла легко пройти по чужой территории максимально далеко, не встречая почти никакого серьёзного сопротивления.

Неожиданным на первый взгляд могло бы звучать предположение, что дружина князя Юрия в 1395 году участвовала в походе на Волжскую Булгарию в нейтралитете или даже союзничестве (пусть даже и в условном) с войском Железного Хромца — Тамерлана. То есть Тимур, возможно, знал о выдвигении вслед за ним русской дружины и не стал ей мешать.

Войско с Юрием Дмитриевичем во главе, оказавшись в 1395 году в Волжской Булгарии, могло участвовать не только в поисках своего противника — князя суздальско-нижегородского, но также и в преследовании остатков войска гораздо более опасного и старинного врага Руси — хана Тохтамыша, только что жестоко разбитого Тамерланом. Для сыновей Дмитрия Донского, которого этот ордынский хан в 1382 году наказал за победу на поле Куликовом сожжением белокаменной Москвы,

такие действия могли быть делом чести.

Это ещё один, дополнительный «мотив», по которому русские могли оказаться в это время на болгарской территории.

Для Тамерлана Тохтамыш был не меньшим врагом, а потому он не стал мешать русским в их походе. Вот тогда-то он, возможно, и воспринял действия дружины Юрия как условно союзнические. Это не значит, что ему был нужен реальный союзник. Силы русского войска были несопоставимо слабее. Но ведь они оказались противниками его же — Тамерлана — врагов и даже пришли на их землю.

Не случайно спустя некоторое время Сигизмунд Герберштейн, оставивший свои записки о путешествиях в Московию, заметил по поводу данного похода русских, что они «овладели Булгарией, которая лежит по Волге, и изгнали из неё татар». Против татар — то есть Тохтамыша — воевал тогда и Тимур. И преследуя Тохтамыша (или его отряды), он, собственно, и попал в Булгарию.

Оказавшиеся здесь русские (преследовавшие другого князя, а заодно и, возможно, сторонников Тохтамыша) ему совсем не мешали, скорее, наоборот.

Кто знает, возможно, почти одновременное нападение на Булгарию с юго-востока (Тамерлан) и потом с запада (Юрий Звенигородский) в 1395 году было результатом даже согласованной акции. А благословение старца Саввы — частью большой политики того времени. Оставим рассмотрение этой гипотезы на суд будущих исследователей.

А может, походов было два, с разницей в четыре года? Такой вариант изложения событий мы находим в некоторых вполне компетентных изданиях, вроде «Русского биографического словаря» А. А. Половцова (конец XIX — начало XX века): «Осенью 1395 г. он (князь Юрий, сын Евдокии. — К. К.-С.) был отправлен наказать татар, приходивших к Нижнему Новгороду, по приглашению Суздальского князя Семена Дмитриевича, желавшего вернуть свою отчину... Князь Юрий взял города: Болгары Великие, Жукотин, Кашан (город на Каме), Кременчук и многие другие города... В 1398 или 1399 г. кн. Юрий снова ходил в эту местность на кн. Семена Дмитриевича, но безуспешно».

Вопреки и несмотря на повороты «исторического разума», а также опираясь на имеющиеся в настоящий момент хоть и противоречивые, но факты (хотя всегда могут появиться в поле зрения исследователей новые сведения), более верным будет отнести главный поход Юрия «на Болгары» к 1395 году.

В те же годы строились каменные соборы Звенигорода и Саввино-

Сторожевского монастыря. Это подтверждает наши выводы ещё больше.

Соборы возводились гораздо ранее, чем принято иногда считать, — а именно с середины 1390-х годов. Это и доказывают некоторые учёные — искусствоведы и историки. Доказывают... совершенно независимо отанных о походе Юрия из летописей.

То есть именно к середине 1390-х годов у князя Юрия уже были достаточные материальные средства для нового грандиозного строительства. Откуда они взялись? Исключительно и только в результате военного похода и молчаливого отказа Москвы платить дань Орде (как раз с 1395 года). Так всё и сходится — на этот год.

По этой причине у Московского княжеского двора во главе с Василием Дмитриевичем, с участием княгини Евдокии и с вложением средств от князя Юрия Дмитриевича, хватило возможностей в 1398 году послать обозы с ценностями в Константинополь для поддержки византийцев в борьбе с осадившим город турецким князем Баязидом. Откуда такие богатства на Руси, если считать, что они появились из Волжской Булгарии только через год? Наверное, они просто уже были оттуда привезены.

Так, при участии великой княгини была оказана важнейшая помощь Византии, которая продержалась ещё полвека до полного завоевания. В знак благодарности Московский двор получил особый подарок из Константинополя. Как повествует Никоновская летопись: «Царь же и патриарх благодариша их зело и прислаша ко всем князем Русским поминки и иконы чудны и мощи святых... и многое хваление и благословение всылаху Руси, и послаша поминок великому князю и благословение, икону чудну, на нейже бе написан Спас в белоризцах; стоит же икона та во церкви Его в Благовещении на его дворе и до сего дни, на левой стороне на поклоне».

Речь идёт об иконе «Спас в белоризцах», на которой Спас был изображён не в обычных пурпурных одеждах, а в белом одеянии, напоминающем об апокалиптических старцах. Икону, как мы видим, поместили в Благовещенском соборе Кремля. Скорее всего, она стояла на аналое слева от Царских врат. Иногда считают, что на иконе был изображён либо Страшный Суд, либо Апокалипсис, так как по композиции образы ангелов, Христа и святых, изображённые в белых одеждах, близки. Да и Троицкая летопись даёт нам более обширное описание подарка из Византии: «...и прислаша князю великому поминок, икону чудну, на ней же написан Спас и ангели и апостоли и праведницы, а вси в белых ризах». Иногда приводят доказательство того, что изображён был именно Страшный Суд, следуя той же записи в летописи: «...також и князь

Михаилу Тверскому прислаша икону Страшный Суд». Однако этот отрывок текста можно прочитать и по-другому — «також» означает, что и Михаил Тверской получил в дар икону, но это не значит, что другая икона была с сюжетом Страшного Суда. Во всяком случае «Спас в белоризцах» стал одной из святынь как Благовещенского собора, так и Московского Кремля.

Преподобный Савва Сторожевский был прав в своём благословении, когда даже не намекал князю Юрию Дмитриевичу на его великую славу в итоге похода. Князь-воин три месяца рисковал жизнью, захватил много богатства, вернулся с ним в «отечество», отдал большую часть своему старшему брату (следуя законам родства и подписанному между ними договору). Но вся слава досталась не ему, а... Василию. Тот даже попытается, как замечал Карамзин, прослыть в сознании современников и потомков как «князь Василий — завоеватель Булгарии». Но не вышло. Не ужились.

Именно с этого момента и начинаются незаметные, на первый взгляд, сложности во взаимоотношениях между братьями, которые уже не могла предотвратить даже их мать — Евдокия. Василий не мог так просто пережить и простить своему брату его победу и величие и всячески их позднее умалял. Вот почему мы так мало знаем об этом походе; потомки Василия и его летописцы отвели младшему брату лишь краткие упоминания (совсем замолчать о походе было невозможно). А чтобы слава и сила возможного преемника на московском троне не возросли ещё больше, Василий I не будет специально просить Юрия Дмитриевича совершать военных действий по его поручению или по братскому договору между ними.

Однако до кончины матушки их Евдокии оставалось ещё двенадцать лет. Она по-прежнему была в силе и умела останавливать внутрисемейные споры. Так же, как и продолжала устраивать семейную жизнь своих детей и внуков.

Об одном браке следует вновь рассказать особо. В 1400 году Евдокия женила своего героического сына Юрия — как мы уже знаем, на дочери великого князя Смоленского Юрия — Анастасии. Повествование об этом браке и необычной невестке необходимо, чтобы окончательно уяснить расстановку сил в московских властных кругах того времени и ещё раз показать ту роль, которую играла на заре XV столетия вдова князя Дмитрия Донского.

Анастасия — невестка из Смоленска

А похоронена она была в Москве в Вознесенском монастыре.

Лицевой Летописный свод об Анастасии, XVI в.

Мы помним, что по завещанию князя Дмитрия Ивановича все его сыновья, а также вдова — Евдокия получили уделы, земли и другое, как в наши дни сказали бы, движимое и недвижимое имущество. Вторым по праву наследования сын княгини стал владеть подмосковным Звенигородом.

После событий 1395 года, ухода Тамерлана от Москвы и похода на восток Юрий получил достаточно средств для того, чтобы начать крупное строительство в своём уделе. Да и о свадьбе пора было подумать. Евдокия — видимо, предчувствуя близкую кончину, — пыталась в этом смысле устроить жизнь всех своих потомков.

И князь Юрий стал быстро осуществлять свои начинания, а также подыскивать себе, не без помощи матери, невесту.

В пределах Звенигородской крепости — на Городке — князь Юрий сразу же после получения удела в «отчину» начинает возведение собственного дворца. Причина банальна — надо было где-то жить. У местных бояр прекрасные хоромы в округе уже были в собственности, и новому удельному князю нельзя было «ударить в грязь лицом».

Можно предположить, что от прежних князей Черниговско-Звенигородских, возможно, владевших здешними землями ещё давно, кое-что здесь должно было оставаться. Но вышло так — не сохранилось почти ничего. Ведь с тех пор, как Иван Калита прибрал эти угодья к своим рукам, прошло более полувека! Деревянные постройки обветшали, а то и вовсе превратились в ветхие полуразвалины. Многие были уничтожены при нашествиях и пожарах.

Холм Городка расположился на левом берегу Москвы-реки, где она прорезает пойму глубоких оврагов. Тут же протекала речка Жерновка. Почти неприступная возвышенность с той стороны, где не было оврагов, была окружена глубоким искусственным рвом. Рядом с самой крепостью есть площадка, где располагался посад. А ещё один посад разросся на другом берегу, в низине и на ближайшей возвышенности (ныне — Верхний

Посад современного Звенигорода), и к этим временам уже был густо заселён. Именно вокруг главного холма современные археологи находят остатки древнейших укрепленных поселений с незапамятных времён.

Строительство князем Юрием дворца в Звенигородском Кремле — в столице удела — начинается почти сразу после получения земель по наследству, в начале 1390-х. Тогда у князя ещё не было серьёзных средств. Наследство от отца он получил, в основном, в виде недвижимости, а не в виде реальных «мешков с деньгами». Доказывает это и тот факт, что дворец заложен был деревянным, то есть более дешёвым, «экономичным». И до похода на болгар 1395 года он, скорее всего, был уже построен. Иначе бы его после победы возводили в камне. А теперь — не было смысла перестраивать уже сделанное. Как и в случае со стенами — укреплениями вокруг Звенигородского Кремля, их тоже тогда успели уже возвести из дерева.

Это и погубило дворец и крепостные стены. Сжечь такие постройки до основания первым же набегом любого сильного неприятеля (а войн будет ещё предостаточно) — дело обычное. Что позднее и произошло. Потому они и не сохранились, как, впрочем, и десятки великолепных княжеских дворцов той эпохи по всей Руси, которые по старой привычке складывали из брёвен. Жаль, что искусство миниатюры ещё не предполагало тогда необходимости точного копирования объектов человеческого труда. Никто не зарисовал этих красот. А мы можем только воображать — что там могло быть.

Камень же спасал реально, а не гипотетически. Из всего, что останется потомкам на Городке, до наших дней сохранится только Успенский собор. Каменный.

Одновременно Юрий начал и церковное обустройство удела.

Первоначально решено было возвести из камня собор Успения Пресвятой Богородицы. Исторические документы не сохранили сведений о времени его постройки, а пожар, случившийся в 1723 году и превративший в пепел все бумаги Звенигородской канцелярии, поставил в возможных поисках даты вполне вероятную точку. Однако косвенные данные и анализ других имеющихся источников позволяет высказать некоторые предположения.

По нашему мнению, решение о строительстве было принято сразу же после 1395 года, когда звенигородские дружины вернулись из похода с богатой добычей. В это время уже существовали два деревянных храма — прежний Успенский (на месте нового) и Рождественский — на горе Сторожи. Новый собор на Городке, в самом центре Кремля, был необходим

по нескольким причинам.

Первая — присутствие новой епископской кафедры в Звенигороде. Необходимо было укрепить её важное положение, особенно в связи с предстоящим переездом сюда старца Саввы из Троицкого монастыря.

Вторая — престиж. Князю Юрию надо было показать Москве и старшему брату Василию свою мощь и умение заботиться о своём уделе. Ведь будущее было непредсказуемым. А Юрий оставался по завещанию отца официальным претендентом на великокняжеский престол, как говорится, под «номером один».

Третья — уже тогда могла зародиться идея династического брака с большими перспективами, дабы ещё более усилить и возвысить положение Юрия перед Москвой. Этому косвенно могла способствовать и матушка Юрия — княгиня Евдокия.

Литовцы изгоняют в 1395 году из Смоленска великого князя Юрия Святославича. Он вполне мог появиться со своими чадами, включая дочь Анастасию, в Москве или даже в Звенигороде (у бывшего епископа Смоленского, а теперь — владыки Звенигородского Даниила). Познакомившись в доме своей матери с юной невестой, Юрий мог уже тогда предположить будущий брак, который приносил фантастическую возможность претендовать на Великое княжество Смоленское, одно из самых важных и старейших в Руси.

Новый же храм в уделе — большой и каменный — нужен был как раз для исключительного события — венчания в столь представительном окружении. Хотя известно, что венчание Юрия и Анастасии произошло «на Москве», это никак не отменяло возможных планов матушки Евдокии совершить таинство и в Звенигороде.

Что же касается каменного Рождественского собора в монастыре Саввы Сторожевского, то на месте одноимённого деревянного его стали сооружать почти одновременно с Успенским на Городке. Оба храма были закончены так быстро, что уже к началу 1400-х годов большую их часть успел расписать иконописец Андрей Рублёв.

Итак, невесту Евдокия для сына Юрия присмотрела. Все свои главные на тот момент походы князь уже совершил. Материально стал вполне обеспечен и даже более.

Пора было жениться.

И Евдокия организует эту важную для русской истории свадьбу.

Важнейшее событие в жизни князя Юрия Дмитриевича произошло в 1400 году: князь женился на дочери великого князя Смоленского Юрия

Святославича — Анастасии.

В Житии духовного наставника Юрия — преподобного Саввы Сторожевского, написанного епископом Дмитровским Леонидом в XIX столетии, мы читаем: «Супруга Юрия, Анастасия... без сомнения, входила сердцем и трудами рук в заботы мужа о новой обители. В монастырской ризнице хранится, как сокровище, белая шёлковая риза преп. Саввы, сходная с ризою преп. Никона, что сберегается в ризнице Лавры. Легко догадаться, чья искусная рука выводила золотом, серебром и шелками струйчатые узоры по голубому бархату оплечья этой ризы. Мы знаем, что в старину русские княгини и княжны значительную часть своей тихой жизни отдавали женскому изящному рукоделью. Неудивительно, что юная княгиня Звенигородская в своём тереме, из которого, над лесистым берегом реки, виднелась златоверхая обитель, готовила дорогие облачения для своего отца и богомольца...» Риза старца Саввы, увы, не сохранилась. И Анастасия не успеет стать великой княгиней. И даже прах её, ещё недавно, по преданию, хранившийся в Московском Кремле, после разрушения женского монастыря, возможно, не попал в число тех, что перенесли затем в Архангельский собор. Хотя исследователи теперь утверждают обратное...

Кто она была — ещё одна невестка Евдокии, супруга будущего великого князя Московского? И какое значение имел этот брак? Ведь мы помним, что женитьба старшего сына Дмитрия Донского — Василия — на литовской княжне Софье стала частью большой политики того времени.

Было ли так в этом случае?

Мы можем ответить на данный вопрос таким образом: благословлённый Евдокией брак Юрия и Анастасии, совершенный, как это было отмечено, по любви, имел и более серьёзные последствия. В том числе связанные с объединением «всея Руси», становлением Русского государства и его расширением не только на восток, но и на запад.

И вот почему.

Женитьба на Анастасии, дочери великого князя Смоленского Юрия Святославича, осуществлённая на заре XV столетия, давала возможность сыну Евдокии князю Юрию и его потомкам стать потенциальными претендентами и на великокняжеский престол Смоленска. А то, что этот город и само княжество «прихватили» литовцы, которые многие годы считали это для себя крайне необходимым (Смоленск всегда играл роль ключа, с помощью которого можно было отпереть двери прямо в Восточную Русь), делало отношения Юрия со своим старшим братом ещё более сложными.

Подробно о Смоленской эпопее мы уже рассказывали. Поговорим о

супруге князя Юрия и снохе Евдокии — княгине Анастасии.

Выросла Анастасия в великокняжеской семье Смоленской. Дата рождения её неизвестна. Род её был весьма знаменит. Дед княгини — выдающийся правитель Смоленска князь Святослав Иванович — погиб в войне с литовцами. Погиб красиво и благородно, в бою, с мечом в руках на поле сражения.

Анастасии придётся затем пережить и пленение своей матери с оставшейся семьёй, и гибель братьев, и возвращение смоленской власти отцом, князем Юрием Святославичем, а потом — его же позор.

Традиции, в которых воспитывалась юная княжна, мало чем отличались от тех, что царили в Московском великокняжеском доме. Можно сказать, что детство её было похоже на детство её свекрови — княгини Суздальской и будущей великой княгини Московской (Владимирской) Евдокии.

Но Смоленск всегда был ближе к Западу и Югу. Сюда быстрее доходили разные веяния как из Европы, так и из Киева и даже Византии. Смоляне тогда пользовались «репутацией» более «просвещённых» людей. Смоленская боярская знать вовсе не находилась в последних рядах среди знати общерусской, а скорее, наоборот.

И если брак старшего брата, великого князя Московского Василия, с дочерью великого князя Литовского Витовта — Софьей был в сознании москвичей «современным», то и женитьба Юрия на Анастасии слыла весьма удачной и во всех отношениях не менее современной. Невеста была «из первых», «из избранных», ничуть не менее «значимой», нежели та же Софья.

Оба брака — Василия и Юрия — могли предполагать расширение Московского княжества. Вот какие прозорливые планы вынашивала в своей семье княгиня Евдокия.

В первом случае — соединение с Литвой (и, возможно, исчезновение самого Московского княжества как такового), во втором — объединение со Смоленском (а исходя из его трудного положения — скорее всего, в виде присоединения его к Москве).

Анастасия оказалась здоровой в физическом отношении женщиной, а потому дети в семье стали появляться быстро, один за другим. Кстати, кроме Юрия и Василия, хорошим потомством отличился ещё лишь один их брат — князь Можайский Андрей Дмитриевич. Но нельзя отрицать тот факт, что именно потомство Юрия Звенигородского дало нам несколько очень ярких личностей в русской истории.

У звенигородской четы будут четыре сына: Василий (Василий Косой), Иван (ушедший в монастырь) и два Дмитрия (Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный). Одинаковые имена в одной семье тогда не были в диковинку. Видимо, таким образом сын Евдокии князь Юрий хотел увековечить в памяти потомков великое имя своего отца — Дмитрия Донского.

Весть о том, что родная отчина Анастасии — Великое княжество Смоленское — в 1404 году полностью стало подчинено Литве и её отец — великий князь Юрий Святославич уже не сможет претендовать на престол, застала княгиню в Звенигороде, столице удельного княжества её супруга Юрия. Здесь они жили во вновь отстроенном дворце на Городке.

К тому времени неожиданно скончались почти все её дяди — братья отца. Глеб Святославич был убит в сражении литовцев с ордынцами на реке Ворскле в 1399-м. Ивана Святославича не стало в 1403 году, при пленении в Вязьме одним из Ольгердовичей. То есть многие прямые потомки павшего в бою с литовцами великого князя Смоленского стали быстро вымирать, как будто кому-то это было очень нужно (а ведь и было нужно — Литве!). Но сие совсем не было нужно ни князю Юрию Звенигородскому, ни его супруге Анастасии, ни её свекрови — Евдокии.

Юрий с Анастасией прожили достаточно долгую для того времени и вполне счастливую жизнь. Свою свекровь Анастасия пережила и будущих серьёзных междоусобных потрясений в русском государстве не испытала.

Время донесло до нас фамилии потомков смоленских князей. То были «отголоски» возможной русской истории и её несостоявшегося величия в XV веке. К таким потомкам относят роды князей Жижемских, Коркодиновых, Кропоткиных, Дашковых, Порховских и некоторые другие, долгое время служившие как Руси, так и Литве (время, увы, их разделило). Москве продолжали служить удельные смоленские князья, такие как Ржевские или Фоминские, но затем, потеряв свои княжеские титулы, они породили известные служилые фамилии, такие как Осокины, Полевые, Травины, Еропкины или Толбузины...

Известно, что невестка Евдокии княгиня Анастасия Смоленская заметно отличалась от современников, как и её супруг, — образованностью, развитием и знанием духовных книг.

История донесла до нас сведения о неожиданной болезни, которая случилась с княгиней Звенигородской и Галичской. Причину этой болезни, её название и время, когда она произошла, мы толком не знаем. Упомянуто о ней в письме, которое получил сын Евдокии князь Юрий от преподобного Кирилла Белозерского.

Это письмо было ответом старца на послание самого князя Юрия, который просил молитв преподобного о болящей, а также стремился уговорить Кирилла переехать к нему в Звенигород, как когда-то он просил это сделать игумена Троицы Савву, будущего Сторожевского. Настоятель монастыря на Белом озере ему отказал. Но по поводу болезни супруги князя отозвался подробно.

Вот что мы можем сегодня прочитать в послании преподобного Кирилла Белозерского сыну княгини Евдокии — князю Юрию Дмитриевичу:

«А что, господин, скорбишь о своей княгине, что она в недуге лежит, так мы о том, господин, в точности знаем, что некий промысел Божий и человеколюбие Его проявилось на вас, — чтобы вы исправились в отношении к Нему. Так вы, господин, посмотрите на себя, покайтесь от всей души своей, и то прекратите. Потому что, господин, если кто и милостыню творит, и молить Бога за себя велит, а сам не отступает от неподобных дел своих, никакую пользу не приносит себе, и Бог не благоволит к приношениям таких. И вы, господин, посмотрите на себя и исправьтесь в отношении к Богу безвозвратно. И если, господин, так обратитесь вы к Богу, то я, грешный, ручаюсь, что простит Он вам благодатью Своею все согрешения ваши и избавит вас от всякой скорби и беды, а княгиню твою сделает здоровой...

Мы, господин, грешные, от всей души своей рады Бога молить о ней, чтобы Он её помиловал и дал ей облегчение в той тяжёлой болезни. А если, господин, она так и пребудет в том недуге, то воистину, господин, знай, что ради некоей её добродетели хочет Бог упокоить её от маловременной этой болезненной жизни в оном нестареющем блаженстве.

Ты же, господин, не скорби об этом, видя, как она идёт в бесконечный покой, в светлость святых, в неизреченную славу Божию, чтобы там зреть пресладкое лицо Его, со Христом быть и, обретя Его, радоваться в стране живущих, где глас веселящихся. Но надеемся, господин, на милость Божию, что не причинит скорби тебе Господь, но благодатию Своею помилует и утешит тебя».

Эта откровенная проповедь преподобного была связана, как мы видим, не только с болезнью княгини Анастасии, но и с какими-то другими обстоятельствами, скорее всего, с известными нам трениями между правящими братьями.

Из написанного нельзя сделать точный вывод: к какому времени относится послание. Потому и трудно предполагать — когда произошла упоминаемая болезнь княгини Анастасии. Лишь несколько «намёков»

могут подсказать нам предположительные даты событий.

Не могло это произойти ранее 1407 года, когда ещё не скончалась вдова Дмитрия Донского Евдокия — свекровь Анастасии, а также ещё здравствовал преподобный Савва Сторожевский. Ведь в этом случае князю Юрию не надо было обращаться к Кириллу с просьбой о возможности его переезда в Звенигород.

Вполне вероятно, что сильный недуг и тяжёлое состояние княгини (она, похоже, была почти при смерти, ведь в письме сказано: «Идёт в бесконечный покой») могли быть связаны с очередными родами. Между 1407 и 1422 годами Анастасии пришлось рожать неоднократно. Болезнь могла случиться после появления на свет одного из её сыновей — например Дмитрия, прозванного позднее Шемякой.

Впрочем, события могли разворачиваться и в последние месяцы её жизни, в 1422 году, перед самой её кончиной. Одна лишь фраза из письма вносит сомнения по этому поводу: «...хочет Бог упокоить её от маловременной этой болезненной жизни в оном нестареющем блаженстве». «Нестареющее блаженство» — явный намёк на молодость княгини, что совсем не похоже на описание «старости». В 1422 году ей могло быть предположительно (напомню, что дата её рождения неизвестна) не менее 35 лет или даже больше. Потому что в год бракосочетания — 1400-й — вряд ли она могла быть моложе тринадцати. А в тридцать пять — сорок лет в те времена трудно было назвать княгиню «не старой». Потому и послание могло быть написано ранее 1422 года.

Что тогда может означать получение письма? Только то, что княгине удалось избавиться от «тяжёлой болезни и недуга» и она прожила ещё некоторое время. Молитвы преподобного Кирилла возымели своё действие. Одна из них в конце письма звучит так: «Я, господин, хоть и грешен, а рад Бога молить и Пречистую Его Мать со своей братицей о тебе, о нашем господине, и о твоей княгине, и о твоих детках, и о всех христианах, находящихся под твоей властью».

Скончалась же княгиня Анастасия 11 июля 1422 года (по некоторым сведениям — 2 июля). Однако произошло это уже после того, как она посетила Москву по приглашению жены своего деверя — Софьи Витовтовны. Та её ненавидела, а потому, возможно, и произошло нечто страшное. «В ту же осень, — сообщает Лицевой летописный свод под 1421 годом, — княгиня Анастасия, жена князя Юрия Дмитриевича, была у своего отца в Москве, вернулась из Москвы за неделю до Рождества Христова». Здесь упоминается «отец» Анастасии. Но это не Юрий

Святославич, который к тому времени давно уже скончался, а великий князь Василий Дмитриевич. Неслучайно здесь акцентировано внимание на том, что именно он — «её отец»: это должно было подчеркнуть статус самой княгини. Ведь ещё по завещанию Дмитрия Донского все другие члены великокняжеской семьи должны были «читать и слушать своего брата старшего в... место своего отца».

Как только Анастасия вернулась из Москвы к мужу в Звенигород, то сразу же слегла. И так уже больше и не поднималась. Трудно не предположить худшее: возможно, она была отравлена в столице, как позднее скончались от ядов некоторые её потомки, да и, вероятнее всего, — её супруг...

Похороны прошли в Вознесенской обители Московского Кремля, основанной великой княгиней Евдокией. Из Лицевого летописного свода XVI века: «Месяца июля в 11 день [1422 года) преставилась княгиня Анастасия, жена князя Юрия Дмитриевича, в Звенигороде, а похоронена она была в Москве в Вознесенском монастыре».

То был особый почёт. Дочь великого князя Смоленского Юрия Святославича и супругу сына Дмитрия Донского князя Юрия Звенигородского и Галичского положили рядом со свекровью — вдовой Дмитрия Донского — в монашестве Евфросинией.

Приняла ли Анастасия монашеский постриг перед кончиной, как это сделала матушка её мужа? Неизвестно. Хотя об этом, скорее всего, официальные летописные источники поспешили бы упомянуть. Но, может быть, и не стали упоминать, чтобы уж слишком «не улучшать мнение» о Юрьевой семье?

Её прах пролежал в пантеоне русских княгинь, великих княгинь и цариц долгие столетия, пока не произошло (повторим это в очередной раз) уничтожение обители, учинённое большевиками в 1928—1929 годах. Ныне саркофаг Анастасии, как и прах самой княгини Анастасии, пытаются идентифицировать учёные. В научных трудах так и пишут: «среди безымянных». До наших дней частично сохранились остатки её надгробия...

Итак, в кругу скончавшихся высокопоставленных женщин из семьи правящего Московского дома была похоронена невестка Евдокии и супруга Юрия, будущего великого князя Московского. Ей же не довелось стать великой княгиней, и она так и не узнала — что такое великокняжеский престол.

Анастасия скончалась, и теперь не могло быть и речи об активных притязаниях со стороны Юрия на Смоленск и Великое княжество

Смоленское.

Более всего в её кончине была заинтересована Софья Витовтовна. Она пережила всех — и своего мужа, и Юрия с Анастасией, и многих своих детей (скончалась в 1453 году). Софья продолжала литовскую политику, следовательно, — Смоленск был под её «присмотром».

Но почему сын Евдокии князь Юрий Дмитриевич не женился затем вторично? Как иногда делали другие князья.

На такой вопрос может быть несколько ответов.

Первый — самый простой и «лиричный»: княжеская чета была очень крепкой, они любили друг друга, а потому в возрасте почти пятидесяти лет думать о новой женитьбе Юрию было недосуг.

Но возможны и другие, более «прагматичные» предположения.

Например, если бы у князя не было наследников, то есть нескольких крепких сыновей, не склонных к болезням, то ему бы, видимо, пришлось бы решиться на следующий после кончины супруги брак. В реальности же мы видим обратное. Княгиня Анастасия подарила ему не одного сына, а нескольких. И все они подавали серьёзные надежды, были активными политиками, что покажут дальнейшие события.

Новый брак и новые дети могли породить очередные династические разногласия. И князь этого, видимо, не хотел.

Но мы склонны предполагать в связи с этим даже такой поворот событий. Постоянные духовные поиски князя, его контакты со старцами и наиболее известными монастырскими иноками, известность его как знатока духовных книг подсказывают следующее. Князь Юрий просто принял решение не вступать более в брак и провёл оставшуюся часть жизни в благообразном житии, в одиночестве, без супруги, в окружении своих детей.

На эту мысль нас наталкивает анализ последующих междоусобных споров и поведения князя в самые важные моменты, когда решались вопросы власти в Московском правящем доме. Известно, что он вдруг менял свои решения, да так, что у обычных, «нормальных» людей это вызывало только удивление, как вызывает крайнее непонимание некоторых историков, например, его неожиданный отказ от великокняжеского престола в 1433 году. Престола, к которому он так стремился (дабы свершились правда и справедливость) и который уже занял. И вообще, когда надо было предпринимать некоторые жёсткие действия, он их... не совершал. Когда надо было брать завоёванное, он... не только не брал, но и отдавал. Когда надо было применить физическую силу или убить жестокого врага — он... миловал и отпускал, да ещё и наделял благами,

вплоть до уделов и денег.

Действительно, князь много общался с известными духовными подвижниками своей эпохи. Они иногда значительно влияли на его решения и действия. Это странное, на первый взгляд, поведение, на самом деле было отражением его сознательного отношения к власти и понимания её глубокой сути. В этом смысле князь предстаёт перед нами как уникальный и выдающийся «экспериментатор» своего времени. Он пытался совместить почти несовместимое — нравственность и государственность, веру и власть.

Во всяком случае после кончины Анастасии князь Юрий остался без столь необходимой ему в то время поддержки со стороны всё понимающей и верной супруги.

Такова была вкратце история смоленской невестки княгини Евдокии, с которой так же, как мы теперь понимаем, были связаны важные страницы истории Москвы и Русского государства.

Остальные потомки Евдокии

Поедем, братье... к славному граду Москве
и сядем на своих ветчинах и дединах.

Сказание о Мамаевом побоище

После чудесного спасения Москвы от возможного нашествия Тамерлана Евдокия всерьёз взялась за обустройство жизни своей семьи. Её волновала судьба детей и внуков. Она оставалась старшей в роде, и хотя как у женщины у неё было меньше возможностей, нежели у мужчин, однако за её спиной было завещание Дмитрия Донского, в котором уважение сыновей к матери было возведено в ранг беспрекословного исполнения. Более десяти лет отведено ей было до кончины. Мы теперь знаем это. Но кто мог тогда предполагать, что отпущен ей будет именно такой срок?!

Подступала старость. Возраст за 40 лет считался в те времена преклонным. По летописям мы видим, что «немоощь» или «старость глубокая» обычно наступали тогда, когда женщине исполнялось более пятидесяти лет. А те, кто были старше шестидесяти, — вообще считались глубокими стариками или даже нетрудоспособными. Бывали исключения, но редко. Правда, в монастырях жили чуть дольше. Может быть, благодаря размеренному и ритмичному образу жизни, да ещё и в молитве.

Была Евдокия, как мы помним, небольшого роста (155 сантиметров). Прожила она чуть больше пятидесяти трёх лет. Современниками такой срок жизни воспринимался как вполне обычный.

Однако самые разные обстоятельства могли повлиять на вполне мирное течение жизни вдовы Дмитрия Донского. И не самым лучшим образом.

Известно, что враги, завидовавшие её счастью, распускали ещё при жизни слухи о ней, что во вдовстве она не всегда была «честна». Что это означало — в истории осталось неизвестным. Житие Евдокии рассказывает, что сплетни эти «смутили» даже её сыновей, в первую очередь преданного и верившего ей Юрия.

Тогда ей пришлось первый и единственный раз в жизни открыться перед людьми, даже оправдываться. Предание поведало нам так: она собрала своих детей и показала, как под дорогим великокняжеским

нарядом она носит тайно вериги. Есть предположение, что Евдокия после кончины мужа давно уже приняла обет монашества.

«Узнайте, дети мои, истину, — воскликнула вдова Дмитрия Донского, — и да не смущают вас несправедливые обо мне клеветы».

Увиденные детьми «очернелое от трудов тело» и «прильнувшая к костям плоть» поразили их так, что они бросились просить у матери прощения и будто бы услышали мудрые слова, зафиксированные летописцем: «Не верьте внешнему. Один Бог есть судья дел человеческих».

Вот как эту историю рассказывает составленный по преданиям протоиереем Виктором Гурьевым «Пролог в поучениях», изданный в 1888 году. Озаглавлен рассказ: «Урок целомудрия. Повесть о великой княгине Евдокии, в инокинях Евфросиньи, супруге великого князя Дмитрия Иоанновича Донского». Читаем.

«Блаженная княгиня Евдокия, во инокинях Ефросиния, оставшись вдовою после мужа своего, великого князя Дмитрия Иоанновича Донского, строила церкви и монастыри и проводила святую жизнь. Но неразумные люди, по внушению дьявольскому, смущались, глядя на неё, и говорили: «неужели она, будучи самовластною и живя в такой неге, может прожить целомудренно?» Об этом слышали и дети её, услышала и сама она. И вот однажды, когда заметила, что один из сыновей её был смущён худою молвою, то призвала его и остальных сыновей и с плачем сказала им: «любезные дети, не смущайтесь. Всякую клевету и поношение я с радостью приму; но, видя одного из вас сомневающимся во мне, я вам открою тайну мою». И, раскрывши малую часть одежды на груди, показала им часть тела, которое от сурового воздержания казалось почерневшим и как бы сожжённым огнём, и плоть её вся приросла к костям. Сыновья ужаснулись. Княгиня же запретила им говорить об этом, и просила не преследовать поношавших её. И оттоле, говорится в житии её, наипаче подвижашеся прилежными к Богу молитвами».

Именно в те времена, ещё в 1395 году, Евдокия возрадовалась, увидев родившегося у её старшего сына князя Василия внука, которого назвали Юрием! А уже через год появился ещё один внук — Иван. Оба так и не стали наследниками в силу уже упомянутых проблем со здоровьем, которые отличали детей Василия Дмитриевича.

В 1397 году Евдокии доведётся выдать замуж свою дочь Анастасию (некоторые историки считают, что её первоначальным мирским именем было имя — Наталия). Женихом для княжны выбрали князя Тверского Ивана Всеволодовича, который приходился племянником бывшему врагу

Дмитрия Донского — Михаилу Тверскому.

Сумеет женить Евдокия и других своих сыновей. В 1403 году она отпразднует свадьбу князя Андрея, взявшего за себя княжну Стародубскую Агрипину. А почти перед самой кончиной Евдокии, в 1406 году, женится её сын Пётр, которому достанется дочь московского боярина Полуехта Васильевича.

Самый младший сын — Константин — был ещё молод. Он участвовал при жизни матери в различных походах и о женитьбе пока не думал. В 1406 году его отправили во Псков, на войну с ливонскими немцами, где он провоевал почти два года.

О браке 1400 года, когда Евдокия женила своего героического сына Юрия на дочери великого князя Смоленского Анастасии, мы уже рассказали в подробностях.

Всё как будто обустроивалось. Можно было подумать и о душе...

Однако об обустройстве жизни, семьи, дома и хозяйства того времени, в связи с потомками княгини Евдокии, хотелось бы поговорить более подробно и обстоятельно. И действительно, как происходило обыкновенное устроительство удельного княжества конца XIV столетия?

Рассмотрим это на простых исторических примерах.

Все дети Евдокии, получив уделы в наследство, занялись их обновлением. Однако первоначально не у всех для этого были достаточные средства. Да и придворная московская жизнь создавала дополнительные сложности.

Вчерашние дети, совсем недавно игравшие друг с другом в одни игры и росшие бок о бок в одном доме, превратились не только в наследных князей, но и в правителей и владельцев обширных земель — крепких, устоявшихся, исторических княжеств. Вместе с собственностью и властью появились и главные различия между ними: старший брат именовался теперь князем великим, а все остальные — удельными.

В Древней и Средневековой Руси это имело принципиальное значение. Княжение как таковое порождало не только почитание, но и противоречия, доводившие до зависти. Оно становилось порой предметом долгодетних разбирательств, споров и даже войн. Сделать так, чтобы все были довольны, — было почти невозможно. Всегда находился некто, утверждавший, что ещё «во время оно» земли эти принадлежали такому-то и такому-то, а потому на них претендует тот-то и тот-то.

В этом смысле — роль княгини Евдокии как уважаемой и почитаемой матери была для русской истории уникальной. И тема эта требует ещё

дополнительного и внимательного изучения.

Ещё устроитель Московии Иван Калита (по сохранившимся, уже известным нам духовным грамотам) делил сыновей на «большого» и «младших». «Большой» (старший), естественно, получал больше всех. В первую очередь по значимости земель, по их положению и стоимости. Но, кроме этого, он получал великое княжение. И если сама Москва как город делилась по частям между всеми сыновьями-наследниками (что осталось и при Дмитрии Донском, но в других пропорциях, включая часть для вдовы — Евдокии), то княжество Московское становилось под властью старшего сына.

Как понять и разобраться — какими функциями и возможностями обладал великий князь по отношению к князьям младшим, то есть — удельным? Отметим главное — он получал свою власть (и утверждение этой власти) не только по завещанию от своего отца (который, естественно, должен был быть также великим князем), но и от хана-царя Орды, выдававшего ему на это специальный ярлык (грамоту).

Удельному князю такой документ не требовался. Он становился фактически вассалом князя великого и зависел уже от него.

Неутверждение со стороны Орды меняло статус великого князя. Хан мог своей властью передать великое княжение другому брату или даже, например, дяде.

Кроме того, хан мог сделать и такое: великому князю Тверскому передать ярлык на великое княжение Владимирское. То есть — как бы объединить два княжества в одно. Таким образом как раз и происходило медленное «укрупнение» русских земель.

Были и другие существенные отличия великого княжения от удельного. На Руси в то время существовали несколько княжеств, которые претендовали на звание Великих. Важнейшими из них были Владимирское и Московское, Смоленское, Тверское, Суздальско-Нижегородское, Ростовское, Ярославское, Белозерское, Рязанское, так называемые Верховские княжества. Постепенно, как и некоторые другие существовавшие до этого, они исчезали с исторической карты. Не пройдет и века, как большинство из них попадут под крыло крепнущей Москвы, объединявшей соседей в единое государство.

В центре этих событий как раз и находилась княгиня Евдокия. С помощью сыновей она могла влиять на ход исторических событий.

В каждом княжестве были свои устои, правда, очень похожие. И каждое из них делилось на свои уделы — земли, отчины, мини-княжества, принадлежавшие сыновьям-наследникам или ближайшим родственникам

местного великого князя.

Старейшинство великого князя Московского по отношению к удельным представляет особый интерес. Иногда он даже назывался для них «отцом» — естественно, в переносном, а не буквальном смысле. Хотя «матерью» оставалась лишь одна женщина — Евдокия.

Например, великий князь всегда имел намного больше земли, чем любые другие его родственники. А земля и владение ею стояли во главе угла.

Великий князь имел не только приоритет, но и абсолютное право заниматься дипломатией, решать внешнеполитические проблемы. Через его голову вести переговоры с соседями удельный князь не мог. Это расценивалось как предательство.

Также великий князь решал главный вопрос в отношениях с Ордой — о выплате дани. И по размеру, и по срокам. Именно великий князь собирал её с уделов, а затем отправлял хану. Это было право и в то же время ответственность. Ибо именно с великого князя царь ордынский мог спросить — что, как и почему. Таким же образом пополнялась и казна великокняжеского дома. Она собиралась одновременно с данью, хотя её увеличение не было результатом дани как таковой. То был прообраз налоговой системы, которая исправно функционировала.

Князь великий в княжестве своём имел право быть верховным судьёй, главным военачальником, решать дела о землях и их перераспределении, иметь самое большое хозяйство в своих владениях.

Кое-какие вопросы порой требовали согласования с князьями удельными. Они с большой неохотой относились к тому, чтобы отдать всю полноту власти сюзерену. Часть вышеперечисленных полномочий была в их руках. Например, право судить в своих уделах, иметь своё войско и прочее. Ещё далеко было до власти абсолютной или самодержавной. Потому и приходилось многие решения великим князьям принимать в сообществе с удельными. Для чего собирались различные сномы, съезды, собрания, совещания и устраивались пиры. Если и не всегда договаривались, то, по крайней мере, — последнее слово было за князем великим.

Что ещё было главным для великого князя? Он, и только он, мог написать духовную грамоту — завещание — на великое княжение своим наследникам. Любой другой вариант, подписанный любым другим князем, не был бы легитимен, то есть — правомочен.

Удельные князья, однако, были не в обиде. В то самое время, когда Василий Дмитриевич получил в наследство Великое княжество

Московское, князья удельные оставались хоть и «молодшими», но вполне самостоятельными и сильными. Правда, и у них были некоторые обязанности.

Они ведь по духовной грамоте Дмитрия Донского должны были «читать и слушать своего брата старшего в... место своего отца». Как и чтить матушку свою Евдокию.

Именно отсюда вытекало то, что никто из них не имел права даже претендовать на великое княжение. Это могло расцениваться как «отцепредательство», что было самым тяжким проступком для того времени.

А что же они могли делать сами? Оказывается, многое. Держать своих бояр и своё войско. И это войско всегда подчинялось только своему удельному князю. Даже во время объединения военных сил великого княжества или нескольких княжеств для отпора какому-то врагу. Удельный князь и в этом случае приходил на сбор или участвовал в сражении, будучи командующим своим небольшим войском. Сам он мог подчиняться в этот момент главнокомандующему. Но его дружинники выполняли только его приказы.

Удельный князь сам выстраивал хозяйство на своих землях, сам ими управлял, сам собирал дань и налоги, сам судил своих людей. Он мог даже продать часть своей «отчины» или присоединить к ней другие земли.

Но главное — он также мог передать свой удел по наследству, что делалось, видимо, с помощью подобных великокняжеским духовных грамот.

Важен факт, что и великие князья, и князья удельные в те времена печатали собственные монеты. Вводить в оборот свои деньги не возбранялось. Никто не отрицал такой возможности, невзирая на иерархию «старейшинства» и «молодшества».

Как мы помним, начало 1390-х годов привнесло некоторые перемены в составе Великого княжества Московского. Первые годы правления Василия Дмитриевича и поддержка его со стороны брата — Юрия, мудрое местоблюстительство престола со стороны их матери Евдокии показали возможности Москвы как централизованной силы.

Очень важно было то, что именно московского князя уже давно поддерживали главы Русской церкви, ещё со времён митрополита Петра. Такой поддержки не хватало тому же князю Тверскому Михаилу, как бы он ни старался в своём желании верховодить Северо-Восточной Русью. Возможно, именно этот фактор и помешал ему в борьбе за владимирский и московский престол.

В Москве, как нигде в других великих княжествах, чувствовались сила и единство княжеского рода. Её правители присоединяли новые уделы, тогда как у соседей всё время происходили перемены или вообще они дробились на более мелкие земли, что сильно ослабляло княжество в целом.

Так великий князь Московский становился первым среди равных на Руси. А московские удельные князья рядом с ним — очень большой силой. Не случайно затем даже родовитые потомки из этих уделов сохранили свои традиции и фамилии, многие из которых хорошо известны нам и сегодня.

Укреплению этой власти и положения своих детей способствовала... женщина — мать, вдова, великая княгиня, наследница по праву и управительница по умению. Всё это сочетала в себе Евдокия Дмитриевна, дочь суздальского князя, а ныне — Московская властительница.

Редкая традиции, что именно в Москве на столь серьёзном уровне возрастала роль женщины в правящем доме великого князя. Роль эта была не очень заметной, ненавязчивой, спокойной, мудрой и взвешенной. Но как никто другая смогла «сыграть» её и обустроить семейную жизнь своих детей именно княгиня-мать Евдокия.

Прожитые годы давали о себе знать. А на заре XV столетия, когда основные распри утихли, вдова Дмитрия Донского задумалась о других, не менее важных делах. Во-первых, она решила перед кончиной принять монашеский постриг (если только она не сделала это намного ранее, о чём мы уже говорили). А ещё до этого подумала о строительстве каменного собора в основанном ею кремлёвском Вознесенском монастыре.

Но всё по порядку.

Глава 5

МОНАХИНЯ

Духовные наставники

С благочестием пеклись о спасении своём, с чистой душой и ясным умом...

*Слово о житии и о преставлении великого князя
Дмитрия Ивановича, XIV—XV вв.*

То, что великая княгиня перед кончиной приняла монашеский постриг, — не редкость для того времени. Так поступали и до неё. Но нам важно рассмотреть причины, побудившие её сделать это, ибо причины эти показывают нам её опыт и внутренний духовный путь, о котором в дальнейшем будут много писать потомки, выделяя Евдокию среди других почитаемых русских святых.

Не сразу осознается такой, казалось бы, не очень существенный факт в жизни княгини Евдокии. Её духовные искания, да и вообще её судьба были связаны с самыми известными на Руси в то время людьми, имена которых вписаны золотыми буквами в историю государства. Это означало, что она интересовалась наиболее передовыми взглядами и идеями своей эпохи, не существовала просто в некоем закрытом пространстве, в жилых хоромах или дворцах, а шла навстречу новым идеям, веяниям, стремилась к поиску, и в первую очередь — в духовной сфере жизни.

С самого детства княжне и будущей княгине везло на духовных наставников и тех великих служителей Церкви, которые её окружали или были близкими современниками. Они воспитывали её не только живым примером, но и рассказами о тех подвижниках, которые были известны и посетили сей мир незадолго до неё. Безусловно, жития и исторические повествования об этих людях стали во многом определяющими для формирования её мировоззрения, для осуществления ею дальнейших духовных подвигов.

О близости к семье Дмитрия Донского преподобного Сергия Радонежского и игумена Фёдора Симоновского (впоследствии архиепископа Ростовского) мы уже рассказывали. Сергей крестил сыновей Евдокии — Василия, Юрия и Петра, а для Юрия даже был крестным отцом. Он помогал семье дельными советами, благословлял мужа Евдокии в

самые трудные минуты (вспомним хотя бы Куликовскую битву). А Фёдор, крестивший их сына Андрея, помогал во внутренних борениях, будучи тем человеком, который воспринимал от князя Дмитрия (возможно, некоторое время и от Евдокии) исповедь. То есть он был духовником великокняжеской семьи.

Часто в то время употреблялось словосочетание «отец духовный». Летописи утверждают, что таковым для князя Дмитрия Ивановича был некоторое время архимандрит кремлёвского Спасского на Бору храма-монастыря Михаил (летописи называют его также Митяем). Они знакомы были ещё по Коломне, где произошла свадьба Дмитрия и Евдокии. Именно Михаил по Рогожскому летописцу «избран бысть изволением великого князя во отчество и в печатники, и бысть... отец духовный князю великому и всем бояром старейшим, но и печатник, юже на себе ношаше печать князя великаго». Произошло появление нового духовника у великого князя, вероятнее всего, около 1376 года, когда уже названный «отцом духовным» Михаил принял постриг и рукоположен был в «спасские архимандриты». Мог ли он быть тогда также духовно близок к княгине Евдокии и также быть ей «отцом духовным»? Не исключено, хотя и не подтверждено.

Однако тот же Рогожский летописец сообщает, как Фёдор Симоновский отправился в феврале 1381 года «на великое заговение» в Киев для встречи митрополита Киприана, уже к тому времени став «отцом духовным» князя Дмитрия («и посла по него игумена Феодора Симоновскаго, отца своего духовнаго, в Киев»). Это произошло после кончины в 1379 году Михаила-Митяя у Константинополя-Царьграда. Хотя духовником князя Дмитрия Фёдор мог стать благодаря самому архимандриту Михаилу, который, отправляясь в Царьград за митрополичьей грамотой, видимо, не мог оставить правителя Москвы без духовного окормления.

Кто и в какое время был постоянным духовником княгини Евдокии, сегодня в точности сказать сложно. Предположительно, как мы уже говорили, эти функции мог исполнять первоначально, до свадьбы, неизвестный нам священнослужитель в Суздале. Или даже в те времена это мог быть игумен и архимандрит Дионисий (будущий епископ Суздальский), основавший в Нижнем Новгороде Печерскую обитель, между прочим, — с храмом Вознесения Господня! Затем, уже в Москве — митрополит Алексей, архимандрит Михаил (Митяй, возможно, венчавший Дмитрия и Евдокию в Коломне) и игумен Фёдор Симоновский, а позднее митрополит Киприан, преподобный Дмитрий Прилуцкий (предсказавший кончину Дмитрия Донского), даже будущий епископ Сарский — Савва

(отпевавший князя Дмитрия) и, возможно, другой Савва — Сторожевский (духовник любимого сына Евдокии — Юрия).

Даже далёкий от церковной традиции человек наверняка слышал о том, что существуют духовники — те, кто принимает исповедь других людей. В этом деле с XIV века ничего не изменилось. Таинство исповеди всё так же совершает священник.

Духовниками иногда называют и духовных наставников, руководителей, то есть тех, кто помогает более молодым или менее опытным в духовной жизни.

В великокняжеской семье XIV столетия также были свои духовники. В исповеди нуждались князья и княгини, причём регулярно.

Со времён Сергия Радонежского традиция духовничества в лоне православной церкви почти не изменилась. И если мы погрузимся вновь во времена основания и становления Троицкого монастыря неподалёку от Радонежа, то это никак не станет причиной непонимания нами — современными людьми — мотивов или причин тех или иных поступков живших тогда людей.

Своим наставником князь Дмитрий Донской считал преподобного Сергия, а духовником — Фёдора. Духовниками часто бывали почтенные старцы и всеми уважаемые иноки. В любом случае — это были незаурядные люди, высоких духовных нравственных качеств, пример подвижничества которых мог повлиять на выбор князя или княгини.

Духовникам они доверяли свои сокровенные мысли. С ними делились заботами, печалью и проблемами.

Какими полномочиями мог быть наделён духовник? И вообще, трудное ли это дело — знать чужие грехи?

О духовниках уже в XX веке хорошо сказал митрополит Сурожский Антоний, служивший последние годы жизни в Лондоне. «Духовничество, — писал он, — будет состоять в том, чтобы духовник, на какой бы степени духовности он сам ни находился, зорко следил за тем, что над человеком и в человеке совершает Святой Дух, возгревал бы Его действие, защищал против соблазнов или падений, против колебаний неверия; и в результате духовническая деятельность может представиться, с одной стороны, гораздо менее активной, а с другой стороны — гораздо более значительной, чем мы часто думаем». Иногда говорят — духовник «знает слишком много». Однако ему абсолютно запрещено раскрывать грехи того, кто ему исповедовался, а также в любой форме укорять за них кающегося. Если же

духовник совершит такое, то это может грозить ему потерей духовного сана. Все грехи после окончания исповеди должны быть забыты. Иногда, символически, если кто-то пришёл с записями своих проступков, сжигается листок: отпущенные грехи — исчезают навсегда.

Автору этих строк попались на глаза в старой литературе лишь два исключения из вышеприведённых правил, когда тайна исповеди может быть нарушена. Первое: если некто на исповеди объявит о злом умысле против Государя и общественного порядка, но не отречётся от своего умысла. Иначе говоря, если за словами злоумышленника скрывается реальная опасность для людей. Второе: если кто-то тайно или умышленно производит среди народа некий соблазн (под этим может подразумеваться некий религиозный вымысел или даже ложное чудо), при этом на исповеди не согласится уничтожить последствия соблазна или публично объявить о его ложности.

Для современного юриста-адвоката подобные утверждения покажутся не конкретными. Но для человека, знакомого с практикой церковной жизни, вполне понятными.

Обычно при исповеди не делается различий по положению в обществе, знатности и пр. Духовникам не рекомендуется делать поблажки одним и с необоснованной строгостью относиться к другим. Уж точно запрещается исповедовать сразу несколько человек. Исповедь абсолютно индивидуальна. Если человек не слышит или не говорит, то он может изложить свои грехи письменно, но бумага эта должна быть сожжена на его же глазах. Духовник может вразумлять кающегося человека и даже назначить ему епитимию — некоторое наказание, вернее, послушание. Но главное, духовник обязан объяснять сущность грехов, при этом различать грехи, которые можно простить по неведению или болезни, например, и грехи смертные, без раскаяния в которых христианин может лишиться благодати. Считается, что духовный отец вопросы не задаёт, но он должен знать ответы на них. Способность исповедовать считается даром Божиим, и ей учатся всю жизнь. В некотором роде — это наука жизни. А ещё говорят: духовник — сосуд, из которого люди могут получать благодать.

О епископе Дионисии Суздальском можно говорить много. В своё время он был очень известен. Это митрополит Алексей сделал его епископом Суздальским. А он потом претендовал на пост митрополита Московского, ради чего поссорился с князем Дмитрием Донским и тайно отправился в Константинополь. После чего ему пришлось приносить клятвы верности великому князю. Тогда он подвёл преподобного Сергия

Радонежского, давшего за него поручительство, что он не поедет в Царьград. Но ведь поехал же!

Однако именно он сыграл большую роль в становлении, воспитании и образовании княгини Евдокии Дмитриевны, причём ещё с её детского возраста. Возможно, он и свёл Евдокию со старцем Павлом Высоким из основанного им Печерского монастыря в Нижнем Новгороде. И старец стал учителем княжны; по крайней мере, она знала его «учительские труды».

Среди духовных чад святителя Дионисия, кроме Евдокии, были ещё два уроженца Нижнего Новгорода, оба потом будут прославлены в лике святых. Это святой Евфимий Суздальский и святой Макарий Унженский и Желтоводский. Они родились, по преданию, буквально в соседних домах, но в разное время пришли в Печерский монастырь. А затем оба станут основателями новых, очень известных в будущем обителей. Святой Евфимий открыл монастырь в Суздале, а святой Макарий — в Заволжье.

Уже говорилось, что «Дионисий епископ Суздалский... вынес из Царяграда и страсти Спасовы и мощи многих святых». Так сообщает Симеоновская летопись. Некоторые из святынь хранились в Константинополе в монастыре Святого Георгия в Манганах, а в начале XV века — в монастыре Святого Иоанна Крестителя в Петре. Страсти Господни, запечатанные императорской печатью, вынимались на Святой неделе и в Великий четверг вносились в Константинопольский храм Святой Софии, а затем — возвращались на хранения. Ковчег Дионисия Суздальского с частицами Страстей Господних хранился и хранится в Благовещенском соборе Московского Кремля. В наше время он был показан в экспозиции на выставке «Христианские реликвии в Московском Кремле».

Особо отметим ученика епископа Дионисия — преподобного Евфимия Суздальского. Он также мог быть (вернее, без сомнения был) знаком с княжной Евдокией ещё до её замужества. Как мы уже говорили, он был основателем (архимандритом) Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале, созданного в 1352 году по просьбе суздальского князя Бориса Константиновича — родного дяди княжны Евдокии. При жизни Евфимия в монастыре проживали около трёхсот монахов. Евфимий общался с Сергием Радонежским и часто бывал в его Троицком монастыре. А затем, на другой стороне реки Каменки, Евфимий, по желанию князя Андрея Константиновича — другого дяди Евдокии, а также епископа Иоанна, основал Покровский женский монастырь. Скончался он в 1404 году, погребён в Суздале. Его кончина стала для великой княгини Евдокии большой потерей.

О митрополите Алексии — московском святителе, связавшем узами брака Евдокию и Дмитрия, можно рассказывать долго. Но на самом деле роль его в становлении Московского великого княжества, в утверждении Москвы как центра Русского государства хоть и замечена, но до конца ещё не определена. Роль эта совершенно уникальна и неповторима. Следует даже сказать, что без митрополита Алексия, возможно, не было бы ни побед Дмитрия Донского, ни его детей и потомков от Евдокии, ни даже будущего возрождения и освобождения от ордынского ига.

Святитель Алексей после кончины великого князя Ивана Ивановича стал главным регентом у малолетнего князя Дмитрия. И фактически воспитал его.

Отлично зная своего подопечного, только он мог подобрать ему подходящую невесту. Выбор Евдокии Суздальской, как показала история, оказался единственно правильным. Брак привёл к усилению и упрочению власти семьи Дмитрия Донского. Его дети закончили начатое им дело объединения Руси и утверждения её свободы и независимости.

Как церковный и государственный деятель митрополит Алексей решал главные вопросы взаимоотношений с Ордой, Литвой и с другими княжествами. Он создавал коалицию, союз, мощную ударную силу.

И это привело к победе на Куликовом поле, которую он уже не увидел, ибо скончался в 1378 году. И его так не хватало Дмитрию и Евдокии в очень трудные годы после этого! И при Мамае, и при Тохтамыше, и во время заложничества детей в Орду в середине 1380-х.

Святитель подписал и утвердил первое завещание Дмитрия Донского, которое влияло и на второй вариант духовной грамоты. То есть он предвидел возможные проблемы с властью в будущем, а потому пытался удержать ситуацию под контролем Москвы. Именно воплощением его идей и занималась затем одна из наследниц своего мужа — княгиня Евдокия, будучи до конца своей жизни местоблюстительницей московского престола.

«За почти четверть века возглавления Русской Церкви, — пишет исследователь (А. А. Турилов), — святитель Алексей поставил 21 епископа... причём на некоторые кафедры дважды, а на Смоленскую — трижды. В бытность митрополитом святитель Алексей всемерно способствовал распространению и упрочению на Руси общежительного монашества. С его именем связано создание и возобновление ряда обителей в Москве и в Митрополичьей области. Кроме Спасо-Андроникова (около 1360), Чудова (около 1365) и Симонова (между 1375 и 1377)

монастырей по его благословию (согласно преданию, записанному в первой половине XVII в.) в 1360—1362 гг. был основан Введенский Владычный в Серпухове монастырь, возобновлены древние, но пришедшие в упадок Цареконстантиновский под Владимиром и нижегородский Благовещенский. Монастырское предание приписывает ему также создание Алексеевского девичьего монастыря в Москве для своих сестёр (около 1358), хотя это мнение разделяется далеко не всеми исследователями».

Возможно, что митрополит Алексей также (по преданиям) внедрил богослужебный устав общежительных монастырей, которым затем пользовались долгое время на Руси. Подобный же устав (по дошедшим русским спискам Иерусалимского типикона, датируемым концом XIV века) был введён в дальнейшем и в Вознесенском женском монастыре в Московском Кремле, основанном княгиней Евдокией (в монашестве — Евфросинией).

Необходимо сказать несколько слов и о Савве, епископе Сарском (Сарайском) и Полонском. Сведений о нём сохранилось немного. Савва был близок к великокняжеской семье — особенно тогда, когда после набега Тохтамыша на Москву, в 1382 году или зимой 1383 года, он был хиротонисан во епископа Сарского и Полонского московским митрополитом Пименом. Это означало, что Савва мог вести богослужения в столице Орды Сарае. А именно туда был взят в это время в качестве заложника старший сын Евдокии Василий, которому тогда угрожала реальная опасность. То есть епископ Савва окормлял и поддерживал находящегося фактически в плену наследника московского престола, будущего великого князя.

По этой причине, видимо, именно он, Савва, епископ Сарский и Полонский, 20 мая 1389 года совершал погребение великого князя Дмитрия Ивановича Донского в Москве, в Архангельском соборе Кремля. Изображение события осталось в Лицевом летописном своде. Скончавшийся летом 1403 года, епископ Савва невольно оставил стареющую княгиню Евдокию без столь нужной ей в те дни своей духовной поддержки.

Княгиня время от времени искала себе духовных покровителей и учителей. Времена менялись, кто-то уходил из жизни, как, например, преподобные Сергей Радонежский и Дмитрий Прилуцкий — в один, 1392 год. Преподобный Дмитрий Прилуцкий, основавший у Переяславля, на берегу Плещеева озера Никольский общежительный монастырь, хорошо знал Евдокию и, возможно, крестил некоторых её детей. Так Евдокия

оставалась вновь без постоянного наставника и в некотором роде руководителя. Важные духовные советы порой могли перерасти в серьёзные решения и поступки.

Не всякая правительница в истории мировой цивилизации бывает связана с именами известных современников из числа духовных подвижников. Возьмём, к примеру, даже не женщин, а русских князей эпохи Средневековья. Рядом с именем Дмитрия Донского можно поставить имена митрополита Алексия и преподобного Сергия Радонежского. Уже этого вполне достаточно.

Митрополит Киприан, к сожалению, в данный список не помещается, не сложились у них отношения с князем. Но всё же имя митрополита связано будет затем с Василием Дмитриевичем — сыном Донского и, возможно, с именем Евдокии.

Однако если мы внимательнее отнесёмся к тому, что делала и создавала Евдокия Дмитриевна (из того, что история для нас оставила, не унесла в небытие), то мы заметим, что перечень сопровождающих её по жизни имён постепенно разрастается и превращается в довольно большой и символичный список.

Жизнь заставляла её искать ответы на то, как изменить всё по правде и справедливости, при этом не нарушая нравственных и духовных законов, не производя кровопролития, не совершая действий против законов предков и законов христианских.

Вот в чём Евдокии помогали духовные мыслители и проповедники.

Жизнь свела её с самыми интересными людьми эпохи.

Они влияли на судьбу княгини. Они помогали ей подняться на вершину власти, но при этом и способствовали её необычным поступкам, включая моление у иконы Владимирской Богородицы, уход из мира и основание обители.

Одним из таких людей стал преподобный Савва Сторожевский, первый ученик преподобного Сергия Радонежского.

Его имя уже нельзя отделить от подмосковного Звенигорода, куда к его мощам в основанный им монастырь приходят ежегодно сотни тысяч паломников. Сюда приезжают и туристы. Все они немного слышали о старце.

Большинство из них хотели бы знать больше о столь чтимом святом.

Как уже говорилось, любимый сын Евдокии — князь Юрий Дмитриевич — стал удельным князем Звенигородским и Галичским. Управление государствами в государстве, коими, собственно, и являлись на

тот момент столь важные для Руси уделы, требовало не только желания и отваги, но и определённой мудрости.

Кто бы мог в то время помочь юному князю в этом деле? Не только опытные управители или бояре. Важнейшим лицом становился главный советчик по жизни. А в Средневековой Руси им был духовный наставник.

Таковым для Юрия, а затем и для его матери стал удивительный человек, инок и игумен Сергиева монастыря, преподобный Савва, затем получивший в русской истории имя — Сторожевский.

Мать и сын в это время искали себе покровителя не по внешним регалиям или церковному положению, а, скорее, по духовному авторитету.

Как правило, княгиню в те времена окружало много людей. В первую очередь это были бояре и их жёны, сёстры. Среди них выделялись очень образованные и мыслящие люди, которые становились не только соратниками и друзьями, но и настоящими советчиками. Однако в наиболее важных делах сыновей Евдокии, связанных с ключевыми событиями, — например, подписанием договорных грамот, военными действиями или переговорами с соседями или с Ордой, — требовались и другие наставники, способные не только рассудить — что да как, но и оценить события с точки зрения настоящей мудрости.

Люди духовные в те времена являлись наиболее уважаемыми. А более всего — настоящие старцы, которые понимали многие вопросы внутренней жизни, могли подсказать самые неожиданные, на первый взгляд, решения. Для совершения дел, связанных, например, с опасностью для жизни или государства, от них стремились получить не только совет, но и благословение.

Недаром ещё в XVI веке об этом писал автор Жития Саввы Маркелл Хутынский: «Сей преподобный отец наш Савва был одним из учеников блаженного Сергия Чудотворца. Пребывал в его обители в совершенном послушании, монашеской жизни, обучаясь нраву, воздержанию и бдению, чистоту во всём соблюдая, как украшение всего иноческого жития. Работая много руками своими, в пении молясь беспрестанно, никогда ни с кем не беседуя, но больше уединяясь и в молчании пребывая. И всё казалось, что он из простых людей, ничего не знающий, но многих в мудрости мнящих себя витиями разумом превосходил. Не внешней ибо мудрости искал, но более горней, и к ней подвизался. Всякое о Христе благое изволение от святого этого старца исходило. Прежде всех входил в церковь и последним уходил, со страхом Божиим стоял, выполняя правило пения, и такое умиление было у него, что он не мог удерживаться от великого плача и рыдания во время божественной службы. Дивились отцы обители той, видя

такое умиление и плач, и за это прославляли благодатного Бога».

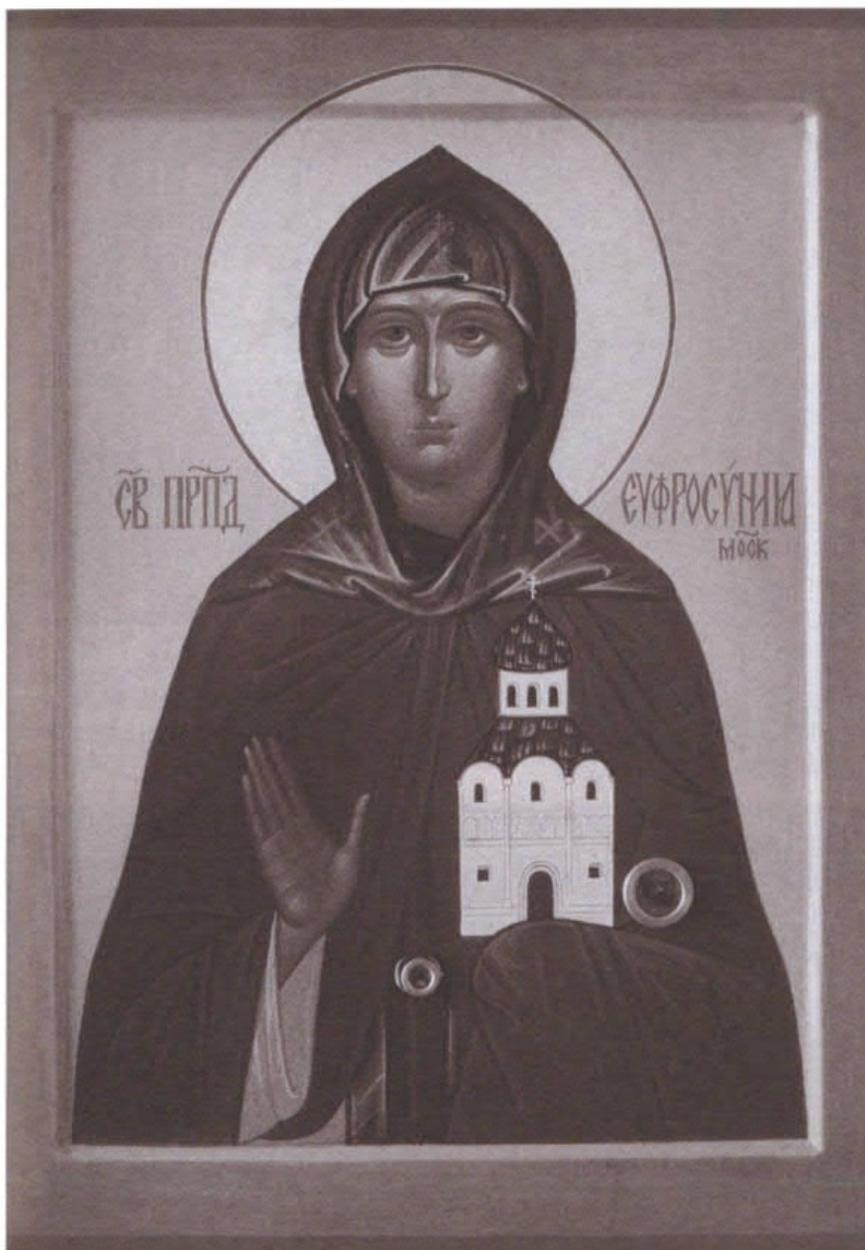
Не менее примечательно описал его один из биографов XIX столетия, сам хорошо разбиравшийся в устройстве монастырской жизни, — епископ Леонид (Краснопевков). «Савва, — писал он, — по просвещению духовному, по воспитанию сердечному, по бдительности над собою, был призван Сергием к трудному деланию, к послушанию, которое нелегко приемлет смиренномудрыми иноками. Он был поставлен во пресвитера и назначен духовником. В высокой степени трогателен был он, когда, в благоговейном страхе и слезах, приносил бескровную жертву, и столько же назидателен, когда действовал в качестве духовного отца. Молчанием обучив себя бережливому, осторожному употреблению слова; в подвиге послушания, самоотвержения, борения с искушениями, изведав тайники собственной души, он явился таким судьёй и целителем совести ближнего, что ищущие спасения скоро оценили в нём высокий дар назидания: не только иноки, но и миряне приходили к нему открывать язвы совести своей».

Именно Савву Сторожевского выбрал себе в советники и наставники князь Юрий. Возможно, по совету матери — Евдокии. Отношения старца и князя станут образцом для понимания того, как могла бы строиться система управления княжеством.

Преподобный Савва был одним из исихастов. В переводе с греческого языка слово «исихазм» означает «безмолвие», «уединение», «покой». Сами эти понятия не требуют пояснений или расшифровки. Они ведь близки представлениям любого человека о монашестве и его традициях. Естественным кажется то, что, уединившись и погрузившись в размышления и молитвы, монах может достигнуть какого-то духовного развития. Но так это кажется теперь. А в период Средневековья подобные «устоявшиеся понятия» ещё не владели «массами».

Было много споров среди людей Церкви, причём во многих странах, связанных с методикой или опытом духовной жизни, — как, что и почему надо делать, чтобы достичь внутреннего совершенства. Да и вообще — какое оно, это совершенство, и что является признаками к его приближению.

Исихазм не спеша развивался как новое учение с XI столетия ещё в Византии. Но по-настоящему владеть умами это учение начало как раз в XIV веке, когда инок Савва появился в монастыре преподобного Сергия Радонежского. Идеи безмолвия быстро проникли на Русь, где пылливо искали новых путей церковного развития.

Преподобная Евфросиния, великая княгиня Московская.
Икона из храма ее имени в Котловке, с частицами мощей и пояса. XXI в.

Тамерлан (Темир-Аксак) замышляет взять и разорить Москву в 1395 году. *Фрагмент миниатюры Лицевого летописного свода. XVI в.*

Ангелы прогоняют Тамерлана от Москвы. *Фрагмент миниатюры Лицевого летописного свода*

Икона Божией Матери, именуемая «Одигитрия», что значит — Путеводительница, ставшая благодаря княгине Евдокии важнейшей московской святыней. Поновлена Дионисием в 1482 году

Сретение иконы Владимирской Божией Матери 26 августа 1395 года на Кучковом поле для избавления от нашествия Тамерлана. Гравюра. XIX в.

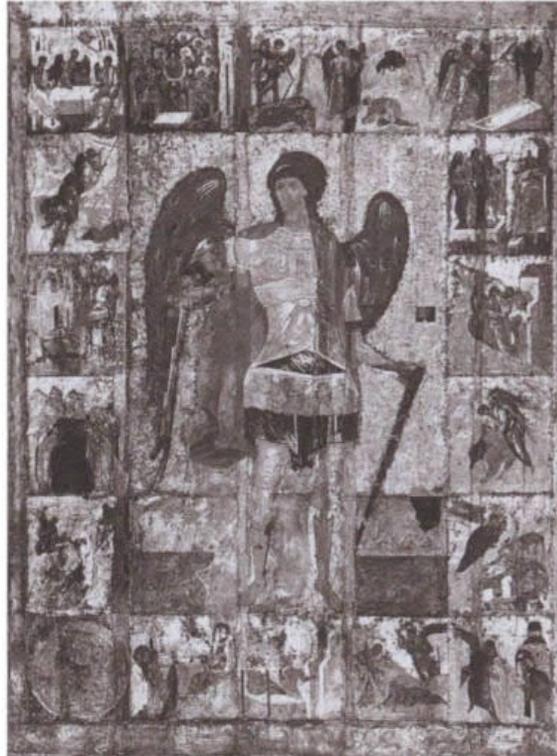

Принесение иконы
Архангела Михаила
в собор Рождества
Богородицы
великой княгиней
Евдокией. *Фрагмент
миниатюры Лицевого
летописного свода*

«В том же году
(1397-м) женился князь
Иван Всеволодович
Тверской в Москве
у великой княгини
Евдокии, взяв
дочь Настасью».
*Фрагмент миниатюры
Лицевого летописного
свода*

Икона
«Архангел Михаил».
Московская школа.
Иконостас
Архангельского собора
в Московском Кремле.
1399 г. Поставлена
великой княгиней
Евдокией
первоначально в храме
Рождства Богородицы
(на Сенях)

Кончина дочери
Евдокии, Марии,
и похороны ее в храме
Рождства Богородицы
в Кремле в 1399 году.
Фрагмент миниатюры
Лицевого летописного
свода

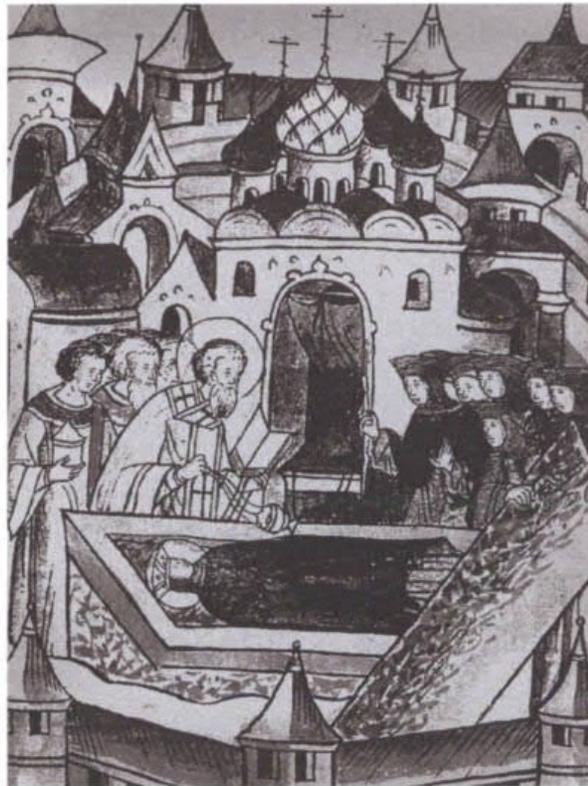
Пояс монашеский, найденный в гробнице преподобной Евфросинии Московской после вскрытия в советское время. *Общий вид и фрагмент. Музеи Московского Кремля*

Евдокия закладывает каменную церковь Вознесения Христова в основанном ею монастыре в Кремле. *Фрагмент миниатюры Лицевого летописного свода*

«Войдя в монастырь, приняла княгиня на себя иго Христово, облеклась в иноческий образ, и нарекли ей имя Евфросиния». *Фрагмент миниатюры Лицевого летописного свода*

Кончина великой княгини Евдокии, в монашестве Евфросинии, в 1407 году. *Фрагмент миниатюры Лицевого летописного свода*

Вознесенский и Чудов монастыри на плане «Кремленград». 1600 г.

Евфросиния Московская.
Рисунок XVIII в.

Рака преподобной
Евфросинии,
великой княгини
Евдокии Дмитриевны.
*Фрагмент гравюры
В. Федорова по рисунку
Д. Смирнова. 1853 г.
Государственный
литературный музей*

Внутри Вознесенского
собора монастыря
Вознесения Господня.
*Гравюра из журнала
«Всемирная иллюстрация»
за 1876 г. по рисунку
Н. Алексеева*

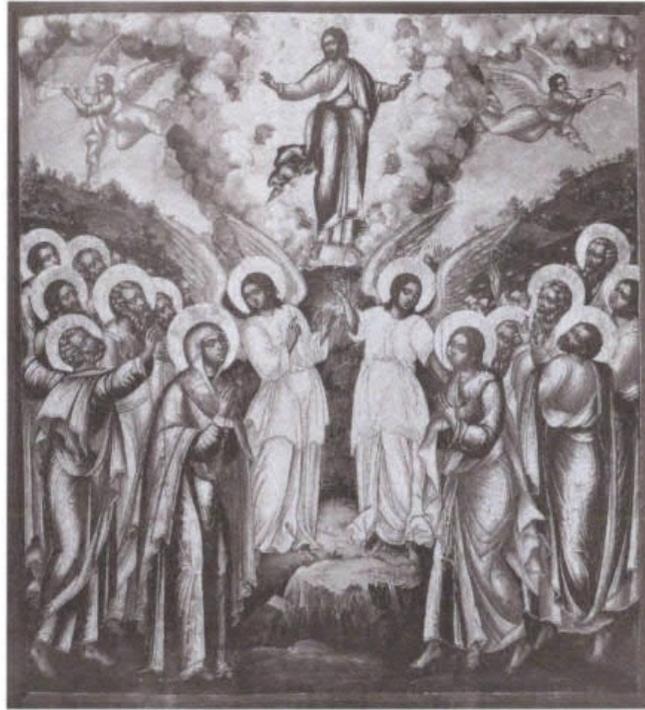

Преподобная Евфросиния Московская на фоне основанной ею обители.
Литография. 1894 г.

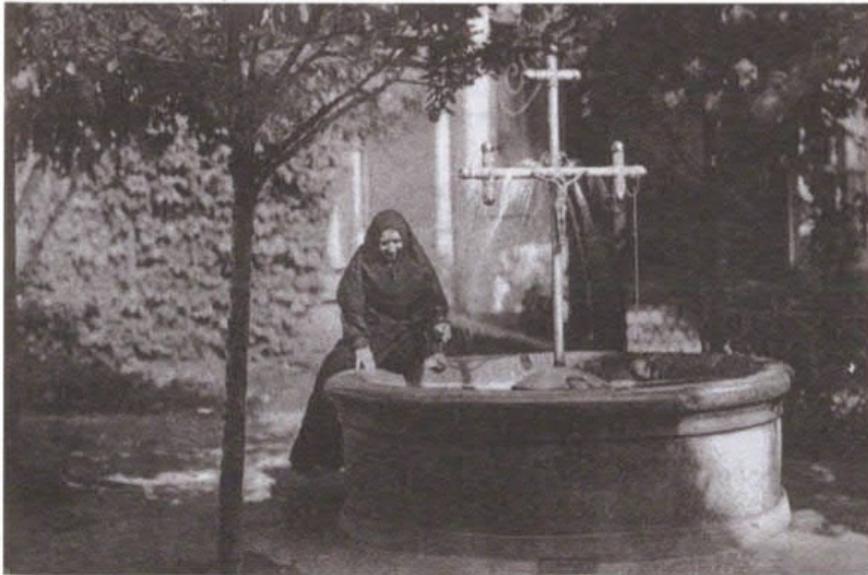
Вид на Вознесенский монастырь с Софийской набережной.
Открытка начала XX в.

Вознесение Господне. Главная соборная икона Вознесенского монастыря. 1679 г. Музеи Московского Кремля

Монастырский дворик с сестрами обители. Фото начала XX в.

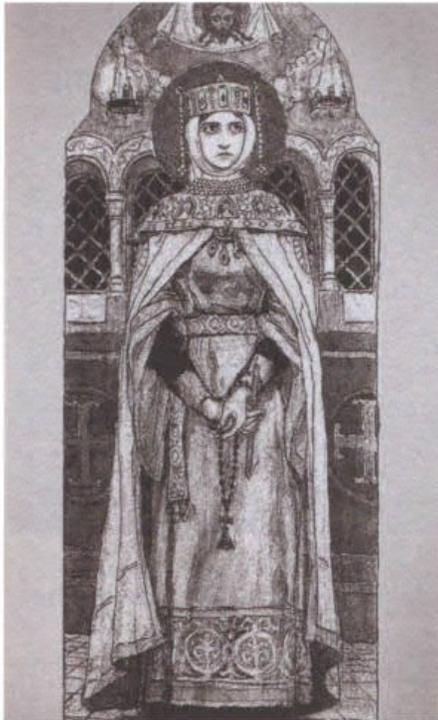
Преподобная Евфросиния
Московская. *Икона*
из Вознесенского монастыря
Московского Кремля, ныне
находится в храме Воскресения
в Сокольниках

Юбилейный жетон: «В память
500-летия кончины преподобной
Евфросинии Московской». 1907 г.

Крестный ход вокруг кремлевского Вознесенского монастыря 7 июля
1907 года в честь 500-летия кончины преподобной Евфросинии,
с участием великой княгини Елизаветы Федоровны. «Прибавление
к Московскому листку», 1907 г.

Великая княгиня Евдокия.
Эскиз В. Васнецова для фресок
Владимирского собора в Киеве.
1885–1893 гг.

Орден преподобной Евфросинии,
великой княгини Московской,
учрежденный Русской
православной церковью

Спасение гробниц из Вознесенского монастыря перед его разрушением.
Фото конца 1920-х гг.

Икона преподобной Евфросинии Московской в Трапезном храме
Казанской иконы Божией Матери Рождественского монастыря в Москве

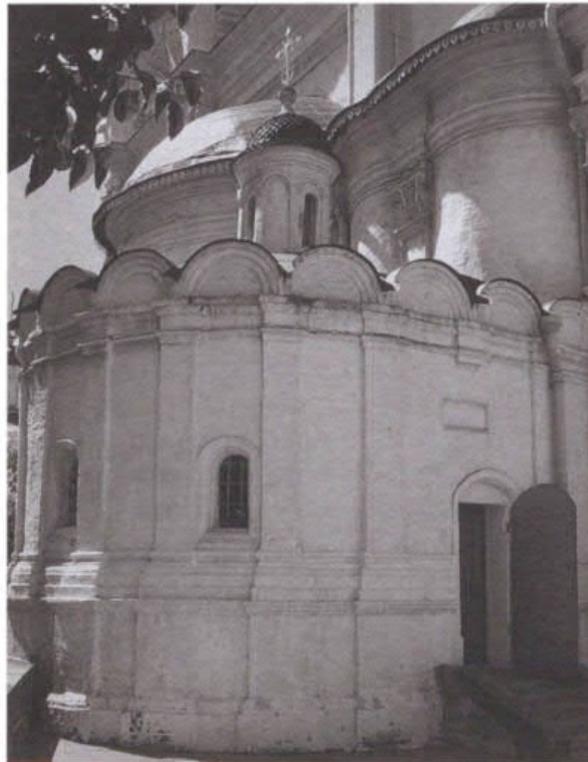
Храм Преподобной Евфросинии, великой княгини Московской,
в Котловке, Москва

Святые
Димитрий и Евдокия.
Современная икона

Придел Святого Уара
в Архангельском
соборе Московского
Кремля, временное
убежище мошей
преподобной
Евфросинии
Московской

Поклонный крест
святой Евфросинии
Московской
на Рождественском
бульваре в Москве

Моши преподобной
Евфросинии
Московской
в приделе
Святого Уара
Архангельского собора
Московского Кремля

В основе учения лежала не теория, а тысячелетний опыт богоискательства, уединённого существования или — напротив — общежительства монахов Синая и Афона — признанных центров христианской культуры. На официальном Соборе в Константинополе в середине XIV столетия исихазм фактически был принят как официальная доктрина православия. И до настоящего времени существует практика этого учения, которое в бытовом обиходе иногда называют «сердцем православия».

Главными создателями идей и творцами учения считаются два Григория — Синаит и Палама. Они, по сути, ввели концепцию «умного делания» в духовную жизнь монашества. Один писал о стяжании благодати, другой — о Божественном Свете, в котором святые «просветятся, как солнце».

Теперь стремящиеся к совершенству в духовной жизни люди, согласно данному учению, даже и не должны были думать о познании Бога с помощью разума. Достичь подобного результата, по мнению исихастов, можно было лишь в результате глубокого личного погружения в молитву, подготовки души и тела, то есть в итоге определённым образом сформированного образа жизни. Теперь необходимо было «умно делать» свои помыслы. Внутренний мир — психический — становился главным в процессе овладения и управления миром физическим и миром физиологическим. Единственным настоящим способом общения с окружающими людьми становилось «молчание», причём не только внешнее, реальное, в виде бессловесности, но и внутреннее. Человек словно бы выходил из этого мира, из его истории и с помощью «умного делания» приобщался к существующему над реальной историей вечному «умному миру».

Посмотрим, как это описал Леонид (Краснопевков), епископ Дмитровский, в XIX веке, рассказывая о преподобном Савве Звенигородском:

«В глубине дремучих лесов, над оврагом, по которому струится скудоводная речка, раскидано за деревянным забором несколько бедных изб с бедною деревянною посреди их церковию.

В этой церкви «с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению; но сердца молящихся горят тише и светлее свеч»; в этой церкви игумен служит в крашенинной ризе, недостойные видят светозарных ангелов, сослужащих ему, видят огонь, входящий в потир, и священнодействующего стоящим в огне. В этой обители подвижничества не знают сегодня, будет ли завтра пища... В такую-то обитель пришёл, под

таким-то руководством воспитался в духовной жизни преподобный и богоносный отец наш Савва. Он покорил духу мудрование плотское; постоянно мысль свою горе возвышая, он умел весь свой ум к небесным вперить, и тем очистить зрение умственного ока, освятить и изошрить его для высших созерцаний. Свою способность постигать прекрасное в природе он устремил к той первообразной красоте несозданной, созерцание которой благоукрашает душу и у красоты сотворённой отнимает ту опасную силу, которая ей сообщается неочищенным взором ума и сердца. Свою чувствительность сердечную он пропитал печалию по Бозе, плачем о грехах — и превратил её в умиление. Постом и трудами обученная плоть не представляла той преграды к духовным восторгам, какую иногда в людях, много ей угождающих, представляет она, служа как бы плотиною для той воды живой, которая из глубины христианской души хочет устремиться в иную, лучшую область духа, и вопиет в своём журчании: «иди к Отцу», но преграждённая, мало-помалу оскудевает и превращается в болото. В нём чистая девственная кровь горела часто на ланитах, но только от молитвенного в духе горения, и не остывала, пока неудержимые потоки слёз не напоили довольно души умилённой или обрадованной таинственными посещениями Духа Божия. Духоносный отец и руководитель Саввы умел употреблять всякий дар духовный, от Отца светов ниспосылаемый тому или другому из его учеников. Савва, по просвещению духовному, по воспитанию сердечному, по бдительности над собою, был призван Сергием к трудному деланию, к послушанию, которое нелегко приемлется смиренномудрыми иноками. Он был поставлен во пресвитера и назначен духовником».

Самым ярким проявлением приближения к совершенству являлась в понимании исихастов возможность созерцать дивный Божественный Свет, тот самый, который так поразил учеников Иисуса Христа во время Преображения на горе Фавор. Такое непосредственное прозрение истины — в воплощённом Свете — становилось важнее любого знания и разумения. Вот почему в те годы стали с большим вниманием выяснять: а что же это за Фаворский Свет, откуда он возникает или может появиться и какова его сущность? Дискуссии по этому, казалось бы, частному вопросу захлестнули весь церковный и научный мир того времени. Природа Фаворского Света и божественных энергий порой оказывалась важнее обустройства монастырского быта или привычных земных проблем.

Важно, что исихасты не отрицали земных правителей, были поклонниками единой священной государевой власти. Но самыми первыми качествами монарха или обычного князя они считали не доблесть или

мудрость, а нравственные добродетели. Отеческая забота о чадах своих была идеальным представлением о поведении властителя удела или государства.

На Руси в период ордынского ига и внутренних раздоров между князьями такое понимание власти пришлось по душе. Идеи исихазма, пришедшие с переписанными трудами Григория Паламы, были подхвачены мгновенно. Исихазм помог Руси в общем обустройстве бытия. Раздоры между князьями и неопределённость будущего, связанного с прихотями ханов Золотой Орды, с постоянными войнами или набегами, с непомерной данью в результате ига, — порождали и неуверенность в жизни. Умение владеть собой и жить в определённой иерархии, в согласии с миром, быть уверенным в будущем прозрении, ожидать возможных добродетелей от правящих людей и в последующем Воскресении — это была важная вещь, без которой не произошло бы так называемое русское Возрождение.

Появились и новые книги, переводы трудов духовных подвижников разных эпох, многие — в изложении афонских монахов. Греческие слова вошли в обиход русской книжности и речи. Греческие же монахи — мы видим это на примере иконописца Феофана Грека — участвуют в оформлении мира, окружающего русского человека. Мы замечаем, что книжные тексты наполнились иным, более напряжённым психологизмом, с некоторой даже эмоциональностью. Начитанность, знание духовных книг становится новой отличительной чертой родовитых людей и князей, ранее кичившихся либо силой, либо положением. Наконец, стало распространяться убеждение, что без участия людей духовных никакие светские дела не могут быть успешными, а без благословения не обретутся ни победы, ни богатства. Уважаемые христианские покровители стали занимать более весомое место в среде, окружавшей правителей, частично всё ещё находящихся под воздействием традиций языческого способа управления.

Княгиня Евдокия хорошо знала Феофана Грека, приглашала его для самых важных работ в Кремле. Будучи очень образованной, она, конечно же, была знакома с трудами исихастов. То есть она была достойной ученицей, уже давно способной совершать и самостоятельные дела. Итог этих дел хорошо нам известен сегодня.

А старец Савва Сторожевский стал первоначально игуменом Троицкого монастыря, что и описано было в его Житии: «Когда же захотел блаженный Сергей от жизни этой уйти, то вручил паству великой лавры ученику своему блаженному Никону. Он же после преставления его, немного лет был игуменом, вновь оставил паству и возжелал в безмолвии

пребывать. Братия же, не имея возможности быть без настоятеля, после многих просьб возвела на игуменство блаженного Савву в великую лавру. Он же принял паству и хорошо пас порученное ему стадо, сколько мог и насколько отца его блаженного Сергия молитвы помогали ему...»

Молчальник и аскет Савва Сторожевский, хотя и занимал в то время важное положение в Троицком монастыре, всё же оставался одним из глубоких подвижников иноческой жизни и последователей исихазма. Об этом сохранились предания в Звенигородской обители, об этом писали все авторы его житий, а также историки Церкви. Он же и помог во многом молодому князю Юрию и его матушке Евдокии в их начинаниях и осуществлении важных планов.

С именем преподобного Саввы будут связаны женитьба князя, его самые главные военные походы и уже известная читателю деятельность «смоленской партии» на Руси.

«Ибо Савва был его отцом духовным», — пишет нам автор Жития преподобного Саввы Сторожевского Маркелл Хутынский, имея в виду сына Евдокии князя Юрия.

А другой писатель XIX века добавляет: «Сын и брат великокняжеский, крестный сын преподобного Сергия, Георгий Дмитриевич, князь Звенигородский, часто посещая Сергия в его обители, по его, конечно, совету, избрал себе Савву в отца духовного. Пытливый дух молодого князя, его ум, просвещённый многим книжным учением, нашёл себе полное удовлетворение в духовном руководителе своём, и он, наконец, решился, влекомый любовью и жаждою духовною, не разлучаться с этим руководителем».

Даже поэт А. С. Пушкин написал о встрече князя Юрия и преподобного Саввы в своём переложении «Жития Саввы Игумена»: «Потом некий христоробивый князь, пришед к блаженному отцу Савве, умолил его построить храм на том месте и сумму, нужную на создание оногo, дал святому. И святой прошение князя исполнил и построил храм... и обитель пречудесную и великую».

Последующие события известны. Преподобный Савва переехал в Звенигород, где основал свой монастырь. Здесь он благословил князя Юрия на поход в Волжскую Булгарию, венчал его с княжной Анастасией Смоленской, помогал расписывать звенигородские соборы преподобному Андрею Рублёву, управлял церковным хозяйством.

И делал это, конечно же, воплощая в жизнь мысли и чаяния княгини Евдокии.

Неслучайно они ушли из жизни почти одновременно, с разницей лишь

в несколько месяцев... Сначала княгиня Евдокия, в то время уже инокиня Евфросиния, а затем — старец Савва.

В последние годы своей жизни подвижник построил неподалёку от горы Сторожи скит, где много молился в уединении.

Последний год жизни преподобного Саввы можно с уверенностью назвать временем его настоящего духовного величия. Он стал одним из главных церковных авторитетов, старейшим и наиболее почитаемым из духовных старцев, покровителем быстро крепнущей и развивающейся Звенигородской цивилизации, являвшейся частью московской культурно-исторической среды. Игумен Савва проявился в то время как вдохновитель и источник идей, духовный наставник и прозорливец, сумевший видеть намного вперёд и предугадать тенденции возможного развития Русского государства.

Необычное положение сложилось на Руси в 1406—1407 годах, в первый год так называемого «церковного безначалия», в промежуток после кончины митрополита Киприана и перед кончиной княгини Евдокии и преподобного Саввы Сторожевского. В эти два последних года жизни имя и личность старца Саввы превращаются в символ церковного оплота и крепости православного русского духа.

В 1406 году скончался митрополит Киприан. На Московском княжестве не стало главного церковного иерарха, устроителя, иначе говоря, — главы Церкви. В такой момент обычно авторитетом пользуются признанные духовные лидеры — подвижники, старцы. Естественно, митрополичья кафедра не могла долго пустовать, в Константинополе на замену Киприану в Москву был быстро направлен митрополит Фотий. Но он был грек по происхождению. Неизвестно в точности, например, хорошо ли он на момент рукоположения владел русским языком. А главное — Фотий находился в то время в самом Константинополе, и добираться до Москвы ему пришлось почти четыре года, то есть появился он в стольном граде только в 1410 году!

Известно, что безначалие в Церкви на Руси привело к небольшому ущербу в устройении духовной жизни. Но это происходило уже после кончины преподобного Саввы, то есть между 1407 и 1410 годами. Пока был жив он и пока была жива его духовная дочь великая княгиня Евдокия (в монашестве Евфросиния), вдова Дмитрия Донского, ни о чём подобном и речи не могло быть.

Женское иночество на Руси

Шед в монастырьсту к Богу умно зрети...

Карион Истомин.

*Стихотворное посвящение великой княгине святой
Евдокии*

История вынесенного в заголовке феномена может занять тома и тома исследований. Мы же попробуем здесь очертить лишь контуры проблемы, связанные, в первую очередь, с нашей героиней — княгиней Евдокией, которая в конце своей жизни решила посвятить себя иночеству и принять монашеский постриг.

Ещё при жизни, как мы уже знаем, она носила тяжёлые вериги, истощая своё тело и принимая тяжкие испытания. Этот факт давал некоторым исследователям возможность предполагать, что она могла быть уже монахиней в миру, то есть скрывать давно совершенный и принятый обет.

Так это или нет — судить трудно. Источников, подтверждающих сей факт, у нас нет. Однако мы можем попробовать наметить штрихи развития в русском Средневековье женского монашества, что поможет сориентироваться в том, почему княгиня приняла в конце жизненного пути свои решения.

Ещё в Византии существовали монастыри мужские, женские и даже двойные, где могли подвизаться и те, и другие.

Когда монашество со времён Антония и Феодосия Печерских, основавших первую обитель, появилось в Киевской Руси, а затем и в Московских краях, то можно смело утверждать одну простую вещь: женские монастыри были тут большой редкостью вплоть до конца XIV столетия!

В некоторых монастырях на Руси монахи и монахини жили бок о бок. Строгих уставов в этом отношении ещё не существовало. Бывало даже, что женские обители приписывались к мужским и управлялись игуменами. Общежительное устройство монастырей до преподобного Сергия

Радонежского и митрополита Алексия не было распространённым. Часто монахи или монахини могли иметь отдельное жильё и хозяйство, а встречались с другими инокинями только во время богослужения. Такие маленькие монастыри можно было встретить на севере, где проживали два или пять, но не более десяти человек.

В истории монастырской Москвы существовали особые страницы. Исследователь XIX столетия И. К. Кондратьев заметил следующее: «По древнему обыкновению черницы жили и в мужских монастырях. Так, они жили в описываемое время в Кремле в Спасо-Преображенском монастыре (Спас на Бору). Вообще, женские монастыри в древней русской церкви не так скоро пришли к окончательному устройству, как мужские. Кроме того, что в некоторых из них, как в Спасо-Преображенском, черницы должны были жить вместе с чернецами, многие женские монастыри, где жили и одни монахини, находились под управлением игуменов. Уже в 1503 г. при Иване III на соборе определено было законом, чтобы монахам и монахиням не жить никогда вместе, но быть отдельными монастырями, женским и мужским. То же было подтверждено на частном соборе новгородским архиепископом Макарием в 1528 г. На этом же соборе положено было «отвести игуменов в мужские монастыри (из женских), а черницам дать игумений благочиния ради».

В монастырях Средневековой Руси делали важное дело — распространяли и переписывали книги, фактически занимались религиозным просвещением. Именно в обителях появились систематические библиотеки, здесь обучали грамоте. Немудрено, ведь православное богослужение требовало немалых знаний.

Летописи также начинали вести при монастырях.

Первоначально женские обители пополнялись инокинями, которые приходили сюда сами. Но со временем многое переменилось. На Руси стала появляться традиция не добровольного, а насильственного пострижения в монахини; такие случаи участились в конце XIV и начале XV века. И связано это было как с политикой, так и с проблемами наследования власти.

Вообще, даже если считалось, что среди монашествующих не существует в духовном смысле никакого пола — ни мужского, ни женского — и что духовные законы важны и одинаковы для всех, всё же развивались представления, будто женщины не имеют тех качеств, которые присущи мужчинам. Мы уже знаем, что даже в летописях или в завещаниях они порой не упоминались.

Бытовало мнение, что женщины вообще имеют слабое телосложение,

их внутренняя душевная жизнь несколько иная, чем у мужчин. Чувства, но не разум лежит в основе их поступков. Да и страстям разного рода они подвержены в большей степени.

Может быть, по этой причине в становлении русского монашества и возведении православных монастырей существовал даже различный срок, который исчислялся после вхождения в обитель до принятия пострига. То было своеобразное испытание, экзамен на прочность убеждений или принятого решения. И срок этого испытания между мужчинами и женщинами заметно различался. В те времена в мужских монастырях он исчислялся до шести лет (хотя бывало и чуть более), а в женских порой достигал четверти века!

История женского иночества в Средневековой Руси открывает нам представление о матерях, сёстрах или дочерях, ушедших в обители, как о хранительницах особой морали и нравственности, как о сеятелях доброты, силы духа и милосердия.

Немудрено, что на Руси особый интерес к монастырской жизни проявляли выходцы из высшей знати. Тогда как раз и заносили в списки имена первых духовных подвижниц. Появлялись и женщины, канонизированные как святые. Они избирали путь аскезы. Некоторые разочаровывались жизнью в миру, которая была полна опасностей, смертей и тревог. А другие попадали за монастырские стены, как мы уже говорили, по принуждению, по чьему-то приказу.

На самом деле обустройство и уставы женских монастырей почти не отличались от мужских. Руководила обителью игуменья (хотя первоначально это были игумены — мужчины).

Само затворничество, отстранение от внешнего мира на Руси в Средневековье стало особенной традицией. В некотором роде жизнь дома, в тереме — также походила на скрытое от посторонних глаз проживание. Вот как эту традицию осветил в своём труде «Домашний быт русских царей» историк XIX столетия И. Е. Забелин.

«С какого именно времени вообще жёны знатных и богатых людей стали скрываться в удалённых от людского глаза хоромах, с какого именно времени является в русской жизни этот терем, и как особая постройка, и как особая жизненная идея, сказать определённо мы не можем. По всему вероятно, это началось с первого же века по водворении в нашей земле византийских понятий и византийских обычаев...

Всякая идея неизменно и неминуемо рождает свой плод, создаёт себе свою форму. Терем, по крайней мере в Русской земле, был плодом

постнической идеи, действие которой, и в довольно сильных чертах, обнаруживается в нашем древнем обществе очень рано. Монашеский идеал в княжеском роде является господствующим уже при внуках Св. Владимира, и первыми его подвижниками являются девицы, дочери Всеволода и сёстры Мономаха, Янка (Анна) и Евпраксия. Янка, девою сущи, постригается, собирает черноризиц и пребывает с ними по монастырскому чину, в монастыре, который, без сомнения, для неё же и устроен был её отцом в 1086 г. Янка таким образом подаёт благочестивый образец постничества и иночества для княжеских дочерей, указывает им путь подвижничества, самостоятельный и независимый от мирской жизни. За нею скоро следует её сестра, Евпраксия, которая постригается в Печерском монастыре.

В последующих поколениях идеалы девства и иночества распространяются в женском быту всё больше и больше. Несмотря на то, что знаменитый брат этих первых инокинь-княжён, Владимир Мономах, пишет своим детям: «Не монашество спасёт вас, а добрые дела», — его дочь Марина всё-таки уходит в монастырь (1146)..

Вообще с XI века «иноческий образ» становится высшею целью жизни не только для женщин, княгинь и княжён, которые в нём одном находят себе настоящий путь жизни, но и для мужчин — князей... Что же касается княгинь, то, например, в одном московском княжеском колене мы встречаем из них целый ряд инокинь, заслуживших даже соборной памяти: Ульяна, супруга Калиты; Александра-Марья, супруга Семена Ивановича]; Евдокия, супруга Донского; Софья, супруга Василия Дмитриевича]; Марья, супруга Тёмного. То же находим и в других великокняжеских родах: Суздальских, Тверских, Рязанских и т. д.

Летописцы ни о каких других женских подвигах и не рассказывают, как о пострижении, о построении монастырей и церквей, потому что в их глазах эти-то подвиги одни только и заслуживали и памяти, и подражания».

Для нашей истории особое значение имеют рассуждения Забелина, связанные с вдовством, которое породило также необычную традицию женской жизни в Средневековье.

«С особенною приверженностью, — пишет Забелин, — устремлялось к иноческому идеалу честное вдовство, так что из вдов-княгинь, и особенно бездетных, почти каждая оканчивала свою жизнь инокинею, а часто и схимницею. Это становилось как бы законом для устройства вдовьей жизни. «А княгини моа, — говорит Володимир Василькович Вольтинский, — по моём животе, оже восхочет в чернице пойти, пойдёт; аже не восхочет итти, а како ей любо, мне не воставши смотреть, что кто иметь чинити по

моём животе». Здесь князь вначале указывает честному вдовству обыкновенный путь; но затем освобождает княгиню, отдаёт ей на свою волю идти и не идти в монастырь, замечая, что не смотреть же ему, как будут жить после его смерти».

Среди первых известных нам женщин, принявших монашество на Руси, можно отметить преподобную Анну Новгородскую, а также знаменитую преподобную Евфросинию Полоцкую, которая считается одной из основательниц у нас монастырских женских традиций.

Одноимённая княгине Евдокии, принявшей в монашестве имя Евфросинии, — Евфросиния Полоцкая стала первой русской игуменьей. Её родители были очень образованными людьми. Отец некоторое время проживал в Византии, а матушка, по предположению некоторых авторов, была сестрой византийского императора Мануила Комнина. Хорошее воспитание и обучение грамоте сделали своё дело. В раннем детстве она знала «книжное писание». Однако после того, как юная княжна услышала, что родители хотят выдать её замуж за молодого князя, она немедленно тайно покинула родной дом и отправилась в монастырь.

Имя преподобной Евфросинии (в переводе с греческого оно означает «радость») станет затем одним из самых распространённых на Руси. Его, как мы уже знаем, носили пять святых женщин Русской православной церкви, в том числе в монашестве — вдова Дмитрия Донского.

Известными инокинями на Руси были также боярыня Мария — матушка преподобного Сергия Радонежского, преподобная княгиня Ростовская Анна Кашинская.

И хотя последующая история монашества на Руси исполнена других, порой печальных страниц, вроде существования монастырей, где как в тюремных застенках содержались неугодные или протестующие женщины (вспомним хотя бы знаменитую боярыню Морозову или княжну Тараканову), образ Евдокии-Евфросинии стал одним из самых светлых и примечательных в летописи отечественных обителей.

Основание обители в Кремле

И монастырь честен возгради, иже есть Девический общежительный монастырь.

В мале сказание о блаженной великой княгине Евдокии, XVI в.

Пришло время, и вдова Дмитрия Донского решила осуществить задуманное. Она уже давно предполагала основать новый женский монастырь в самом центре Великого княжества Московского. В самой Москве, в Кремле. Основать обитель, где вместо церкви Святого Лазаря и Рождества Богородицы на Сенях, можно было бы погребать женщин из рода московских князей.

Так появился известный и по сей день Вознесенский монастырь.

Точный год его основания неизвестен. Поэтому существуют разные предположения на сей счёт. Варианты указываются в летописях. Например, называют 1389 или 1397 год. Находился Вознесенский девичий монастырь у Спасских (Фроловских) ворот внутри Кремля, по правую их сторону. Монастырь этот до 1917 года состоял в первом классе.

Рядом ранее был основан мужской монастырь. Вот что о нём рассказывалось во «Всеобщем иллюстрированном путеводителе по монастырям и Святым местам Российской империи и Святой горе Афону», выпущенном в Нижнем Новгороде в 1907 году: «Чудов мужской монастырь. Находится в Москве, в Кремле подле малого дворца, вблизи Спасских ворот. На месте монастыря в XIV столетии находился ханский конюшенный двор, который был подарен Алексию митрополиту Московскому ханом Ченибеком за исцеление жены его Тайдулы, для чего митрополит Алексей ездил в орду. В память этого события Алексей и основал на подаренном месте Чудов монастырь — в память чуда Архангела Михаила в Колоссах, в 1366 году».

Одним из древнейших русских женских монастырей был Ирининский, упомянутый в Лаврентьевской летописи под 1037 годом. Построен он был киевским князем Ярославом Мудрым в честь святой покровительницы его супруги — княгини Ингергерды, которая приняла при крещении имя

Ирина. Ктиторские монастыри были не в диковинку, то есть правители или члены великокняжеских семей могли вложить средства в постройку обители. Целью было оставить после себя молитвенников за свою душу, если не при жизни, то после кончины. В ктиторских монастырях особое внимание уделялось заупокойным службам, гробницы украшались покровами. Великая княгиня Евдокия Дмитриевна следовала старой традиции и устроила обитель, можно сказать, на своём дворе, заложив позднее каменный храм во имя Вознесения Господня.

В Москве или в непосредственной близости от Кремля уже существовали женские обители. Например, Алексеевский монастырь в Хамовниках, который иногда называют Стародевичьим (появился с 1360-х годов, основан митрополитом Алексием на митрополичьих землях). Его первая игуменья Иулиания была в числе основательниц общежительства в московских женских монастырях.

Известна была Богородице-Рождественская обитель, созданная Марией, матерью князя Владимира Андреевича Храброго, предположительно в 1386 году. Именно княгиня Мария, по всей видимости, свела ещё в ранней молодости князя Дмитрия и его жену Евдокию с преподобным Сергием Радонежским, который основал свою обитель на землях серпуховского князя, к роду которого она принадлежала. Считается, что в создании монастыря принял участие князь Дмитрий Донской. Однако великая княгиня Евдокия также внесла вклад в появление и становление обители. При этом некоторые исследователи считают её в числе главных основателей. От преподобного Сергия Радонежского монастырь получил общежительный устав, а в 1390-х годах в нём короткое время проживал преподобный Кирилл Белозерский.

Княгиня Евдокия пошла по их стопам, фактически последовала благочестивому примеру Иулиании и Марии. Она решила обустроить новый общежительный женский монастырь в самом сердце великокняжеской столицы.

Летописные известия относительно основания женского Вознесенского монастыря очень кратки и довольно неопределённые. В них мы не найдём ни точных указаний — когда именно положено было основание обители, ни подробностей о её устройстве. Только под 1407 годом — годом кончины самой Евдокии — мы читаем в летописях, что великая княгиня заложила в Москве каменную церковь Вознесения.

В кратком сказании о жизни Евдокии, супруги великого князя Дмитрия Ивановича Донского, помещённом в «Степенной книге», в главе «О

постановлении святых церквей, и начало Вознесенского монастыря», также говорится, что Евдокия много сделала добрых дел по устройению церквей:

«По отшествии же к Богу святого и благородного супруга ея, вдовствуя быше 18 лет, много подвизаяся добродетельными к Богу исправленными, и много святых церкви постави, и монастыри возгради; на своём же царском дворе постави церковь каменну Рожество Святыя Богородица, идеже есть придел Лазарево Воскресение, иже преже бе древяна, юже всяческими добротами украси, и чудно подписаша славни живописцы Феофан Гречанин, да Симеон Чёрный; в Переяславле же постави церковь близь града у реки у Трубежа, Рожество Святого Иоанна Предтечи, и монастыри устрой. В царствующем же граде Москве постави церковь каменну Вознесение Христово, и монастырь честен возгради, иже есть Девический общежительный монастырь. Прочая ж святых церкви от благага ея произволения инде поставлены быша в славу Божию».

Это и есть почти все прямые указания об основании Евдокией Вознесенского монастыря.

Краткость и кажущаяся неопределённость указаний подали повод предполагать существование Вознесенского монастыря ещё прежде смерти Дмитрия Ивановича, а порой и приписывать Евдокии не основание, а только возобновление обители, существовавшей прежде. При таком предположении приведённое выражение «монастырь честен возгради» принимается в смысле возобновления монастыря после пожара при нашествии Тохтамышша, обнесения его оградой и тому подобное. «Старость» появления Вознесенского монастыря давала повод называть его Стародевичьим, в отличие от возникшего позднее — Новодевичьего, за пределами Кремля. «Стародевичьими» иногда величали и другие женские монастыри в Москве. Но по неписаному «праву» это «звание» проницательные люди относили всё же к обители, основанной великой княгиней Евдокией.

Существуют и другие варианты даты основания обители.

Например, одно событие показывает нам такую возможность. А именно, известно, что около 1381 года (иногда указывают 1382 год) святитель Дионисий, архиепископ Суздальский (скончался в 1385 году), привёз из Константинополя две иконы Пресвятой Богородицы «Одигитрия» и, по преданию, передал одну специально для Вознесенского девичьего монастыря Московского Кремля (то есть монастырь уже существовал). Хотя, возможно, что эта икона попала в монастырь позднее, и сложилось предание, будто она была написана специально для обители (об иконе

«Одигитрия» и её важности для Вознесенской обители далее).

Некоторые исследователи определяют дату основания обители так: 1386 или 1387 год. 1386-й называют Патриаршая, или Никоновская, Тверская и Симеоновская летописи (1387-й упоминается исследователями из-за разницы расчётов календаря). Здесь обитель упомянута уже как существующая. Ибо в ней состоялись похороны известного в то время человека, противника князя Михаила Тверского и союзника Дмитрия Донского Семена Ямы. Читаем: «6894 (1386)... Тое же зимы преставися раб Божий Семён Яма и положен на Москве в монастыри Святаго Вознесения». Другого такого монастыря тогда не было! Хотя в некоторых списках летописи вместо Вознесения написано «в монастыри Святаго Афонасия». И это проясняет возникшие сомнения. Ведь в женском монастыре вряд ли бы похоронили, пусть даже и именитого, но светского деятеля «мужескаго полу». К тому же он тогда должен быть в числе первых из упокоившихся в данной обители, причём задолго до самой Евдокии и других представительниц правящего Московского дома. Поэтому упоминание в Никоновской летописи можно расценить как первое не для Вознесенского, а как раз для Афанасиевского мужского монастыря в Москве (в дальнейшем носившего название — Афанасиевско-Кирилловский монастырь, или «Афанасьевский монастырь, что подворье Кириллова монастыря»).

В споры внёс вклад исследователь А. А. Воронов в своей книге «Монастыри Московского Кремля». Он, ещё более запутывая тему, всё же приводит интересные сведения: «Во многих летописных сводах и списках: Уваровском, Никоновском, Ермолинском и других отмечено под 1389 г., что «июля 21 дня загореся от церкви Св. Афонасия и мало не весь Кремль погоре». Н. М. Карамзин в V томе «Российской истории» полагает, что речь в летописях идёт о храме Свв. Афонасия и Кирилла Александрийских в Вознесенском монастыре. Есть предположения, что Карамзин ошибался, так как рядом, через Спасскую улицу, находился древний Афанасьевский монастырь, известный уже в 1385 г., с храмом во имя Св. Афонасия, в то время как первые сведения о Вознесенском монастыре относятся только к 1393 г. Но имеются дополнительные свидетельства в пользу существования такой церкви и в Вознесенском монастыре, именовавшейся в архивных делах придельной у храма Вознесения Господня и имевшей самостоятельный причт, состоявший из священника и пономаря, которым выдавалась руга из дворцовой казны материалами или деньгами. Сгоревший в 1389 г. храм был восстановлен только в 1514 г. на средства ктитора Юрия Григорьевича Бобынина во имя тех же святых и на прежнем

месте — там, где в XIX—XX веках находился дом для сторожей, между святыми воротами монастыря и настоятельским корпусом, что вполне соответствует месту безымянного храма на плане «Кремленаград». Нельзя исключить, что и здесь речь идёт о храме Афанасьевского монастыря. Как бы там ни было, этот храм Вознесенского монастыря на плане «Кремленаград» показан в виде небольшого одноглавого каменного сооружения с тремя апсидами».

То есть если Семён Яма всё-таки был похоронен не в Афанасьевском монастыре, а в храме Святого Афанасия Вознесенской обители, то, значит, обитель эта в 1386 году уже была! Другое дело — существовала ли уже тогда, в 1386 году, сама церковь Святого Афанасия, упоминания о которой относятся только к началу XV века (хотя позднее даже появится придел Афанасия и Кирилла в Вознесенском соборе Вознесенского монастыря). Есть даже версия, будто такой храм мог быть построен деревянным уже в 1366—1367 годах, в связи с тем, что свадьба великого князя Московского Дмитрия Ивановича с княгиней Евдокией Дмитриевной произошла в 1366 году в городе Коломне — 18 января, а это был день памяти святых Афанасия и Кирилла!

Однако и та, и другая версии ещё требуют детального рассмотрения.

Существует ещё одна версия основания Вознесенского монастыря, причём она была общепринятой в XIX столетии. Неслучайно в 1889 году в самой обители и в Москве торжественно отмечалось её пятисотлетие! Праздновали именно дату основания монастыря, были изданы брошюры по этому поводу. А чуть ранее, в 1869 году, журнал «Всемирная иллюстрация» выступил с утверждением: «В 1389 году скорбная вдова выстроила Вознесенский монастырь и сама удалилась под сень этой обители». Правда, дата празднования в 1889 году попала на 7 июля — день кончины самой святой Евфросинии Московской. И почему-то решили тогда эти две даты совместить. Если в 1889 году монастырю исполнилось 500 лет, то основан он был в июле 1389 года. А значит — сразу же после кончины мужа Евдокии — великого князя Дмитрия Ивановича Донского. То есть вполне разумно предположить, что заложен (основан) был монастырь в память об ушедшем из жизни супруге, когда сама княгиня задумалась о бренности жизни и о возможном своём упокоении.

Странно, но в наши дни почему-то почти не вспоминают об этом праздновании основания обители в 1889 году.

А мы обратимся ещё раз к «Всеобщему иллюстрированному путеводителю по монастырям и Святым местам Российской империи...»

1907 года (то есть, изданному тогда, когда обитель ещё существовала и была действующей):

«Вознесенский девичий монастырь... Основан после смерти князя Дмитрия Донского, супругой его Евдокией в 1393 году (ещё одна дата основания, совпадающая с датой возведения по велению княгини храма Рождества Богородицы в Кремле! — К. К.-С.), которая незадолго до смерти приняла иночество под именем Ефросинии и скончалась в 1407 году, в каковой день чтится её память. По другим предположениям Ефросинии лишь только приписывается возобновление обители. Мощи её почивают под спудом в соборном храме монастыря во имя Вознесения. Монастырь сделался усыпальницей для великих княгинь. Каменная церковь, заложенная великой княгиней, была окончена лишь через 60 лет после её смерти. После неоднократных пожаров церковь Вознесения возобновлена была ещё несколько раз в различный царствования. При Петре I монастырь подвергся капитальному ремонту под наблюдением капитана Баскакова. После пожара 1812 года монастырь был возобновлён и оставлен в том виде, как он существует и поныне.

В монастыре находятся три церкви: соборная Вознесенская, во имя преп. Михаила Малейна и Св. великомученицы Екатерины. Все три церкви с приделами. Из святынь собора замечательны: икона Вознесения, Благовещения, Св. Николая и др. Запрестольный крест с мощами. Напрестольные кресты дар Михаила Фёдоровича, серебряная чаша — дар Алексея Михайловича. Образ Божией Матери Казанския находится в тёплой Екатерининской церкви с древними украшениями.

В Вознесенском соборе похоронены почти все великия княгини, начиная от Евдокии и до восемнадцатого столетия. Древнейшая и богатейшая гробница самой основательницы. Помещается у правой стены церкви недалеко от боковой южной двери. Всех гробниц в соборе 35 (на самом деле их оказалось намного больше. — К. К.-С.).

В этом монастыре скончалась мать Михаила Фёдоровича, инокиня Марфа. Здесь же пребывала несколько времени Мария Мнишек, невеста Лжедмитрия, и инокиня Евдокия, первая супруга Петра Великого. Монахини монастыря издревле занимаются различными рукодельными работами.

Ворота монастырския, по древнему обычаю, запираются во всю первую неделю Великаго Поста».

Год 1393-й не раз возникает в исследованиях историков. Упомянутый нами А. А. Воронов не утверждает, но пишет, следуя историку Зверинскому, без приведения источников: «Вознесенский монастырь был

основан в 1393 г. вдовой Дмитрия Донского, великой княгиней Евдокией Дмитриевной, дочерью суздальского князя Дмитрия Константиновича, через четыре года после смерти в 1389 г. своего прославленного супруга, победителя монголо-татарских войск в битве на Куликовом поле, принявшей незадолго до своей кончины в 1407 г. иноческое имя Евфросинии. (Дата основания монастыря несколько отличается у разных исследователей в пределах 20 лет: 1387 — Сытин; 1393 — Зверинский; 1407 — Денисов)».

Подробности появления обители в Кремле ещё долгое время будут беспокоить исследователей. В своей книге «Седая старина Москвы» историк XIX века И. К. Кондратьев писал: «Но если прямые известия летописей об основании Евдокией Вознесенского монастыря не совсем определённы, то взамен их мы имеем другие места из летописей, хотя и не прямо указывающие на то, но тем не менее не оставляющие никакого сомнения, что Евдокия была не возобновительницей Вознесенского монастыря, а его первоначальной основательницей и что он не просто обновлён ею после пожара, а вновь устроен, основан, заложен. Так, в том же сказании о жизни Евдокии при описании шествия её в монастырь для пострижения мы читаем, что она «пойде из своего царского дому в монастырь, его же сама создала во имя Христова Вознесения». При описании её погребения опять говорится, что она положена была в церкви Вознесения, «в своём монастыре». Сама глава сказания о житии Евдокии, где так кратко и неопределённо упоминается об основании ею Вознесенского монастыря, имеет следующее заглавие: «О поставлении церквей и начале Вознесенского монастыря». Ясно, что летописец под словом «возгради» разумел основание, начало Вознесенского монастыря, а не возобновление его. Далее в летописях при описании преставления Евдокии читаем: «Того же лета (1407 г.) июля в 7 день преставися великая княгиня Евдокия и положена бысть в монастыре у Вознесения, иже сама заложила». В прологе жития Евдокии говорится, что она «пречестную иноческую обитель воздвиже во имя Боголепного Вознесения».

При таких ясных указаниях источников вышеприведённое выражение «Степенной книги» — «монастырь честен возгради» мы имеем полное право понимать и объяснять не в смысле возобновления, а в полном смысле основания и устройства новой обители, которой прежде, до Евдокии, не существовало».

То была, конечно же, заветная мысль великой княгини. Обстоятельства

её жизни складывались именно в таком направлении.

«Предполагаемый монастырь, — пишет историк XIX столетия Кондратьев, — независимо от общей его цели, она хотела сделать местом своего успокоения от земных трудов и забот, тайным свидетелем своих подвигов в настоящей жизни и покоищем после смерти. Впоследствии её монастырь получил то же назначение, как и Архангельский собор: как последний был местом погребения московских великих князей, так и монастырь, основанный Евдокией, сделался усыпальницей для великих княгинь... Очень вероятно, что и это его последнее назначение заранее было предположено Евдокией».

Место для основания монастыря было избрано Евдокией у Фроловских ворот неслучайно. Избрание это имело своё основание: место это было памятно для вдовствующей великой княгини тем, что здесь она встречала после Куликовской битвы победоносного своего супруга и отсюда же провожала его на доблестный подвиг. На этом месте прежде были дворец Дмитрия Ивановича и терема Евдокии, откуда, по сохранившимся известиям, она смотрела вслед своему супругу, когда он с войском удалялся из Кремля. Надо полагать, что этот дворец, пострадавший в нашествие Тохтамыша, Евдокия решила возобновить и обратить в кельи для инокинь. Такое предположение имеет тем большую вероятность, что в царствование Василия Дмитриевича царский дворец находился уже за Успенским собором. Там же находились и терема Евдокии.

«Вознесенский монастырь, — продолжает свой рассказ Кондратьев, — по крайней мере, к концу жизни его основательницы, стал вполне устроенным и совершенно готовым, так что она могла поступить в него, принять в нём пострижение и предаться подвигам духовной жизни.

Каменная церковь Вознесения, заложенная Евдокией незадолго до её смерти, по причине истребления её от пожара и по другим обстоятельствам окончена спустя 60 лет после её закладки, 20 мая 1407 года (день указан спорно, о чём далее. — К. К.-С.). Монастырь всё это время, однако же, существовал, и, конечно, во всё это время он не мог обойтись без церкви. Между тем в летописях не находится известий о её построении, так что, по летописям, в Вознесенском монастыре как будто вовсе не было церкви ни при жизни Евдокии, ни после её смерти до окончания заложенного ею храма Вознесения. Всего вероятнее, что на месте, где основан монастырь, существовала уже церковь, так что временно можно было обойтись без построения новой. Вспомнив, что на месте основанного Евдокией монастыря прежде были дворец Дмитрия Ивановича и её собственные

терема, вовсе не будет предположением, что при дворце существовала и церковь, которая была дворцовой. С обращением дворцового здания в монастырское весьма естественно было и бывшую при нём церковь приписать к монастырю».

О трагической же судьбе Вознесенской обители уже в XX столетии мы расскажем в заключительных главах книги.

Постриг и кончина, споры о дате преставления

Вот венец ты оставляешь и весь царственный убор,
Постриженье принимаешь, делишь подвиги сестёр...

*Стихи сестёр Вознесенской обители Московского
Кремля о Евфросинии, начало XX в.*

Сегодня княгиня Евдокия Дмитриевна Суздальская (или Донская) почитается Русской православной церковью как святая. При этом её называют иногда благоверной княгиней Евдокией, но правильнее — преподобной Евфросинией. Однако и «благоверная» — нельзя считать ошибкой. Будучи Евдокией, она вела благоверную жизнь, за что и стала почитаема. А когда постриглась в монахини, то после кончины, как и положено в церковной традиции, стала поминаться как преподобная, но уже не с мирским именем, а с иноческим. Можно даже сказать так, что в первом случае её помнят как великую княгиню Московскую, а во втором — как инокиню, монахиню, основательницу монастыря Евфросинию — также Московскую.

Преддверием пострига в обители стали события, о которых мы немного уже рассказали. Остановимся на них более подробно. Вот как их изложил тот же И. К. Кондратьев. Первая история нам уже известна, мы о ней рассказывали выше:

«После смерти супруга она отреклась от мира, изнуряя тело своё постом и молитвой и посвящая себя на дела благочестия и благотворения. Подвизаясь таким образом для единого Бога, она, однако же, старалась скрыть от людей свои добродетели. Следуя заповеди Спасителя «ты же, егда постишися, помажи главу твою и лицо твоё умый» (Матфей. 6, 17), преподобная всюду являлась с весёлым лицом, одевалась в великолепные одежды и даже носила по несколько одежд, чтобы казаться тучной. Это было поводом к тому, что её стали обвинять в тщеславии, в любви к пышности и даже не пощадили её добродетели. Слухи эти дошли до неё, но она решилась перенести до конца жизни неправду клеветников и воздавать им за зло добром. Но клевета эта сделалась известна сыновьям... Призвав их к себе, она сказала им: «Не смущайтесь, любезные дети мои! Я с радостью хотела претерпеть Христа ради всякое уничтожение и людское

злословие; но, увидев одного из вас смутившимся, решилась открыть вам то, чего не открыла бы никогда и никому в мире. Узнайте, дети мои, истину, и да не смущают вас несправедливые обо мне клеветы». Тут она открыла часть своей одежды на груди, и сыновья увидели, что от чрезмерного воздержания, от усиленных трудов и подвигов тело её иссохло, почернело и плоть прильнула к костям. Братья, её дети, ужаснулись и стали просить у неё прощения».

Но непосредственно перед пострижением в монахини с княгиней Евдокией произошло несколько очень знаменательных событий. Одно из них связано с тем, как уверяет повесть «В мале сказание», что она сподобилась видеть явление ангела, возвещавшего ей о близком её конце.

«Когда она увидала небесного вестника, — пишет Кондратьев, — то так поражена была пресветлым его видом, что не могла говорить и несколько дней пребывала в молчании. Только знаками она показывала, чтобы призвали иконописца, который бы изобразил на доске виденного ею ангела. Когда образ был написан и принесён к Евдокии, она поклонилась изображённому на нём ангелу, но не могла сказать ни одного слова и знаками показывала, чтобы написали икону ангела другим образом. Вновь написанное изображение также представляло не того ангела, который являлся ей в видении. Она воздала Богу поклонение, но язык оставался нем. Наконец иконописец изобразил на иконе архистратига Михаила. Едва принесён был этот образ, как Евдокия, воздав ему поклонение, заговорила».

«Степенная книга» заканчивает этот рассказ такими словами: «Сего же образа наипаче любезно почиташе, ему же поклоняясь и целуя, и постави его в церкви своей Рождества Пресвятыя Богородица, идеже и доньше стоит». Речь, как принято считать, идёт об иконе «Архангел Михаил с деяниями ангелов» конца XIV века (около 1399 года). Именно её заказала написать сама Евдокия. Икона сохранилась, хотя история образа была продолжительной. Документы показывали, что она находилась ещё при жизни княгини Евдокии в храме Рождества Богородицы (на Сенях), куда она, по преданию, её отнесла сама, и уже после её кончины, позднее — в Архангельском соборе Московского Кремля. После XVIII столетия располагалась там по правую сторону от Царских врат, в местном ряду. Считается, что икону подносили к смертному ложу княгини. Со временем лик изменился, но в 1946 году был заново раскрыт. Это одна из древнейших икон в иконостасе Архангельского собора.

Другая история также связана с предвидением княгиней близости предвозвещённой кончины, когда Евдокия решила исполнить своё желание

вступить в монастырь, отлучиться от временного царства и облечься в иноческий образ. Повесть «В мале сказание» указывает на несколько чудес, произошедших в тот день, когда Евдокия решила отправиться в монастырь. Дорога была короткой — от княжеского терема у Соборной площади до обители у Фроловской (Спасской) башни. По-современному — 10 минут ходьбы. Но именно за это короткое время случилось многое.

По «Степенной книге» (глава «О прозрении слепаго, и о исцелении недужных») произошло следующее. Сначала — исцеление слепца. «И поиде из царскаго дому своего в монастырь, его же сама создала во имя Христова Вознесения. Идущи же ей от великия соборныя церкви Пречистыя Богоматери, и се некто слепец на пути слыша, яко Великая Княгиня грядёт, в монастырь, и возопи гласом великим, глаголя: о госпоже боголюбивая Великая Княгиня наша! Нищих питательница, мы нищи всегда всяк довод пищи и одёжи имехом от тебе, и ныне мене слепотою многа лета стражущаго не презри, но сотвори со мною милость, якоже обещае дати ми прозрение. Ибо видех тя в нощи сей во сне глаголющу ми: заутра дам ти прозрение. И се ныне время ти есть исполнит обещание своё. Блаженная же идыи яко не внимаше глаголаным от него, и яко некоея ради потребы сверже с руки своя на землю рукав срачицы своя; слепый же ощути рукав ея в руку свою, и трепетом одержим бе, но обаче верою и любовию побежашеся, дерзну утерти рукавом ея слепотующая своя очёса, и абие прозре, и славяше Бога».

И. К. Кондратьев завершает изложение этой истории рассказом о случившемся после прозрения слепого: «в то же время Евдокия исцелила до тридцати человек недужных, страдавших различными болезнями».

Завершим рассказ о чудесах, связанных с событиями пострижения и кончины великой княгини Евдокии, историей из «Степенной книги», из главы «О свещах, иже сами возгорахуся у гроба святыя». Этот текст объясняет, почему в скором времени стало развиваться почитание святой:

«Не токмо бо в житии сем живуци ей тако прославлена бысть от Бога, наипаче же и по преставлении ея. Многожды у гроба ея свеща сама о себе возгарашеся; молитвами же ея в том монастыри ея и оттоле вся благая множахуся и всемя потребными изобительствуя, в нём же есть ныне честное общее жительство благодатию Христовою».

Самовозгорание свечей, как известно, происходило и у гробницы князя Дмитрия Донского, и затем — у гроба его супруги Евдокии, святой Евфросинии Московской. Об этом русские летописи свидетельствуют не раз.

Действительно, тогда до кончины Евдокии оставалось недолго. По всей видимости, княгиня была уже недужна или ощущала некоторую дряхлость. Хотя это только лишь предположение. Но она предчувствовала близкий исход, а потому и совершила необходимые для этого действия.

В те два года многое происходило как будто в определённое время. События были и добрые, и тревожные.

В 1406 году скончался митрополит Киприан, оставив Московскую Русь на некоторое время в церковном безначалии. Из Орды пришла весть, что новый правитель Едигей со своим сыном убили злейшего врага Руси — хана Тохтамыша, и уничтожили его войско.

Сын Евдокии великий князь Василий I составляет первую свою духовную грамоту — завещание, где предполагает передать власть своему сыну, а не брату — Юрию (как это было завещано их отцом и мужем Евдокии — Дмитрием Донским). Эта первая открытая попытка изменения в порядке престолонаследия в Московской (Владимирской) Руси показала ещё раз, что местоблюстительница престола великая княгиня Евдокия уже не могла по старости сдерживать возникающие споры о власти среди своих сыновей.

Типографская летопись конца XV — начала XVI века, дошедшая до нас в двух редакциях — Синодальной и Академической, отмечает под 1407 годом: «Бысть знамение на Похре: иде кровь от иконы святая Богородица. Месяца нуля в 7 день преставися великаа княгини Евдокея Дмитриева Ивановича, нареченная в мнишеском чину Ефросиния, и положена бысть в монастыри Вознесения, юже сама заложи».

То есть 7 июля 1407 года почил на 54-м году жизни инокиня Евфросиния. Похоронили её точно в указанном ею месте, где она заложила только что каменный собор.

Вышеупомянутое событие — кончина Евдокии-Евфросинии — могло бы остаться не особо замеченным для потомков. Скончалась пусть даже и весьма уважаемая великая княгиня, но таковых было немало на Руси. Но если посмотреть на всеобщую историю этого времени свысока, словно «приподнявшись» над простыми бытовыми фактами, то в событии этом можно заметить гораздо более серьёзные обстоятельства и происшествия, которые могли бы привлечь достойное внимание пытливого исследователя или любителя истории.

В самом деле, 1407 год от Рождества Христова и несколько ему предшествующих были весьма заметными. И какие люди, какие имена «украшали» эпоху только своим участием в этих событиях!

Двух лет не прошло, как неожиданно скончался самый страшный и известный современникам человек, имя которого наводило ужас на любого жителя почти половины планеты, — Тимур, иначе называемый Тамерлан. «Великий Хромец» завоевал большую часть мира, заставил преклонить колени Золотую Орду, потрепал европейцев, подавил азиатов, чуть не покорил Русь и уже отправился окончательно подчинять себе Китай, когда вдруг внезапно смертельно заболел и умер.

В Риме взошёл на престол новый папа — Григорий XII, правивший затем Ватиканом почти десятилетие. В Англии приняли знаменитый «Статут о сожжении еретиков», а некая тамошняя компания «купцов-авантюристов» впервые получила королевскую хартию для купли-продажи шерсти и сукна по всей Европе, что открывало новую страницу в истории мировой торговли.

Флоренция захватила, наконец, логово своего старого врага — город Пизу. В Германии открылся Вюрцбургский университет — гнездо образования в средневековом мире. Великий китайский флотоводец Чжэн Хэ заставил платить дань своему императору всё побережье океана — от Индокитая до Африки. В Париже произошло убийство Людовика Орлеанского, знаменовавшее ещё более кровавые повороты в охватившей страну гражданской войне.

Золотая Орда была ослаблена смутой, престол в течение одного года переходил от хана к хану, сначала — к Пулату, затем — к Джеляль-эддину и вновь — к Пулату. Великий князь Литовский Витовт угрожает Москве, подбирается к столице Руси вплотную, присоединив к своим владениям княжества Смоленское и Вяземское.

В 1407 году впервые в русской истории появляется летописное упоминание о Сибири и Сибирских землях — так всё более обширным становился в то время кругозор жителей государства. Прошло чуть больше года, как иконописцы Феофан Грек, Андрей Рублёв и Прохор с Городца расписали Благовещенский собор Московского Кремля, и вслед за этим Рублёв с Даниилом Чёрным начали роспись Успенского собора во Владимире.

Наконец, в том же, 1407 году почти одновременно с великой княгиней в Звенигороде скончался великий старец — преподобный Савва Сторожевский.

Преподобная Евфросиния Московская никогда не стремилась к тому, чтобы запечатлеть свои подвиги или заслуги, — никто не записывал за ней каждый её шаг, действие или поступок. И среди многочисленных белых

пятен в реальном её жизнеописании мы можем с наибольшей точностью и вероятностью привести лишь небольшой список дат, в котором, конечно же, есть даты её пострижения и кончины.

Однако даты того времени требуют уточнения. Одна из причин — формы летоисчисления, которыми пользовались наши предки и которые не совсем совпадают с теми, что действуют сегодня.

В XIV веке в Древней Руси существовал другой календарь. Летоисчисление производили от Сотворения мира. Казалось бы — что особенного? Ничего, кроме того, что переводить один календарь в другой не всегда представляется простым делом. Любой историк знает, что для перевода дат нужно отнять (или наоборот — прибавить) 5508 лет. То есть 1407 год от Рождества Христова — это $(1407 + 5508)$ 6915 год от Сотворения мира.

Однако в разное время на Руси новый год начинался с разных месяцев. В одном случае — с марта, а в другом — с сентября. Таким образом, несколько месяцев между сентябрём и мартом — ровно полгода! — при исчислении словно бы повисают во времени. Например, летописец отмечает, что какое-то событие произошло в ноябре 6900 года. Но при переводе в другой календарь можно предположить, что оно имело место или в ноябре 1392 года, или в ноябре 1391 года, в зависимости от того, что имел в виду автор. Но мы не всегда знаем — что он имел в виду! То есть иногда требуется отнимать не 5508, а 5509 лет. Так проявляются некоторая двойственность и неопределённость в вычислениях.

Существует и ещё одна важная проблема перевода календарных дат из одного летоисчисления в другое. Назовём её так: неизбежное накопление ошибки в исчислении времени. Мы же знаем, что время не всегда абсолютно точно. Даже в годах — есть года «нестандартные», високосные. Некоторые мгновения, не укладывающиеся в сутки, мы просто не считаем, они настолько малы, что не имеют особого значения. Но только до поры. Мгновения за годы набегает в минуты, минуты — в часы, а часы — в сутки. Так в исчисления вмещиваются уже целые месяцы, и приходится вносить коррективы в даты, отстоящие от наших дней в достаточном отдалении.

Наконец, кое-кто из исследователей напоминает о следующем. До 1582 года даты могут будто бы вообще не переводиться (ещё не был принят григорианский календарь). А если кто и захочет их переводить, то это не плюс 13 дней, а иногда плюс 10 или даже плюс 9! То есть современная дата кончины княгини Евдокии может оказаться не 20 июля по новому стилю, а 18-го или даже 16-го.

Главное то, что мы принимаем год кончины княгини Евдокии — 1407-й.

А теперь — о датах.

По поводу пострига великой княгини Евдокии и её кончины необходимо сделать некоторые комментарии. Они связаны с датами этих важнейших событий. По этому поводу конкретных публикаций немного. В основном авторы печатных и интернет-статей повторяют одни и те же даты, переписывая их друг у друга. В последнее время заметна тенденция к пересмотру даты преставления княгини, которая не соответствует общепринятой в Русской православной церкви. Это не значит, что новая (или хорошо забытая старая) дата неправильная. Просто никто не объясняет (кроме одного-двух исследователей), в чём суть разногласий, и не аргументирует своих выводов.

Именно по этой причине нам необходимо более подробно обратить внимание читателей на эту проблему. Разбор ситуации будет немного сложен, но крайне интересен и необходим для изучения нашей отечественной истории.

Первая важная проблема — дата кончины вдовы Дмитрия Донского, великой княгини Евдокии, преподобной Евфросинии Московской. Существуют два мнения. Это могло произойти 7 июня или 7 июля 1407 года. Первая дата поддерживается некоторыми исследователями, вторая — Церковью.

Разберём аргументы в пользу обеих дат.

Сначала — в пользу 7 июня (20 июня по новому стилю). Вот они.

1. Многие русские летописи указывают на эту дату кончины. Например, Московский летописный свод конца XV века, Ермолинская летопись, Летописный свод 1518 года, Софийская Первая летопись, Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою, летописью, Летопись по Воскресенскому списку, Львовская летопись, Сокращённый Летописный свод 1493 года.

2. В первоначальных (наиболее древних) списках Степенной книги и Лицевого летописного свода, в тексте «В мале сказания» — известном рассказе о жизни Евдокии — упомянуто 7 июня 1407 года.

Большинство современных историков принимают эту дату, основываясь на этих отдельных летописях (но не на всех), а также — ссылаясь друг на друга.

3. Некоторые историки утверждают, что ошибка и замена 7 июня на 7 июля произошла по причине обыкновенных описок (а затем — опечаток) в

некоторых поздних списках-публикациях «В мале сказания», и эти описки появились с XVII века (Б. Н. Флоря). Хотя это неверно, так как дата 7 июля упоминается в других русских летописях, относящихся к XV веку, то есть значительно ранее XVII века и тогда же, когда упоминалась дата — 7 июня (см. далее)!

А теперь перечислим аргументы в пользу 7 июля (20 июля по новому стилю) как даты кончины святой Евфросинии Московской.

1. Эта дата также указывается в русских летописях. Среди них: Летописный свод 1497 года, Типографская летопись (в основе лежит Летописный свод 1489 года). То есть дата эта появилась в летописях, относящихся к XV веку, а значит, тогда же, когда и дата 7 июня (или даже ранее)!

2. Дату 7 июля признает Русская православная церковь.

3. Празднование 500-летия преставления святой Евфросинии Московской было устроено в Москве именно 7 июля 1907 года, а не в июне. Или тогда не знали, что делали?

4. В старых текстах о кончине преподобной Евфросинии Московской находятся и другие ошибки, но их историки почему-то не берут во внимание, считая случайными. Яркий пример — Никоновская летопись или Лицевой летописный свод XVI века, которые обильно нынче цитируются, а миниатюры из свода часто публикуются. В тексте повести «В мале сказание», помещённом в документах, рядом с датой преставления — 7 июня, указан год 6908 (1400-й, а не 1407-й), то есть неправильный! Почему же тогда в этом случае дата 7 июня может приниматься как правильная?

5. Иногда принято считать, что великая княгиня Евдокия была, видимо, в очень плохом состоянии, ибо 17 мая 1407 года (о появлении данной спорной даты см. ниже) она постриглась в монахини, буквально через несколько дней заложила Вознесенский каменный собор основанного ею монастыря в Москве, а затем — спустя две недели, 7 июня, — скоропостижно скончалась. Но почему это происходило так быстро, и чем она недужила? Никто не даёт ответа на этот вопрос. Источники молчат. Вот почему здесь мы видим, скорее, предположение, чем утверждение. Поэтому можно принять версию, что в мае — июне она была ещё дееспособна, совершив столь важные деяния. Даже, как это подробно описано, сама шла в монастырь на постриг и по пути встречалась с разными людьми, в результате чего случилось более тридцати чудес!

6. Ещё одно обстоятельство свидетельствует в пользу 7 июля. Оно

связано с развитием событий 1407 года, со сложными отношениями с Литвой, переходящими в военные, и это обстоятельство требует более подробного изложения.

Для этого поговорим сначала о дате пострига Евдокии в монашество.

Итак, пострижение в Вознесенском монастыре. Ещё раз повторим: в позднее время было принято мнение, что княгиня Евдокия приняла сей постриг 17 мая 1407 года (нынче это один из дней памяти святой, по новому стилю — 30 мая). Откуда появилась эта дата, ныне широко используемая в публикациях? Хороший вопрос. Но не простой ответ.

Например, мы находим 17 мая как указание на день пострижения княгини Евдокии в труде историка А. Е. Викторова «Великая княгиня Евдокия, во иночестве преподобная Евфросиния, основательница Вознесенского девичьего монастыря в Московском Кремле», который вышел в 1857 году, а готовился ещё ранее. Автор делает ссылку на источник даты 17 мая: «Рукописное последование великия панихиды в память преп. Евдокии, хранится в Вознесенском монастыре, л. 20 об.». То есть традиция указания дня уже давно существовала. Но как давно? И где летописные источники? Увы, даже повесть «В мале сказание» о княгине Евдокии из Степенной книги или Лицевого летописного свода не даёт ответа.

Рукопись панихиды из Вознесенского монастыря, скорее всего, ныне утеряна. Но даже если и где-то сохранилась, то «последовательность великия панихиды» — это уже довольно поздний документ, который никак не отнесёшь ко времени ранее XIX века. Иначе бы историк Викторов обязательно это сделал. То есть 17 мая — конкретный день пострижения — появился в процессе почитания преподобной Евфросинии Московской довольно поздно. Уже в 1880 году опубликовали службу и акафист преподобной великой княгине; в основанном ею Вознесенском монастыре существовал обычай читать этот акафист каждое воскресенье после литургии, а день 17 мая (с прибавлением «по преданию») уже отмечался праздничным богослужением в память о принятии ею иночества. Да и историк И. К. Кондратьев в 1893 году уже уверенно, без особых аргументов, ставит событие пострига на эту дату в своей (в других случаях весьма аргументированной) книге «Седая старина Москвы».

Что это был за день — 17 мая — в 1407 году? Тогда Пасха выдалась ранней, её отмечали 27 марта. А это очень важная для нас информация, которую почему-то не берут во внимание в связи с княгиней Евдокией.

Будем внимательны: день 17 мая оказался 52-м после Пасхи 1407 года, то есть вторником 1-й сплошной седмицы по Пятидесятнице, сразу после праздника Святой Троицы и после следующего за ним Дня Святого Духа. Пострижение могло бы произойти и раньше, но княгиня, видимо, ждала окончания праздничных дней до начала следующей недели Всех святых, завершающей весь Пасхальный триодный цикл. Грядущее торжество Всех святых было известно давно и уже отмечалось на Руси. Известный в русском православии византийский Студийский Типикон ещё ранее определил его как праздник, так или иначе связанный с Пятидесятницей, указывая, что сонм святых совершает свой подвиг в лоне Церкви (праздник Троицы) по благодати Святого Духа (праздник следующего за Троицей дня). Можно здесь вспомнить, что по Лицевому летописному своду XVI века «в неделю Всех святых месяца июня в 24 день» 1393 года состоялась свадьба дочери Евдокии Дмитриевны и Дмитрия Ивановича — Марии с литовским князем Лугвенем Ольгердовичем.

Символично получается, что именно в начале Троицкой недели, перед седмицей особого почитания святости, в 1407 году по пути княгини Евдокии в монастырь случились чудеса, включая исцеление слепого.

Однако и в светской, не сугубо церковной истории этот день — 17 мая 1407 года — по удивительному случаю был неординарным. Об этом повествуют летописи. А именно: воевавшие между собой сын Евдокии великий князь Василий Дмитриевич и великий князь Литовский Витовт предыдущей осенью заключили перемирие. Тверская летопись повествует: «от первого дня месяца октября до Сошествия Святого Духа». То есть сроки перемирия были такими: начиналось оно 1 октября 1406 года и завершалось 16 мая 1407 года, в уже упомянутый нами День Святого Духа. В следующий день — 17 мая, когда могли возобновиться военные действия, великая княгиня Евдокия, как некоторыми предполагается, приняла монашеский постриг. Поразительное совпадение, не правда ли? Вообще, летописи дают мало конкретных дат. А тут — при внимательном рассмотрении — такое точное указание. Случайно или нет?

Исходя из того, что сын Евдокии правящий великий князь Василий Дмитриевич не стал начинать новую войну сразу после окончания перемирия, мы можем говорить о неслучайности происходящего. Само действие великой княгини можно считать символическим, примирительным. Возможно также, что состояние её было всё-таки не очень хорошим, и сын в такой момент выбрал мир вместо войны со своим тестем.

Однако противник Василия — Витовт — поступил по-другому. Дождавшись окончания перемирия, не нарушив его формально (ведь срок

уже истёк), он без объявления выступил 20 мая, быстрым броском захватил город Одоев и его «огнём пожгоша». Летописцы отметили: «в перемирие миру не сътворишася». Но и эта дата, по воле некоторых читателей летописей связанная с именем Евдокии, заставила историков помучиться с выяснением её достоверности. Речь идёт о том дне, когда, уже приняв постриг, монахиня Евфросиния заложила камень в основание нового Вознесенского собора.

Если сослаться на некоторые летописи, то, возможно, сделала она это также 20 мая. Но на самом деле в этой дате нет ясности. И виновата в ошибке простая точка, знак препинания в тексте. Фраза эта, переписанная из документа в документ, звучит обычно так (Симеоновская летопись):

«В лето 6915 (1407)... Тое же весны княгиня великая Евдокия Дмитриева заложи на Москве церковь камену святого Вознесения внутри города». Затем стоит точка, и начинается текст о захвате Витовтом города Одоева, причём начинается с даты «мая в 20». Ясно, что это литовцы выступили 20 мая. Но беда в том, что некоторые летописи ставят точку после слов о закладке Евдокией храма и даты 20 мая. Получается, что это храм был заложен 20-го, а не литовцы выступили. Но всё же подавляющее большинство летописей указание даты 20 мая относят к другому предложению в тексте — о нападении литовских войск и захвате града Одоева. А некоторые летописи, чтобы не было путаницы, даже выделяют текст о 20 мая заголовком: «Об Одоеве», ставя его перед датой!

Вроде бы простая точка, но она породила множество взаимоисключающих мнений. Однако можно и нужно сделать вывод: 20 мая 1407 года Витовт возобновил военные действия против Москвы, так как буквально за три дня до этого закончилось вышеупомянутое перемирие. А за 25 мая в Лицевом летописном своде мы находим вообще уникальную информацию: «Ранним утром месяц на небе исчез и невидимым ушёл с неба. В том же году было очень пасмурно и дождливо, и повсюду были наводнения... Черви окрылились и, летя с востока на запад, съели все деревья, и те засохли»...

И вот ещё. В Большом требнике о чинопоследовании пострижения в монашеские степени указано, что монахиня после пострижения (малого и великого) должна пребывать в церкви «дней пять, упражнялся от всякаго дела, кроме чтения», и на данное время она освобождается от прочих послушаний. Рукописный Требник XIV века также передаёт нам «чин малого образа», соответствующий Греческой церкви (Н. Одинцов). После 17 мая 1407 года, через пять дней, наступало воскресенье — День Всех Святых (22 мая). Затем начинался Петров пост. То есть всё логично, для

новой монахини вместе с постом наступали те самые серьёзные послушания, от которых она была освобождена в предыдущее пятидневие. Добавим, что древний из чинов женского пострижения на Руси «Последование на пострижение монахини», известный в рукописях с XI века, подтверждает, что обычно после литургии новопостриженная в сопровождении монахинь шла из храма в трапезу, а затем она пребывала в церкви семь (!) дней, в которые «упражнялась от дел» (Н. Красносельцев). Таким образом, 20 мая, спустя всего три дня после пострижения, уже принявшая имя Евфросинии княгиня не могла проводить закладку камня в основание Вознесенского собора, будучи обязана читать в храме. Разве что было сделано какое-то исключение? Вряд ли...

Когда же монахиня Евфросиния всё-таки основала каменный храм Вознесения? По последовательности Лицевого летописного свода и Степенной книги — «тою же весной». То есть это могло быть в марте, апреле или мае. Однако если считать, что после пострижения, которое, как кем-то предполагается, было 17 мая 1407 года, то, скорее всего, — не ранее 22 мая, и, естественно, до кончины. Мы также можем предположить, что это произошло в День Всех Святых — 22 мая 1407 года (и это весьма убедительно). Если же это не так, то логичнее представить, что действие было совершено уже после окончания Петрова — Апостольского — поста (то есть после 29 июня, так как вряд ли закладка храма могла быть сделана во время поста). Больше и точнее мы пока сказать не можем. Кроме ещё одной — увы — возможной неточности даты 17 мая, мимо которой трудно пройти, ибо приходилась она, как мы уже говорили, на вторник сплошной недели, значит, отнюдь не на постный день, во время которых традиционно (хотя и не сугубо обязательно) происходило пострижение в монахи (монахини)...

Церковь ныне признает дату 17 мая как день памяти преподобной Евфросинии Московской, и это важно, невзирая на дату её пострига, в какое бы время это событие не произошло.

А теперь вернёмся к дате кончины. Разберём самые важные детали, связанные с днём преставления великой княгини Евдокии. Когда же произошло это скорбное событие — 7 июня или 7 июля 1407 года?

Сохранился текст за 1821 год, помещённый на реликвии Вознесенского монастыря с прямым указанием на дату: «Сия рака великой княгини Евдокии, во инокинях Евфросинии, супруги Димитрия Иоанновича Донскаго, бывшей основательницы сея обители, преставльшейся 1407-го года Июля седьмаго дня. 1821-го года Мая

тридесятого, благословением Высокопреосвященнейшаго Московскаго Митрополита Серафима, начата делаться рака благоверныя княгини Евфросинии усердием доброхотных дателей, тщанием игумении Афанасии, и окончена 1822-го года Февраля дня...».

Историк А. Е. Викторов в 1857 году в своей книге о преподобной Евфросинии Московской упоминает: «По сходству начертания на письме названия месяцев Июня и Июля во многия летописи при обозначении дня кончины преподобной Евдокии вкралась ошибка... Но в этом случае, по нашему мнению, гораздо вернее следовать преданию церкви, которая празднует память блаженной Евдокии 7 Июля, чем и указывает день ея кончины. С этим указанием согласно и житие Евдокии, помещённое в Прологе. Замечательно, что в сказании о Блаженной Евдокии, помещённом в синодальном сборнике под № 850 (473) кончина ея также обозначена 7-м числом Июля, а не Июня».

Ещё один историк И. К. Кондратьев в 1893 году в книге «Седа старина Москвы» уверенно, со ссылкой пишет: «Далее, в летописях при описании преставления Евдокии читаем: «Того же лета [1407] июля в 7 день преставися великая княгиня Евдокия и положена бысть в монастыре у Вознесения, иже сама заложила». Затем этот же историк ссылается на «Пролог, где под 7-м числом июля» — дата поминания Евдокии (по Кондратьеву: «Сказание о блаженной Евдокии» в Степенной книге. Ч. I. С. 513—514). Е. Е. Голубинский в 1903 году в своём важном труде «История канонизации святых в Русской Церкви» также пишет: «Евдокия, в монашестве Евфросиния, супруга вёл. князя Дмитрия Ивановича Донского, строительница Московского Вознесенского монастыря, скончавшаяся 7-го Июля 1407-го года».

Приведём ещё один пример. В известном историческом издании «Древняя российская вивлиофика» за 1789 год (не случайный год, связанный с годовщиной кончины Дмитрия Донского и возможного основания Вознесенского монастыря) находим публикацию под названием: «О генеральном местоположении всей царской фамилии в Московском Вознесенском девичьем монастыре, где погребены тела в Бозе почивающих Государынь, Цариц и Великих княгинь, Царевен и других высокаго Царскаго рода женских лиц». И здесь читаем: «Гроб Благоверной Великой Княгини Евдокии Дмитриевны, урождённой Княжны Суздальской, во Иноцех Евфросинии, супруги Великаго Князя Дмитрия Иоанновича Донскаго, строительнице сего Вознесенскаго девичья монастыря, которая преставися в лето 6915 (1307), Июля в 3 день». Мы видим, по крайней мере, две странности. Год 6915 ошибочно переведён как 1307, а не 1407-й.

И хотя указан месяц кончины — июль, дата — 3 июля — вызывает удивление (как будто ещё одна версия дня преставления княгини). Но на это, однако, есть простой ответ. Тот, кто списывал текст с гробницы (или таблички), а может быть, даже из летописи, забыл поставить над знаком «3» — титл, при котором этот значок сразу же превращается в переводе на современное счисление в цифру «7». Тогда и дата кончины становится 7 июля. Но всё же не июня!

Да, для современных историков это, может быть, не очень убедительно. Но делать вид, что этих публикаций не было — нельзя!

А мы вернёмся к событиям 1407 года. Почему Василий Дмитриевич не выступил против Витовта в ответ на его действия сразу же после 20 мая? Более того, он не выступил против него со своим войском и в ближайшие почти три месяца! Ответом может стать то, что поступки Василия, как мы предполагаем, были связаны с тем, что происходило с его матушкой Евдокией Дмитриевной. Точнее — с её, возможно, уже понятным для всех окружающих предсмертным состоянием, а затем и с похоронами.

Великий князь Василий I не начал войну сразу, следуя завещанию отца — великого князя Дмитрия Донского — соблюдать интересы его матери, а также — чтобы отдать дань её последним дням и памяти о ней.

Так было и при кончине самого Дмитрия Донского. Тогда после рассказов летописей о похоронах в Архангельском соборе Кремля мы не находим сведений о серьёзных делах, походах или событиях, которые бы помешали исполнению семейного долга перед почившим великим князем. Нельзя не упомянуть здесь ещё об одном совпадении. Если предполагать (вопреки нашим доводам), что монахиня Евфросиния Московская заложила каменный собор Вознесения всё-таки 20 мая 1407 года, то надо вспомнить, что её супруг князь Дмитрий Донской скончался в 1389 году — 19 мая. Но в летописях указано — «в 2 час ночи» (в некоторых — «в 1 час ночи»). Скорее всего, это было 19 мая, но можно предположить и наступающее уже 20 мая! В любом случае, похоронили великого князя сразу же, что и отмечено: «и положиша и в гроб месяца мая в 20 в память святого мученика Фалелея» (Московский летописный свод конца XV века). Знаменательная дата, если она действительно связана с конкретным днём основания каменного собора Вознесения в Москве! И в таком варианте — случайная ли?

И ещё о преставлении князя Дмитрия Донского. Лишь через три месяца после его кончины в 1389 году мы находим летописные записи о получении его сыном Василием Дмитриевичем ярлыка на великое

княжение из Орды... Эта же летопись подтверждает, что Василий сел на трон только 15 августа («на Успение Богородицы», «а посажен бысть царёвым послом Шихоматом»), В летописях перечисляется множество людей, которые долго скорбят об усопшем князе Дмитрие, но документы молчат об иных — важных мирских событиях, которые могли бы совершаться, однако явно не происходили в дни траура.

Мог ли князь Василий Дмитриевич поступить иначе в скорбные дни кончины своей матушки спустя 18 лет?

Тогда, в 1407 году, Василий ждал и выступил против Витовта с войском только спустя время — 16 августа, «на Спасов День» (день Спаса Нерукотворного Образа; некоторые историки, также следуя опискам в текстах, ошибочно называют 6 августа, предполагая другой день — Спаса Преображения). Лицевой летописный свод XVI века сообщает: «В том же году месяца августа в 16 день великий князь Василий Дмитриевич Московский собрал войска и пошёл на Литовскую землю на великого князя Литовского Витовта». Далее читаем, что князь «взя град Дмитровецъ и огнемъ пожъже»... Но серьёзной войны не произошло. Василий и Витовт вновь быстро договорились о перемирии.

А теперь важный вывод! Внимательный человек увидит и поймёт, что выход на войну 16 августа произошёл спустя 40 дней (ровно на 41-й день) после 7 июля 1407 года, предполагаемой даты кончины великой княгини Евдокии! То есть после окончания сорокоуста — исполнения князем всех традиционных правил заботы о памяти матери. И это ещё одно косвенное свидетельство того, что датой кончины преподобной Евфросинии Московской следует пока называть 7 июля, а не 7 июня.

Мы будем придерживаться этой даты 7 июля (20 июля по новому стилю), ныне общепринятой в церковной жизни. При этом понимая и не отрицая иные мнения некоторых историков и одновременно ожидая появления очередных документальных свидетельств.

Подведём итог. Итак, великая княгиня Евдокия, преподобная Евфросиния Московская, заложила камень в основание нового Вознесенского собора весной 1407 года, постриглась, предположительно, 17 мая, а скончалась 7 июля того же года.

На протяжении веков здесь совершались многие исцеления. У мощей Евфросинии люди получали помощь и укрепление духа. Поздние сказания отмечали также её прославление. У её гробницы не раз сами собой зажигались свечи, как, впрочем, это происходило и у гробницы её мужа — князя Дмитрия Донского.

Позднее достройку Вознесенского монастырского храма пыталась продолжить великая княгиня Софья Витовтовна. При ней уже почти построили крышу церкви («соверши ея по кольцо идеже верху быти, но верх не сведе»). Но очередной пожар в Москве не дал завершить сооружение. Получилось так, что собор стоял недостроенным более полувека. И лишь в 1467 году было произведено освящение храма. Но уже после кончины Софьи Витовтовны в 1453 году.

Кстати, перед кончиной Софья приняла не только постриг, но и схиму с именем Синклитикия. Она просила положить её в Вознесенском соборе основанного свекровью монастыря, рядом с гробницей великой княгини. Однако не Софья Витовтовна была первой из похороненных в храме представительниц великокняжеского дома Москвы. После кончины Евфросинии, как мы помним, в недостроенном соборе в 1422 году была похоронена княгиня Анастасия — жена князя Юрия Дмитриевича, сына Евдокии. Так Вознесенский храм стал усыпальницей великих княгинь и цариц Российского государства. Над местами их погребения воздвигались надгробья. Здесь были, в частности, погребены Софья Палеолог (1503) — вторая жена Иоанна III, Елена Глинская (1533) — мать Иоанна IV Грозного, Ирина Годунова (1603) — супруга царя Феодора Иоанновича, Наталия Кирилловна (1694) — мать Петра I и другие. Последней упокоена здесь царевна и великая княгиня Наталия Алексеевна (1728) — внучка Петра I, дочь царевича Алексея Петровича.

Прославление благоверной княгини

Не токмо бо в житии сем живуци ей тако прославлена
бысть от Бога, наипаче же и по преставлении ея.

*В мале сказание о блаженной великой княгине Евдокии,
XVI в.*

Не прошло и десятилетия после кончины, как слух о благоверной жизни княгини Евдокии распространился по Русской земле, к мощам её потянулись люди, уверовавшие в святость преподобной, происходившие чудеса подтверждали их веру, местное почитание начинало перерастать во всеобщее. Хотя летописи и другие документы не баловали потомков упоминаниями о её житии, но не истекло ещё даже столетия, как народ поминал её, можно сказать, как святую.

Возможная же официальная канонизация затянулась. К тому времени, когда об этом заговорили вновь, — многое уже забылось, причём настолько, что материал для Жития собирали по крупицам.

И вновь забежим немного вперёд. В конце XV столетия начинается так называемое местное почитание святой. Это значит, что, несмотря на отсутствие официальных церковных решений, народ стремился к месту, связанному с жизнью или деятельностью почившей подвижницы. Фиксируются — устно или письменно — различные события, с этим связанные, а также чудеса. Они приводили к исцелению от болезней, порой неизлечимых.

Когда количество таких событий возросло и не говорить о них стало нельзя, речь пошла о канонизации. Относят это к XVI веку, когда митрополит Макарий предпринял множество действий по канонизации известных русских святых. Это означало, что будет назначен определённый день памяти о святой, который внесут в церковный календарь, затем будут составлены её Житие, Служба о ней, а также написаны её иконописные лики (образы) как святой и даже освящены церкви или приделы церквей в её честь. Именно тогда появилась повесть о княгине Евдокии, названная «В мале сказание», которая стала прототипом или даже вариантом её Жития. Затем повесть вошла в Лицевой летописный свод, появились изображения княгини в миниатюрах, её стали называть «благоверной». Но, увы, тогда

эта работа не была доведена до конца. Канонизация (в отличие от местного почитания) не состоялась, хотя некоторые исследователи с этим не согласны и считают, что канонизация тогда всё-таки произошла. Например, Л. Е. Морозова в своём труде «Роль великих княгинь в становлении русского централизованного государства» пишет: «Православная церковь оценила заслуги великой княгини, в иночестве — Евфросинии. В 1547 г. она была канонизирована». Увы, ссылок на источники мы не видим. Так же, как не видим указания источников в труде А. А. Воронова «Монастыри Московского Кремля», где утверждается, что Евдокия «была канонизирована на одном из Макарьевских соборов в XVI в.».

После воцарения династии Романовых, в XVII и XVIII столетиях, большим вниманием продолжал пользоваться московский в честь Вознесения Господня женский монастырь в Кремле. Он был тогда на пути самых массовых и народных крестных ходов (о них далее). Тогда и поминали его основательницу Евдокию.

Возрождение более пристальной памяти о княгине произошло в начале XIX столетия. Возможно, после 1807 года, когда с момента её кончины прошло 400 лет. У нас нет сведений о том, как и в каком масштабе отмечалась эта дата в те дни. Но особое почитание Вознесенской обители было налицо. Именно тогда, в 1821—1822 годах, появилась новая рака над её гробницей с дарственной надписью (слова «мощи» в надписи на раке не было), а над ней была поставлена икона — образ преподобной, которая при устройении раки была обложена богатой серебряной ризой. Затем, в течение короткого времени, обустройство раки менялось. Менялись и образы над нею. В 1872 году раку над гробницей княгини сделали другой, уже с балдахинном, почитаемую икону святой, висевшую у южной грани южного столпа, украсили окладом из золочёного серебра, а ризу убрали драгоценными камнями. В то самое время над ракой появилась сохранившаяся на фотографиях композиция «Исцеление слепого преподобной Евфросинией», по сюжету, взятому из «В мале сказания» («Чудо о слепце»). Создал её иконописец Н. М. Сафонов.

Как уже говорилось, появились и Служба, и акафист Евдокии Димитриевне, а затем стали появляться её жития, в основу которых также лёг текст повести «В мале сказание». Народ уже почитал её как святую, благоверную и преподобную защитницу Москвы.

Так с какого же времени мы можем считать официальную канонизацию преподобной Евфросинии Московской состоявшейся? Однозначно ответить на этот вопрос пока не получается. Но есть

косвенные свидетельства, приближающие нас к ответу. Например, появление новой раки в 1821—1822 годах и упоминание современником событий, историком А. Е. Викторовым, о постоянно проводящихся в то время в Вознесенском монастыре панихидах по Евдокии-Евфросинии (он, как мы помним, в 1857 году даже сослался на некий рукописный документ с последованием такой великой панихиды) могли бы показать, что вот — она уже канонизирована. Но не всё так просто. По этому поводу другой историк — Е. Е. Голубинский уже в 1903 году сделал весьма существенные замечания.

Голубинский считал, что необходимо было различать неофициальное почитание и местную канонизацию. Он пишет: «В первом издании книги (речь о книге Голубинского «История канонизации святых в Русской Церкви». — К. К.-С.) мы поставили её в числе святых; но теперь мы имеем в руках книжку: «Великая княгиня Евдокия, во иночестве преподобная Евфросиния», напечатанную в 1857-м году, из которой узнаем, что память её празднуется панихидами по ней и, следовательно, что она не есть канонизованная святая, а только почитаемая усопшая». Он упоминает здесь книгу А. Е. Викторова.

Развивая свою мысль, Голубинский приводит интересный документ — письмо митрополита Санкт-Петербургского Серафима к митрополиту Московскому Филарету от 20 ноября 1823 года: «В рассуждении благоверной княгини инокини Евфросинии я говорил с членами Св. Синода: но решительного от них на сие ответа не получил. Говорили pro и contra, представляя подобный пример благоверной же княгини инокини Анны, в Кашине почивающей, которой также пели молебны, даже церкви во имя её в некоторых местах освящены были, но после один архиерей запретил петь молебны, и теперь, как вам известно, поют панихиды, и, что всего страннее, читают молитву про конце оные такую, которая читается только одним святым. Есть ли угодно знать вам моё по сему предмету мнение: то я советую вам отписать о сём обстоятельно к кн. А. Н. Г. (Имеется в виду князь Александр Николаевич Голицын, на тот момент возглавлявший Министерство духовных дел и народного просвещения, в его компетенции были и вопросы канонизации. — К. К.-С.) Может быть, он переговорит о сём деле со мною, а вероятно — доложит и государю. Вреда из сего никакого последовать не может». То есть автор письма сожалеет, что не проведена настоящая, официальная канонизация великой княгини Евдокии. Голубинский комментирует: «В письме даётся знать, что митр. Филарет желал и искал, чтобы княгине Евфросинии петы были молебны вместо панихид о ней или чтобы она признана была местною святою, и что

он ссылался при сем на прежнее время, когда княгине петы были молебны».

Казалось бы — горестное заключение, но с надеждой на ближайшее решение этой проблемы. Однако завершает комментарий Голубинский удивительным выводом, который — что редкость — является прямым указанием на момент канонизации святой. Он пишет следующее: «Сообщено нам за достоверное, что в настоящее время, не позднее как с 1869-го года, княгине поются молебны: следовательно, когда-то после 1857-го и до 1869-го года она причтена к лику местных святых (собственно — восстановлена в их лике)».

Год 1857-й понятен — это год выхода в свет книги А. Е. Викторова. А вот слова Голубинского о «восстановлении в лике» святых — это очень интересно. Ибо они вновь намекают на более раннюю канонизацию. Хотя остаётся лишь догадываться — какие времена прежнего почитания святой Евдокии-Евфросинии историк имел в виду.

Мнение Голубинского может поддержать документ — опись имущества Вознесенского монастыря за 1910 год. По этой бумаге в обители хранились иконы с изображением святой Евфросинии только XIX или XX столетий. Если бы официальная канонизация произошла раньше, более ранних икон было бы много.

Есть ещё один интересный факт, связанный с нашей темой, на который уже обратили внимание исследователи творчества писателя Ф. М. Достоевского, а мы его подробно рассмотрим. Он может показаться, на первый взгляд, фантастичным. Но...

Этот факт тоже связан с именем святой Евфросинии. Как известно, в 1866 году Достоевский создал роман «Преступление и наказание». Действие романа начинается так: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки...» Казалось бы, ничего особенного. Но можно заметить несколько удивительных совпадений и ассоциаций, которые писатель, видимо, неспроста внедрил в повествование. Давайте первоначально предположим, что сюжет «Преступления и наказания» начинается указанным июльским вечером, но уточним — например, 7 июля. Раскольников мысленно обращается к сестре: «Знаю и то, о чём ты всю ночь продумала, ходя по комнате, и о чём молилась перед Казанскою Божией Матерью, которая у мамы в спальне стоит...». И вот тут возникает множество аналогий. Рассмотрим их.

Во-первых, 7 июля — день почитания Влахернской иконы Божией

Матери, а это канун празднования Казанской иконы (Явления иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани, 8 июля). То есть вечер этого дня упомянут весьма уместно, со знанием автором православного богослужения. Кроме этого добавим, что в XVIII и в XIX веках в Вознесенском кремлёвском женском монастыре была отдельная церковь в честь Явления Казанской иконы Богоматери, построенная на средства княжны Иоанны Барятинской, в схимонахинях Анны, при игумении Евдокии (!) Челищевой. Во-вторых, 7 июля — это день почитания Евфросинии Московской — великой княгини Евдокии. В-третьих, Влахернская икона Божией Матери была обретена в Иерусалиме императрицей Евдокией (!) и принесена в Константинополь, где затем императрицей Пульхерией поставлена в церкви Влахернской.

А теперь напомним: имя сестры Раскольникова в романе — Евдокия (Авдотья), а имя его матери — Пульхерия! Случайное ли это совпадение?

Продолжим.

Как известно, из Влахернской церкви Константинополя епископом Дионисием Суздальским в 1381 году на Русь были присланы иконы — списки со святынь, одна из которых — почитаемая «Одигитрия». Именно эта икона была передана затем великой княгине Евдокии, супруге Дмитрия Донского, помещена ею в основанном ею же Вознесенском женском монастыре, а позднее, переписанная известным иконописцем Дионисием, стала главной святыней этой кремлёвской обители. То есть время происходящих событий — начало июля — также выбрано автором романа неслучайно.

И вот тут, в-четвёртых, в финале романа Достоевского сестра героя — Авдотья (Евдокия) Романовна — становится супругой Дмитрия (!) Разумихина. Возникает пара — Дмитрий и Евдокия...

Во всей этой цепи есть что-то задуманное автором: начало июля — Казанская и Влахернская иконы — Пульхерия — Евдокия и Дмитрий...

А теперь главное — герой романа — Родион Раскольников — является братом Евдокии (Авдотьи) Романовны. Достоевский описывает её так: «Авдотья Романовна была замечательно хороша собою — высокая, удивительно стройная, сильная, самоуверенная, — что высказывалось во всяком жесте её и что, впрочем, несколько не отнимало у её движений мягкости и грациозности». Не исключено, что отчество является намёком на особое происхождение героев. И если предположить, что здесь есть ассоциация с великой княгиней Евдокией — супругой Дмитрия Донского (естественно, с Рюриковичами, а не с Романовыми, но всё же...), то тогда будет уместно вспомнить — кто же был братом или братьями той,

исторической Евдокии (Авдотьи)! А братьями её были Василий и Семён Дмитриевичи, которые после Куликовской битвы (вспомним Родиона Ослябю!) в 1382 году участвовали в походе хана Тохтамыша на Москву — против своей же сестры. Именно они выманили защитников города на переговоры, гарантировав им безопасность от ордынцев. Москвичи открыли ворота. Однако обещание не было выполнено, ордынцы убили переговорщиков и ворвались в город. Москва подверглась страшному погрому, более 24 тысяч жителей были убиты, город полностью сожгли... Тогда сама их сестра — великая княгиня Московская Евдокия — чудом спаслась со своими детьми от нападавших, то есть от своих братьев! Трудно ли было автору найти или придумать более жутких прототипов персонажа, которые, как Раскольников, преступают небесные законы и готовы на преступление?

Для чего мы обратили внимание на данные факты? Можно лишь предположить, что в 1866 году, когда Достоевский создал роман, в промежутке между 1854 и 1869 годами, как мы уже говорили, видимо, уже состоялась официальная канонизация преподобной Евфросинии Московской. Само это событие, возможно, произвело на писателя некоторое впечатление. По этой причине он внёс свой код имён и времён в происходящие «космические» деяния героев романа.

Всё это ещё требует расследования силами историков и литературоведов. Но мы видим ещё одно косвенное подтверждение внимания общественности России к имени святой как раз в эти годы, что — также косвенно — указывает на время её возможной канонизации.

Во всяком случае уже в 1889 году в дни празднования 500-летия основания обители (подробнее о событии ниже) журнал «Исторический вестник» отмечал: «Храм, начатый постройкой основательницею монастыря, великою княгиней московскою Евдокиею Дмитриевною, супругою Дмитрия Ивановича Донского, в иночестве Евфросинией, причисленною к святым и погребённою в этом храме...». То есть здесь она уже официально названа канонизированной святой.

К началу XX века происходит пик почитания святой Евфросинии Московской. Важная деталь! Вплоть до этого времени основательница Вознесенской обители являлась единственной из всех женщин Московского великокняжеского дома (не путать с более поздними — Царским или Императорским домом), которая была причислена к лику святых!

Особенно это было замечено в год 500-летия со дня её кончины — в 1907-й. Тогда память о ней приняла общенародный масштаб. Газета «Русское слово» за 7 июля 1907 года сообщала: «Вчера исполнилось 500-летие со дня основания Вознесенского монастыря. Обитель построена Великой княгиней московской Евдокией, в иночестве Евфросинией, супругой кн. Дмитрия Донского». Почему «вчера», то есть 6 июля (а не 7 июля), — пусть останется на совести корреспондента, ведь в те времена уже установилась дата почитания — 7 июля. Кроме этого, корреспондент явно перепутал «основание Вознесенского монастыря» и день кончины святой. Ибо, как мы уже говорили ранее, 500-летие со дня основания обители уже отмечалось в 1889 году!

Итак, 5-7 июля 1907 года в Москве было организовано празднование по случаю 500-летия кончины преподобной Евфросинии. В торжествах приняли участие митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский), епископы Серафим Можайский, Трифон Дмитровский, Евдоким Волоколамский и Анастасий Серпуховский. От Вознесенского монастыря — игуменья Евгения, настоятель храмов обители иерей А. И. Пшеничников (автор труда по истории монастыря), сёстры, духовенство и прихожане московских храмов, а также многочисленные делегации из многих городов России.

Богослужения происходили непрерывно, в течение всех трёх дней. Второй день был ознаменован Крестным ходом из Вознесенского монастыря в Архангельский собор Московского Кремля. Кто-то из современников отметил: «Казалось, что сама Преподобная, снова, как и 500 лет тому назад, совершала свой благодатный обход древлестольной Москвы». Участники Крестного хода несли 58 тяжёлых хоругвей, в большинстве изготовленных сёстрами монастыря, а также икону «Вознесение Господне», вышитую ими же шелками, как предполагается, — по образцам из известного пособия придворного иконописца В. П. Гурьянова. Икону торжественно возложили на гробницу супруга великой княгини Евдокии — Дмитрия Ивановича Донского. Поразили всех принявшие участие в празднике почти 500 хоругвеносцев, каждый из которых получил выпущенный для торжеств памятный жетон.

Вечером того же дня в Вознесенской обители служили всенощное бдение. Молящиеся предстояли с зажжёнными свечами. Утром митрополит Московский и Коломенский Владимир отслужил литургию, по окончании которой раздавали юбилейные медали, образки и листки с жизнеописанием святой.

К юбилею как раз и выпустили памятные медали с изображением

самой княгини Евдокии на лицевой стороне, а на обороте было помещено изображение Успения Богородицы или же образ Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (по приделу в диаконнике Вознесенского собора). Одной из памятных икон того времени можно предположительно считать образ святой преподобной Евфросинии Московской в полный рост на фоне обители (ныне хранится в иконостасе храма Воскресения Христова в Сокольниках в Москве).

В праздновании 1907 года приняла особое участие великая княгиня Елизавета Фёдоровна, будущая преподобномученица. Вообще, гробницу святой Евфросинии посещали императоры Александр I и Александр II с супругой. Дважды в монастыре бывал император Николай II, также вместе с супругой. Тогда Николай Александрович беседовал с игуменьей Вознесенской обители Евгенией, посещал детский приют для девочек-сирот, организованный при обители. Известно, что сёстры — императрица Александра Фёдоровна и великая княгиня Елизавета Фёдоровна — вместе с монахинями Вознесенской обители вышивали в кремлёвских покоях бархатные покровы для храма. В 1900 году великий князь Сергей Александрович в письме отметил: «Днём ездили с царями в Вознесенский женский монастырь, где прикладывались к мощам и все осмотрели». Император Николай II записал в дневнике в 1903 году: «Поехали в Вознесенский женский монастырь поклониться плащанице. Осмотрели гробницы цариц и великих княгинь».

Как известно, вместе с супругом, великим князем Сергеем Александровичем, великая княгиня Елизавета Фёдоровна не раз бывала в кремлёвском Вознесенском монастыре. После убийства мужа террористом в 1905 году она приходила туда на молитву о его упокоении. Великий князь был погребён в Кремле, рядом с Вознесенской обителью, — в Чудовом монастыре. Великая княгиня после кончины супруга посвятила себя делам милосердия и благотворительности. Она стала раздавать и продавать свои драгоценности. 24 мая 1907 года на вырученные средства Елизавета Фёдоровна приобрела в Замоскворечье, на Большой Ордынке, земельное владение с постройками и садом — у купцов Соловьёвых, один из которых — К. М. Соловьёв — известен был как собиратель книг по истории России. Здесь затем будет открыта Марфо-Мариинская обитель (Обитель Милосердия). Ещё чуть ранее, 21 мая 1907 года, в Петербурге и Иерусалиме великая княгиня была среди организаторов празднования 25-летия Императорского православного палестинского общества. Император Николай II тогда записал в дневнике: «В 3 часа во Дворце состоялось

празднование 25-летия Палестинского Общества».

Часть своих драгоценностей великая княгиня передала заранее в Вознесенский монастырь, они были использованы для украшения покрыва святой Евфросинии Московской. Для празднования же 1907 года Елизавета Фёдоровна заказала гирлянды из роз и васильков для украшения раки с мощами святой (она сама приняла участие в украшении икон и раки цветами). На поверку цветочных гирлянд оказалось слишком много, поэтому ими украсили весь иконостас в соборном храме обители. Также великая княгиня Елизавета Фёдоровна пожертвовала к мощам святой Евфросинии золотую лампаду.

Она также приняла участие в Крестном ходе с иконой Вознесения, который направился из Вознесенской обители в Архангельский собор для возложения иконы на гробницу мужа Евдокии — князя Дмитрия Донского. Вечером в обители прошло богослужение — всенощное бдение, а на следующее утро литургию служил московский митрополит Владимир (Богоявленский). После чего всем участникам торжества были розданы юбилейные медали, образа и печатные листки с Житием преподобной Евфросинии Московской. Был также организован Крестный ход на Красной площади, на который пришло множество народа. Здесь было публично оглашено послание от государя в честь торжества.

Нельзя не сказать о некоторых памятных вещах, связанных с жизнью монахинь Вознесенской обители и имеющих отношение к дням празднования памяти преподобной Евфросинии Московской в 1907 году. Сёстрами обители было изготовлено также праздничное полное архиерейское облачение, по подолу которого помещена вышивка с текстом: «Сие облачение принадлежит Московскому Вознесенскому монастырю, сработано сёстрами обители при игумении Евгении Виноградовой в память пятисотлетия памяти святой преподобной княгини Евфросинии».

О знаменитом покрыве на раку святой княгини Евфросинии, также изготовленном к празднеству, уже хорошо известно. Сёстры приготовили его с изображением святой в полный рост. По углам покрыва вышиты были изображения святителя Алексия Московского, преподобного Сергия Радонежского, благоверного князя Даниила Московского и супруга Евдокии — великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Приведём здесь полный текст, который был вышит на нём сёстрами-золотошвеями:

«Святая Преподобная княгиня Евфросиния, чада обители твоя, тобою созданныя, и в пятих вещех прешедших, молитвами твоими покрываемая, ныне благодарно исповедающеся благохваления Господеви приносят и

святую твою память светло торжествуяще молебнo ти взывают: и в грядущая времена и лета не престани покрывати нас молитвами твоими и помогати нам в жизни нашей и во исходе душ наших и в будущем веце. Аминь. 1407—1907 года июля 7 дня».

В те дни Вознесенский монастырь получал множество подарков. Один из них был привезён из Казанской Головинской обители. То была икона преподобной княгини Евфросинии, вышитая шёлком и золотою нитью. На иконе сёстры поместили венец, украшенный жемчугом и недорогими камнями. А на обороте сохранялась надпись: «1907 года июля 7 дня в память 500-летия со дня преставления Св. преподобной княгини Евфросинии Московской приносится сия икона Московскому Вознесенскому монастырю от настоятельницы Казанского Головинского монастыря игумении Евгении с сёстрами».

Среди других даров, которые получил монастырь в честь юбилея, были и другие иконы, а также лампы, хоругви, подсвечники и богослужебные книги. Одним из таких приношений стало Евангелие, полученное в дар от Крестовоздвиженской Иерусалимской обители Подольского уезда Московской губернии. На лицевой стороне Евангелия было помещено шитое шелками по белому муару изображение Христа Спасителя, а с оборотной стороны — также шитая шёлком монастырская икона дарителей — Божией Матери «Иерусалимская». Известно, что игумения Екатеринбургского Тихвинского монастыря преподнесла в честь праздника икону Святой Софии, которая была изготовлена из уральских самоцветов.

Также к торжествам в самой обители были подготовлены многочисленные памятные вещицы, которые распространялись среди паломников. То были медали с изображением собора Вознесенского монастыря и надписью: «В память пятисотлетия блаженной кончины преподобной Евфросиньи, 7 июля 1907 года», брошюры с житиями Евфросинии и историческим описанием монастыря, иконы, крестики, открытки или образки с изображением самой святой.

После завершения празднования в июле 1907 года митрополит Владимир, игумения Евгения и сёстры монастыря отправили на имя императора Николая II телеграмму: «Благочестивейший государь! Московский Вознесенский монастырь, совершив церковное торжество в память исполнившегося пятисотлетия со дня блаженной кончины своей основательницы преподобной Евфросиньи, великой княгини московской, возносил усердные молитвы ко Господу, да сохранит неисчерпаемую

милостию Своею драгоценные дни Ваши и всего царствующего дома во благо Церкви Православной, на славу и счастье нашей дорогой Родины». Газета «Новое время» за 11 июля 1907 года в разделе «Московская хроника. По телефону» разместила следующую информацию об ответе монарха: «Сегодня митрополит московский Владимир по случаю юбилейных торжеств в Вознесенском монастыре получил от Государя Императора следующую Высочайшую телеграмму: «Сердечно благодарю Вас, владыко, и прошу передать игумении и всем сёстрам св. Вознесенской обители Мою искреннюю благодарность за молитвы. Николай».

Иконописные изображения преподобной Евфросинии Московской сегодня широко известны. С XVIII столетия было принято изображать святую на фоне основанного ею монастыря. Сложившиеся традиции привели к установлению некоторых правил. Вот одно из них.

В 1910 году было издано «Руководство к писанию икон святых угодников Божиих в порядке дней года» (В. Д. Фартусов). В списке святых, которых вспоминают 7 июля, мы находим следующую запись: «Святая преподобная Евфросиния, в миру Евдокия, княгиня Московская, типа русскаго, преклонных лет, чрезвычайно худа, лицом красива; одежды монашеския. Скончалась в 1407 году. Можно ей писать хартию с ея изречением: «Аз хощу всякаго суесловия поношение с радостию претерпети».

Под хартией имеется в виду листок, который держит изображённая на иконе святая, на нём и должно или могло быть начертано данное изречение. Откуда оно? В данном случае мы имеем интерпретацию текста из «В мале сказания о Блаженной Великой княгине Евдокии, в иночестве Евфросинии» (хотя мы не можем отвергать версию, что автор книги имел другой вариант текста житийной повести). В оригинальном виде мы читаем сначала так: «хотяше блаженная с молчанием до конца претерпевати, иже о ней неправедное тайноглаголение». А затем приводятся слова самой Евдокии, как прямая речь: «Аз с радостию желах до конца претерпевати Христа ради всяко уничижение и лже словесие человеческое». Текст этот является частью главы «О увещании чудесном благородном сыновом», в которой рассказывается, как по суесловию и поношению смутились сыновья великой княгини, услышав, будто она ведёт неправедную жизнь, но она показала им истязаемую и «благородную плоть свою» как доказательство духовных подвигов.

Во всяком случае к началу XX века и в наши дни распространились самые разнообразные изображения святой, которые вошли в широкий

обиход. Среди них почти обязательный лик преподобной Евфросинии Московской в ряду почитаемых духовных подвижников на иконах: «Собор Радонежских святых» и «Собор Московских святых», что соответствует песне канона русским святым: «Радуется славный град Москва, и веселия исполняется вся Россия»!

Из истории Вознесенского монастыря

Ворота монастырская по древнему обычаю запираются во всю первую неделю Великого Поста.

Обитель Вознесения. Всеобщий путеводитель по монастырям и Святым местам Российской империи.

Н. Новгород, 1907

Каковы же были история и судьба Вознесенской обители в течение столетий?

Для начала поговорим о женских некрополях в Москве и на Московской Руси. Как и где хоронили именитых людей? Была ли определённая традиция и как она складывалась со временем?

Великая княгиня Евдокия жила как раз в то время, когда, собственно, эти традиции и начали устанавливаться на века. В середине XIV века в Кремле определились три разных направления, связанных с памятью об уходящих и их похоронами. Стали разделять некрополи. Один — для святителей, деятелей церкви. Другой — для князей и великих князей. Третий — для княгинь. Постепенно складывалось так, что московских святителей стали хоронить в Успенском соборе (хотя митрополит Алексей был погребён в своём монастыре Чуда Архангела Михаила). Но после похорон в Успенском соборе митрополита Киприана храм станет именно святительским некрополем. Князей и великих князей хоронили уже в Архангельском соборе, что стало традицией на столетия до Петра Великого. А женские гробницы?

В XIV веке единого и специального места для их погребения не было. Происходило это по-разному. Хоронили матерей, жён и сестёр князей, например, в Спасо-Преображенском монастыре (в его соборе в 1330-м или в 1331 году упокоилась жена Ивана Калиты — Елена, а затем жена сына Ивана Калиты, великого князя Симеона Гордого, — Анастасия). В приделе собора была расположена гробница княгини Александры (в иночестве Марии) — вдовы сына Калиты, великого князя Ивана Ивановича. Там же похоронили и третью жену великого князя Симеона Гордого — Марию (в иночестве Фетинию). Казалось бы — всё определилось, традиция уже

сложилась.

Но всё же это был мужской монастырь. И в кругу великокняжеского Московского дома сложилось другое представление о ритуале женских похорон. Оказалось важным, чтобы это происходило в обителях, основанных самими великими княгинями. Пример: княгиня Мария (в иночестве Марфа), жена князя Андрея, третьего сына Ивана Калиты, упокоилась в 1389 году в Богородице-Рождественском монастыре, ею же (вместе с княгиней Евдокией) и основанном.

И в конце концов самую твёрдую традицию фактически установила великая княгиня Евдокия. Здесь ей также принадлежит пальма первенства. Начала она с простого, когда в 1393—1394 годах построила каменную церковь Рождества Богородицы в Кремле. В 1399 году в Литве умирает её дочь — Мария, жена князя Семена Лугвения Ольгердовича. Скончалась она далеко — в Мстиславле. Но тело долго перевозили в Москву. Похоронили Марию в храме Рождества Богородицы, то есть не в отдельном женском или мужском монастыре.

Возможно, именно в этот момент у княгини Евдокии возникла мысль основать свой монастырь, который бы стал усыпальницей женщин Московского дома. И она осуществила свой замысел.

В Вознесенской обители, которую она основала и где её затем похоронили, не сразу, но довольно быстро стали появляться гробницы с прахом московских княгинь. Первой после самой Евдокии здесь упокоилась невестка Евдокии, жена князя Юрия Дмитриевича Анастасия. Она скончалась после возвращения из Москвы в Звенигороде. И могла быть там похоронена в уже основанном её мужем Саввино-Сторожевском монастыре. Но тело её перевезли в 1422 году в Москву, в Вознесенскую обитель (судя по всему, в течение пятнадцати лет после святой Евфросинии в обители не хоронили титулованных особ). Далее была Софья Витовтовна. И так далее. Традиция укрепилась, стала жива и неколебима.

После такого предисловия вернёмся к краткой летописи Вознесенского монастыря. После того, как великая княгиня Евдокия заложила каменный собор Вознесения Господня, его дальнейшая судьба, как мы уже знаем, была непростой. Почти пол века его пытались достроить, но безуспешно. Но вот великая княгиня Мария Ярославна, супруга великого князя Василия II (Тёмного), решила возобновить эту работу. Возведение храма было поручено зодчему В. Д. Ермолину, тому самому, который создал известное изображение святого Георгия Победоносца на Фроловских (Спасских) воротах, хранившееся затем в Вознесенском монастыре. Ермолин достроил

собор и переложил его своды.

Освятили храм в 1468 году при большом стечении народа. То был настоящий праздник, ибо к тому времени здесь уже были похоронены известные княгини великокняжеского дома. Став покровительницей Вознесенского девичьего монастыря, в 1478 году великая княгиня Мария Ярославна приняла здесь постриг с именем Марфа.

В 1482 году в монастыре произошёл грандиозный пожар. Храм очень сильно пострадал. Требовались почти полный ремонт и перестройка. Тогда при пожаре сильно обгорела очень чтимая икона Божией Матери «Одигитрия» (о ней чуть ниже). Перестроили, а затем и вновь освятили собор Вознесения в 1519—1521 годах. Труды совершал, как предполагается, известный итальянский зодчий Алевиз (Новый).

Примечательна история, случившаяся в обители в 1521 году, связанная с чудесным избавлением Москвы от нашествия Магмет-Гирея. В те дни, как сообщают почти все летописи XVI века, слепая старица Вознесенского монастыря увидела (как говорилось — «умными очами») исходящих из столицы русских святых, которые как будто вновь вынесли через Фроловские ворота икону Владимирской Богоматери. Навстречу им шествовали преподобные Варлаам Хутынский и Сергей Радонежский, которые умолили покидающих Москву вернуться обратно и не оставлять город без молитвенной помощи, дабы защитит от «варварского нашествия». Москва, как известно, тогда молилась изрядно. И спаслась.

Следует вспомнить здесь и Макарьевские соборы — поместные соборы Русской церкви, созванные митрополитом Московским Макарием в 1547 и 1549 годах с целью канонизации русских святых. Почему? Потому что до сих пор бытует мнение, что именно тогда была канонизирована преподобная Евфросиния Московская. Однако тому нет никаких документальных подтверждений.

В эти времена мы получаем одни из первых изображений Вознесенской обители, в частности — собора Вознесения. Это сделали миниатюристы Лицевого летописного свода по заказу царя Ивана Грозного. Описывая и иллюстрируя историю, они не могли обойти тексты о появлении монастыря в Кремле. Однако за время собор менял свой внешний облик, а потому в Своде он изображался несколько раз — по-разному. То собор Вознесенского монастыря показан с одной главой (Голицынский том — Царственный летописец), то с тремя (Голицынский и Шумиловский тома), то даже с пятью (Остермановский второй том). Преобладают изображения трёхглавого храма. И понятно, ведь полноценный, пятиглавый возник тогда, когда Лицевой летописный свод

уже был завершён. Поэтому даже странно, что попадаетеся один раз рисунок собора как пятиглавого! Либо миниатюра была создана позднее. Увы, но иных особенностей собора тех времён в рисунках мы не замечаем.

Перестройка Вознесенского собора в 1521 году не была последней. По инициативе Бориса Годунова и по указу царя Фёдора Ивановича это сделали вновь в 1587—1588 годах. Оставили старый подклет с гробницами княгинь, великих княгинь и цариц, а на нём воздвигли храм — пятикупольный, трёхнефный, четырёхстолпный. По сведениям из Пискаревского летописца: «Повелением царя и великого князя Феодора Ивановича всеа России поставлен храм камен на Москве в Кремле-городе в Девичьем монастыре у Вознесения о пяти верхах, болши старово и монастыря прибавлено». Собор с тех пор стал чем-то напоминать другой кремлёвский — Архангельский.

С 1613 года до самой своей кончины в Вознесенском монастыре проживала мать царя Михаила Фёдоровича — великая старица Марфа. Именно она построила в обители храм во имя святого покровителя молодого царя — преподобного Михаила Малеина. В храме устроили придел во имя святого Феодора Стратилата — тезоименитого покровителя боярина Фёдора Никитича Романова (патриарха Филарета). Здесь находилась одна из святынь монастыря — на стене за престолом висел образ Богоматери Феодоровской, который был принесён делегацией бояр и священников, просивших в Костроме Михаила Романова принять Московское царство.

Именно бояре Романовы оказывали особое внимание Вознесенскому монастырю, так как были связаны с династией русских великих князей и царей по женской линии. По этой причине тогда стали особенно важны поклонение гробницам собора и заупокойные молитвы перед ними. В особые дни поминовения надгробия украшали драгоценными покровами. Тогда же продолжалась знаменитая традиция привносить ценные вклады в обитель, украшать иконы Вознесенского собора. Старица Марфа, например, в 1630-е годы привнесла в дворцовую церковь Рождества Богоматери иконы и шитую подвесную пелену с изображением Богоматери Феодоровской, которая сохранилась до наших дней. А в соборе монастыря как будто бы появился даже особый придел «у инокини Великой Старицы Марфы Ивановны», упоминаемый в 1626 году. Правда, о его судьбе позднее мало что известно.

В то же время в монастырь попала и ещё одна реликвия, дошедшая до нашего времени в сохранности. Это подвесная пелена «Богоматерь Одигитрия», сделанная из бархата и тафты, расшитая жемчугом. Она стала

вкладом в 1630 году от княгини Орины Мстиславской, которая после кончины мужа — Фёдора Мстиславского, выдающегося государственного деятеля и полководца, — стала монахиней Вознесенской обители с именем Домника. Тогда она и привнесла пелену, которую вешали под чудотворной иконой Божией Матери «Одигитрия».

Не менее значимым стало приношение старицы Феодосии Сицкой, которая в 1662 году подарила монастырю серебряную водосвятную чашу. Поступали в обитель дары и от самих государей. Царь Михаил Фёдорович пожертвовал сюда покров с изображением Голгофского креста. От царя Алексея Михайловича сохранился потир из чистого золота. Известно, что цари в те времена приходили «для прощения» в Великую пятницу и в субботу в кремлёвский Вознесенский монастырь, чтобы «проститься у гробов».

Царский дом дружил с монастырскими сёстрами. Историк И. Забелин писал: «К столам цариц также приглашались и старицы монахини трёх московских девичьих монастырей: Вознесенского, Новодевичьего и Алексеевского. Эти старицы были тоже вдовы или дочери бояр, нередко очень родовитых, а главное родственницы царскому дому. Из каждого монастыря к столу всегда приглашались игуменья, казначея и соборные старицы, а сверх того, и избранные старицы, вероятно, свойственницы царскому дому. Всего за столом в один раз бывало до 12 стариц».

В 1679 году произошло знаменательное событие — был сооружён новый шестиярусный иконостас в Вознесенском соборе. Его особенность состоит в том, что иконы свидетельствуют о влиянии западноевропейской гравюры на русскую живопись того времени. Принято считать, что одним из образцов для иконостаса стали гравюры из известной *Theatrum Biblicum* (Лицевой Библии Пискатора), изданной за несколько десятилетий до этого в Голландии. Альбом Пискатора широко распространялся в России со стихотворными славянскими подписями. К счастью, иконостас Вознесенского собора сохранился. При закрытии монастыря в советское время его перенесли в кремлёвскую церковь Двенадцати Апостолов. Сохранилась и храмовая икона в драгоценном окладе 1686 года, которая находилась в более поздней — Екатерининской церкви.

Вознесенский монастырь стал важным духовным центром столицы государства — Москвы, и был им, даже когда столицей стал Санкт-Петербург. В XVII веке число монашествующих здесь превышало сто шестьдесят человек. XVIII век не стал исключением. Императрица Анна Иоанновна в 1730 году подарила обители серебряное кутейное блюдо. Затем, уже в 1731 году, к Вознесенскому храму пристроили северный

придел в честь Успения Пресвятой Богородицы, а в 1732 году — южный в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». В 1737 году в Кремле произошёл большой пожар, но он не нанёс большого ущерба монастырю.

Что же происходило позднее? Вот что пишет историк XIX столетия И. К. Кондратьев. «В соборной Вознесенской церкви иконостас украшен живописью старинного греческого письма. Царские врата обложены серебром и вызолочены. Возле Царских врат по левую сторону образ Смоленской Божьей Матери в серебряной вызолоченной ризе. За престолом крест с мощами, устроенный игуменьей Трефиной в 1816 году».

Действительно, с 1794 по 1819 год в монастыре настоятельницей была игуменья Трифена (Слепцова, иногда её называли Трефиной). Упомянутый крест чудом сохранился до наших дней. Ныне он находится в Музеях Московского Кремля. Величественный запрестольный крест с четырнадцатью круглыми образами-мощевиками из соборного алтаря был по заказу монастыря изготовлен в 1816 году мастером Осипом Ивановым Смирновым в память об изгнании французов из Москвы в 1812 году. Святыню не раз использовали в крестных ходах.

Продолжим чтение труда историка Кондратьева. «По правую сторону Царских врат — образ храмовый Вознесения. По левую — Благовещения, святителя Николая и др. Из других святынь замечательны два золотых напрестольных креста — дар царя Михаила Фёдоровича, водосвятная серебряная чаша — дар царя Алексея Михайловича, семь серебряных блюд, золотые потир, дискос, звезда, лжица (ложка), к потиру ковшичек — дар императрицы Анны Ивановны, два Евангелия на александрийской бумаге, обложенные серебром и украшенные жемчугом и камнями. Из особенно достопамятных святостью и древностью утварей замечателен образ чудотворный Божьей Матери Казанской. Образ этот украшен крупным жемчугом и разными дорогими камнями. Он находится в тёплой Екатерининской церкви на хорах».

Автор называл среди гробниц обители «древнейшей и богатейшей» — гробницу самой основательницы монастыря, преподобной Евфросинии. Она располагалась у правой стены церкви, недалеко от боковой южной двери. К другим подробностям описания монастыря, сделанного в XIX столетии, можно добавить следующие. «Из других гробниц особенно замечательны при входе в старую соборную церковь на правой стороне подле стены: государыни царицы Анастасии Романовны, первой супруги Грозного, второй супруги — Марии Темрюковны, третьей — Марфы

Васильевны Собакиной, седьмой — Марии Фёдоровны. Затем идут гробницы: Елены Васильевны (Глинской), царицы Евдокии Лукьяновны (Стрешневой), второй супруги царя Михаила Фёдоровича, царицы Марьи Ильиничны Милославской, первой супруги царя Алексея Михайловича, царицы Натальи Кирилловны (Нарышкиной), второй супруги царя Алексея Михайловича, несколько гробниц дочерей Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича. Здесь же погребена и царица Ирина Фёдоровна: она одна из фамилии Годуновых покоится в стенах Кремля...

За левым столпом подле западных дверей на левой стороне у стены: гробницы царицы Марии Владимировны (Долгорукой), первой супруги царя Михаила Фёдоровича, царевны Анны Алексеевны, старицы Иулианы, супруги боярина Романа Юрьевича Захарьина и матери известной добродетелью своей Анастасии, первой супруги Ивана Грозного.

В углу: гробница царицы Парасковьи Михайловны, супруги Грозного Александры Сабуровой, царевен Марии и Феодосии, дочерей царя Ивана Алексеевича.

У южных дверей: царевны и великой княжны Анны Михайловны, дочери Михаила Фёдоровича, По другую сторону дверей: царевны Татьяны Михайловны, дочери Михаила Фёдоровича.

В головах: гробница великой княжны Натальи Алексеевны, сестры императора Петра II, и тут же гробница родной сестры императрицы Анны Ивановны, Парасковьи. Тут же погребены супруга великого князя Софья Витовтовна и обе жены Ивана III — Мария Тверская и Софья Палеолог.

В этом же монастыре скончалась мать царя Михаила Фёдоровича, инокиня Марфа, и в нём же Мария Фёдоровна (супруга Грозного и мать царевича Дмитрия) встречала Марину Мнишек как обручённую невесту первого Лжедмитрия, которая провела в монастыре несколько дней до их брака. В нём же пребывала и инокиня Евдокия Фёдоровна, первая супруга Петра Великого».

Это очень точное описание гробниц княгинь, великих княгинь и цариц разворачивает перед нами поразительную картину святынь, которые были так безжалостно разрушены в период воинствующих погромов. Но даже и тогда автор не мог знать, что на самом деле скрыто в подземельях Вознесенского монастыря, так как учёные успели найти гораздо большее количество захоронений, нежели было перечислено очевидцем.

Следует отдельно рассказать об одной важной святыне, хранившейся в Вознесенском монастыре столетиями и чудом уцелевшей до наших дней. С ней была связана долгая традиция особенных кремлёвских крестных ходов.

Речь идёт об иконе «Богоматерь Одигитрия». Она ныне находится в Государственной Третьяковской галерее.

Особо почиталась икона у нас в XV—XVII веках. Но стала известна на Руси со второй половины XIV столетия.

Этот образ считался древним, и не случайно. «Одигитрия» («Путеводительница») известна была с византийских времён. Мы уже говорили о том, что епископ Дионисий Суздальский, хорошо знавший княгиню Евдокию, прислал из Константинополя летом 1381 года с монахом Малахией Философом два образа Богоматери. По крайней мере, один из них был копией с чудотворного византийского образа «Одигитрия» (включая точные размеры), того самого, который хранился в царьградской дворцовой Влахернской церкви и почитался византийскими императорами.

Одну из привезённых икон поставили в Спасском соборе Нижнего Новгорода, другую — в соборе Суздаля. Симеоновская летопись подтверждает: «Дионисий епископ Суздалский приела из Царяграда с чернцом с Малахеем с философом, переписа образа две Пречистые Одигитрии, иже сходит во вторник, в той же образ, и в меру и в широту и в высоту, и поставлен бысть в соборных церквах: един в Новегороде в Нижнем, а другой в Суждали».

Затем, год спустя, сам епископ Дионисий доставил из Константинополя много святых предметов, среди них — часть Крови Спасителя, частицу Гроба Господня, частицу тернового венца Спасителя, а также почитаемые мощи. «Дионисий епископ Суздалский... вынесе из Царяграда... и моши многих святых». Всё это было помещено тогда в специальный ковчег, сохранившийся до наших дней.

По преданию, одну из икон — «Одигитрию» — епископ Дионисий передал чуть позднее великой княгине Евдокии (чуть ли даже не для уже существовавшего тогда Вознесенского монастыря). Во всяком случае — позднее икона эта появилась в Вознесенской обители и стала одной из главных её святынь.

Есть также предание, что сама княгиня Евдокия охраняла образ «Одигитрии» от огня в момент нашествия Тохтамыша в 1382 году, когда она спасалась с детьми от ордынцев.

Однако огонь всё-таки настиг святой образ. Спустя сто лет, в 1482 году, эта икона так обгорела при пожаре в Вознесенском соборе, что её уже невозможно было восстановить. Вот тогда знаменитый иконописец Дионисий взял обгоревшую доску и написал на ней новый образ Богоматери «Одигитрия». Читаем Софийскую Вторую летопись: «Сг[о]ре икона Одигитрие на Москве во церкви каменей святаго Взнесения чудная

святая Богородица Гречьского писма, в ту меру сделана якоже в Царьграде чудная, еже исходит во вторник да в среду на море; толико образ той сторе да кузнь, а доска ея остала; и написа Денисей иконник на той же деке образ». Так икона вновь заняла своё место в соборе, а затем стала важнейшей святыней Московского Кремля, причём особенного свойства.

Култ иконы «Одигитрия» стал связываться с культом самой великой княгини Евдокии, в монашестве Евфросинии.

Икона «Одигитрия» оказалась в центре ещё одной великой московской традиции. С XV по начало XX века у Вознесенского монастыря проходили многолюдные крестные ходы. Отличали Большой и Малый. Когда проходил Большой Крестный ход — выносились большие кремлёвские чудотворные образы Богоматери: обязательно древняя «Владимирская» и та самая «Одигитрия» из Вознесенской обители. И, конечно же, — множество других кремлёвских святынь. Обязательно в таком Крестном ходе принимал участие государь и, в определённые моменты истории, не менее обязательно — патриарх.

На рубеже XIX и XX столетий в Москве ежегодно организовывалось более тридцати крестных ходов — от Успенского собора Кремля. Но девять из них имели специальное отношение к монастырям. В них обязательно принимали участие общества хоругвеносцев кремлёвских соборов и монастырей.

Вознесенская обитель играла в этих крестных ходах особенную роль. На протяжении многих лет, например в XVII веке, мы находим свидетельства о том, что происходило во время Крестных ходов у монастыря Вознесения Господня. И это как раз связано с особым почитанием иконы «Одигитрия», неразрывно соединённой с памятью о святой Евфросинии Московской.

Крестные ходы в Москве и Кремле устраивались по годовому циклу. Начинаясь этот цикл в сентябре. Мы расскажем только о последовательности важных крестных ходов, известных с XVI—XVII веков, в первую очередь связанных с Вознесенским монастырём. Например, в сентябре москвичи шли крестным ходом из Кремля в Белый город к Сретенскому монастырю, то есть на знаменитое Кучково поле, связанное с событиями 1395 года и Тамерланом. Несли тогда самые почитаемые чудотворные иконы, ибо то был Большой ход. К таким иконам относили чудотворные образы из храма Рождества Богородицы (на Сенях), Успенского и Благовещенского соборов. Из патриаршего храма выносили

Владимирскую икону, а также Петровскую и образ Богоматери «Моление о народе». За чудотворными иконами шёл царь, его на Соборной площади встречал патриарх. В Успенском соборе служили молебен перед иконой Владимирской Божией Матери. Затем с этой же иконой впереди шли к Вознесенскому монастырю.

Вот тут наступало важное событие, без которого не обходился ни один Большой Крестный ход в Москве: из Вознесенской обители, из собора, торжественно выносили чудотворный образ Богородицы «Одигитрия». Выносил её по традиции спасский архимандрит. Он останавливался, чтобы по устоявшемуся обычаю к образу «Одигитрии» приложились государь и патриарх. И только потом через Фроловские ворота шествующие покидали Кремль. Останавливались на Лобном месте, после чего царь мог покинуть ход и вернуться в Кремль. Но патриарх продолжал идти до церкви Илии Пророка на Ильинке и так до Сретенского монастыря, в соборе которого служили литургию и водосвятный молебен.

Когда крестный ход возвращался назад, то от него вновь особенным образом отделялась процессия с иконой «Одигитрии», которую возвращали в Вознесенский монастырь. Затем в Успенский собор вносили Владимирскую икону, и начинался перезвон колоколов Кремля: «А как святые иконы пойдут по своим церквам, и в ту пору звонят во вся»!

Звоны в Кремле — вообще отдельная тема. Но связана с ними была и Вознесенская обитель. К примеру, был тогда в обиходе «Указ о звону и о чину». В разделе указа «О ходах на Светлой недели» указывалось, какому монастырю звонить в какой день. Вознесенскому выпадали Светлый вторник и Светлая пятница.

В одну из недель по Пасхе (6-я неделя, «о слепом») после заутрени совершался крестный ход из Успенского собора в Вознесенский монастырь. Не случайно. Вспомним чудо об исцелении слепого великой княгиней Евдокией, когда она шла в обитель на постриг из своего терема, что стоял у собора. Так, проходя её дорогой, в Москве ещё раз вспоминали основательницу монастыря.

В годовом круге крестных ходов последний совершался 26 августа, на празднование Сретения Владимирской иконы Божией Матери в память о принесении чудотворного образа из Владимира в Москву в 1395 году и о чудесном избавлении от нашествия Тамерлана, связанном с именем Евдокии. Последовательность этого Большого хода была та же, что и сентябрьского.

Можно сказать, что традиция таких ходов в той или иной степени дожила до 1917 года... И ныне забыта, как будто не существовала вовсе...

Как жили монахини в обители в XIX—XX столетиях? Вот некоторые сведения о насельницах. Непосредственно в монастыре состояли монахини. Кроме них, в кельях жили заштатные монахини, рясофорные послушницы и послушницы, которые проходили период «испытания». Если проследить возможный путь женщины, поступившей в девичью обитель, то он будет выглядеть примерно так. Сначала «испытание», жизнь в этом статусе. Затем — зачисление в штат монастыря (его ждали очень долго, годами). Потом — облачение в рясофор. За ним следовало пострижение в монахини. А в конце концов (не обязательно) происходил постриг в схиму, что было высшей степенью монашеской жизни.

В женском монастыре 1-го класса обитали тогда люди разных сословий, но в первую очередь — дворянки. Вообще же, большинством среди сестёр были тогда крестьянки и мещанки, потом шли выходцы из купеческого сословия. Уже подмечена исследователями тогдашняя тенденция медленного «окрестьянивания» монашества, которая была связана с отменой крепостного права. То же самое происходило в Вознесенской обители, «демократизация» состава сестёр по происхождению была налицо.

С образованием дело обстояло так. Из высокого сословия выделялись весьма образованные. В целом, уровень не был высок, но неграмотных монахинь в обители не было! В документах писалось: «обучена читать и писать», в худшем случае — «обучена читать». Настоятельницами, в основном, назначались выходцы из дворянских и даже княжеских семей.

В Вознесенском монастыре в 1883 году проживало чуть более шестидесяти монахинь и почти 50 послушниц (хотя их могло быть и больше в качестве незарегистрированных), средний возраст которых был около сорока лет. Почему этот возраст? Потому что законы Российской империи разрешали женщинам постриг в монашество после достижения сорокалетнего возраста (мужчинам — после тридцати). Все они уже готовы были к принятию монашества, ожидая пострижения по правилам — почти 10 лет. Срок не малый, но важный.

Первопрестольная Москва накладывала свой отпечаток на характер жизни в Вознесенской обители. Обилие паломников, обережение гробниц, многочисленные торжества, праздники, крестные ходы становились обязанностью, отвлекающей от духовного созерцания. Но монастырь всё-таки жил своей особенной, неповторимой жизнью.

Добавим ещё некоторые замечания, штрихи из жизни инокинь обители, сделанные паломником XIX века.

«Монахини монастыря издревле занимались разными рукоделиями: они вышивают шёлком и золотом, обнизывают образа дорогими камнями и т. п. В старину обитель была местом пребывания государевых невест до брака. Ворота монастырские во всю первую неделю Великого поста по древнему обычаю запираются.

В половине XVIII столетия на Красной площади на Вербной неделе началась продажа «изукрашенной вербы». Деланием для неё цветов и дутых восковых плодов и фигур занимались преимущественно монахини и белицы Вознесенского монастыря. Внутри этой обители было второе гулянье: по двору монастыря и по террасам его, около келий прохаживался народ, смотрел на выставку искусственных цветов, опущённых зеленью, красиво собранных букетами и гирляндами, и покупал их у монахинь.

До 1810 года почти у самых ворот монастыря, под особенным шатром, устроенным императрицей Екатериной II, стояли четыре большие пушки. Они сданы потом в Арсенал».

Куда подевалось всё это наследие после 1929 года, теперь могут сказать разве что компетентные сотрудники Музеев Московского Кремля. Но ведь, как известно, не всё сохранилось. Увы!

Что же ещё всё-таки сберегли из Вознесенского монастыря в Музеях Московского Кремля? В полном объёме ответить могут только те, кто имеет доступ в самые потаённые хранилища. Но, например, в экспозиции Оружейной палаты выставляется очень почитаемая в своё время в обители икона-реликварий «Богоматерь Казанская» (вторая половина XVII века). Сохранились её ценный оклад 1717 года и мощевик с власами и ризой Богоматери, которые были привезены из Константинополя.

В иконостасе Успенского собора ныне находится икона «Богоматерь Владимирская» XVI века, которая была вложена княгиней Анной Трубецкой в 1633 году в Вознесенский монастырь. В фонде Музеев можно отыскать и особо почитаемую храмовую икону «Великомученица Екатерина», которая считалась святой покровительницей Московского великокняжеского дома.

Сохранились также записи в «Книгах выходов русских царей и патриархов», из которых ясно, что службы в дни поминовения женщин из великокняжеской или царской семьи совершались постоянно, а на помин их души регулярно приносились драгоценные вклады. В собраниях монастырской ризницы Музеев Московского Кремля сохранилось также более двух сотен исторических памятников-реликвий из обители Вознесения. Среди них — напрестольные кресты, некоторые с частицами

мошей, утварь с вкладными надписями для совершения литургии, уникальное собрание надгробных покровов, подвесных пелён, покровцов и церковных облачений. Хотя, как известно, наибольшая часть сокровищ 500-летней истории монастыря утрачена безвозвратно.

Малоизвестен факт, что в 1863 году Вознесенский монастырь чуть было не закрыли и не убрали с территории Кремля. Вернее, предполагали перевести его в другое место — в Бутырки. Было это в период, когда настоятельницей обители была игумения Паисия (Нудельская). Об этой истории рассказал в своих воспоминаниях, в частности, архимандрит Пимен (Мясников), тогдашний настоятель Николо-Угрешского монастыря. Тот самый, который уже в наше время, в 2004 году, на Архиерейском соборе Русской православной церкви был причислен к лику святых, до этого будучи прославлен как местночтимый святой Московской епархии.

Вот что писал тогда архимандрит. Его перу принадлежат удивительные слова о красоте кремлёвской обители. «На меня возложено было поручение заняться перестройкою Вознесенского Девичьего монастыря, что в Москве. Он находится в Кремле. С восточной стороны одна из церквей и келии соприкасаются Кремлёвской стене, что возле Спасских ворот. С южной стороны тёплый собор монастыря (во имя Св. Великомученицы Екатерины) обращён лицом на Царскую площадь. Собор этот замечателен как по своей внутренности, так и по внешнему зодчеству, напоминающему известный Миланский Собор, и другого храма, подобного этому, нет не только в Москве, но и во всей России...»

Далее архимандрит Пимен рассказал о событиях вокруг обители: «Вознесенский монастырь от многократных переделок и поправок корпуса и келий приведён был в такое беспорядочное состояние и так обветшал, что недоумевали, что удобнее: вывести ли сестёр в иное место или приступить к возобновлению зданий. Настоятельницею в это время была игумения Паисия Нудольская, прежде уже бывшая настоятельницею в 3-х монастырях: Страстном, Алексеевском и Новодевичьем. Она была весьма хорошей жизни и опытная в правлении. Владыка учредил Комитет (Филарет (Дроздов). — К. К.-С.) и... потребовал мнения: «Что удобней, исправить ли здания, или перевести сестёр в иное место?» Мнение Комитета и игумении было, что удобнее перенести монастырь на новое место, нежели исправить. Владыко, основываясь на общем мнении, дозволил приискывать место. Избрано было единодушно, как самое удобное во всех отношениях и выгодное, предместье Бутырки».

Странно, но опытная настоятельница стала активно добиваться

переезда монастыря из Кремля на тогдашнюю окраину Москвы. Видимо, ей было привычнее по старой памяти оказаться подальше от кремлёвской суеты. С ней должны были переехать все 70 монахинь, которые тогда там жили. А ведь всё-таки это был уникальный монастырь! Да и специальный Комитет по устройству Вознесенского монастыря пришёл первоначально к решению о необходимости переноса монастыря на другое место, чтобы было меньше затрат, нежели на ремонт его обветшавших строений.

Обсуждение проблемы будущего Вознесенского монастыря происходило не один год. После переезда предполагалось создать на старом месте в Кремле общину сестёр милосердия или поселить при монастыре нескольких сестёр, которые бы ухаживали за старинными церквями. Куда должны были переехать остальные? Игуменья Паисия выбрала тогда место при церкви Рождества Богородицы на Бутырках. Дело могло дойти до создания на старой территории Вознесенской обители чего-то вроде исторического и мемориального места, где всё же совершались бы богослужения, необходимые в связи с существованием некрополя великих женщин российской древности.

Но развязка событий произошла быстро.

Митрополит Филарет определил так: «Монастырь женский, в котором почивают царственные особы женского пола, и особенно преподобная Евфросиния, неудобно отторгнуть от сей святыни и от досточтимой древности». Ему вторил архимандрит Пимен: «...но так как монастырь был исторический, то Владыка не мог примириться с мыслию перевести его в другое место... Оказалось много неудобств и препятствий к уничтожению монастыря».

Так впервые прозвучала фраза «уничтожение монастыря». К счастью, в первый и тогда (и только тогда!) — последний раз! Комитет упразднили, а затем Синод принял решение не переносить обитель. И девичий монастырь остался на старом месте!

Архимандрит продолжает рассказ: «Игуменья Паисия, сроднившаяся с мыслию о перенесении монастыря на Бутырки и мечтавшая об основании его там на началах общежительных, приняла это решение с глубоким негодованием». Однако Пимен возглавил работы по перестройке, которая прошла необыкновенно быстро, за четыре месяца 1863 года — с сентября по декабрь. Во время работ он «прибегал к принудительным мерам», ощущал «сопротивление монахини». Но к 1 января 1864 года все работы уже были закончены и закрыты. И обитель укрепилась на своих кремлёвских корнях!

Игуменья Паисия, однако, сделала много важного для монастыря и

даже внедрила в его жизнь некоторые общежительские правила, которые во многом облегчали жизнь монахинь, вынужденных до этого выживать с помощью только лишь собственного труда, отнимавшего много сил и времени.

Любопытно замечание архимандрита Пимена, что «во всё время перестройки я постоянно жил в Москве, на Саввинском подворье, у Преосвященного Леонида», имея в виду архиепископа Леонида (Краснопевкова) и подворье Саввино-Сторожевского монастыря, которое было рядом, в начале Тверской улицы. Так и преподобный Савва словно бы ещё раз вмешался в трудную минуту в процесс спасения исторического наследия. «Архитектором при постройке был А. С. Каминский», — заметил в заключение рассказа архимандрит. А мы благодарим сегодня преподобного Пимена как устроителя нашего великого духовно-культурного достояния — обители Вознесения Господня в Московском Кремле.

Примечателен факт, связанный с небольшим периодом, когда с 1871 по 1884 год Вознесенским монастырём руководила игуменья Сергия. Урождённая Урусова, в миру Софья Васильевна Волконская, она лишилась четырёх малолетних детей, а затем, похоронив в 1847 году в Спасо-Бородинском монастыре мужа, решила остаться там навсегда. В 1852 году была пострижена в монашество и на следующий день посвящена в сан игумении. При ней состоялось освящение в обители собора Владимирской иконы Божией Матери.

Она управляла Спасо-Бородинским монастырём до 1871 года. После чего была назначена настоятельницей кремлёвского Вознесенского монастыря в Москве. Видимо, уже при ней появилась в обители самая почитаемая икона с изображением святой Евфросинии Московской — образ в ризе 1872 года, находившийся на южной грани правого столпа Вознесенского собора, около раки святой. Возможно и то, что именно в эти годы произошла официальная канонизация преподобной.

В связи с назначением игумении Сергии сохранилось письмо, написанное известным подвижником, митрополитом Московским и Коломенским Иннокентием, епископу Дмитровскому Леониду (Краснопевкову), автору одного из жизнеописаний преподобного Саввы Сторожевского (духовного покровителя святой Евфросинии Московской): «Преосвященнейший Владыко, Возлюбленный о Господе Брат и Сослужитель! Дело об определении настоятельницы в Вознесенский монастырь можно считать уже решённым. Но при определении

настоятельницы в Бородинский монастырь не так легко: это монастырь общежительный, а в таковые монастыри прямо определять свою властью мы не можем. Тут нужен прежде выбор самих сестёр, который мы отклонить никак не можем, — можем не согласиться на выбранную и проч.; и потому не благоугодно ли будет Вам представить мне Ваше мнение о назначении в Вознесенский монастырь игумении Сергии; а о избрании на место её сделать надлежащее распоряжение через консисторию надлежащим порядком. Поручая себя молитвам Вашим, имею честь быть, с искреннею о Господе любовью, Вашего Преосвященства покорный слуга Иннокентий, М. Московский. Марта 5 дня. 1871. Санкт-Петербург».

Как показала история, все вопросы были решены положительно.

Вспомним ещё раз о том, что в 1889 году в монастыре торжественно отмечалось 500-летие его основания великой княгиней Евдокией. Происходило это при игумении Серафиме, которая была настоятельницей с 1887 по 1893 годы, до матушки игумении Евгении (Виноградовой). Почему была выбрана именно эта дата (сам праздник происходил 7 июля 1889 года, день памяти святой Евфросинии Московской, день её кончины)? На вопрос сей ответить непросто. Мы уже говорили, что предполагаемая тогда дата основания обители явно связана с кончиной в мае 1389 года супруга Евдокии — великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Но нет сведений, чтобы эта дата отмечалась в предыдущие столетия — например, в 1689 или 1789 годах.

Однако праздник решили проводить. По благословию митрополита Московского Иоанникия было назначено «воспоминание о пятисотлетием существовании монастыря» и приурочено к 7 июля — дню преставления святой княгини Евфросинии. Во время юбилея прошли торжественные богослужения, а также крестный ход, в котором приняли участие митрополит Московский Иоанний и архимандриты московских монастырей. Были подготовлены и изданы недорогие книги с Житием преподобной Евфросинии Московской, как и положено в связи с торжеством по канонизированной святой.

«Московские епархиальные ведомости» выпустили в 1889 году брошюру «Пятисотлетие Московского Вознесенского девичьего первоклассного монастыря». Отметился тогда публикацией с похожим названием «Пятисотлетие московскаго Вознесенскаго монастыря» и журнал «Исторический вестник». Здесь мы находим также некоторые новые штрихи к историческому портрету обители. Вот что рассказывалось в статье: «7-го июля, московский женский Вознесенский монастырь

праздновал пятисотлетие со дня своего основания. Юбилейное торжество совершалось в Вознесенском соборном храме. Этот храм, начатой постройкой основательницей монастыря, великою княгиней московскою Евдокиєю Дмитриевною, супругою Дмитрия Ивановича Донского, в иночестве Евфросинией, причисленную к святым и погребённую в этом храме, был построен усердием ея невестки, великой княгини Софии, и освещён шестьдесят лет спустя после кончины основательницы монастыря. В последующие годы, собор, также как и вся обитель опустошения московскаго Кремля пожарами и неприятелями, неоднократно был разрушаем и возобновлялся. Особенно памятны обители следующие бедствия: в 1547 году обитель подверглась пожару, при чём сгорели десять стариц, из храма успели вынести только образ Богоматери Одигитрии; во время нашествия крымскаго хана Девлет Гирея, в 1571 году, монастырь был сожжён и в нём сгорела игуменья с несколькими сёстрами (игуменья Венедикта, первая из известных в обители; произошло это 24 мая 1571 года, как считается в день праздника Вознесения. — К. К.-С.); в 1612 году, при нашествии поляков, монастырь вновь подвергся опустошению; в 1812 году опустошение обители и храма было не меньшее, но вся драгоценная утварь была вывезена из монастыря в Вологду, куда вывозились церковные сокровища и из других соборов Кремля. Этим объясняется, что досель сохранились древние иконы Вознесения, Спасителя, Благовещения и Одигитрии, находящиеся в Вознесенском соборе. Кроме того уцелели: древняя икона Казанской Божией Матери, находящаяся в храме во имя великомученицы Екатерины, построенном по повелению императора Александра I в 1817 году; древнее изваяние великомученика Георгия, изображённого на коне, находящееся в третьем храме обители во имя Михаила Малеина; драгоценные евангелия, кресты, потиры, диски и надгробные покровы, устроенные в память по великим княгиням и царицам, и вообще вся богатая ризница монастыря, считающаяся очень замечательною».

Далее «Исторический вестник» сообщал о некоторых деяниях, совершенных в монастыре для его улучшения. В частности, сообщалось следующее: «Соборный храм, возобновлённый и расширенный после разорения монастыря в 1812 году, в последнее время значительно украшался; в семидесятых годах в нём возобновлена живопись и вызолочен его шестиярусный резной иконостас; прошлым летом он отделан заново снаружи, причём были вызолочены бывшие дотоле окрашенными главы и купола покрыты изображениями святых. Украшение храмов обители продолжается и доселе».

Важно, что, по сведениям из журнала, «ко дню пятисотлетнего юбилея монастыря вновь установлены иконы Вознесения — над входом в обитель, великомученицы Екатерины — над входом в екатерининскую церковь, снаружи, со стороны Спасских ворот, и по бокам в соборный храм — иконы: Евдокии и справа — Евфросинии Суздальской». Не преминул «Исторический вестник» упомянуть об Обществе хоругвеносцев монастыря, которое «в память пятисотлетия соорудило ценную хоругвь, одновременно с другою, сооружённую этим же обществом в память события 17-го октября 1888 года». Здесь упомянута ценная хоругвь, которая была изготовлена в память об избавлении императорской семьи Александра III от грозившей им 17 октября 1888 года опасности во время железнодорожной катастрофы, когда все чудом остались живы.

Напомним, что ещё в 1869 году, за 20 лет до празднования основания монастыря в обители, журнал «Всемирная иллюстрация» дал публикацию «Вознесенский Девиный монастырь в Москве», где утверждал: «В 1389 году скорбная вдова выстроила Вознесенский монастырь и сама удалилась под сень этой обители». А далее автор статьи эмоционально возглашал: «Да, под мрачными сводами Соборного храма Вознесенского девичьего монастыря в Москве много предметов для раздумья и полных интереса воспоминаний... Когда-то мы дождёмся времени, когда талантливое перо какого-либо из исторических писателей, в блестящих, полных жизни и правды очерках воскресит жизнь погребённых здесь Россиянок...»

Известно, что в те времена в монастыре располагалась собственная и очень богатая библиотека. Монахини сами переписывали и переплетали книги, некоторые из них сохранились сегодня в коллекции Музеев Московского Кремля, в фонде рукописных и старопечатных книг. На некоторых изданиях остались вкладные и владельческие знаки. Большинство печатных книг имеют отношение к богослужению. Сохранилась также рукопись XIX века. Она написана монахиней Александрой.

В монастыре также работали школа церковной живописи и училище для девушек из высшего сословия. Здесь их воспитывали, обучали грамоте и различным рукоделиям. Известна была школа для девочек-сирот при Вознесенском монастыре. Сохранились одежды схимонахинь конца XIX столетия.

Привлекает внимание тот факт, что к одной из схим была приложена записка. Содержание записки таково: во время посещения Вознесенского монастыря тогда ещё великий князь Николай Александрович узнал о

подвигах схимонахини Марии и поцеловал ей руку.

Помогали сёстры монастыря многим обращавшимся к ним и во время Русско-японской и Первой мировой войн. Например, сохранилось письмо из Комитета сестёр милосердия Царскосельской общины, Иверского Красного Креста — игуменье Вознесенского монастыря Евгении от 9 сентября 1914 года: «Ваше Высокопреподобие! Глубокоуважаемая матушка! Иверская Община прибегает к Вашему Высокопреподобию с просьбой помочь в следующем деле: когда в госпитале Общины умирает кто-либо из лечащихся в ней раненых и больных воинов, некому бывает читать над умершим псалтирь... Помогите нам, Глубокоуважаемая матушка, выйти из этого трудного положения и благословите монахинь обители Вашей на служение воинам нашим чтением псалтири над теми из них, кому суждено будет окончить дни свои в Госпитале Иверской общины». Что и было сделано.

Особый интерес представляют размышления-воспоминания известного русского писателя Ивана Шмелёва, связанные с Вознесенским женским кремлёвским монастырём и его жизнью на рубеже XIX—XX столетий. Как известно, писатель прожил последние годы жизни в эмиграции, в Париже. А перед самой кончиной он поселился в женском православном русском монастыре во Франции — Бюсси-ан-От, за ним ухаживали монахини до самого его последнего дня. Автору данной книги довелось принять участие в перевозе («перелёте») праха Ивана Сергеевича Шмелёва из-под Парижа в Донской монастырь в Москве. Так писатель распорядился в своём завещании. Также автору данной книги приходилось переписываться с монахиней обители Бюсси-ан-От матушкой Елизаветой, в миру — герцогиней Лейхтенбергской. Она была потомком Эжена Богарне, сына Наполеона, связанного с чудесами преподобного Саввы Сторожевского, имеющего отношение к жизни княгини Евдокии Дмитриевны, супруги Дмитрия Донского.

Это долгое «предисловие» необходимо для того, чтобы понять те ощущения, которые пытался передать читателю в эмиграции выдающийся писатель русского зарубежья. Именно в те годы И. С. Шмелёв создал строки, связанные с уникальным ощущением и пониманием быта Вознесенской обители, которую, как ему казалось и как вышло на деле, он уже не смог бы увидеть никогда.

Видимо, Вознесенский монастырь был для него очень важным местом Москвы. Собственно, жил Шмелёв до вынужденной эмиграции на Полянке, в 20 минутах ходьбы от Кремля. Думаю, что многие его

ощущения, которые он передал героям своих произведений, — не требуют дополнительных комментариев. Попробуем привести их в возможной полноте.

Итак, из книги И. С. Шмелёва «Пути небесные» (том 1, Париж, 1937). Главная героиня произведения — Даринька — тесно связана с жизнью монастыря.

«Виктор Алексеевич знал, что придётся пойти ко всеобщей: такой праздник, и Дариньке будет грустно, если он не пойдёт. Стало темнеть, и Даринька сказала, что хочет поехать в Кремль, в Вознесенский монастырь. Почему непременно в Вознесенский? Она сказала, смутясь, что так надо, там очень уставно служат, поют как ангелы и она «уже обещалась»... Она сказала, что там придел во имя Рождества Иоанна Крестителя, а он родился по ангельскому вещанию, от неплодной Елисаветы... — там упокоятся двенадцать младенчиков-царевен и шестнадцать цариц, даже на кровле башенки в коронах... и младенчикам молятся, когда в таком положении... и ещё поясок, если носить с подспудных мощей благоверной княгини Ефросинии, то разрешает... Даринька смутилась и умолкла. Он спросил, что же разрешает поясок... Она шепнула смущённо — доверчивым, детским шёпотом, что «разрешает неплодие, и будут родиться детки»... В Вознесенском монастыре служба была уставная, долгая. Даринька стеснялась, что трудно ему стоять от непривычки: может быть, он пойдёт, а ей надо, как отойдёт всеобщая, поговорить «по делу» с одной старушкой-монахиней, задушевницей покойной матушки Агнии. Виктор Алексеевич вспомнил про «поясок» и улыбнулся, как озабоченно говорит Даринька про это. Жалостный её взгляд сказал: «Ты не веришь, а это так». На величании клирошанки вышли на середину храма, как в Страстном под Николин день. Такие же, бесстрастные, восковые, с поблекшими устами, в бархатных куколях-колпачках, Христовы невесты, девы...

Всенощная кончалась... Священник возглашал из алтаря: «Слава Тебе, показавшему нам Свет!..» Где-то запели, будто из мрака сводов, прозрачно, плавно. Пели на правом крыле крылошанки, но это был глас единый, сильный. Пели Великое Славословие, древнее «Слава в вышних Богу». Даринька опустила на колени. Виктор Алексеевич поколебался — и тоже преклонился. Его увлекало пением, дремотным, плавным, как на волне. Звук вырастал и ширился, опадал, замирал, мерцал. Казался живым и сущим, поющим в самом себе, как поющее звёздное мерцанье.

Виктор Алексеевич качнулся, как в дремоте. Даринька шепнула: «Хочешь?» — и подала кусочек благословенного хлеба. Он с удовольствием съел и спросил, нельзя ли купить ещё. Она повела строгими

глазами, и ему стало ещё лучше. Подошла монахиня-старушка и куда-то повела Дариньку. Скоро они вернулись, и старушка что-то ей всё шептала и похлопывала по шубке, как будто давала наставление...

Когда они выходили, из-за острых верхушек Спасской башни сиял ещё неполный месяц. Они пошли Кремлем, пустынной окраиной, у чугунной решётки. За ней, под горкой, светилась в деревьях церковка...

В других местах повествования у Шмелёва мы находим не раз упоминание Вознесенской обители. Вот Даринька «надумала поехать в Вознесенский монастырь, к монахине-старушке, задушевнице матушки Агнии покойной, — уйти от ожидания». А вот ещё более мистическое описание: «Начиналась невиданная метель, памятная и по сие время старожилам, «недельная», какой ещё не бывало спокон веку, о которой потом долго говорили и писали, как все хляби небесные разверзлись, как заблудились на Красной площади проходившие в караул солдаты и засыпало фонари до верха. Чтобы не потеряться, Даринька взяла за руку Анюту. С трудом добрались до церкви. Церковную решётку всю замело метелью, не было видно церковки: схоронилась она в сугробах... Дариньке показалось, что земное совсем пропало, — церковь только, да белый снег, да невидное небо, откуда снег, да святой огонёк лампадки».

А вот некоторые традиции, связанные с Вознесенским монастырём, которые упоминает писатель. «Надевая халатик, она нащупала поясок с мощей благоверной княгини Евфросинии — «во разрешение неплодия», — и сердце её захолонуло. Запахнула халатик, но поясок слышался на чреслах. Она воззрилась на тёмный образ «Рождества Предтечи», без слов молилась, не зная, о чём молилась, — «страшилась думать», — и вспомнила, что 7-го числа празднование «Собору» и надо поехать в Вознесенский монастырь, как обещалась под Рождество монахине (имеется в виду праздник Собор Иоанна Предтечи, отмечаемый 7 (20) января, который непосредственно следует за праздником Крещения Господня, или Богоявления. — К. К.-С.)».

А вот описание кельи монахини обители. «Пили чай с тёплыми просфорами, и Дариньке казалось, что она сидит в келье у матушки. Радостны были ей старинные тёмные иконы, хрустальные подлампадки, висевшие под ними благолепно фарфоровые пасхальные яички. Радовало смотреть на горбатые сундуки, на коврики, на священные по стенам картинки. И священный запах, и старинные за стеклом часы, с круглым, как месяц, маятником, и расшитая бисером подушка — всё было совсем такое, как у матушки Агнии покойной, и влекущая душу тишина. Даринька вдруг заплакала».

Позднее, уже во втором томе романа «Пути небесные», вышедшем в

1948 году, Иван Шмелёв продолжит символический рассказ о своих воспоминаниях об обители Вознесения в Московском Кремле. «Не хотела их отпускать Москва. Столько объявилось мелочей, покупок — пришлось задержаться и снова отложить «новоселье» до следующего воскресенья. Поездка разбила Дариньку. Пролежав два дня, она сказала, что хочет поговорить, едет в Вознесенский монастырь, там ночует у знакомой монахини. На другой день она вернулась успокоенной, просветлённой, очень хотела есть, но сперва вкушала тёплую просфору, особенно душистую, «вознесенскую».

Надо сказать, что Вознесенская обитель неоднократно упоминается И. С. Шмелёвым и в знаменитом произведении «Лето Господне». Мы находим здесь описание празднования: «От Вознесенского из Кремля — матушки-казначейши привезли шитые подзоры под иконы, разные коврики, шитые бисером подушечки...». Перед нами открывается вид на Большой кремлёвский крестный ход и сонм знаменитых монастырских хоругвей: «Гляди, гляди... кремлёвские начинают надвигаться!.. Тяжёлые, трудные хоругви. Их несут по трое, древки в чехлы упёрты... Сквозные, лёгкие — Вознесенского монастыря». Шмелёв рассказывает о традициях, связанных с престольным монастырским праздником: «На Вознесенье пекли у нас лесенки из теста — «Христовы лесенки» — и ели их осторожно, перекрестясь. Кто лесенку сломает — в рай и не вознесётся, грехи тяжёлые. Бывало, несёшь лесенку со страхом, ссунешь на край стола и кусаешь ступеньку за ступенькой».

А вот в своей повести «История любовная» (1927 год) Иван Шмелёв ещё раз напоминает — зачем приходили и приезжали к мощам преподобной Евфросинии Московской многочисленные паломники, которые молились о здравии будущих или уже рождённых детей. «Ну, думаю, поеду-ка в Вознесенский монастырь, положу на гроб шапочку... вот эту самую, шелковенькую, Паша сшила... слезами всю измочила, глупая... Положу на гроб преподобной княгини Евфросинии, пусть разрешит...»

Пожалуй, никому, как Шмелёву, так проникновенно не удавались строки, связанные с описанием духовной жизни Москвы и России того ушедшего, и, видимо, навсегда, времени. А для летописания истории обители Вознесения эти фрагменты его произведений поистине бесценны.

Более подробно следует сказать о традиции ремёсел и ярмарок, которые были очень развиты в Вознесенской обители Московского Кремля в разные времена. Особенно проявили они себя с середины XVIII столетия, когда в процессе секуляризации монастырским жителям приходилось

содержать обитель своими силами, с помощью лишь собственного труда. Тогда с ещё большим размахом, нежели ранее, вошли в обиход знаменитые монастырские Вербные торги на Красной площади. Их устраивали монахини обители ежегодно прямо у кремлёвских стен в Лазареву субботу и следующее за ней Вербное воскресенье. Многочисленные посетители Красной площади лицезрели и активно покупали восковые фигурки ангелов. Ими украшали вербу. В разнообразном выборе были представлены искусственные листья и цветы. С этими поделками москвичи шли на службу, а затем несли их домой.

Различные промыслы в Вознесенском монастыре были развиты издревле. Особенно — искусство золотого шитья. Это было связано с тем, что обитавшие здесь монахини в большинстве своём были рождены в княжеских, великокняжеских или царских семьях. С годами в женских монастырях Руси сложились особые традиции рукоделия, но они имели некоторое разделение. Например, в императорской России сёстры — выходцы из купеческого сословия — занимались вязанием чёток, чулок, плетением кружев, но не золотым шитьём.

Особым результатом золотошвейной работы монахинь Вознесенской обители стало то, что им от Военного министерства поручали непростые и важные труды по изготовлению полковых знамён, юбилейных лент и хоругвей. Этими изделиями монастырь стал славен. Когда 8 апреля 1900 года императорская чета посетила Вознесенский монастырь, то, как сообщает автор труда о преподобной Евфросинии Московской Д. С. Дмитриев, император и императрица «осматривали знамёна для полков, изготавливаемые в Вознесенском монастыре, причём государь император обратил внимание на превосходную работу монахинь». Именно в тот же день — 8 апреля 1900 года — настоятельница монастыря матушка Евгения преподнесла в дар царствующей семье вышитые в монастырской мастерской шелками и золотом иконы Вознесения Господня и преподобной Евфросинии, основательницы Вознесенской обители.

Искусные изделия монахинь Вознесенского монастыря стали известны далеко за пределами России. Наиболее любопытным фактом здесь является история участия обители в 1892 году во Всемирной Колумбовой выставке, которая проходила в США, в городе Чикаго. Ещё до начала этой грандиозной выставки в России был создан специальный Дамский Комитет, который состоял под покровительством императрицы Марии Фёдоровны. Для экспозиции принимались разные изделия, созданные женщинами, в том числе и монастырские. Инициативу по сбору выставочной продукции по Москве и Московской губернии возглавила великая княгиня Елизавета

Фёдоровна.

Она же в январе 1899 года возглавила подготовку изделий мастериц-женщин для Всемирной выставки в Париже, которая состоялась в 1900 году. В открытом уже по инициативе супруга Елизаветы Фёдоровны, тогда генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича, Московском Историческом музее выделили два специальных зала, куда свозились и где предварительно экспонировались самые интересные и ценные работы мастериц. Особое место занимали здесь труды сестёр Вознесенского монастыря, в том числе художественно исполненные предметы церковного облачения и обихода, вышивки.

Выставка в Париже работала почти два месяца. И не безуспешно. Изделия московских женских монастырей получили высшую награду — «Гран-при».

Как известно, в начале XX столетия в Вознесенском монастыре насчитывалось более двухсот монахинь и послушниц. Промыслы обители просуществовали до революционных событий 1917 года. Одним из последних деяний монахинь в тот памятный год стало поправление после ноябрьских боев и штурма Кремля большевиками утвари и ризницы кремлёвской Патриаршей церкви Двенадцати Апостолов. После этого деятельность обители стала пресекаться.

Да и сам Вознесенский монастырь очень пострадал в том самом ноябре 1917 года при боях за Кремль. Стены и купола его храмов были частично разрушены снарядами пушек. Известно свидетельство, что на следующий день после обстрела в Екатерининской церкви обители на полу нашли убитого юнкера, защищавшего Кремль. Тогда была отслужена лития у тела погибшего...

Ещё более трудные времена начались в марте 1918 года, когда в Москву переехало правительство большевиков, которые стали активно и быстро занимать жилые и административные площади Кремля. По этой причине монахиням быстро приказали покинуть обитель. Некоторые из них переселились в здание больничного приюта в Лефортове. Кое-что из утвари тогда удалось спасти. Но ненадолго. При обыске всё было конфисковано, а затем украдено или отправлено в Оружейную палату. Известно, что в храме Святой Екатерины был устроен гимнастический зал...

В декабре 1918 года после неожиданного решения Комиссии по изъятию церковных ценностей главная чудотворная икона храма Вознесения Господня обители — «Богоматерь Одигитрия», та самая, что была поновлена в 1482 году Дионисием, — была изъята из монастыря и

перенесена в Крестовую (Мироваренную) палату Патриаршего дворца. Она, к счастью, не пропала, позднее её перевезли в Государственный исторический музей. В 1930 году «Одигитрия» попала в Государственную Третьяковскую галерею, где хранится и по сей день.

Судьба пантеона русских княгинь, великих княгинь и цариц

От Вознесенского из Кремля привезли шитые подзоры под иконы,
разные коврики, шитые бисером подушечки...

И. Шмелёв. Лето Господне, 1933 г.

После Октябрьского переворота 1917 года и событий ноября 1918 года в Московском Кремле произошло много перемен. Судьбу Вознесенского монастыря и гробницы Евдокии-Евфросинии постигла не лучшая участь, пока не пришло время расставлять всё на свои места уже в XXI столетии.

Впервые раку и сень над мощами княгини вскрыли уже в 1922 году. Тогда изъяли драгоценные металлы. Но сами мощи преподобной Евфросинии не пострадали, их не тронули, и они сохранились под полом собора.

А когда в 1929 году начали разрушение монастыря, то увидели, что гробница из белого камня, где находились мощи преподобной Евфросинии, оказалась повреждённой. С трудом её вынули из-под земли...

В тот год в Кремле началось активное переустройство. Первым делом решили снести самые древние монастыри: Чудов и Вознесенский. Они не считались тогда большой исторической ценностью. А на их месте задумали возвести новые здания некоего советского «классицизма». Что с успехом было спроектировано архитектором Рербергом, а затем и осуществлено, быстро и безжалостно.

В те дни заведующий памятниками Кремля искусствовед Н. Н. Померанцев и архитектор памятников Кремля Д. Н. Сухов обратились с заявлением к наркому просвещения А. В. Луначарскому: «В среду 5 июня 1929 года комендантом Кремля тов. Петерсоном было сделано словесное распоряжение об освобождении от музейных вещей в недельный срок помещений бывших Чудова и Вознесенского монастырей в Кремле в связи со сносом указанных древних зданий для постройки на этом месте здания Военной школы ВЦИК». Они обосновали историческую и культурную (о духовной и говорить было нельзя) ценность Вознесенского и Чудова

монастырей. Приложили также записку архитекторов А. В. Щусева, И. В. Жолтовского, И. А. Фомина, И. И. Машкова, где было отмечено, что «уничтожение указанных частей Кремля будет равносильно окончательной, непоправимой гибели и уничтожению Московского Кремля как памятника искусства мирового значения».

Но летом 1929 года приступили к разборке зданий обителей. Оставалось только спасать оставшееся. Учёные стали делать обмеры, производить фотографирование, составлять описание древних стенописей, обследовать и вывозить (фактически выносить) гробницы из Вознесенского собора. Спасали его иконостас, который успели демонтировать, и он сохранился, переведённый в церковь Двенадцати Апостолов.

Благодаря усилиям Н. Н. Померанцева, приглашённого им историка, сотрудника музея В. И. Иванова, и Д. Н. Сухова удалось сохранить белокаменные саркофаги с останками женщин-правительниц Руси. Тогда, в августе — декабре 1929 года, была спасена от варварского уничтожения гробница с мощами преподобной Евфросинии Московской. Была создана комиссия для изучения и сохранения некрополя Вознесенской обители, которую возглавлял замдиректора Оружейной палаты В. К. Клейн. Когда вскрыли полы в Вознесенском соборе, то увидели намного большее количество гробниц, чем это наблюдалось визуально. Всего их было найдено почти шестьдесят! Ручным способом белокаменные саркофаги весом до двух тонн перевезли в Архангельский собор.

Разместить некрополь было негде. Поэтому выбрали подвальную часть собора — Судную палату, тут их и укрыли, с глаз долой от тех, кому это не по душе. Саркофаги опускали в подвал через пролом в стене, иного способа не было.

Спасли! Не всё, конечно, но что смогли...

Думали, что опускают в подвал ненадолго. Но оказалось — почти на сто лет...

Года 1929-й и 1930-й стали самыми драматичными для Музеев Московского Кремля. Разрушения памятников были чудовищными. Изъятые ценности сдавались в Госторг. Ситуация фактически привела к гибели профессионального научного коллектива музея, сотрудники не могли быть безучастными. Тогда, в конце 1929 года, покинул пост директора Д. Д. Иванов; чуть позднее, в январе 1930 года, он покончил жизнь самоубийством. Затем за восемь лет в музее сменилось четыре руководителя. При этом ни один из них не имел необходимого образования или опыта. В середине 1930-х до самой войны большинство ценных

научных сотрудников были уволены. Надолго запоминается рассказ о том, как в 1929-м из сносимого Вознесенского монастыря с поспешностью переносили останки женщин из княжеских родов Средневековой Руси и России после Смутного времени. Всего осталось, как сообщают нам современные публикации, 56 таких саркофагов.

Они были помещены в подклетное помещение Архангельского собора Московского Кремля, доступ в которое для «обычных людей» пока закрыт.

Среди надгробий XV века остались, в частности, связанные с такими именами:

Евдокия, в монашестве Евфросиния (скончалась в 1407 году) — великая княгиня, жена Дмитрия Донского;

Софья Витовтовна (1453 год) — вдова великого князя Василия I Дмитриевича;

Мария Борисовна (1467 год) — первая жена великого князя Ивана III, скончавшаяся в возрасте 23 лет (видимо, от яда, так как в её тканях найдено много цинка и токсичных веществ);

Мария Ярославна (1485 год) — жена великого князя Василия II Васильевича.

По словам очевидцев, сделанные из белого камня надгробия весят почти до двух тонн!

И вот что интересно. «Лекарства в те далёкие времена, — пишет современный исследователь, — были небезопасными — их делали на основе мышьяка, свинца и ртути. Косметическими средствами, которыми средневековые красавицы щедро пользовались, служили краски, используемые иконописцами, а именно — свинцовые белила (к ним для яркости добавляли ещё и барий), киноварь, содержавшая много ртути и серы». Таким образом, многие женщины просто не доживали свой век, а когда их начинали лечить от недугов, то происходило всё наоборот: они заболели всё больше.

Другим «фактором смерти» являлись... известные яды, о чём мы уже говорили в первой главе нашей книги. Неудобных убирали вполне «профессионально». В подтверждение этого факта мы читаем там же: «Изучив микроэлементный состав волос царицы (речь идёт об Анастасии, первой жене Ивана Грозного), фрагмента ткани и тлена, эксперт-химик обнаружил в них большое количество солей ртути. И стало понятным, что причиной смерти царицы Анастасии оказался один из «популярнейших» ядов Средневековья. Другим способом — принимая лекарство, пользуясь косметикой, — эта молодая женщина не могла бы накопить в своём теле столько отравляющего вещества».

Ныне благоверная княгиня Евдокия и благоверный князь Дмитрий лежат в одном соборе Московского Кремля — Архангельском. Время распорядилось так, что мощи великой княгини оказались в храме, где хоронили только особ «мужеского пола». Однако здесь требуются некоторые дополнения.

Когда скончался Дмитрий Донской, Евдокия, как мы помним, построила в Москве в память о нём церковь Рождества Богородицы, которая стала храмом для женской половины великокняжеской семьи. Так она отметила ещё раз победу мужа на Куликовом поле. Сегодня, если посмотреть на Кремль со стороны Моховой улицы, то на фоне Большого Кремлёвского дворца можно увидеть едва заметную золочёную главку этого уникального храма, чудом не тронутого во времена лихолетья тридцатых годов XX века.

Возведённый ею же новый Вознесенский монастырь в Кремле будет затем местом, где хоронили русских княгинь, великих княгинь и цариц вплоть до эпохи Петра I, то есть до начала XVIII столетия. А их мужья и братья нашли своё упокоение в кремлёвском соборе Архангела Михаила.

Но когда в 1929-м полностью разрушалась обитель, группе учёных — сотрудников кремлёвских музеев — чудом удалось спасти некоторые останки и перенести их в подклет — подвальные помещения Архангельского собора. Они находятся там и по сей день. Рассказывают, что, когда несколько человек стали поднимать саркофаг преподобной Евдокии, он неожиданно раскололся. Ведь он был фактически самым древним из здесь оставшихся. Обнаружили некоторые остатки её одеяния...

После переноса праха княгинь в Архангельский собор произошло необыкновенное: соединились под одной сенью почти все родственники великокняжеской семьи. Под крышей единого храма лежат теперь мощи Дмитрия Донского и Евдокии Суздальской (в монашестве — Евфросиния), их детей — Василия, Юрия, Андрея и Петра, всё, что осталось от праха и надгробий их невесток — жены Василия Софьи Витовтовны и супруги Юрия Анастасии Смоленской. Также мы найдём здесь упоминание о внуках князя Дмитрия и Евдокии — Василии Васильевиче Темном, Василии Юрьевиче Косом и Дмитрие Юрьевиче Красном.

Так распорядились время и люди. Жаль, что и по сей день никто, кроме отдельных специалистов, не имеет возможности попасть в помещение, где находятся останки из женского монастыря Кремля. Однако желающие уже могут прийти и поклониться мощам великой княгини

Московской — благоверной Евдокии, после их недавнего перенесения из подклети в соборный придел Уара.

Как видим, к мужским гробницам доступ сегодня свободный, к женским (кроме Евфросинии Московской) — всё ещё нет, хотя этому «нет» скоро уже девять десятилетий... Такой вот «двойной» княжеский пантеон в соборе Московского Кремля.

Однако тут следует вспомнить и о следующем. Важный для Церкви вопрос о похоронах женщин в мужских монастырях и, с другой стороны, особ «мужескаго пола» — в женских — специально рассматривался в 1551 году на Стоглавом соборе. Неплохо бы принять к сведению его примечательное решение: «Божественные правила не повелевают в мужских монастырех жён погребати, ни в женских мужей погребати, а от обычая же земля не токмо zde в российском царствии погребаются, но и в тамошних странах во Иерусалиме и во Египте и в Царе граде и в прочих странах свидетельствуют Божественные писания от жития святых...» Церковные установления данную традицию не признавали, но обычай такой в те времена существовал, и ничего с ним нельзя было поделать.

Многие, будучи в Музеях Московского Кремля, посещали знаменитый Архангельский собор, где погребены многие русские князья, а также великие князья и цари вплоть до эпохи Петра Первого. Они лежат тут, и память о них хранится в потомстве. Нет только одного царя — Бориса Годунова. Прах его покоится в Троице-Сергиевой обители. Много было великих и удельных князей на Руси, но не всем хватило места в Кремлёвском соборе.

Некоторые правители Древней Руси принимали перед кончиной схиму. О чём идёт речь? О степени и чине пострижения в монахи, об образе духовного подвижничества. Схима подразумевала особое смирение после обычного послушничества. Она могла быть малой или великой. Даже при пострижении в малую схиму инок обязывался отвергнуть всё, что так или иначе могло бы угождать телесным желаниям, быть послушным всякому и преодолеть любое стремление к стяжанию собственности... Только после тридцати лет малого схимничества монах мог принять великую схиму — обет особо строгого поста и непрерывной молитвы. Испытание не каждому под силу. Однако нам известны имена князей-схимников. Это, например, великий князь Александр Невский (в схиме Алексей), его сын — Андрей Александрович, собиратель Москвы Иван I Калита, князь Симеон Иванович (в схиме — Созонт), Иван II Иванович, Михаил Ярославич Тверской (в схиме — Матфей), а в дальнейшие времена цари — Василий III

(в схиме — Варлаам), Иван IV (в схиме — Иона), Борис Годунов (в схиме — Боголеп).

Внутри храмов на Руси стали хоронить почти сразу после принятия христианства. Обычай пришёл из Византии, как и многие другие, связанные с православием. Там, в первую очередь, в главных церквах погребали византийских императоров, самых важных государственных деятелей и, конечно же, высших иерархов церкви — митрополитов и патриархов.

Исторически сложилось, что собор Архангела Михаила, расположившийся в самом центре Московского Кремля, стал местом, где нашли свой вечный покой представители столичных княжеских родов. Семейный некрополь династии Рюриковичей (времен Москвы) и основателей царского рода Романовых (начиная с XVII столетия) нынче — один из самых знаменитых храмов и нечто вроде музея, куда поклониться праху великих правителей Руси приходят ежедневно тысячи гостей и паломников.

Однако собор этот не первоначальный. На этом же месте когда-то стояла деревянная церковь Архистратига Михаила, которую в 1247—1248 годах построил брат Александра Невского — Михаил. Затем отличился князь Иван Калита, который в 1333 году «за одно лето» выстроил уже каменный храм. Именно так возводились обетные храмы — быстро и всем миром. А этот был отстроен как благодарность за то, что Москва пережила ужасный голод. Собор освятил тогда митрополит Феогност. В том виде, в котором Архангельский собор дошёл до наших дней, он был заново сооружён на старом фундаменте уже в 1505—1508 годах. В те времена Кремль отстраивали итальянские мастера. Один из них — Алевиз Новый — внёс в своё детище некоторые элементы современного ему искусства эпохи Возрождения.

Сегодня в соборе можно увидеть остатки фресок XV и XVI веков. Иконостас относится к XVII—XIX столетиям. Но уникальная роспись стен храма сотворена была во времена царя Алексея Михайловича — в 1652—1666 годах.

Над рядами гробниц мы видим ряд «предположительных» портретов князей, прах которых лежит в соборе. Они почти совпадают с каждым конкретным надгробием. Одежды на них — XVI века. Все князья стоят в молитвенной позе, обращены к алтарю, то есть — к востоку. Предполагается, что надгробные портреты князей почти полностью, один в один, повторяли предыдущие, во многом утраченные росписи Архангельского собора ещё XVI века. Но почему все князья, несмотря на

то, что некоторые были и противниками верховной власти, и даже опальными, на стенах изображены в нимбах как святые? И над каждым из них мы видим лик его тезоименитого покровителя. Нимбы появились, видимо, благодаря византийской традиции. Там так изображались правители, это был символ богоизбранности власти. Но удивительно, как на Руси в сознании потомков, пусть даже не наяву, а лишь в иконографии, сложилось ощущение общего всепрощения по отношению ко всем своим государям. Кончина будто примирила всех их между собой, и весь род московских правителей попал под Господне покровительство. Князья словно признаются «святопреставленными», или «святопочившими». Они стоят в молитвенных позах, они молят о сохранении Русской земли. Так представляли себе это создатели росписей.

К созданию фресок могут иметь отношение такие выдающиеся иконописцы, как Симон Ушаков, Яков Казанец, Степан Рязанец, Фёдор Зубов, Сидор Поспеев и Иосиф Владимиров. Существовали до этого ещё более ранние лики, когда при Иване Грозном собор расписали в 1564—1565 годах. Но после Смутного времени те фрески плохо сохранились, их закрыли новыми. В Архангельском соборе Рюриковичи лежат вдоль южной стены (великие князья Московские), у стены западной — удельные князья и другие родственники князей великих, а по северной — все остальные, те, кто скончался, например, в Москве, в опале. В начале XX века были заказаны специальные латунные крышки, которые расположили сверху могил. В таком виде саркофаги и сохранились до наших дней, такими их видят посетители собора.

Но вернёмся к гробницам женским, которые скрыты от посторонних глаз.

В саркофаге благоверной княгини Евдокии — инокини Евфросинии — обнаружили обрывки кожаного монашеского пояса, на котором удалось рассмотреть тиснёные иконописные изображения православных двенадцатых праздников, включая некоторые к ним надписи.

Как комментировала руководитель рабочей группы Музеев Московского Кремля по изучению некрополя русских княгинь Т. Д. Панова, «когда в 1929 г. вскрыли саркофаг великой княгини Евдокии Донской (инокини Евфросинии), то кроме двух обрывков кожаного монашеского пояса и нескольких фрагментов ткани на скелете уже ничего не было. За 500 с лишним лет (с 1407 г.) одежды этой женщины истлели и рассыпались. Кожа — более долговечный материал. Пояс Евфросинии был украшен тиснёными изображениями двенадцатых праздников и надписями к ним.

И хотя он сохранился частично, даже в таком виде он представляет большой интерес для изучения истории атрибутов русского монашества (работа реставратора высшей категории Н. П. Синицыной)».

Неправедные действия властей по вскрытию могил, однако, дали возможность исследователям русского средневекового монашества получить свойственную той эпохе редчайшую деталь одеяния ушедшей от мира правительницы Руси. То, что можно было рассмотреть в уникальных случаях разве что только на книжных миниатюрах, теперь появилось через века в виде реальной, не истлевшей от времени вещи.

И ещё кое-что сохранилось на крышке её белокаменной гробницы: надпись-граффити — «Евдокея».

Надо сказать, что долгое время в СССР тема сохранности некрополя русских княгинь, великих княгинь и цариц в Московском Кремле была невозможной для широкого обсуждения. Даже в период перестройки, в конце 1980-х, накануне превращения страны Советов в Российскую Федерацию, упоминание в прессе о гробницах в подклети Архангельского собора было недопустимым.

Автору данной книги пришлось испытать это и на себе. В декабре 1990 года в эфире телепрограммы «Добрый вечер, Москва!» была показана передача, впервые на телевидении поднимавшая эту тему и рассказывающая о судьбе саркофагов выдающихся женщин Руси-России, и в первую очередь — княгини Евдокии. Реакция общественности была очевидной: в письмах, пришедших в редакцию ТВ, все поддерживали необходимость открытия доступа к гробницам, как это происходило и происходит с гробницами князей и царей в Архангельском соборе.

Реакция же тогдашнего руководства Музеев Московского Кремля была поразительной, хотя и предсказуемой. Заявление от дирекции было направлено прямо на самый верх: «Председателю Гостелерадио СССРт. Кравченко Л. П., копия Главному редактору Московской программы ЦТ СССР». Далее, с искажённой передачей того, что показывалось на экране, приводились аргументы — почему нельзя поднимать данную тему: «Дирекция Государственных музеев Московского Кремля вынуждена с горечью отметить, что в последнее время участились случаи тенденциозной подачи пропагандистских материалов, отражающих историю Кремля, его памятников и музеев. В передаче 10.12.90 г., показанной по Московской программе в блоке «Добрый вечер, Москва!», на суд зрителей была предложена ведущим К. П. Ковалевым информация, изобилующая искажениями фактов... Затронутая тема о многострадальной

истории не сохранившихся кремлёвских памятников требует консультаций со специалистами... Совершенно беспочвенны утверждения автора о том, что гости Кремля, музейные работники, депутаты и делегаты, и даже сам Президент СССР (имеется в виду М. С. Горбачёв. — К. К.-С.) ходят совершенно равнодушно чуть ли не по праху «сваленных в кучу» останков цариц... Тов. К. Ковалев, опираясь на слова «дежурного» из Архангельского собора, утверждает, что этот комплекс захоронений никто не видел. Удивляет отношение к сюжетам из нашей отечественной истории, явная тенденциозность подачи материала. К историческим сюжетам нужно подходить ответственнее, как и при упоминании здания постройки архитектора Рерберга 30-х годов XX в., показанного тов. Ковалевым. Дирекция музеев обращает Ваше внимание на необходимость предварительного рецензирования материалов по истории Кремля и просит сделать соответствующие выводы Главного редактора Московской программы телевидения. Москва, Кремль. 25.12.1990 г.». Выводы были сделаны. Тогда меня, ведущего программы «Добрый вечер, Москва!», на полгода отстранили от эфира, хотя все сотрудники, да и дирекция Московского телеканала были полностью на стороне тех, кто желал восстановления некрополя в самое ближайшее время.

Только в наше время, на заре XXI века, удалось в некотором роде вернуть кое-что на свои места. 28 мая 2008 года, после литургии в Архангельском соборе, совершенной Патриархом Алексием II в сослужении викариев Московской епархии, состоялось перенесение мощей святой благоверной княгини, преподобной Евфросинии Московской, из Судной палаты подклета Архангельского собора в придел мученика Уара.

Мощи святой были до этого перенесены из Судной палаты (подклета Архангельского собора) и во время Божественной литургии пребывали с левой стороны иконостаса. Святейший Патриарх Алексей в своём слове отметил этот день как «второе обретение мощей преподобной Евфросинии Московской».

После совершения молебна в Архангельском соборе священнослужители взяли раку с мощами святой и крестным ходом перенесли её к приделу мученика Уара. Здесь прочитали молитву преподобной. Затем святые мощи внесли в придел и положили в ковчег, в котором они теперь и хранятся.

Незаметная дверца почти напротив колокольни Ивана Великого на Соборной площади Кремля — придел Святого Уара — почти всегда открыта, и туда осуществляется свободный доступ всем желающим. Нужно

только подойти и открыть её, но почему-то рядом нет заметного указания на то, что здесь теперь хранятся мощи Евдокии-Евфросинии, покровительницы Москвы и России.

В приделе находятся также древняя икона мученика Уара и другие святые иконы из Музеев Кремля.

Есть продвижение и в работе исследователей в Московском Кремле. Как сообщается, «в архивных собраниях Москвы на сегодня выявлены новые данные, проливающие свет на период разрушения монастырского комплекса на рубеже 1920—1930-х годов. В частности, обнаружены схематические рисунки, зафиксировавшие топографию захоронений под полами Вознесенского собора, в разных его частях. Эти материалы (выявлены Т. Д. Пановой) дают возможность реконструировать историю формирования некрополя великих княгинь и цариц на разные этапы его существования». Известно также, что предполагается открыть доступ ко всем гробницам, когда они будут перенесены в постройки южной части Архангельского собора. А пока мы можем прочитать следующее официальное сообщение: «В Музеях Кремля разработана программа полного и комплексного изучения всех останков из некрополя великих княгинь и цариц бывшего Вознесенского собора. Выполнение программы осуществляется силами Музеев Московского Кремля, Отдела антропологии Института этнологии и антропологии РАН, Института археологии РАН, Института общей генетики РАН, Бюро судебно-медицинской экспертизы Комитета здравоохранения города Москвы, НИИ и музея антропологии, исторического и филологического факультетов МГУ. В ходе выполнения программы проводятся: изучение истории и судьбы некрополя Вознесенского монастыря в Кремле (по архивным собраниям, археологии и так далее), изучение тканей одежды, история костюма, реставрация и консервация тканей, одежды, ритуальных сосудов. Антропологические исследования. Они включают краниологические, одонтологические, остеометрические изыскания, пластические реконструкции портретов по черепам, изучение палеопатологии, проведение рентгенологии, генетические исследования, экспертизы на яды. Проводятся фото-и видеофиксации процессов работ и исследований».

В память о святой Евдокии стали возводить в нашей стране новые православные храмы. Первым из них стал храм Преподобной Евфросинии, великой княгини Московской, к названию которого добавляют и место его расположения — в Котловке. Москвичи проявили инициативу ещё в 2002 году, когда настоятелем строящейся церкви был определён протоиерей Алексей Ладыгин. Пока храм строился, с 2002 по 2010 год, приход

располагался в домовой церкви неподалёку — на Севастопольском проспекте. Наконец, когда храм был возведён, с 2010 года здесь начали совершаться богослужения.

Иконостас в храме установили в 2011—2012 годах, год спустя начали росписи стен. В 2016 году настоятелем храма был благословлён иеромонах Клавдиан (Сафонов). Среди святынь храма — чудотворная икона преподобной Евфросинии, великой княгини Московской, с частицами мощей и пояса, а также камень от гробницы святой заступницы Москвы.

Место, где стоит храм, выбрали неслучайно. Оно потому и называется Котловкой, что когда-то принадлежало после кончины мужа — Дмитрия Донского — самой княгине Евдокии. Здесь, в частности, произошло важное событие — она вместе с сыном Василием встречала митрополита Киприана, направлявшегося в Москву.

Рядом с храмом 19 ноября 2013 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла состоялась торжественная церемония открытия и освящения памятника святому благоверному великому князю Дмитрию Донскому и великой княгине Евдокии, в монашеском постриге — Евфросинии, со чадами. Был совершён чин освящения скульптурной композиции. Автором памятника стал скульптор Дмитрий Кукколос.

Памятным стало событие, которое для Москвы имело особое значение. В 2012 году на Рождественском бульваре, неподалёку от Богородице-Рождественского женского монастыря, по преданию, одной из основательниц которого была великая княгиня Евдокия, воздвигли и открыли Поклонный крест в её честь. Подобного памятника на бульварах столицы ещё не было. Это место, куда стекаются теперь туристы и паломники, любители Москвы и её истории. Памятник сделан из нескольких видов камня, включая белый камень. На фоне массивного креста в средневековом стиле изображена в рост человека женская фигура в иноческом одеянии. Правой рукой княгиня благословляет, а в левой руке — держит изображение собора. У подножия постамента расположена содержательная памятная надпись: «Поклонный крест сей установлен по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в лето 2012 от рождества Христова в память о покровительнице Москвы преподобной Евфросинии — в миру великой княгине Московской Евдокии Дмитриевне (1353—1407), по воле которой в 1395 году в Москву была перенесена чудотворная Владимирская икона Божией Матери, спасшая Русь от нашествия Тамерлана».

И, наконец, стало известно о том, что Вознесенский монастырь будет восстанавливаться на своём месте в Московском Кремле. Всему, как говорится, своё время...

Так называемый 14-й административный корпус, построенный в советское время архитектором И. И. Рербергом на месте разрушенных Чудова и Вознесенского монастырей, а также Малого Николаевского дворца в Московском Кремле, решено было снести. С предложением в июле 2014 года выступил Президент России Владимир Путин — не реставрировать и не ремонтировать это административное здание, а восстановить на его месте то, что здесь находилось ранее. Так и сделали. Начали демонтаж 14-го корпуса весной 2016 года. Непростая работа позволила учёным-археологам вновь изучить часть Кремлёвского холма. За научную работу взялся Институт археологии Российской академии наук. Были начаты работы по выявлению местоположения исторических сооружений и определению степени их сохранности, для чего заложили несколько шурфов и сделали раскопы между Ивановской площадью и Спасской башней, где были выявлены части Екатерининской церкви Вознесенского монастыря.

Когда зимой 2017 года здание Рерберга было снесено, на Ивановской площади обустроили сквер и были сделаны на земле так называемые «археологические окна». Закрытые прочным стеклом и подсвеченные, они открыли для обозрения посетителей Кремля белокаменные фундаменты и другие объекты, найденные при раскопках... Как оказалось — погибло многое, но не всё.

Тогда же была реализована идея нового туристического маршрута для прогулок по Кремлю. Теперь у гостей музея появилась возможность войти в Кремль через Троицкие ворота, а выйти — через Спасские, прямо на Красную площадь. Таким образом, стало можно проходить по территории, ранее недоступной. Это позволяет москвичам и гостям столицы ознакомиться с историей разрушенных святынь.

Возобновлено поимённое поминовение игумений Вознесенской обители, основанной Евдокией. Оно происходит в храме Софии Премудрости Божией на Софийской набережной, что на другой стороне Москвы-реки, прямо напротив разрушенного монастыря, а также в Кремле, пусть и не каждый день (ежедневная или регулярная служба возобновляется внутри кремлёвских стен медленно).

Полное восстановление, в частности, Вознесенского монастыря в Московском Кремле и возвращение туда гробниц русских княгинь, великих

княгинь и цариц — теперь дело времени.

Среди русских женщин — выдающихся исторических и государственных деятелей — имя жены и вдовы великого князя Дмитрия Донского выделяется особо. Пусть и не так много людей сегодня помнят его. Она вошла в историю Москвы и России как одна из тех величайших женщин, которые внесли неоценимый вклад в развитие нашей страны. Именно Евфросиния, основав в конце XIV — начале XV века Вознесенский монастырь в Московском Кремле, стала в памяти потомков покровительницей женской половины правящих семей Российской державы. В соборе обители затем были похоронены самые известные княгини и царицы Москвы, так же как в Архангельском соборе — их отцы, мужья, братья и сыновья.

Напомним, что в настоящее время чудом сохранившиеся мощи великой княгини Евдокии — преподобной Евфросинии Московской — выставлены в приделе Архангельского собора для свободного доступа.

В 2007 году по решению Священного синода учреждены орден (три степени) и медаль её имени, которыми награждаются женщины, внёсшие особый вклад в дело укрепления духовно-нравственных традиций в обществе и развития социального служения Церкви, потрудившиеся на поприще церковно-общественной деятельности и церковно-государственных отношений, а также понёсшие труды во благо Православия. Лента ордена — шёлковая муаровая, кремовая с двумя красными полосами по обеим сторонам. Первыми награждёнными орденом преподобной Евфросинии, великой княгини Московской, стали: композитор А. Н. Пахмутова, женщина-космонавт В. В. Терешкова, первый заместитель мэра Москвы Л. И. Швецова, председатель Попечительского совета «Святость материнства» Н. В. Якунина, настоятельница подворья Пюхтицкого Успенского монастыря игуменья Филарета (Смирнова), настоятельница Воздвижения Креста Господня и в честь Иерусалимской иконы Божией Матери женского монастыря игуменья Екатерина (Чайникова), профессор Государственного музыкально-педагогического института им. М. М. Ипполитова-Иванова Л. П. Соколова, заслуженный строитель России Г. Н. Евсеева, многодетная мать А. И. Ладыгина.

13 июля 2015 года Священный синод Русской православной церкви установил день празднования общей памяти святых благоверных князя Дмитрия Иоанновича Донского и княгини Евдокии — 19 мая.

Известную реконструкцию лица княгини по её останкам выполнил не так давно эксперт и специалист в области скульптурной реконструкции

облика человека С. А. Никитин. Мы теперь можем увидеть предположительный лик этой замечательной женщины из русского Средневековья.

Имя Евдокии-Евфросинии по праву стоит первым в ряду самых известных исторических женских имён Московской Руси, а сама святая подвижница может быть названа одной из величайших женщин в истории России.

Послесловие

О РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

На всякий же час ударяет молотом в колокол,
размеряя и расчитая часы ночные и денные...

*Из летописи XV века о кремлёвских башенных часах,
1404 г.*

В Средние века, как говорится, мужчины пахали и сеяли, а женщины убирали урожай. Женщина занималась изготовлением одежды, мужчина ловко владел оружием.

Общество менялось со временем, однако «Домострой» прочно вошёл в сознание людей той эпохи, хоть и написан был только в XVI веке. А там мы можем прочесть: «Подобает мужьям поучать жён своих с любовью и благорассудным наказанием. Жёны мужей своих спрашивают о всяком благочинии, как душу свою спасти, и Богу, и мужу угодить, и дом свой хорошо строить, и во всём мужу покоряться, а что он накажет, то с любовью и со страхом внимать и творить по сему писанию. А в гости ходить и к себе звать и связываться, с кем муж велит».

Но княгине Евдокии повезло с мужем и детьми. А может быть, это не везение, а именно то её качество, что позднее назовут эпитетом «благоверность».

Да, конечно, воспитание детей и кухня были на попечении обычной женщины, и муж редко вмешивался в эту сторону домашней жизни. Однако хозяйка по воскресениям могла себе позволить пойти в церковь. И более того — вообще принять решение об уходе в монастырь.

Обеспеченные женщины занимались благотворительностью. Более знатные — устраивали храмы и основывали обители.

Женщины — жёны тех, кто стоял у власти, — проявляли себя на политическом, дипломатическом и культурном поприще. Они были полноправными правительницами в своём княжестве или вотчине, обладательницами личных печатей, символизировавших их власть в княжествах, регентшами, опекунами. Эти представительницы

прекрасного пола отличались на Руси высоким по тем временам уровнем образованности и культуры, что позволяло им принимать участие в государственных делах и в управлении страной.

Не так уж мало выдающихся женщин оставили свой след в истории России. Но жена, а затем вдова князя Дмитрия Донского — святая благоверная великая княгиня Евдокия, преподобная Евфросиния Московская — сыграла удивительную и совершенно уникальную, неповторимую роль в нашей истории.

Как образцовая мать она пользовалась огромным уважением своих детей. Потому её муж перед кончиной и писал: «А вы, дети мои, живите заодно, а матери своей слушайтесь во всём... А который сын мой не станет слушаться своей матери, на том не будет моего благословения». Один из документов, подписанных сыном Евдокии великим князем Василием Дмитриевичем, начинается так: «По слову и благословию матери нашей Авдотьи». В другом месте её сыновья отметят: «А мать свою нам держать в чести».

В уже не раз цитируемом нами произведении «В мале сказание о блаженней великой княгине Евдокие во инокинях Евфросинии, супружницы достохвальнаго великаго князя Димитрия Ивановича Донскаго», помещённом в «Книге Степенной Царскаго родословия» XVI века, о княгине и о её муже написано поэтично и проникновенно: «Любящего душа в теле любимого. И я не стыжусь говорить, что двое таких носят в двух телах единую душу». И ещё там же: «И во всём усердно подобствова богоугодному исправлению державного и благонравного си святаго супруга; с ним же единомудренно в заповедех Господних благозаконно живуци, породил ему сынове и дщери и воспита их благочестно... по браце целомудренно живяста, яко златоперсистый голубь и сладкоглаголивая ластовица... и плоти угодия не творяху... по браце совокупления тоже тело чисто соблюде, греху не причастно».

Всё это — о ней, великой женщине Средневековой Московской Руси.

Неслучайно её называют небесной покровительницей Москвы и России. Существует даже поверье, что наша страна сможет возродиться вновь, когда будет возобновлено почитание Евфросинии Московской — канонизированной Русской православной церковью в качестве святой преподобной и благоверной великой княгини, которая стояла у истоков объединения земель вокруг Москвы.

И если автору данной книги удалось хотя бы пробудить интерес у читателя к судьбе пусть лишь одной женщины в истории нашего государства, то он будет считать свою миссию исполненной. Ведь наша

будущая жизнь основывается на примерах прошлого.

А героиня этой книги, согласитесь, — один из лучших исторических образцов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОПЛАКИВАНИЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕЙ ЕВДОКИЕЙ СВОЕГО МУЖА. ИЗ «СЛОВА О ЖИТИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА»

Дошедшее и чудом сохранившееся Житие великого князя Дмитрия Донского было создано, по-видимому, в самом конце XIV столетия (или в первые годы XV века), то есть ещё при жизни княгини Евдокии — его вдовы. Это уникальный образец древнерусской литературы агиографического жанра, неповторимое похвальное слово благочестивому и истинно мудрому правителю, который сумел победить захватчиков Руси — монголов.

Мы находим здесь удивительную риторiku, особенный язык, напоминающий тот, что был присущ Епифанию Премудрому, написавшему Житие преподобного Сергия Радонежского и создавшего уникальную школу-традицию так называемого «плетения словес». Его особенная, торжественная манера письма стала новым веянием в писаниях той эпохи, в особенности, агиографических. Подобная традиция продолжилась затем вплоть до XVII столетия.

Современники впервые встречаются здесь с реальными человеческими описаниями жизни и деятельности князя Дмитрия. В данном Житии больше исторических фактов, нежели житийных рассуждений. В этом смысле — перед нами действительно уникальный источник, ознакомиться с которым имеет смысл каждому любителю русского Средневековья.

Ещё в 1893 году автор книги «Седая старина Москвы» И. К. Кондратьев писал: «Нет надобности объяснять, что в плаче Евдокии над гробом супруга много поэтического, вымышленного, и его нельзя считать буквально подлинным. Но с другой стороны, взяв во внимание современность сказания о житии Дмитрия Ивановича, общеупотребительность в Древней Руси выражения душевной скорби в плаче, т. е. в разных причитаниях над умершим, нельзя не признать в нём если не всего, то, по крайней мере, много исторически достоверного. Сочинитель жития Дмитрия Ивановича мог быть свидетелем его кончины, мог слышать плач его супруги и потом, конечно с некоторыми изменениями, внести его в составленное им жизнеописание Дмитрия

Донского. Если же мы и отвергли бы вполне подлинность плача, то он всё-таки будет для нас иметь важность как изображение душевного состояния Евдокии при гробе её супруга в том виде, как представлялось это состояние современникам».

Плач Евдокии (в тексте она зовётся Авдотьей) вошёл составной частью в данное Житие. Мы выделяем его в тексте, чтобы читатель мог обратить на него особое внимание. Известный и проникновенный памятник древнерусской церковной поэзии — оплакивание великой княгиней Евдокией своего мужа — пронзительное поэтическое слово, дошедшее до нас из прошлого.

Текст «Слова о житии Великого князя Дмитрия Ивановича» в переводе М. А. Салминой приводится по изданию: Сердца из крепкого булата: Сборник. М., 1990. С. 322-334.

**Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича,
царя русского**

Князь сей Дмитрий родился от именитых и высокочтимых родителей: был он сыном князя Ивана Ивановича, а мать его — великая княгиня Александра. Внук же он православного князя Ивана Даниловича, собирателя Русской земли, корня святого и Богом насаждённого сада, благоплодная ветвь и цветок прекрасный царя Владимира, нового Константина, крестившего землю Русскую и сородич от новых чудотворцев Бориса и Глеба. Воспитан же был он в благочестии и в славе, с наставлениями душеполезными, и с младенческих лет возлюбил Бога. Когда же отец его, великий князь Иван, покинул сей мир и удостоился небесной обители, он остался девятилетним ребёнком с любимым своим братом Иваном. Потом же и тот умер, также и мать его Александра преставилась, и остался он на великом княжении.

И когда воспринял он скипетр державы земли Русской, престол земного царства, отчину свою — великое княжение, по дарованной ему от Бога благодати, почести и славу, ещё юн был он годами, но духовным предавался делам, праздных бесед не вёл, и непристойных слов не любил, и злонравных людей избегал, а с добродетельными всегда беседовал. И Священное Писание всегда с умилением он слушал, о церквах Божьих усердно заботился. И на страже земли Русской мужественно стоял,

беззлобием отроку уподобляясь, а умом — зрелому мужу. Неприятелю же всегда был страшен он в бранях и многих врагов, на него поднимавшихся, победил. И славный град Москву стенами он на диво всем оградил. И в этом мире прославился — словно кедр в Ливане вознёсся и словно финиковая пальма расцвёл.

Когда же исполнилось ему шестнадцать лет, привели ему в невесты княгиню Авдотью из земли Суздальской, дочь великого князя Дмитрия Константиновича и великой княгини Анны. И обрадовалась вся земля свершению их брака. И после брака жили они целомудренно, словно златогрудый голубь и сладкоголосая ласточка, с благочестием пеклись о спасении своём, с чистой душой и ясным умом держа земное царство и готовя себя к небесному, и плоти своей не угождали.

Как кормчий крепкий, идя навстречу ветру, обходит волны, направляемый промыслом Всевышнего, и как пророк стоит на страже божественного устроения, так и он правил своим царством. И умножилась слава имени его, как некогда слава святого князя Владимира, и расцвела земля Русская в годы княжения его, как прежде земля Израиля обетованная. И могуществом власти своей оградил он всю землю; от востока и до запада прославлено было имя его, от моря и до моря, и от рек до конца вселенной разнеслась слава его. Цари земные, слыша о нём, дивились, и многие страны трепетали...

С юных лет Бога он возлюбил и усердствовал в духовных делах; хотя и не изощрён был в книжной премудрости, но духовные книги в сердце своём держал. И ещё одно поведаю о жизни его: тело своё в чистоте сберёг до женитьбы, церковь свою сохранил Святому Духу неосквернённой. Очи всегда опускал к земле, из которой и взят был, душу же и ум обращал к небу, где и подобает ему пребывать. И после бракосочетания также тело в чистоте соблюдал, к греху непричастным. Сбылись на нём слова божественного апостола Павла, который сказал: «Вы — храм Бога Живого, говорившего: «Вселюсь в них и в них пребуду». Царским саном облечённый, жил он по-ангельски, постился и все ночи простаивал на молитве, сну лишь ненадолго предаваясь, вскоре снова вставал на молитву и в такой благодати всегда пребывал. Тленное тело имея, жил он жизнью бесплотных. Землю Русскою управляя и на престоле сидя, он в душе об отшельничестве помышлял, царскую багряницу и царский венец носил, а в монашеские ризы всякий день облечься желал. Всегда почести и славу от всего мира принимал, а крест Христов на плечах носил, божественные дни поста в чистоте хранил и каждое воскресение Святых Таинств приобщался.

С чистейшей душой перед Богом хотел он предстать; поистине земной явился ангел и небесный человек.

И прожил он со своей княгиней Авдотьей двадцать два года в целомудрии, и имел с ней сыновей и дочерей, и воспитал их в благочестии. А княжение великое держал, отчину свою, двадцать девять лет и шесть месяцев, и многие славные деяния свершил, и победы одержал как никто другой, а всех лет жизни его было тридцать восемь и пять месяцев. А потом разболелся он и мучился сильно. Но после полегчало ему, и возрадовалась великая княгиня радостью великою, и сыновья его, и вельможи царства его. И снова впал он в ещё больший недуг, и стоны вошли в сердце его, так что разрывалось нутро его, и уже приблизилась к смерти душа его.

В то же время родился у него сын Константин. И призвал князь к себе княгиню свою, и других сыновей своих, и бояр своих, и сказал: «Послушайте меня все. Вот и отхожу я к Господу моему. Ты же, дорогая моя княгиня, будь детям своим за отца и мать, укрепляя дух их и наставляя всё делать по заповедям Господним: послушными и покорными быть, Бога бояться и родителей своих почитать, и страх перед ними хранить, в сердце своём во все дни жизни своей». И сказал сыновьям своим: «Вы же, сыны мои, плод мой, Бога бойтесь, помните сказанное в Писании: «Чти отца и мать, и благо тебе будет». Мир и любовь между собой храните. Я же вручаю вас Богу и матери вашей, и в страхе перед нею пребудете всегда. Поважите заветы мои на шею себе и вложите слова мои в сердце ваше. Если же не слушаете родителей своих, то вспомните потом написанное: «Проклятие отца дом детей его разрушит, а вздохи матери до конца искоренят». Если же слушаете — будете долго жить на земле, и в благоденствии пребудет душа ваша, и умножится слава дома вашего, враги ваши падут под ногами вашими и иноплеменники побегут пред лицом вашим, избавится от невзгод земля ваша, и будут нивы ваши изобильны. Бояр своих любите, честь им воздавайте по достоинству и по службе их, без согласия их ничего не делайте. Приветливы будьте ко всем и во всём поступайте по воле родителя своего».

И сказал боярам своим: «Подойдите ко мне, да поведаю вам, что совершил я в жизни своей. Старцы — что отцы мне были, средних лет мужи — словно братья, молодые же — как дети. Знаете привычки мои и нрав: при вас я родился, на глазах у вас вырос, с вами и царствовал и землю Русскую держал двадцать семь лет, а от рождения мне сорок лет. И воевал с вами против многих стран, и супротивным страшен был в бранях, и поганых попрал Божьей помощью, врагов покорил, княжество укрепил,

мир и тишину на земле водворил. Отчину свою, которую передал мне Бог и родители мои, с вами сберёг, чтит вас и любил, под вашим правлением свои города держал и великие волости. И детей ваших любил, никому зла не причинял, ничего силой не отнимал, не досаждал, не укорял, не разорял, не бесчинствовал, но всех любил и в чести держал, и веселился с вами, с вами же и горе переносил. Вы же назывались у меня не боярами, но князьями земли моей. Ныне же вспомните о словах своих, сказанных мне в своё время: «Должны мы, тебе служа и детям твоим, за вас головы свои сложить». Скрепите их правдою, послужите княгине моей и детям моим от всего сердца своего, в часы радости повеселитесь с ними, а в горе не оставьте их: пусть сменится скорбь ваша радостью. Да будет мир между вами».

И, призвав сначала сына своего старшего, князя Василия, на старейший путь, передал в руки его великое княжение — стол отца его, и деда, и прадеда, со всеми пошлинами, и передал ему отчину свою — Русскую землю. И раздавал каждому из своих сыновей: передал им часть своих городов в отчину, и каждому долю в княжении их, где кому из них княжить и жить, и каждому из них дал по праву его землю. Второму сыну своему, князю Юрию, дал Звенигород со всеми волостями и со всеми пошлинами, а также и Галич, который когда-то был Галицким княжеством, со всеми волостями и со всеми пошлинами. Третьему же сыну своему, князю Андрею, дал город Можайск, да другой городок — Белоозеро, со всеми волостями и со всеми пошлинами; это княжение было когда-то Белозерским. Четвёртому же сыну своему, князю Петру, дал город Дмитров со всеми волостями и со всеми пошлинами.

И так утвердил он всё это золотопечатной грамотой, и, поцеловав княгиню, и детей своих, и бояр своих прощальным целованием, благословил их, и, сложив руки на груди, предал святую свою и непорочную душу в руки истинного Бога девятнадцатого мая, в день памяти святого мученика Патрикия, на пятой неделе после Пасхи в среду, в два часа ночи. Тело его честное осталось на земле, душа же его святая в небесную обитель вселилась.

Когда же преставился благоверный и христоролюбивый, благородный князь всея Руси Дмитрий Иванович, озарилось лицо его ангельским светом. Княгиня же, увидев его, мёртвым на постели лежащего, зарыдала во весь голос, горячие слёзы из глаз испуская, нутром распаяясь, била себя руками в грудь. Словно труба, на бой созывающая, как ласточка на заре щебечущая, словно свирель сладкоголосая, причитала:

«Как же ты умер, жизнь моя бесценная, меня одинокой вдовой оставив! Почему я раньше не умерла? Померк свет в очах моих! Куда ушёл ты, сокровище жизни моей, почему не промолвишь ко мне, сердце моё, к жене своей? Цветок прекрасный, что так рано увядаешь? Сад многоплодный, уже не даруешь плода сердцу моему и радости душе моей! Почему, господин мой милый, не взглянешь на меня, почему ничего не промолвишь мне, не обернёшься ко мне на одре своём? Неужели забыл меня? Почему не посмотришь на меня и на детей своих, почему им не ответишь?

На кого ты меня оставляешь? Солнце моё — рано заходишь, месяц мой светлый, — скоро меркнешь, звезда восточная, почему к западу отходишь? Царь мой милый, как встречу тебя и как обниму тебя или как послужу тебе? Die, господин, честь и слава твоя, где господство твоё? Господином всей земли Русской был — ныне же мёртв лежишь, никем не владеешь! Многие страны усмирил и многие победы показал, ныне же смертью побеждён. И померкла слава твоя, и на лицо твоё легла печать смерти. Жизнь моя, как приласкаюсь к тебе, как повеселюсь с тобой! Вместо драгоценной багряницы облачаешься в простые и бедные ризы, не мною расшитую одежду на себя одеваешь, вместо царского венца простым платом голову покрываешь, вместо палаты красной гроб себе приемлешь. Свет мой светлый, почему ты померк? Гора высокая, как ты рушишься! Если Бог услышит молитву твою, помолись обо мне, о своей княгине: вместе с тобою жила, вместе с тобою и умру ныне, юность не оставила нас и старость ещё не настигла. На кого оставляешь меня и детей своих? Не много, господин, нарядовалась я с тобою: вместо радости и веселья печаль и слёзы пришли ко мне, вместо утехи — сетование и скорбь мне явились. Зачем родилась и, родившись, прежде тебя почему не умерла, — не видела бы тогда смерти твоей, а своей погибели! Неужели не слышишь, князь, печальных моих слов, неужели не трогают тебя мои горькие слёзы? Крепко, господин мой дорогой, уснул, не могу разбудить тебя! С какой битвы пришёл ты, истомившись так? Звери земные в норы свои идут, а птицы небесные к гнёздам своим летят, ты же, господин, от своего дома без радости отходишь! Кому уподоблюсь и как себя нареку? Вдовой ли себя назову? Не знаю сама. Женой ли себя назову? Лишилась я царя! Старые вдовы, утешьте меня, а молодые вдовы, со мною поплачьте: вдовье горе тяжелее всех у людей. Как восплачу или как воскричу: «Великий мой Боже, Царь царей, будь мне заступником! Пречистая Госпожа Богородица, не оставь меня, в дни

печали моей не забудь меня!».

И принесли его в церковь святого архангела Михаила, где стоит гроб отца его, и деда, и прадеда, и, отпев его по обычаю, положили его в гроб месяца мая в двадцатый день, на память святого мученика Фалалея. И плакали над ним князья и бояре, вельможи и епископы, архимандриты и игумены, попы и дьяконы, черноризцы и весь народ от мала и до велика, и не было никого, кто бы не плакал, и было не слышно пения в громком плаче. Был тут гость — митрополит трапезундский, грек Феогност, и владыка смоленский Данило, и Савва, епископ сарайский и Сергей-игумен, преподобный старец, и многие другие; разошлись все, горько плача.

Пятый же сын его, Иван, умер, а шестой сын его, Константин, самый маленький, ещё младенец, ибо остался он тогда после отца четырёхдневным, седьмой же сын его старший — Данило...

Ещё и мудрый сказал, что любящего душа в теле любимого. И я не стыжусь говорить, что двое таких носят в двух телах единую душу и одна у обоих добродетельная жизнь, на будущую славу взирают, возводя очи к небу. Так же и Дмитрий имел жену, и жили они в целомудрии. Как и железо в огне раскаляется и водой закаляется, чтобы было острым, так они огнём Божественного духа распялялись и слезами покаяния очищались. Есть ли кто столь сед разумом ещё до старости?..

КРАТКОЕ СКАЗАНИЕ О БЛАЖЕННОЙ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ ЕВДОКИИ, XVI ВЕКА (ИЗ «КНИГИ СТЕПЕННОЙ ЦАРСКОГО РОДОСЛОВИЯ»)

Сохранившееся жизнеописание великой княгини Евдокии — Евфросинии Московской — относится к XVI столетию, когда митрополит Макарий собирал материалы для канонизации многих русских святых. Именно тогда предполагалась и канонизация благоверной Евфросинии.

Жизнеописание (прообраз Жития) вошло в состав появившейся в то же время «Книги Степенной Царского родословия», уже давно рассматривающейся историками как, в частности, памятник отечественной исторической литературы, который имел характер популярного. Фактически это было систематизированное переложение русской истории со времён Рюрика до Ивана Грозного. Оно расположено по неким родословным степеням, которые повторяют историю поколений великокняжеского рода.

Возможным автором данного текста являлся, по мнению авторитетного исследователя начала XX века П. Г. Васенко, московский митрополит Афанасий, который мог создать его в 1568—1575 годах. Полное название источника звучит так: «Книга Степенная Царскаго родословия, содержащая Историю Российскую с начала оныя до времён государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича, сочинённая трудами преосвященных митрополитов Киприана и Макария». Здесь митрополиты названы как главные инициаторы и организаторы работы над книгой.

Выход «Степенной книги» связан с «золотым веком» российской и европейской генеалогии. В числе первых памятников родословия в России стал, например, «Государев родословец» (1555—1556), а затем уже и «Книга Степенная царского родословия» (1560—1563), в которую вошло «Краткое сказание о блаженной великой княгине Евдокии» (в оригинале — «В мале сказание»). И лишь позднее была составлена «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих» (1687), ставшая известной под названием «Бархатная книга».

Тексты «Степенной книги» имеют источники, главным из которых является рукопись, которая хранится в Государственном историческом музее (ТИМ, Чуд. собр., 358/56).

На сегодняшний день «Краткое сказание о блаженной великой княгине Евдокии» из «Степенной книги», вместе с документами первоначального московского летописания и заветанием (духовной грамотой) её мужа — великого князя Дмитрия Донского, является одним из главных и важнейших источников о жизни духовной подвижницы. Оно возведено в 12-ю степень родословия и занимает 14-20 главы. По всей видимости, оно составлено на разных источниках, включая устные предания о Евдокии-Евфросинии, которые сохранялись, в частности, в основанной ею Вознесенской обители в Московском Кремле.

Здесь публикуются как текст «Краткого сказания» («В мале сказания»), так и последующие после него тексты — главы (в издании XVIII века главы 14-20), рассказывающие о великой княгине Евдокии-Евфросинии, помещённые в «Степенную книгу» и имеющие большую важность для читателей и исследователей.

Сказание приводится в современном виде — для удобства чтения.

Текст печатается по изданию: Книга Степенная Царского родословия. Часть I. М., 1775. С. 510-514.

Глава 14

В мале сказание о Блаженной Великой княгини Евдокии, в иночестве Евфросинии, супружницы достохвалнаго великаго князя Димитрия Ивановича Донскаго

Кто доволен изглаголати силы Господня, или поведати вся чудеса его? Колика же и какова и милость его в роды и роды на боящихся его и на творящих святую его волю, и якоже в повестницех явлена бяху, ниже от начала в Рустей земли благочестия основания и православныя веры утверждение богоизбранный Самодержавец равноапостольный Великий Князь Владимир, ему же предшественница бяше таковыя благодати баба его святая и блаженная, и пресловущая в премудрости Великая Княгиня Ольга, и сих благочестия, исправления и богоугодному житию безчисленное множество люди великия державы их мужеска полу и женска ретяхуся последователие быти; наипаче же сами державнии, в них же мнози праведни бяху, и Богом прославлении, и памяти их яко светило в мире сияют. От них же бе и сия похваления достойная святая и

Христолюбивая Великая Княгиня Евдокия, иже бысть благососчетанная супружница блаженного и достохвального Великого Князя Димитрия Ивановича, рекомаго Донскаго, дщи же бяше Великого Князя Димитрия Константиновича Суждальскаго, и во всём усердно подобствова богоугодному исправлению державнаго и благонравнаго си святаго супруга, с ним же единномудренно в заповедех Господних благозаконно живущи, породил ему сынове и дщери, и воспита их благочестно; пребыть же в супружестве 22 лета.

Глава 15

О постановлении святых церквей, и начало Вознесенскаго монастыря.

По отшествии же к Богу святаго и благороднаго супруга ея, вдовствуя бяше 18 лет, много подвижался добродетельными к Богу исправленными, и много святых церквей поставил, и монастыри возградил; на своём же царском дворе поставил церковь каменную Рождество Святых Богородица, идеже есть придел Лазарево Воскресение, иже прежде бе деревяна, юже всяческими добротами украсил, и чудно подписал славны живописцы Феофан Грекчанин, да Симеон Чёрный; в Переяславле же поставил церковь близ града у реки у Трубежа, Рождество Святаго Иоанна Предтечи, и монастыри устроил. В царствующем же граде Москве поставил церковь каменную Вознесение Христово, и монастырь честен возградил, иже есть Девический общежительный монастырь. Прочая же святых церквей от блага ея произволения инде поставлены быша в славу Божию. И тако по Бозе трудобно пребывающе, воздержанием же плоть свою изнуряя, целомудрие же сохраняя, и чистоту душевную вкупе же и телесную со всяцем смиренномудрием просвещая, прочие же милостивым нищелюбием богоугодно житие исправляя, кроме всякого тщеславия.

Глава 16

Принесение на Москву иконы Владимирския.

В четвёртое же лето вдовства ея безбожный Царь Темир Аксак, попленив многия земли победы и многия Орды, и многия царства победы, и покори под ся. Тако же хотя пленити и Рускую землю, и уже близь прииде. Святая же и блаженная Великая Княгиня Евдокия сугубья молитвы к Богу простираше о избавлении предлежащая скорби. И тогда молитвами ея, паче же благоволением Божиим и Пречистья Богородица, советом же и повелением сына ея самодержавнаго Василия и первосвятителя Киприяна, из града Владимира принесён бысть многочудесный образ, егоже богогласный Лука написа. Пречистья Богоматери, ея же страшным явлением злочестивый Темир Аксак устрашися, и побеже, и исчезе. И тако заступлением Пречистья Богородица, Руская земля всегда хранима бысть. Довольно же о сих сказание имать в книзе сей в третьей надесять степени.

Глава 17

О увещании чудесном благородном сыновом.

Христоролюбивая же Великая Княгиня Евдокия не престая труды к трудом прилагая, и подвиги к подвигам и милостыню нищим творя с любовью, и прочая добродетели исправляя, ими же возможно есть Богу угодити; старый же враг диявол, Еввин запинатель, видя себя от нея всячески побеждаема, и не могий ни коея же споны сотворити добродетельным ея исправлением, и подвиже неких легкоумных человек на Христову непорочную невесту, неправедная тайно помышляти, и сие глаголати: како сия державная в сомовольствии и в негодовании вдовствуя возможет целомудренно пребыти? Таковое же безсловесное таинственное безумных человек лжесловие вниде во ушеса и самем благородным чадом ея от нея вся сия не утаишася, и никакож не смутися, но паче благодарствуя Бога; недееше бо ся яко да вместо временнаго поношения неправеднаго, вечное блаженство улучить. Блажен ибо есте, рече Господь, егда поносят вам и изженут вы, и рекут всяк зол, глагол на вы лжуще, имени твоего ради, радуйся и веселитесь яко мзда ваша многа есть на небесех. И того ради блаженства хотяше блаженная с молчанием доконца претерпевати, иже о ней неправедное тайноглаголание; но обаче сына своего Георгия виде смутившася о сих, и сего ради призвав к себе вся сына своя, и начать им глаголати, огненные слёзы от очию испущая: «О чада милая и любезныя!

Никакоже не смущайтесь, аз с радостию желях до конца претерпевати Христа ради всяко уничижение и лже словесие человеческое; но обаче вижу единого от вас смутившася: и того ради не срамляясь хочу известити вам, его же не хотех никому же николи же известити. Вы же чада моя, уведёте, и разумно да будет вам, яже о мне и настоящее лжесловесие да упразднится...» И отверзе малоодежи своя свыше, иже от персей, и показа им малу часть телеси утробы своя, и видеша от зельнаго воздержания и от великаго трудолюбия, яко от огня ожжён бытии плоти ея, и почернети и к костем прилепне. И удивишася, яко тако таинственно иссуши благородную плоть свою, людем же яко светлым лицеем являлся, и многими одеждми облагался, яко дебелим телом являлся. И запрети сыновом своим, да никому же не поведать, яже показа им, и поношающим ей смущающимся о ней, ничто же зла не сотворять, яко всем есть Бог судитель, крепок, долготерпелив, и многомилостив, той утвердит нас в любви своей, избавит ны от всякаго искушения и крамолы лукаваго, и от всякаго навета вражия, и много утешив их, отпусти с миром.

Глава 18

О явлении Ангела Господня.

И оттоле наипаче сугубо подвизашеся прилежными к Богу мольбами, о себе же и о чадех своих и о всей державе их, Господь же о всяческих исполняше прошения ея. Некогда же многия ради ея добродетели, посла к ней Господь Ангела своего за неколико время возвещающа ея из мира сего изшествие. Она же яко узре Ангела Божия, и от пресветлаго зрака его не може ни единого слова проглаголати, многи дни бяше молча, и никому же беседоваше, но токмо маянием повеле призвати к себе икон-ныя писцы, и рукою указаваше им, яко да напишут на доске образ Ангела Господня, имже образом виде его. Они же написавше, принесоша к ней. Блаженная же видевши поклонися образу Ангела Господня, и не проглагола ничто же, и паки рукою помавая, повеле иным образом написати икону Ангела Господня. Они же написавше другую икону Ангела Божия, и тому принесену бывшу к ней, она же видевши такоже поклонися, и не проглагола ничто же. И ещё показуя рукою, повеле третью икону написати иным подобием Ангельского образа. Егда же написан бысть третий образ

Святаго Божия Архистратига Михаила, о великое чудо! Токмо святаго образа того блаженная, и абие раз-решися юза языка ея, и начать глаголати чисто, благодарствуя и славя Бога, и себе уверяя, яко таковым подобием виде явльшагося ей Ангела; сего же образа наипаче любезно почиташе, ему же поклонялся и целуя, и постави его в церкви своей Рождества Пресвятыя Богородица, идеже и доньне стоит.

Глава 19

О прозрении слепаго, и о исцелении недужных, и о преставлении Великия Княгини Евдокии.

Прочее же Христоролюбивая Великая Княгиня Евдокия по воле Божии житие своё препроводи, и волею своею всего мирскаго пребывания и царства временнаго отлучашеся, и во иноческий образ облещися возжела, и поиде из царскаго дому своего в монастырь, его же сама создала во имя Христова Вознесения. Идущи же ей от великия соборныя церкви Пречистыя Богоматери, и се некто слепец на пути слыша, яко Великая Княгиня грядёт, в монастырь, и возопи гласом великим, глаголя: о госпоже боголюбивая Великая Княгиня наша! Нищих питательница, мы нищи всегда всяк довол пищи и одёжи имехом от тебе, и ныне мене слепотою многа лета стражущаго не презри, но сотвори со мною милость, якоже обещаеши дати ми прозрение. Ибо видех тя в нощи сей во сне глаголющу ми: завтра дам ти прозрение. И се ныне время ти есть исполнити обещание своё. Блаженная же идый яко не внимаше глаголаннм от него, и яко некоея ради потребы сверже с руки своя на землю рукав срачицы своя; слепый же ощути рукав ея в руку свою, и трепетом одержим бе, но обаче верю и любовию побежашеся, дерзну утерти рукавом ея слепотующая своя очёса, и абие прозре, и славяше Бога. Тогда же яко до тридесяти человек различными болезнями одержими исцеление получиша от блаженныя Великия Княгини Евдокии, во время шествия ея на пострижение в монастырь. Вшед в монастырь, иго Христово на ся восприим, и во иноческий образ облечеша, и претворено бысть имя ей Ефросиния, и трудолюбезно иночествова мног подвиг о Христе, и добродетельно течение соверши, и Богу угоди, к нему же и преставися с миром в лето 6915, месяца июня в 7 день, и положена бысть в своём ей

монастыри, в церкви Вознесения Господня, и восприят наслаждения вечных благ и небесное царствие.

Глава 20

О свещах, иже сами возгорахуся у гроба святыя.

Не токмо бо в житии сем живуци ей тако прославлена бысть от Бога, наипаче же и по преставлении ея. Многажды у гроба ея свеща сама о себе возгарашеся; молитвами же ея в том монастыри ея и оттоле вся благая множахуся и всемя потребными изобительствуя, в нём же есть ныне честное общее жительство благодатию Христовою: ему же слава со Отцем и со Святым духом ныне и присно и во веки веком, аминь.

КАРИОН ИСТОМИН СТИХОТВОРНОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ СВЯТОЙ ЕВДОКИИ, В ИНОЧЕСТВЕ ЕВФРОСИНИИ

Этот уникальный документ был обнародован не так давно, хотя о его существовании знали исследователи творчества поэта XVII—XVIII веков Кариона (Истомина) ещё в XIX столетии.

Данное сочинение датируется 1689 годом. Известный в своё время поэт посвятил его жене великого князя Дмитрия Донского — великой княгине Евдокии, в иночестве Евфросинии, а также основанной ею Вознесенской обители в Московском Кремле и её сёстрам. Рукопись произведения хранится в Отделе рукописей Государственного исторического музея (ГИМ), в бумагах московского Чудова монастыря.

Текст приводится в переводе на современный язык, по публикации на языке оригинала: Авдеев А. Г. Стихотворный элогий Кариона Истомина, посвящённый великой княгине святой Евдокии, в иночестве Евфросинии // Вестник церковной истории. М., 2008. № 4(12). С. 131-134.

Стихи краткаго изъявления, 1689 г. ноября

Княгиня свята Евдокия славна,
Евфросиния монахиня правна,
Супруга князя Дмитрия росска
Иоанновича великаго Донска,
Дщерь Дмитрия, князя Суздальского
Константиновича, всем добротливаго,
В царстве угодно Господу живяше,
воздержание присно содержаше,
Молитвы и пост то ея бысть пища,
всякаго странна призира и нища.

Усердие той моностири здати,
церкви святы в честь Бога украшати,
Отгна от себе вся грехов злы пары,
Бог же даде ей целебны дары.
Оставлши славу, князи милы дети,
шед в монастырьсту к Богу умно зрети,
Благохотно в чин монахинь стрижеся,
в нём же скончася, в небо вознесся.
В честь вознесшася Христа сей создася
монастырь девичь, вознесенск назвася,
В сём погребено ея свято тело,
душу же райско место возимело.
О живущих zde в небе Бога просит,
помощь от него в ползу людем носит.
Ефросиние мати, ты блаженна,
в славе небесной вечно удобренна,
Христу Господу о всех нас молися,
в потребах всяких помощна явися.

МОЛИТВА ПРЕПОДОБНОЙ ЕВФРОСИНИИ, ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ МОСКОВСКОЙ ИЗ ВОЗНЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ, XIX в.

Данная молитва была создана сёстрами обители Вознесения Господня в Кремле, возможно, ещё в XVII—XVIII веках, передавалась от поколения к поколению. После канонизации святой (предположительно, между 1857 и 1869 годами) стали утверждаться для печати уже давно принятые в обиходе Служба и Акафист с Молитвой святой Евфросинии. До этого существовали такие же тексты, но рукописные, включая и Панихиду по святой. В 1881 году Московский духовно-цензурный комитет в лице протоиерея Иоанна Петропавловского подтвердил разрешение этих текстов к напечатанию. Одним из примеров такого издания является «Служба святой благоверной княгине Евфросинии Московской», выпущенная в свет в Москве, в 1987 году.

Здесь молитва приводится по изданию Московской синодальной типографии XIX века. В наше время она была перепечатана с сокращениями (по отсутствию упоминаемого в тексте Вознесенского монастыря), в частности, в брошюре: Акафист преподобной Евфросинии Великой княгине Московской. М.: Издательский центр храма преподобной Евфросинии, великой княгини Московской, 2014. Фразы и слова, которые по понятным причинам не вошли в современный текст молитвы, но были в XIX веке — приведены здесь полностью и заключены в квадратные скобки.

Молитва преподобной Евфросинии, великой княгине Московской

О, преподобная княгине Евфросинии, добляя в жёнах подвижнице, прехвальная угоднице Христова! Прими моление о нас, недостойных, с верою и любовью к тебе [раце мощей твоих] припадающих, и твоим тёплым к Богу ходатайством испроси граду [твоему] Москве и людям от бед и напастей сохранение, [обители, тобою созданней, утверждение и

благоспеяние, подвижающимся в обители твоей] споспешествуй, яко чадолюбивая мать, чадом тобою собранным понести иго Христово во благодушии и терпении и добре подвизатися ко исправлению жития своего, еже ко спасению, в мире благочестно живущым испроси у Господа в вере твёрдость, во благочестии преспеяние, и всем, с верою прибегающим к тебе, и твоя просящим помощи и заступления, подавай всегда недугов исцеление, в скорбех утешение и во всём житии благо-поспешение, наипаче же умоли Господа в мире и покаянии земное житие преити нам, мытарств горьких и мук вечных избавитися, и Царство Небесное твоим ходатайством получитьи, идеже ты со всеми святыми Господу предстоиши. Да всегда славим Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и в бесконечный веки веков. Аминь.

СТИХИ СЕСТЁР ВОЗНЕСЕНСКОЙ ОБИТЕЛИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ О ЕВФРОСИНИИ, НАЧАЛО XX ВЕКА

1.

Ты святым своим покровом нашу доблесть сохрани,
У своей священной раки всех скорбящих умири...
Помяни в скорбях всех сущих, в тесноте или в беде,
Помяни и всех смиренных, всех молящихся Тебе.
Помяни Ты, Преплаженная, и весь русский наш народ,
Всех, кто с сердцем умилённым под покров Твой притечёт...

2.

В дни, когда княжил Димитрий, славный доблестный герой,
В дни, когда он, Русь спасая, правил мудро так Москвой —
Ты, княгиня всечестная, с ним невзгоды все несла,
По любви и милосердью для всех ангелом была.

Ангел кротости, смиренья, ангел дивной доброты,
Ты для подвига спасенья удалялась суеты...
Перстом Божиим указан был тебе святой удел,
И с Тобой в обитель нашу Ангел мира прилетел...

Вот венец ты оставляешь и весь царственный убор,
Постриженьё принимаешь, делишь подвиги сестёр,
Ты и храму Вознесенью основание даёшь,
И всю жизнь Твою земную с святым подвигом идёшь...

Прах Твой свято почивает, но душа Твоя живёт...

И мы сердцем ощущаем здесь твой ангельский полет!
В день священный юбилея торжествуем мы душой,
Всей обителью мы славим благодатный Твой покой!

АННА АХМАТОВА О ЕВФРОСИНИИ МОСКОВСКОЙ

Плотно сомкнуты губы сухие, —
Жарко пламя трёх тысяч свечей.
Так лежала княжна Евдокия
На душистой сапфирной парче.
И согнувшись, бесслёзно молилась
Ей о слепеньком мальчике мать,
И кликуша без голоса билась,
Воздух силясь губами поймать.
А пришедший из южного края
Черноглазый, горбатый старик,
Словно к двери небесного Рая,
К потемневшей ступеньке приник.

ДНИ ПАМЯТИ ПРЕПОДОБНОЙ БЛАГОВЕРНОЙ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕВФРОСИНИИ МОСКОВСКОЙ (В МИРУ — ЕВДОКИЯ)

Даты даны по новому стилю, в скобках — по старому стилю.

30.05 (17.05) — день пострига великой княгини Московской Евдокии в монахини под именем Евфросиния.

1.06 (19.05) — празднование общей памяти святых благоверных князя Димитрия Донского и княгини Евдокии Дмитриевны (постановление Священного синода РПЦ от 13 июля 2015 года), день кончины князя Димитрия Ивановича.

19.07 (6.07) — память в составе Собора Радонежских святых.

20.07 (7.07) — преставление (кончина) великой княгини Евдокии (в монашестве Евфросиния).

До 8.09 (26.08) — память в составе Собора Московских святых, переходящий праздник, отмечается в воскресенье перед этой датой.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕВДОКИИ (ПРЕПОДОБНОЙ ЕВФРОСИНИИ МОСКОВСКОЙ)

1353 (по одной из версий — 26 ноября) — рождение княжны Евдокии («Овдотьи»), предположительно в Суздале, в семье князя Дмитрия Константиновича и княгини Анны (по другой версии — Василисы, или Вассы, бывшей княжны Ростовской и Борисоглебской). Есть и другие версии года рождения (между 1352 и 1357).

1356 — отец Евдокии, Дмитрий Константинович, стал князем Суздальским.

1359 — скончался отец будущего мужа Евдокии, князя Дмитрия Ивановича, — великий князь Московский (Владимирский) Иван II Иванович Красный.

1360—1362 — отец Евдокии, Дмитрий Константинович, по ярлыку хана Орды и малолетству сына Ивана Красного, Дмитрия, был великим князем Владимирским.

1362 — ярлык на владимирский престол получил юный князь Дмитрий Иванович, власть вновь перешла к Москве. Эпидемия чумы, длившаяся четыре года, опустошила крупнейшие русские города: Тверь, Владимир, Суздаль, Дмитров, Новгород, Переяславль, Коломну, Вологду, а также Москву и её окрестности.

1364 — скончалась великая княгиня Александра (в монашестве — Мария), мать будущего супруга Евдокии, князя Дмитрия Ивановича; похоронена в приделе Спасского монастыря.

1365 — Дмитрий Константинович, отец Евдокии, принял великое княжение Суздальское и Нижегородское, окончательно отказавшись от притязаний на владимирский великокняжеский престол.

Митрополит Алексей закладывает в Московском Кремле каменный храм во имя Чуда Архангела Михаила в Хонех и основывает при нём Чудов монастырь.

1366, 18 января — великий князь Московский (Владимирский) Дмитрий Иванович женится на Евдокии, дочери князя Суздальского и Нижегородского Дмитрия Константиновича. Свадьба состоялась в Коломне (есть также одно летописное известие о том, что свадьба прошла не в Коломне, а в Москве, и не в январе, а в сентябре 1366).

1367 — завершающий этап строительства нового белокаменного Кремля в Москве мужем Евдокии, князем Дмитрием Ивановичем.

1369 (1370) — княгиня Евдокия Дмитриевна дарит мужу первенца — сына Даниила, который затем скончался в малолетстве.

1371 — князь Дмитрий Иванович отправляется в опасную поездку в Орду к Мамаю, где вновь получает ярлык на великое княжение Владимирское. Судя по датам, он успел позаботиться о том, чтобы у него родился будущий наследник; возможно, что он допускал, что не сможет вернуться из Орды обратно в Москву.

30 декабря — Евдокия родила ещё одного сына — Василия, будущего преемника Дмитрия Донского во власти на великом княжении Московском (Владимирском). Крестил его преподобный Сергей Радонежский.

1374, 26 ноября — в семье великого князя Дмитрия Ивановича родился третий сын — Юрий (Георгий, Гюрги), с которым будут связаны затем долгие тяжбы за наследие престола. Событие произошло в городе Переяславле (ныне — Переславль), в период всеобщего съезда русских князей. Крестным отцом младенца стал преподобный Сергей Радонежский.

Около 1375 — князь Дмитрий Донской в первом варианте своей духовной грамоты (завещания) оставляет свои владения наследнику — старшему сыну.

1378 — победа русского войска над ордынцами в битве на реке Воже — первая за долгое время и важнейшая для истории Руси.

Скончался митрополит Алексей, который благословил брак Евдокии Дмитриевны и Дмитрия Ивановича. Летописи отметили присутствие великокняжеской семьи с детьми на его похоронах в Московском Кремле.

Видимо, в этот год родился у Евдокии ещё один сын — Иван.

1379 — скончался (видимо, по болезни, будучи как «детя») сын Евдокии — Симеон (Семён).

1380 — победа русского войска в Куликовской битве. Летописи рассказывают о проводках и встрече русских дружин-победителей в Москве с участием великой княгини Евдокии Дмитриевны. Позднее к этому времени отнесли знаменитый «Плач» Евдокии о своём муже — князе Дмитрие Донском.

1382 — нашествие на Москву хана Тохтамыша. Евдокия с детьми

(задержавшись в Москве из-за родов очередного сына — Андрея, которого крестил преподобный Фёдор Симоновский) едва спасается от войска Тохтамыша, успев бежать из столицы в Переяславль. А затем сумела спастись сама и спасти детей от преследовавших их ордынцев, отплыв на лодках и укрывшись в тумане на водах Плещеева озера у Переяславля.

В знак благодарности за своё чудесное спасение от Тохтамыша Евдокия позднее основывает монастырь и закладывает церкви в Переяславле.

1383 — старший сын Евдокии и Дмитрия Донского Василий отправлен в Орду в качестве заложника, где пробудет несколько лет под угрозой смерти, за обязательство выплаты Москвой дани в размере восьми тысяч рублей серебром (непомерная сумма для того времени).

5 июля — в Нижнем Новгороде скончался, приняв монашество и схиму, отец Евдокии, великий князь Суздальский и Нижегородский Дмитрий Константинович; похоронен был в нижегородском Спасском храме.

1384 — в этот год не состоялась важная свадьба литовского князя Ягайло и одной из дочерей Евдокии и Дмитрия Донского — Софии (позднее она выйдет замуж за сына великого князя Рязанского).

1385 — Евдокия Дмитриевна родила ещё одного сына — Петра. Крестил младенца преподобный Сергей Радонежский.

1386 — старший сын княгини Евдокии Василий, сумев бежать из Орды, вернулся через Литву в Москву.

Предположительное (по упоминанию в Никоновской летописи) основание Вознесенского монастыря в Москве.

1387 — состоялась свадьба дочери Евдокии Софии с князем Фёдором Ольговичем Рязанским.

Великая княгиня Евдокия Дмитриевна родила очередную дочь — Анну.

1388 — с самой Евдокией случился опасный недуг, а затем и с её сыном Юрием случилась опасная болезнь, но «Бог миловал его».

1389, 19 мая — кончина мужа Евдокии Дмитриевны, великого князя Московского (Владимирского) Дмитрия Донского. За несколько дней до этого (по-видимому, 14 мая) княгиня родила последнего их сына — Константина (есть версии, что он родился после кончины отца). Крестили младенца брат Василий и вдова московского тысяцкого Вельяминова — Мария. Княгиня Евдокия становится полноправным владельцем многих земель в Московской (Владимирской) Руси по завещанию мужа. Она также должна, по указанию Дмитрия Донского, блюсти правильное и

справедливое наследование престола между своими сыновьями, а те должны уважать и чтить её.

Великим князем становится старший на тот момент сын Евдокии (по праву наследования) — Василий Дмитриевич. Вариант года основания Вознесенского монастыря в Кремле.

1390 — великий князь Василий Дмитриевич (старший сын Евдокии) женится на дочери великого князя литовского Витовта — Софье.

1392 — кончина преподобного Сергия Радонежского, крестного отца нескольких детей княгини Евдокии.

Будущий духовный наставник княгини преподобный Савва (будущий — Сторожевский) становится после Сергия игуменом Троицкого монастыря.

За несколько месяцев до преставления Сергия, у Вологды, в основанном им Спасском монастыре, скончался ещё один духовный наставник княгини Евдокии и, как считается, восприемник некоторых её детей — преподобный Дмитрий Прилуцкий.

1393—1394 — княгиня Евдокия, вдова Дмитрия Донского, строит в Московском Кремле каменный храм Рождества Богородицы («что вверху, на царицыных сенях») в память о муже и о победе на Куликовом поле.

Сын Евдокии князь Юрий начинает аналогичное строительство (в честь отца и Куликовской победы) деревянного храма Рождества Богородицы в своих владениях — на горе Сторожи у Звенигорода.

Сыновья Евдокии Василий и Юрий Дмитриевичи подписывают «братский договор» о том, чтобы «быти заодно... до живота».

Скончался сын Евдокии — Иван, в монашестве Иоасаф. Ещё одна версия года основания Вознесенской обители в Кремле.

1394—1395 — Феофан Грек и Симеон Чёрный расписывают церковь Рождества Богородицы в Московском Кремле, построенную княгиней Евдокией.

1395 — поход Тамерлана (Тимура) на Волжскую Булгарию, а затем — в сторону Руси. Неожиданное прекращение нашествия связывали с принесением из Владимира в Москву по указанию и просьбе княгини Евдокии иконы Богородицы Владимирской, после чего был основан Сретенский монастырь на Кучковом поле (ныне Большая Лубянка).

Сын Евдокии Юрий Дмитриевич совершает быстрый поход в Волжскую Булгарию, в Закамье, вслед бежавшему брату княгини — князю Семёну Дмитриевичу. Взятие и разорение русскими дружинами столицы — города Булгар, крепостей Кременчуг, Джу-Кетау и великой Казани, победное и «богатое» возвращение войска.

Москва перестаёт платить дань Орде (до кончины княгини Евдокии — преподобной Евфросинии в 1407 году и нашествия Едигея в 1408-м).

Дочь Евдокии Мария выходит замуж за князя Семена Ольгердовича (возможно, это произошло в 1394 году).

1397 — основание княгиней Евдокией женского Вознесенского монастыря в Москве на территории Кремля, ставшего затем усыпальницей женской половины московских правителей — их сестёр, дочерей, жён, княгинь, великих княгинь и цариц (есть версии, что основание обители было совершено ранее этой даты, например, Евдокией же в 1386 году и, возможно, до неё — в середине XIV столетия).

Дочь Евдокии Анастасия вышла замуж за князя Ивана Всеволодовича Холмского.

1398 — отправление из Москвы в Константинополь обоза с золотом и серебром на помощь в борьбе Византии с турками.

1400 — по благословению Евдокии её сын князь Юрий Звенигородский и Галичский женится на дочери великого князя Смоленского Юрия Святославича — княжне Анастасии.

1401 — скончался брат Евдокии, князь Нижегородский Семён Дмитриевич, самый ярый на тот момент противник Московского великокняжеского дома.

1403 — в семье сына Евдокии князя Юрия Дмитриевича рождается внук Василий (Василий Косой, будущий активный претендент на московский престол по завещанию своего деда — Дмитрия Донского).

1405 — Феофан Грек, Андрей Рублёв (после Звенигорода) и Прохор с Городца расписывают каменный Благовещенский собор Московского Кремля.

1406 — кончина митрополита Киприана. До прибытия в 1410 году (другая версия — в 1409 году) из Константинополя нового митрополита — грека Фотия — в Москве наступает временное церковное безначалие.

Ордынский правитель Едигей со своим сыном убивают злейшего врага Руси — хана Тохтамыша и уничтожают его войско. (Через два года, то есть сразу после кончины княгини Евдокии, Едигей сожжёт и разорит Русь).

Сын Евдокии великий князь Василий I составляет первую свою духовную грамоту — завещание, где предполагает передать власть своему сыну, а не брату Юрию (как это было завещано их отцом и мужем Евдокии — Дмитрием Донским). Эта первая открытая попытка изменения в порядке престолонаследия в Московской (Владимирской) Руси показала, что местоблюстительница престола великая княгиня Евдокия к этому времени уже не могла по старости сдерживать возникающие споры о власти среди

своих сыновей.

1407 — закладка по велению княгини Евдокии Дмитриевны каменного собора Вознесения Господня в основанном ею женском Вознесенском монастыре в Москве на территории Кремля (есть летописи, которые — возможно, по ошибке — датируют событие 20 мая).

17 мая (*предположительно*), во вторник Троицкой седмицы, — постриг княгини Евдокии Дмитриевны в монахини под именем Евфросинии.

7 июля — кончина вдовы великого князя Дмитрия Донского, преподобной благоверной великой княгини Евфросинии Московской (в миру Евдокии), а затем её похороны в заложенном ею соборе, в ею же основанной Вознесенской обители. (По некоторым летописям, датой кончины может считаться 7 июня 1407 года. Однако в других летописях указано 7 июля, что в настоящее время признается Русской православной церковью).

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авдеев А. Г.* Стихотворный элогий Кариона Истомина, посвящённый великой княгине святой Евдокии, в иночестве Евфросинии // Вестник церковной истории. 2008. № 4(12).

2. Акафист святой благоверной великой княгине Евдокии, во инокинях Евфросинии. М., 1893.

3. *Акелина Л. С.* Святая покровительница Руси. Три подвига земной жизни Евдокии Московской: материнства, гражданского служения своему народу и духовный монашеский подвиг // Святые и великие жёны Руси как пример для семейного подражания. Материалы научно-практической конференции. М.: Международная общественная организация «Союз православных женщин», 2015.

4. *Алдошина Н. Е.* Благословенный труд. М., 2001.

5. *Антонова В. И.* О Феофане Греке в Коломне, Переславле-Залесском и Серпухове // Материалы и исследования Государственной Третьяковской галереи. Т. II. М., 1958. С. 14-15.

6. *Арсений, епископ Серпуховский.* Московский Священный Кремль и его святыни. Святая Благоверная княгиня Московская Евфросиния и основанный ею Вознесенский женский монастырь // Душеполезное чтение. Март — апрель, 1917.

7. *Астэр И. В.* Социокультурный феномен православного монашества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 38 (82). Декабрь. СПб., 2008.

8. *Атамуратова Т. В.* Вознесенский монастырь Московского Кремля во второй половине XIX — начале XX века // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 23. М., 2005.

9. *Афанасьев В. Н.* Евфросиния Московская. Крестный подвиг матери Русской земли. Сборник. М., 2009.

10. *Балашова Т. В.* Московские монастыри в социо-культурной среде столичного города второй половины XIX — начала XX века. М., 2007.

11. *Барсуков Н. П.* Источники русской агиографии. СПб., 1862.

12. *Баталов А. Л.* Собор Вознесенского монастыря в Московском Кремле // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1983. Л., 1985.

13. *Баталов А. Л., Беляев Л. А.* Сакральное пространство

средневековой Москвы. М., 2010.

14. *Беляев И. В.* Благоверная Евдокия, великая княгиня Московская, во инокинях Евфросиния. М., 1866.

15. *Беляев Л. А.* Древние монастыри Москвы поданным археологии. М., 1995.

16. *Введенский Д. И.* Знаменательные дни под сению кремлёвских святынь. Сергиев Посад, 1907.

17. *Викторов А. Е.* Великая княгиня Евдокия, во иночестве преподобная Евфросиния, основательница Вознесенского девичьего монастыря в Московском Кремле. М.: Унив. тип., 1857.

18. В мале сказание о блаженной великой княгине Евдокии во инокинях Евфросинии, супружницы достохвальнаго великаго князя Димитрия Ивановича Донскаго // Книга Степенная Царскаго родословия. Часть I. М.: Изд. Миллера, 1775.

19. Вознесенский Девичий монастырь в Москве // Всемирная иллюстрация. № 25. 1869.

20. Вознесенский девичий монастырь в Москве // Воскресный досуг. № 78. 1864.

21. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 2. М., 1962.

22. *Воронов А. А.* Монастыри Московского Кремля. М., 2009.

23. Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Николаевского монастыря, что на Угреше. М., 1877.

24. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и Святым местам Российской империи и Святой горе Афону. Н. Новгород, 1907. Репринт: Нью-Йорк: Possev-USA, 1988.

25. *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 2. М., 1900.

26. *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903.

27. *Гребенюк В. П.* Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М., 1997.

28. *Гришин Д. Б.* Великая княгиня Евдокия, преподобная Евфросиния // Московский журнал. № 10. М., 2000.

29. *Гурьянов В. П.* Сказание о блаженной великой княгине Евдокии, во инокинях Евфросинии. Выпись из лицевого Царственного Летописца. М., 1907.

30. *Гурьев В.* Урок целомудрия. Повесть о великой княгине Евдокии, в инокинях Евфросиньи // Пролог в поучениях. Афонский Русский Пантелеймонов монастырь, 1912. Первое издание: Киев: Издательство

Киево-Печерской Успенской лавры, 1888.

31. *Горский А. А.* Представление о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999.

32. *Дмитриев Д.* Святая княгиня Евфросиния (К 500-летнему юбилею). Сергиев Посад: Тип. Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1907.

33. *Дмитриев Д. С.* Вознесенская св. великой княгини Евфросинии обитель: Исторический очерк. Сергиев Посад, 1908.

34. Духовный путь Московской Руси: Материалы научной конференции, посвящённой 600-летию со дня блаженной кончины преподобной Евдокии-Евфросинии, великой княгини Московской. М., 2007.

35. Жития святых. 1000 лет русской святости / Сост. монахиня Таисия. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1—2. Джорданвилль, 1983—1984.

36. *Забелин И.* История города Москвы. Ч. 1. М., 1902.

37. *Забелин И.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 1-2. М., 1884—1891.

38. *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Вып. 2. СПб., 1892.

39. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 4-5. М.: Московский рабочий, 1993.

40. *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988.

41. *Квливидзе Н. В., Я. Э. З.* Иконография Евдокии Дмитриевны // Православная Энциклопедия. Т. 17. М., 2008.

42. *Квливидзе Н. В.* Иконография прп. Евфросинии // Московский патерик: Древнейшие святые Московской земли. М., 2003.

43. *Киприн В.* Вознесенский монастырь. История развития // Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. Вып. 6. М., 2010.

44. Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913.

45. *Ковалёв К. П.* Любовь к отеческим гробам? Тайна московского Архангельского собора // Русская мысль. № 3909. Париж, 20 декабря 1991.

46. *Ковалёв-Случевский К. П.* Савва Сторожевский. М., 2007.

47. *Ковалёв-Случевский К. П.* Юрий Звенигородский. М., 2008.

48. *Кондратьев И. К.* Седая старина Москвы. М., 1893.

49. *Кондратьев И. К.* Московский Кремль, святыни и достопримечательности. М., 1910.

50. *Костикова Р. С.* Вознесенский монастырь — значение в истории

России // Материалы Учёного совета Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль» от 22.04.2002. Доступ: <http://www.kreml.ru/research/scientific-council002v2/zasedanie-uchenogo-soveta-20020422>

51. Краткое историческое описание первоклассного Вознесенского девичьего монастыря в Москве. С планами и рисунками. Издание настоятельницы Вознесенского монастыря игумении Евгении в пользу обители. М.: Типография Г. А. Гатцук. 1894.

52. Куликовская битва в истории России. Сборник. Вып. 2. Тула, 2012.

53. Кучкин В. А. Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. № 5-6.

54. Кучкин В. А. Московские Рюриковичи (генеалогия и демография) // Исторический вестник. Т 4 (151). М., 2013.

55. Кучкин В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. 3. М., 2001.

56. Кучкин В. А. Три завещания Василия I // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (64). М., 2016.

57. Ладыгин А. прот. Преподобная Евдокия, в инокинях Евфросиния, великая княгиня Московская. К 600-летию блаженной кончины // Журнал Московской Патриархии. 2007. № 5.

58. Леонид (Кавелин). Святая Русь, или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII в.). СПб., 1891.

59. Лицевой летописный свод XVI века. Книги 11—14. М.: Актеон, 2008—2012.

60. Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — 1-й трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001.

61. Макаров М. Н. Великая княгиня Евдокия Дмитриевна, супруга великого князя Дмитрия Ивановича Донского // Дамский журнал. 1826. Ч. 13. № 5. С. 177-182; Ч. 14. № 12. С. 241-242.

62. Малкова Н. А. Святые жёны Руси досинодального периода: общая характеристика // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 11. Вып. 1. СПб., 2010.

63. Маркелов Г В. Святые Древней Руси. Материалы по иконографии. СПб., 1998.

64. Меняйло В. А. Судьба иконостаса Вознесенского собора Московского Кремля // ГММК: Материалы и исследования: Искусство средневековой Руси. М., 1999. Вып.12.

65. Меняйло В. А. Иконы из Вознесенского монастыря Московского Кремля. М.: Красная площадь, 2005.

66. *Меняйло В. А.* Тематико-экспозиционный план постоянной экспозиции в южной пристройке Архангельского собора: «Царицына обитель». Вехи истории девичьего монастыря в Московском Кремле // Материалы Учёного совета Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль» от 12.09.2011. Доступ: <http://www.kreml.ru/research/scientific-council/zasedanie-uchenogo-soveta-20110912>

67. *Мордовцов Д. А.* Собр. соч. Замечательные исторические женщины на Руси. СПб., 1886.

68. *Морозова Л. Е.* Затворницы: Миф о великих княгинях. М., 2002.

69. *Морозова Л. Е.* Княгиня Мария Ивановна Серпуховская. Международные Евфросиниевские чтения. Богородице-Рождественский ставропигиальный женский монастырь. 18 марта 2014 г.

70. Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники. Сборник. М., 2009.

71. Московский патерик: Древнейшие святыи Московской земли. М., 2003.

72. *Муравьёв А. Н.* Житие святой благоверной княгини московской Евдокии, во инокинях Евфросинии. М., 1871.

73. О генеральном местоположении всей царской фамилии в Московском Вознесенском девичьем монастыре, где погребены тела в Бозе почивающих Государынь, Цариц и Великих княгинь, Царевен и других высококачественного Царского рода женских лиц // Древняя российская вивлиофика. Ч. XI. 1789.

74. Освящение соборной церкви в Вознесенском женском монастыре // Московские епархиальные ведомости. 1871. № 451.

75. *Павлович М. К.* О сносе Вознесенского и Чудова монастырей в Кремле // Владимир Николаевич Иванов. Страницы биографии. К 100-летию со дня рождения. 1905—2005. М., 2005.

76. *Поломарчук П. Г.* Сорок сороков. Т. 1. М.: Астрель, 2007.

77. *Панова Т. Д.* Кремлёвские усыпальницы: История, судьба, тайна. М., 2003.

78. *Панова Т. Д.* Царство смерти. Погребальный обряд Средневековой Руси XI—XVI веков. М., 2004.

79. *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. СПб.: Кристалл, 1997.

80. Повесть о Темир-Аксаке // Памятники литературы Древней Руси. XIV — сер. XV века. М., 1981.

81. Покровительница. Преподобная Евфросиния, великая княгиня

Московская: Житие, акафист / Сост. Л. Бамблевский. М., 2005.

82. Полное собрание русских летописей. Т. 1—43. СПб., М., 1846—2004.

83. *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002.

84. *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе: (Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы). Л., 1978.

85. *Пушкарёва Н. Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989.

86. *Пшеничников А. И.* Краткое историческое описание первоклассного Вознесенского девичьего монастыря в Москве / Издание настоятельницы Вознесенского монастыря игуменьи Евгении. С планами и рис. М., 1894.

87. *Пшеничников А. И.* Соборный храм Вознесения Господня в Вознесенском девичьем монастыре в Москве. С приложением статьи о настоятельницах Вознесенского монастыря. М., 1886.

88. *Пшеничников А. И.* Церковь преп. Михаила Малеина с приделом во имя свщмч. Феодора иже в Пергии в Московском Вознесенском монастыре. М., 1889.

89. Пятисотлетие Московского Вознесенского монастыря // Исторический вестник. Т. 37. № 9. 1889.

90. Пятисотлетие Московского Вознесенского девичьего первоклассного монастыря. М., 1889.

91. РГАДА. Ф. 1185 (Вознесенский монастырь).

92. Русский биографический словарь, издаваемый Русским историческим обществом. СПб., 1896—1913. Т. 1—25.

93. Святая благоверная княгиня Евдокия, во инокинях прп. Евфросиния, основательница Вознесенского девичьего монастыря. М., 1886.

94. *Семенкова Т. Г., Карамова О. В.* Русские Великие княгини, царевны и царицы. М., 2005.

95. Сказание о Мамаевом побоище. Лицевая рукопись XVII века из собрания Государственного Исторического музея. М., 1980.

96. *Скворцов Н. А.* Вознесенский монастырь // Археология и топография Москвы. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1913.

97. Слово о житии Великого князя Дмитрия Ивановича // Сердца из крепкого булата: Сборник. М., 1990.

98. *Смолин И. К.* Русское монашество. Возникновение. Развитие. Сущность (988—1917). М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 1997.

99. *Соловьёв С. М.* Сочинения. История России с древнейших времён.

Кн. 2. Т. 3—4. М.: Мысль, 1988.

100. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. Степени XI—XVII. М.: Языки славянских культур, 2008.

101. *Страхов Б.* Вознесенский монастырь: Исторический очерк монастыря от основания до нашего времени, описание храмов, достопримечательностей монастырской ризницы, колокольни, наиболее памятные события в истории монастыря // Мирской вестник. № 10. 1870.

102. *Трофимов А.* Святые жёны Руси. М., 1993.

103. *Трофимов А.* Небесная покровительница Москвы преподобная Евфросиния, Великая Княгиня Московская. Житие. Акафист. М., 2007.

104. *Усачёв А. С.* «В мале сказание» о Евдокии-Евфросинии в Книге Степенной царского родословия // Духовный путь Московской Руси: Материалы научной конференции, посвящённой 600-летию со дня блаженной кончины преподобной Евдокии-Евфросинии, великой княгини московской. М., 2007.

105. *Флоря Б. Н.* Евдокия Дмитриевна // Православная Энциклопедия. Т. 17. М., 2008.

106. *Черепнин Л. В.* Русская хронология. М., 1944.

107. *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Т. 1. М., 1948.

108. *Шапошникова Н.* Евфросиния Московская / Серия «Великие святые». М., 2014.

109. *Шмелёв И. С.* Пути небесные. Т. 1. Париж, 1937; Т. 2. Париж, 1948.

110. *Шмелёв И. С.* Лето Господне. Париж, 1933—1948.

111. *Щенникова Л. А.* Икона «Богоматерь Одигитрия» из Вознесенского монастыря Московского Кремля и её почитание в XV—XVII веках // Ферапонтовский сборник. Вып. 5. М., 1999.

112. *Baumgarten N. de.* Genealogies et manages occidentaux des Rurikides Russes XIII au XVI siecles // *Orientalia Christiana* XXXV — 1, № 94, Jun 1934 (Reprint: Pont. Institutum Orientalium Studiorum, Rome).

113. *Crummey R. O.* The Formation of Muscovy 1304—1613. London, 1987.

114. *Evdokimov P.* L'Orthodoxie. Paris, 1959.

115. *Lenhoff G. D.* Unofficial Veneration of the Danilovichi in Muscovite Rus // Московская Русь (1359—1584): Культура и историческое самосознание. М., 1997.

116. *Lyall Robert.* Voznesenskoi Nunnery // The Character of the Russians, and a Detailed History of Moscow. London, 1823.

117. *Martin J.* Medieval Russia, 980—1584. Cambridge, 1995.

118. *Pushkareva N.* Women in Russian History: From the Tenth to the Twentieth Century / Translated and edited by Eve Levin. University of North Carolina, 2016.

119. Russian Orthodox Church institutes another women's prize, Order of St. Euphrosyne, the first saint of Moscow. Moscow: Interfax-Religion. August 21, 2007.